

CENTER FOR ADVANCED SOCIAL AND CULTURAL STUDIES
OF THE BELARUSIAN COLLEGIUM

М. И. Михайлов и Н. С. Михайлова

КЛЮЧ К ВЕДАМ

**Часть I
ИНТЕГРАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА**

Минск – Вильнюс – Санкт-Петербург

2004

Михайлов М. И. и Михайлова Н. С. Ключ к Ведам. В 3-х томах. Ч. I. Интегральная герменевтика, Минск – Вильнюс – Санкт-Петербург, 2004. – 328 с.

ISBN 5-94716-064-1 (том 1)

ISBN 9955-437-09-X

Книга посвящена новой **ведийской интегральной герменевтике** и реконструкции древнеиндийской высшей вычислительной науки, наидревнейшего в мире хронопрограммирования и лингво-математико-астрономических кодов *веда-санхит*, сборников стихотворных *мантр*, рассматриваемых в качестве научных формул. В *мантрах* (букв. «стражах мысли»), как правило, видят поэтические строфы, содержащие темные фрагменты мифологии. С помощью компьютера удалось согласованно прочитать и *мантры*, и надписи на индских печатях как синкретические коды цифр, в которых кодифицированы в 7-м тысячелетии до н. э. в эпоху формирования глобальной ведийской цивилизации математические данные астрономических наблюдений самой седой древности.

Учение о **ведийских астрономических, алгебраических и геометрических кодах** и метод интегральной ведийской интерпретации возник при применении к ведийскому синкретическому тексту алгебраического двоичного кода, обнаруженного в «*Чхандах-шастре*», «Науке кодирования и стихосложения», которая считается традицией одной из *веда-анг*, «жизненноважных органов ведийской науки». Код создан средствами **ведийского санскрита**, особого **языка программирования наидревнейшей цивилизации в мире**. Его разработка была связана с необходимостью шифрования больших массивов астрономических данных, дошедших до нас в форме *Вед* (высших интегральных «Сведений» или «Наук»), *тантр* («стяжек книг по астро-веро-право-нравоучению»), *итихас* («мифопоэтических баз точных цифровых данных») и *пуран* («мифоастроэнциклопедий»).

В книге предложено истолкование четырех *Вед* как единого целого по замыслу, содержанию и форме, выдвинута новая **лунарно-астрономическая датировка Риг-веды**, осуществлена **математико-астрономическая дешифровка протоиндийских писмен** и приведены новые доказательства ранее сформулированной авторами теории интерпретации *веда-санхит* в качестве **операционной системы и календарно-астрономической базы данных речитативно-мнемонического аналого-цифрового хронокомпьютера**, что и сделало *Веды* высшей вычислительной наукой, истинным научным ядром хронокосмоса и стержнем духовной жизни и единения величайшего научно организованного глобального государства древнего мира – **Ведийской державы** (7 – 1-е тысячелетия до н. э.) – родоначальницы индийских, славянских, азиатских, африканских, западноевропейских и американских цивилизаций. Работа адресуется как специалистам по древнеиндийской культуре и литературе, так и тем, кому любопытна культура древней Индии, история математики, астрономии, информатики, лингвистики, письменности, литературы, мифологии, религии и истоки цивилизации.

ISBN 9955-437-09-X

ВВЕДЕНИЕ

Тогда не было ни не-существующего, ни существующего, не было ни воздушного, ни космического пространства над ним. Что же было увернуто? Где, в какой глубокой бездне и под чьим покровом находился зодиак (или его четвертый знак)?¹

Риг-веда, X.129.1.

«Восстановление совершенной истины Вед абсолютно необходимо для будущего человечества».

Ауробиндо Гхош

*Веды*² («сведения, науки»), также именуемые *Шрути* («Слово», «Услышанное от богов», Предание) или *Шравах* («Слава», «Слово»), – это научные книги древней Индии, сохраняемые в памяти ученых брахманов, согласно моим астрономическим расчетам, сделанным в соответствии с общепринятой исторической хронологией, в неизменном виде как священное и самое сокровенное наследие около девяти тысячелетий тому назад³. Недавно они причислены ЮНЕСКО к шедеврам устного наследия человечества с тем, чтобы обратить внимание мировой общественности на их значение и поощрить правительства к их сохранению.

Язык, на котором они составлены, ученые брахманы считают даром, ниспосланным с небес, и все последующие санскритские авторы испытывают к нему почтение, смешанное с удивлением и благоговейным ужасом⁴.

¹ Переводы *мантр* здесь и в дальнейшем мои – М. И. М..

² Будем в дальнейшем *Ведами* с большой буквы именовать четыре «сборника ведийских гимнов» (*веда-санхиты*), *ведами* с маленькой буквы – ведийские научные дисциплины; санскритские слова будем выделять курсивом, а долгие гласные и ретрофлексные согласные в них – жирным шрифтом.

³ Mikhail Mikhailov, «Vedic Night *Prthivī* and the Date of the *Rgveda*». In: *Proceedings of the XIth World Sanskrit Conference*. Turin, Italy (in progress).

⁴ V. S. Sukthankar, *On the Meaning of the Mahābhārata*, Bombay, 1957, p. 41.

В результате нескольких сенсационных находок и открытий, о которых пойдет речь в этой книге, стало ясно, что восхищение санскритом и ведийской наукой и литературой действительно имеет очень серьезное основание.

Самая древняя и наиболее влиятельная культурная традиция в Индии именует себя *вайдик дхарма* («ведийской державой» или «научно устроенным социокосмосом»). До сегодняшнего дня она представляет собой самую ценную часть великого историко-культурного наследия индуизма, обычно односторонне трактуемого как род религии. В ходе рассмотрения сущности и назначения *Вед* вам станет ясна неточность подобной интерпретации, от кого бы она ни исходила – от враждебно настроенных западных миссионеров, современных индийских мыслителей и проповедников или рядовых индийцев и верующих-индусов. Но для того, чтобы это парадоксальное мнение обрело смысл, нам придется углубиться в ряд весьма специфичных и, как утверждает традиция, весьма древних представлений и научных теорий.

Индуизм – это отнюдь не религия, а, скорее, научное наследие народов Индии, ядром которого является санскритская культура, представляющая собой совокупность естественнонаучных, философских, календарно-мифологических, эстетических, социологических, правовых и этических знаний и норм. Индуизма придерживается большая часть населения Индии, признающая авторитет таких древних научных книг как *Веды* (высшие интегральные «Науки»), *пра-тишаакхьи* (научные комментарии к различным редакциям ведийских поэтико-научных сборников *санхит*), *шастры* («учебники» по различным научным и философским дисциплинам), *агамы* (астромифологические философские «введения» или «откровения»), *тантры* («связки» этико-психолингвистических руководств по организации социохронокосмоса личности, семьи и государства), *итихасы* (астромифологические хронометрические «мифопоэмы» и базы астрономико-математических данных), *пураны* («древние хрономифоэнциклопедии»), *сиддханты* («каноны» астрономии и других наук).

Те индусы, которые глубоко понимают суть санскритских «священных писаний», если и исповедуют какую-либо религию, то только с той оговоркой, что это – особое почитание Знания, Науки, Логике и Истины. Тем не менее, все индусы без какой-либо дифференциации противопоставляются, как, например, в Акте от 1955 г., кодифицировавшем индуское гражданское право, не гражданам других стран и континентов, а исключительно верующим – мусульманам, зороастрийцам, евреям, христианам – и, что уж никак не оправдано, даже древнеиндийским локаятикам (диалектикам), буддистам и джайнам, которые представляли собой просто отдельные течения санскритской и пракритской учености, более тесно соприкасавшиеся с миром, с политикой, с разговорными языками различных регионов субконтинента, такими как *пракриты* и *апабхрамиша*. То же верно и по отношению к средневековым религиозным течениям *бхакти* («преданности» тому или иному ведийскому божеству), которые перешли на новоиндийские языки и даже отразили в той или иной мере влияние ислама, как, например, сикхизм. Подобные определения – следствие навязанных англо-индийской интеллигенции европоцентристских критериев колониалистской индологии.

По существу, индуизм – это древнеиндийская культура, образование и наука, выработанные в недрах считающейся ныне доисторической цивилизации и сохранившие свой колорит и национальные одежды. Поэтому не без сожаления приходится отметить, что в современной Индии, следующей в целом принципам западноевропейского образования и социологии, индуизм сегодня загнан в прокрустово ложе национальной религии, которой якобы придерживается приблизительно 83% населения. Если говорить о ведийской религии как о поклонении науке, заключенной в *Ведах*, то вряд ли ей пытается следовать кто-либо еще кроме самых сведущих брахманов и ученых. Если же под религией понимать только религиозный этикет, то в этом качестве индуизм фигурирует и далеко за пределами Индии – в Шри-Ланке, Пакистане, Бангладеш, Индонезии (о-в Бали),

Юго-Восточной Азии, на о-вах Фиджи, о. Маврикий, в Гайане и ЮАР. Однако внешние правила этикета, разумеется, не правильно принимать за веру. В качестве мистической парадоксальной философии в последнем столетии индуизм снискал некоторую популярность среди небольших групп интеллигенции Европы и Америки. Так что и в остальном мире, на него также смотрят как на одну из самых распространенных мировых религий, ставя его в один ряд с буддизмом, христианством и исламом, которые ныне во всех развитых странах отделены от государства, а, следовательно, и от культуры, науки и образования, и представляют, по большей части, только этнографический и исторический интерес. В «массовом сознании» индуизм по-прежнему ассоциируется только с тем, что в Европе именуют «мистикой» и «религией».

Взгляд на индуизм как на религию закреплен в многочисленных изданиях и авторитетных энциклопедиях, среди которых, пожалуй, одна из самых больших в мире – это готовящаяся к публикации 18-томная иллюстрированная «Энциклопедия индуизма», которая должна охватить свыше 10000 статей, принадлежащих 1250 ученым разных стран.

Такой узкий взгляд на древнюю, но все еще живую, индийскую культуру отвергается многими серьезными исследователями, которые не раз отмечали непригодность европоцентристских подходов и самих категорий европейской социологии, в частности, и понятия «религии», к описанию весьма сложных культурологических и социальных явлений Индии. Ширится понимание того, что это сложное культурное явление имеет два аспекта: древний и современный – один истинный, научный, хотя и полузабытый, а другой лженаучный, предрассудочный, хотя и более распространенный. Сколь бы многочисленными и внушительными ни были религиоведческие публикации, они не могут затмить истину и навязать мнение о том, что древняя наука и культура, пусть и скрывающиеся под покровом мифов и обрядов, являются чем-то второстепенным по отношению к религии и не содержащим ничего достойного внимания современного просвещенного человека. Вы скоро убедитесь

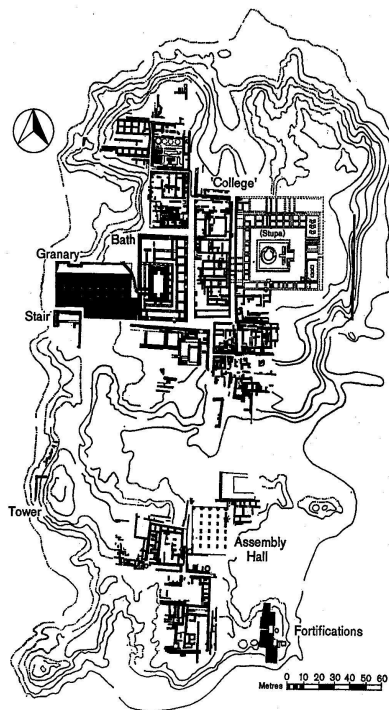
на множестве достоверных и прочно установленных фактов, что дело обстоит как раз наоборот, и, следовательно, нам нужно освободиться от множества стереотипных заблуждений по поводу характера древнеиндийской науки.

Известно, что как и термин «Индия», так и слово «индуизм» восходят к персидскому слову «хиду» (позднее «хинду», житель Синда, Индии – надписи в Накш-и-Рустам и Персеполе царей Дария, 522-486 г. до н. э., и Ксеркса, 486-465 до н.э.). Понятие «индуизм» носит географический характер (означает ничто иное как «и н д и а н и з м») и не встречается в с а н с к р и т с к и х с в я щ е н н ы х к н и г а х. Как религиоведческий термин «индуизм» был введен европейцами в XIX в. для обозначения, вообще, любых «верований», зародившихся в Индии. В силу этого он настолько же абстрактен и объемён, как и понятие «европейская культура». Исследователи отмечают, что различия между исламом и христианством или между иудаизмом и зороастризмом менее выражены, чем между какими-либо крайними течениями индуизма.⁵

⁵ *Словарь: индуизм, джайнизм, сикхизм*, М., 1996, с. 5-10 и др..

Даже ограничившись тем содержанием, которое можно было бы отнести к разряду религии, следует признать, что в индуизме не возможно выделить ни общего кредо, ни набора догм. В нем нет ни универсально принятого канона, ни вероучения, ни церкви, ни ритуала, ибо в индуизме присутствует не одна, а группа родственных идеологических и мифолого-философских систем, связанных до некоторой степени общностью территории, исторических судеб, литературного стиля и духовно-культурного наследия.

Более того, индуизм не сводим не только к понятию «религия», но и к другому близкому понятию «философия», которое иногда пытаются подставить вместо понятия «религия». Хотя мифология и философия представлены в нем

**План Мохенджо-Даро,
одного из индских городищ**

во всех своих аспектах и оттенках, они не являются самодовлеющим и единственным содержанием *Вед*. Скорее, они выполняют служебную роль в организации научного астрономического исследования и в научной организации х р о н о с о ц и у м а, общества, функционирующего во времени и пространстве вселенной, упорядоченной научным анализом и опозитизированной художественным воображением.

Как специфическое социокультурное образование индуизм зарождается и формируется в период раннеземледельческих культур (10-7 тыс. лет до н. э.), достигает своего апогея в 3-1 тысячелетиях до н. э. во времена самой великой цивилизации древности, ныне именуемой п р о т о и н д и й с к о й, индской или – крайне узко и неточно – харапской (по современному названию одного из крупнейших городищ).

Памятники культуры этой цивилизации в виде двух тысяч раскопанных поселений сосредоточены, главным образом, в северной и центральной Индии, от междуречья Инда и Ганги до реки Годавари. Всем им присуще планирование, астрономическая ориентация, а градостроительство отличалось тщательной продуманностью, унифицированной системой стандартов, сложной организацией, равномерностью и схожестью застройки, многочисленными свидетельствами развитой науки и астрономико-мифологической системы.

На печатях и керамике обнаружены знаки письма, по-моему, являющиеся, в первую очередь, календарными знаками, некоторые из них и сегодня употребляются верующими тантриками, вишнуитами и шиваитами, правда, как абстрактные религиозные символы.

Присутствуют там и изображения женских божеств, «матерей» или олицетворений ночей и созвездий, именуемых *накшатрами*, культ которых и ныне распространен по всей Индии и особо характерен для шактизма.

В образе многоликого рогатого бога, сидящего в позе *йогина* на троне, без труда узнается *Шива-Пашупати* («Благой господин или пастырь»), а рисунок, изображающий некоего героя внутри павлина (очевидно, «*вахань*», «везущего» животного) в окружении шести звезд (*Криттик*, Плеяд), скорее всего, изображает сына *Шивы* *Сканду*, известного также под именами *Карртикея* («Сын созвездия *Криттик*») и *Шанмукха* («Шестилик»).

Формирование основного ядра индуизма – грандиозного ведийского комплекса научной и философской литературы на санскрите, явившегося стержнем духовного, культурного и политического единства огромного государства городского типа, – наиболее вероятно, происходит именно в этот протоиндийский период (VII – II тыс. до н.э.).

Приблизительно с середины II тыс. до н. э. значительная часть территории этого супергосударства древности, в особенности, прилегающая к Инду и его притокам, начинает клониться к упадку под воздействием геотектонических сдвигов, обусловленных наездом полуострова Индостан на Азию, изменений русел рек и опустынивания. Население Индской долины перемещается в долину Ганги, на юг Индии, в Юго-восточную, Среднюю и Малую Азию, в Восточную и Западную Европу.

Носители ведийской санскритской культуры именовали себя *ариями* («ярыми», «яркими», «просвещенными» приверженцами *Индры*, бога полной луны) или *иравакми* («словаками», «славянами»). Второй термин был в большом ходу, в частности, и у буддистов: так называли себя вообще все послушники или ученики, а также буддистские ученые и святые. Как первый, так и второй термин имели исключительно культурологическое значение, а не этнографическое, тем более уж не расовое.

Неизбежным следствием миграции этих древнейших «славян» из Индии было распространение санскритского языка,

План Харappы

ведийского и буддийского мировоззрения, логики, философии, образования и науки во всем Старом свете. На то, что эти «славяне» были основными предками современных славян, указывает степень культурной и языковой близости в зависимости от удаления от древней Индии в пространстве и во времени: чем дальше – тем меньше сходства и больше различий. Наиболее близкими древним индийцам оказываются древние иранские народы, затем – древнеславянские, потом – литовцы, греки, латиняне, наконец – кельтские, германские и романские народы. Если древних иранцев просто трудно отличить от древних индийцев, а многие места в «Авесте» почти идентичны ведийским, то родство современных романских и индийских народов не столь очевидно. Учитывая, что иранские и новые индийские языки были сильно изменены под воздействием ислама, из современных индоевропейских языков самыми близкими древнему санскриту оказываются с л а в я н с к и е. Примечательным следом ведийской культуры в белорусском языке является слово «веды» (знания, науки), кстати, не сохранившееся в таком чистом виде нигде в Европе. На всей территории расселения славян присутствуют тысячи географических санскритских и буддистских названий, среди которых большое количество городов и селений, например, с названием «Буда» (Буда, Буда-Косшелевск, Будапешт и т. п.), по-моему, восходящих к имени *Будды*. То, что буддизм не сохранился в Европе даже в виде пережитков, не может быть отрицательным аргументом ввиду того, что и в самой Индии он насильственно уничтожен около тысячи лет тому назад.

Научные, художественные и мифологические представления протоиндийской ведийско-буддийской цивилизации лежат в основе индуизма и могут быть легко отделены от последующих культурных напластований. Хотя протоиндийские тексты представляют собой лишь краткие надписи на печатях, сосудах и иных археологических объектах, которые до самого последнего времени не поддавались расшифровке, индийские *арии*, к нашему счастью, сохранили в памяти самые ранние из дошедших до

нас памятников древнеиндийской и индоевропейской науки, философии и словесности, именуемые *Ведами*.

Веды («веды», «сведения», «веденья», «науки») распадаются на два разряда – *Шрути* («Слово», «Услышанное», Откровение) и *Смрити* («Памятки», «Запомненное», Свод основных законов) – охватывающие все отрасли знания древней цивилизации (см. подробнее главу, посвященную новой ведийской герменевтике, и главу о двоичном коде).

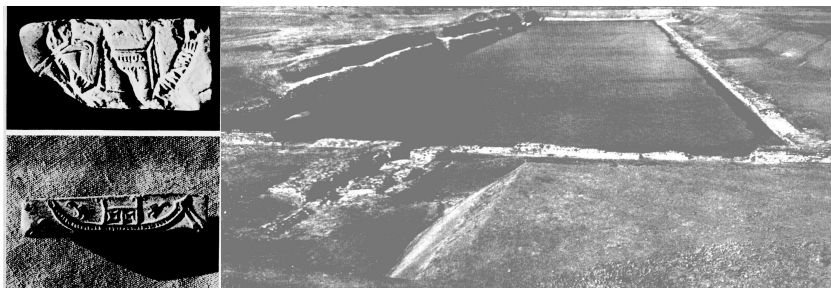
Шрути состоит из четырех *Вед* – *Атхарваведы*, *Ригведы*, *Самаведы* и *Яджурведы*, – связываемых традицией с четырьмя сторонами света, лунными четвертями, порами года и посвященных соответственно Меркурию, Юпитеру, Марсу и Венере. Каждая из *Вед* представлена особой *самхитой* («сочинением» или собранием *мантр* – по форме являющихся слитно читающимися строфами в силлабических размерах, а по содержанию – как нами установлено – астрономико-календарными хронометрическими шифровками). Каждая *самхита* дополняется *брахманами* (астрономико-мифологическими пояснениями), *араньяками* и *упанишадами* (мифолого-психологическими толкованиями микро-макро-космических параллелей).

Ригведа («Веда речений»), наибольшая по объему и самая оригинальная из всех четырех сборников *мантр*, посвящена *Брихаспати*, богу полной луны, а также и планеты Юпитер. В редакции *Шакалы* она состоит из 1028 гимнов и 10 *мандал* (букв. «циклов»). 1-я и 10-я *мандалы*, имеющие одинаковое количество *суктов* («образцовых сказов» или «канонических речей» – по 191) принадлежат нескольким семьям небесных *риши* (провидцев), остальные имеют разную величину и принадлежат определенным родам *риши*, которые являются олицетворениями лунных фаз и планет, дней или годов. Например, *Атри* – отец Месяца-*Чандры*, *Ангирас* – отец четырех лунных «дев», олицетворяющих ночи новолуния и полнолуния, *Бхарадваджа* – Марс и, возможно, какая-то фаза луны.

В 9-й *мандале* собраны гимны, посвященные богу *Соме* (Месяцу и его сиянию). Гимны (*сукты*) других *мандал*,

произносимые небесными *риши* (планетами, фазами Луны, месяцами, днями или ночами) обращены к лунным божествам, восхваляют их подвиги и величие, призывают к ним о даровании долгой жизни, мудрости, процветания, земных благ, потомства, обилия пищи, победы над врагами. Каждая из *мандал* начинается с гимнов к *Агни*, затем идут гимны к *Индре* – самым значительным лунным богам, потом гимны к другим лунным, планетным, календарным богам, к Ночи, их матери и повелительнице вселенной, и ее ипостасям.

Как было мною выявлено ранее и описано в примечаниях к поэмам *Кшемендры*, все *мандалы* изоморфны синодическим (29-30 дней), сидерическим (27-28 дней) и условным «солнечным» месяцам драконического года (29–32 дней). Их различные комбинации воссоздают все различные годы древней наблюдательной астрономии, использовавшиеся в планетно-лунно-солнечных согласовательных периодах,

Морские ладьи и док в Лотхале

таких как цикл *Сантариши* (2700 лет), *махаюга* и др., и исчислении затмений *С о л н ц а* и *Л у н ы*.

По многочисленным намекам, содержащимся в этих астрономико-календарных гимнах, создается широкая панорама государственной (городской и сельской) жизни, отличающаяся порядком, согласием, единодушием и сплоченностью граждан в годы мира и войны с внутренними и внешними врагами.

Города и укрепления упоминаются многократно, порой с просьбой защитить их от врагов, а иногда с просьбой

разрушить крепости супостата, поднявшего восстание, или внешнего захватчика.

Упоминаются стовесельные и парусные ладьи (перекликающиеся с изображениями на печатях и с археологическими открытиями вроде большого водоема в протоиндийском Лотхале, который отождествляют с доком), а также животные, характерные для Индии, такие как слоны, верблюды и др., изображенные и на протоиндийских печатях. Все это неоспоримо говорит об индийском происхождении памятника. Наиболее важные свидетельства будут нами рассмотрены в главах, касающихся места создания и датировки *Вед*.

Эта лунная модель рецитации присутствует в психофизиологических учениях *тантр* и *йога-шастры*, социологических построениях *дхармашастр*, *пуран* и *итихас* и в философских построениях *веданты* и других философских *даршан* («воззрений»). В гимнах немало высказываний, которые свидетельствуют о существовании развитой философской мысли. Стихотворная форма памятника, отразившая сложные приемы древнего стихосложения и драматургии, стала на вечные времена образцом поэтического мастерства. *Яджурведа* («веда жертвенных изречений») – собрание *яджусов*, изречений и молитв, сопровождавших лунные календарные священнодействия. Особое значение в этой *самхите* придавалось полнолуниям и новолуниям, перечислены 28 зодиакальных лунных стоянок, сопряженных с сидерическим месяцем и солнечным годом ($28 * 13 = 364$). Текст сохранился в нескольких редакциях, образующих «Черную (*Кришна*) *Яджурведу*», в которой гимны дополнены комментариями (*брахманами*), и «Белую (*Шукла*) *Яджурведу*», состоящую из 40 глав, в которых гимны расположены в соответствии с солнечно-лунным календарным циклом.

Атхарваведа («Веда гимнов *Атхарвана*») – состоит из 20 глав, содержащих (в разных редакциях) около 6 – 6,5 тыс. стихов. Заклинания разделяются на *атхарваны* и *ангирасы*, по названию жреческих родов, восходящих к разным богам-планетам (одно из названий памятника «*Атхарва-ангираса*»).

Гимны в честь царицы Ночи, ночного неба, 28 лунных созвездий, *Агни*, *Индры* и других лунных божеств содержат календарно-хронологические модели хронокосмоса, которые часто ошибочно принимают за космологию. Встречающиеся описания симптомов болезней в магическом и астрономическом контексте свидетельствует о существовании концепции единства космоса и микрокосма, которая подробно разработана в *упанишадах*, а также и о существовании медицины и астрологии.

Самавед («Вед

Таким образом, четыре *Веды* органически взаимосвязаны и образуют единое целое. Кроме того, они были соотнесены с движением планет наблюдательной астрономии. Все это и заставляет задуматься над их научным содержанием и попытаться раскрыть механизм астрономико-поэтического взаимодействия.

Ведийские научные тексты *смирити* или *шастры* (с астрономической или иной направленностью), весьма обширны и разнообразны: это – *брахманы* («великие комментарии»), *упанишады* (тайные поучения), *веданги* («органические части *Вед*» – *Веданга-дэжйотиша* и др.), *веда-даршаны* («подсистемы ведийского мировоззрения» – *миманса* и др.), *упаведы* («вспомогательные науки»), *пураны* («предания» – 18 великих, столько же вспомогательных и сонм «местных»), *итихасы* («мифопоэмы»), *шастры* («науки», «учебники» по четырём сторонам жизни: экономической, общественной, семейной и

индивидуальной – *артха, дхарма, кама, мокиша*), т. е. узкоспециализированные трактаты и учебники по естественнонаучным, социальным, психолого-физиологическим и этико-философским дисциплинам, а также стоящие несколько особняком, но отнюдь не обособленно, *тантры* («стяжки руководств» или тематические подборки учебников по хроно-космическому веро-право-нравоучению).

Даже те из этих текстов, которые, хотя и кажутся на первый взгляд чисто художественными или гуманитарными, тем не менее, принадлежат к точной науке, хотя бы уже потому, что содержат как важные научные сведения, так и целые научные сочинения, являющиеся вспомогательным подспорьем правильной интерпретации и точного функционирования ведийской хронометрической рецитации и календарных вычислений.

И разнообразие тем, и объем этого научно-литературного наследия, и умопомрачительная сложность подтекста и самой техники декламации, и удивительная красота обобщений и классификаций – все это и многое другое свидетельствуют о высоком развитии научной и художественной мысли самобытной цивилизации, но, вместе с тем, препятствуют правильному научному пониманию истинного значения как многих отдельных звеньев, так и всего грандиозного ведийского научного комплекса. Действительно, научная мысль древней Индии и ее технология оказали и продолжают оказывать глубочайшее и всестороннее влияние на культуру, образование и философию всего Старого Света, включая такие древние страны как Иран, Россию, Грецию, Китай, Тибет, Японию и Индонезию, а научная революция и технический прогресс в Европе в позднем средневековье, по моему глубокому убеждению, начались с широкого применения ведийского десятичного счета!

Но, хотя уже более двух столетий прошло с того времени, как в Европе появилась первая санскритская грамматика и **Анкетиль Дюперрон** (1755–1805) перевел в 1801-1802 гг. на латинский с персидского перевода (выполненного *Дара Шукохом*) *упанишады*, представляющие собой заключительную философскую часть ведийского канона, именуемую

ведантой («венцом *Вед*»), а затем появились и многочисленные переводы самих *Вед* и прилегающих к ним научных трактатов, *Веды* ввиду как своего объема, так и сложности языка и самих научных дисциплин до сих пор остаются великой тайной. М. Хауг, пытавшийся в прошлом веке найти среди брахманов, хранителей ведийских обрядов, хотя бы одного, впрямь понимавшего их древний смысл и назначение и способного объяснить сокровенные тайны ведийского «священнодействия», был разочарован⁶. Само санскритское название *Вед* указывает на связь этих книг с наукой. Однако, до сих пор они надежно скрывали свои научные тайны. До сих пор никто даже не пытался обосновать необходимость комплексного исследования всех ведийских дисциплин с целью разработки фундаментальной теории ведийских кодов и их интегрального применения в интерпретации *Вед* как отдельной отрасли знания. Насколько мне известно, этой проблеме не посвящено ни одной монографии.

Ведологи не раз обращали внимание на символический или зашифрованный характер языка *Вед*, отмечая, что стихи-шифровки или загадки частенько встречаются во всех ведийских текстах. Нет недостатка и в современных гипотезах о научном зашифрованном содержании *Вед*. Более того, сама ведийская герменевтика или теория истолкования *Вед* насчитывает не одно тысячелетие. Не то, чтобы было приложено мало усилий с целью осмысления *Вед*, либо не был очевиден их символический характер, или они не попадали в поле зрения наиболее одаренных ученых, скорее всего, представления о древней доисторической цивилизации, присущие представителям нашей цивилизации, как рядовым, так и гениальным, ущербны в чем-то весьма существенном, сильно политически ангажированы, а методы прочтения ее текстов не соответствуют их сложной научно-поэтической архитектонике.

Видимо, самая глубинная духовная работа часто менее всего заметна – ей, как и алмазам, требуется мощное давление

⁶ *Aitareya Brāhmaṇa of the R̥gveda*. Ed., Tr. and Explained by M. Haug, Vol I, Bombay, 1863.

определенных факторов, которыми она оказывается полностью скрытой от постороннего взора. Западному материалисту-мыслителю, что уж говорить о рядовом читателе, и невдомек то, что современный всемирный научно-технический переворот находится в прямой зависимости от большого философского и научно-исторического переосмысления и более глубокого понимания истинных основ ведийского научного мировоззрения. Тогда как плоды техногенной революции кажутся очевидными всем, истинное значение ведийской точной науки, хронологии и астрономии, математики, лингвистики, психологии, этики, синергетической логики, лингвопрограммирования хронокосмоса и календарно-астральной мифологии пока осознаются только единицами.

Такое понимание – не простой и не быстрый процесс, никак уж не «революция» и не «перестройка» сознания. Это – многовековое, если не многотысячелетнее, движение общественного сознания к естественно заданной нашей Большой Вселенной гармонии жизни. Я уверен, что это сознание всегда полностью присутствует во всех цивилизациях космоса, хотя проявляется в общественном сознании той или иной эпохи неравномерно, в разных соотношениях и степенях. Было время, когда оно интенсивно проявлялось в древней Индии, создав научный искусственный язык санскрит с его утонченной и разветвленной наукой и литературой и научно организованное индоевропейское сообщество народов и племен.

К несчастью, наша индоевропейская цивилизация, наиболее развитая и наиболее хорошо сохранившаяся после ряда глобальных катастроф, по мере распространения по грандиозным пространствам всех континентов и постоянного противоборства с внешними и внутренними истинными и надуманными врагами, утратила с ходом времени не только политическое, языковое и духовное единство, но и правильное понимание основных *вед*, тех наук, которые и составили ее мощь и превосходство.

Сегодня, как ни парадоксально, наиболее распространенным из индоевропейских языков является

английский, используемый миллиардом человек в быту, науке, торговле и Интернете. А ведь не стоит забывать, что он возник на основе огрубевшей вульгарной латыни, сложившейся когда-то в многоязыкой римской армии как *lingua franca*. Он давно утратил систему падежей, соответствие буквы и звука (как говорят англичане, «пишется Ливерпуль – а читается Манчестер»), а в последнее время под воздействием языков программирования, которые формировались на его основе, и Интернета стал тяготеть еще более стремительно к прямолинейной логической однозначности. Все понимают необходимость реформирования английского правописания... хотя это неизбежно приведет к еще большему огрубению языка и разрыву с этимологией. Тому способствует нарастающий темп технического прогресса, всемерно усиливающий тенденции, ведущие к редукционистской логике, сводящей все сложные явления к примитивным схемам, основанным на стирании противоречий и прямолинейном сведении сложных явлений к простым, что усугубляет разрыв между древней синкретической духовной традицией и современной специализированной наукой, а также и между англоязычной духовной средой и такими стихиями, как, например, санскритская и русская культуры.

Понимание тайного научного значения и применения наиболее важных древних научных книг, сохраняемых в неизменной фонетической, грамматической и логической форме как священное наследие в памяти ученых брахманов, скорее всего, с седьмого тысячелетия до н. э., было утрачено не менее тысячи лет тому назад, когда на Индию обрушилось мусульманское нашествие и остановило развитие цивилизации, стоявшей близко к современному информационному веку.

Когда я начал исследовать *Веды*, мне скоро стало ясно, что знание, закодированное в ведийских *мантрах*, стало недоступным нам в силу определенных обстоятельств, таких как постепенное разрушение ведийской традиции, современные стереотипы, доминирование европейской колониалистско-высокомерной исторической доктрины и

неадекватные механистичные и мистические установки истолкования и понимания древних текстов.

Но с самого первого знакомства с этими текстами у меня родилась в глубине сердца уверенность, что когда-нибудь их истинная суть и ее понимание вновь воссияют как солнце. Уже тогда у меня созрел замысел восстановить научное мировоззрение индской цивилизации, понимаемое как синтез методологии, отраженной в ведийских научных и философских системах, и прямых данных текстов, эпиграфики и археологии. Их единство, отрицаемое европейской индологией, очевидно всякому, кто сталкивается с первоисточниками и не придерживается априорного мнения. Однако следует признать, что сегодня доминируют именно априорные суждения как апологетического, так и нигилистического толка.

Так, по словам известного американского ведолога **М. Витцеля** из Гарвардского университета, возглавляющего лагерь критически настроенных ученых, происхождение *Вед* – это центральный вопрос современного «ревизионистского переписывания» древней индийской истории, серьезно затрагивающего современную индийскую политику и даже некоторую часть западной академической науки, который, по его мнению, все более и более политизируется проиндусски настроенными исследователями.

В то же время **Н. С. Раджарам** и другие националистически настроенные индологи обвиняют Витцеля и его единомышленников в заговоре против Индии, необъективности и приверженности косным воззрениям.

Да, действительно, политизация присутствует с обеих сторон, но и индология как историческая наука меняется драматично. Огромное количество новых археологических и текстологических данных, накопленных за предыдущее столетие, настойчиво требует пересмотра многих устаревших научных и политических позиций. Положение усугубляется тем, что историческая сторона вопроса чрезвычайно темна, запутана и противоречива. Существо дело было первоначально политизировано самими европейцами, первыми христианскими миссионерами, историками колониального

периода и ранними европейскими индологами (это будет раскрыто в главе о западноевропейской индологии). И теперь прояснение этого вопроса крайне необходимо еще и потому, что он нагнетает эмоциональное напряжение в крайне сложной международной обстановке, где религии, что бы под этим ни понималось, коммунализму и фундаментализму, неразрывно сопряженному с фанатизмом и насилием, принадлежит отнюдь не последняя роль.

Проф. М. Витцель прав и в том, что ни одна из предлагавшихся теорий происхождения *Ved* не выдерживает серьезной научной критики, и в том, что спор о сущности *Ved*, как и во всех науках, должен быть сведен к вопросу о фактах и доказательствах. Но это заявление было бы корректным только в том случае, если бы сам Витцель отрешился от явно предвзятых мнений своих европейских предшественников колониального периода, если бы существовало согласие по вопросам методологии, которое как раз и отсутствует, если бы были охвачены все факты, а все ученые действительно следовали логике, а не эмоциям и личным предпочтениям. Я убежден в том, что современная европейская методологии исследования этих текстов, сформировавшаяся еще в XIX в., весьма далека от совершенства. В большинстве случаев исследователи, как раз наперекор здравому смыслу превратно интерпретируют одни и те же факты, произвольно руководствуясь только своими религиозными, политическими и философскими верованиями и симпатиями. Как правило, они не придерживаются внутренней логики самих текстов, минуя йогический процесс «вживания» и «сопереживания», а произвольно подбирают лингвистические, текстологические, мифологические, археологические, антропологические и другие внешние по отношению к главному замыслу текста данные, могущие служить их идеологическим установкам и политическим целям (а не научной реконструкции), а затем пытаются интерпретировать их в русле своих субъективных, порой просто надуманных теорий.

Вот поэтому я считаю, что назрела необходимость основательного пересмотра главных подходов ведийской интерпретации при сосредоточении основного и

предпочтительного внимания на внутренней логике и основном замысле *Вед*. Ибо главным в научной интерпретации является не осмысление филологических, лингвистических и мифологических данных, произвольно отобранных – а иногда и внутренне несостоятельных – с целью обоснования априори принятой методологии, а разработка и радикальное совершенствование самой методологии научного исследования, охватывающего, по возможности, **все доступные науке данные, включая и вероятностные модели реконструированных утраченных элементов и – главное – фундаментально новых и еще не изученных фактов**, но способных стимулировать выработку более правильного понимания предмета.

Настоящая работа нацелена именно на обобщение достижений в разработке такого интегрального метода интерпретации, синтезирующего известные факты и эвристические модели. Результаты, уже полученные нами, мною и членами моей группы «Сарасвати», на его основе, привлекли внимание ведущих санскритологов Индии и претендуют на подлинный переворот в ведийских исследованиях. Метод, действительно, вскрывает существенно новые пласты значения ведийских текстов и указывает способ более адекватного описания и понимания древнейших «священных» научных текстов Южной Азии.

Главным инструментом этой новой методологии является пересмотр всех математических данных, извлеченных из *Вед*, в последовательной перспективе теории числа, теории множеств, теории кодирования и шифрования, программирования, наблюдательной астрономии и синергетики, как они зафиксированы в наиболее древних санскритских математических и астрономических трактатах, философских текстах и самих ведийских **сборниках**.

Этот подход нацелен на то, чтобы пролить свет на долго дискутируемый вопрос о происхождении и характере *Вед* и древнеиндийской точной науки. На основе уже накопленных сведений я категорически отвергаю европоцентристскую идею позднего происхождения *Вед* и

чужеродного влиянию языка и культуры других регионов Азии, как и идею «фольклорного характера» этих текстов, которую пытаются отстаивать европоцентристски настроенные ученые. Такой подход – не только кощунство в глазах индуса, так как он является выражением откровенной необъективности со стороны неблагоприятных европейских (не исключая советских и постсоветских, а также и американских исследователей), но еще и проявлением недобросовестности и некорректности, ввиду того, что он пытается игнорировать и традиционные древнеиндийские методы интерпретации, и существование большого количества новых свидетельств и теорий, показывающих, что *Веды* имеют единый замысел и были задуманы в первую очередь как интегральное математико-астрономическое многоплановое сочинение с несколькими уровнями закодированного и символического смысла, как своеобразное программное обеспечение мнемонического х р о н о м п ь ю т е р а!

Некоторые из вопросов, которые ставятся здесь и освещаются ниже, следующие: 1. Каково истинное назначение *В е д*? 2. Какой должна быть наиболее подходящая методология их дешифровки и оценки? 3. До какой степени охвачены данные, имеющие отношение к этому вопросу, и насколько их интерпретация является надежной и правильной? 4. Какого рода данные и смыслы полностью игнорируются исследователями до сегодняшнего дня? 5. Каковы перспективы математико-астрономической дешифровки *В е д*? 6. В чем *Веды* предвосхитили современную математику, астрономию, физику и информатику?

Одной из наших задач является изложение своего понимания базовой модели ведийской рецитации и ее научного применения в хронометрических, если можно так выразиться, «мультимедийных приложениях» ведийского календарного обряда.

Объем материала чрезвычайно велик, поэтому пришлось быть предельно селективным в его отборе. Главными базовыми текстами исследования являются сами *Веды*, представляющие собой комплекс нарративных, научных и лингвистических источников разного объема и степени

сложности. К ним тесно примыкают эпиграфические источники, представленные индскими печатями и граффити. В некоторой степени были затронуты и вещественные документы, такие как археологические материалы и памятники архитектуры.

Большинство астрономических определений ведийских богов было отобрано мною из текста *Риг-веды*, другие *санхиты* привлекались к сопоставлению лишь спорадически, ряд определений извлечен из *брахман* и *упанишад*, а некоторая часть из «Ведийского словаря», собравшего ведийские определения важнейших мифологических астротерминов.⁷

В настоящее время завершается обширное «Введение» и комментарии к первой книге моего русского перевода *Вальмики-Рамаяны*, которая дает много новых свидетельств календарно-речитативного характера древних санскритских сочинений. Краткий анализ речитативной хронометрии *Рамаяны* включен и в это издание. Также имеется небольшой раздел, касающийся хронометрии *Махабхараты* и *Бхагавадгиты*.

Огромный мифологический материал, логическое построение и математическая организация *Риг-веды* как важнейшего мифолого-хронометрического памятника были проанализированы особо тщательно, и под давлением огромного количества фактов мы были вынуждены подвергнуть сомнению ставшее распространенным стереотипом в русской, да и в мировой индологии утверждение о том, что *Риг-веда* представляет собой произвольную компиляцию гимнов, составленных полукочевым народом.

Таким образом, эта книга – попытка углубленного историко-текстологического анализа *Вед*, осуществленного в русле разработанной нами теории речитативно-хронометрической функции сакрального текста. В ней постулируется и доказывается наличие сложного многопланового научного содержания в *Ведах*, предстающих ныне в качестве своеобразного кодированного цифрового записания древнейшей цивилизации.

⁷ *Hansarāja evaṃ Bhagavaddatta, Vaidik Koṣaḥ, Vārāṇasī, 1926. (Sanskrit).*

Она предназначена, прежде всего, индологам и санскритологам, которые интересуются проблемами интерпретации ведийских текстов. Но полученные сенсационные результаты, несомненно, представляют интерес не только для текстологов и историографов. Они должны стать предметом самого внимательного рассмотрения для исследователей подобных текстов других цивилизаций, для лингвистов, литературоведов, философов и культурологов, для математиков, программистов и астрономов, а также и для всех интересующихся историей литературы и культуры, науки, математики и астрономии, информатики и программирования.

Индология и ведология

Западная индология

Если бы индусы остались неизвестными татарам и нам, они были бы самыми счастливыми людьми в мире.

Вольтер

Индийская наука, философия и литература оказали и продолжают оказывать существенное влияние на мировую культуру как через посредство переводов санскритских сочинений, так и благодаря трудам индологов. Индология как наука об Индии и ее культуре и ведология как ее отрасль, занятая изучением *Вед*, их языка, символики, историко-культурного содержания, – науки, в Европе насчитывающие уже более двух столетий. На их счету множество блестящих открытий, значительно расширивших наши представления о культуре народов Южной Азии и позволивших взглянуть на нашу собственную историю и философию под совершенно иным углом зрения. Западные ученые проделали гигантскую работу по собиранию, изданию и переводу санскритских рукописей. Открытие европейцами санскрита и его родства с главными европейскими языками привело к рождению компаративистики и индоевропеистики. Перечислить все замечательные работы в этой области не представляется возможным: можно ограничиться только несколькими примерами.

Генри Т. Кольбрук (1765 – 1837), председатель Восточно-индийской компании в 1769 г., председатель Азиатского общества Бенгалии и основатель Королевского азиатского общества, оставил целую библиотеку трудов по истории всех основных наук в Индии: праву, алгебре, астрономии, лексикографии и грамматике санскрита, ведийской литературе и философии, геологии и ботанике.

Серию книг по религиям Востока издал **Макс Мюллер**, по-

жалуй, наиболее известный индолог XIX в..

Теодор Ауфрехт (1822 – 1907), уроженец Силезии, подготовил сводный каталог санскритских произведений, который до середины XX в. оставался наиболее солидной работой в этой области. **Морис Блумфилд** (1855 – 1928), американский ведолог родом из Германии, создал сводный указатель ведийских *мантр* и осуществил перевод *Атхарва-веды*. Нельзя не упомянуть также о 19-томном «Лингвистическом обзоре Индии» **Г. Грисона** (1851 – 1941) и замечательном санскритско-английском словаре **М. Моньера-Вильямса** на 180 тысяч слов.

Благодаря работам **А. Бёнелла**, **Г. Бюлера** (1837 – 1898) и др. были собраны большие коллекции санскритских рукописей, и целые области санскритской литературы, о которых было едва известно, явились на свет и были описаны. Бюлер обнаружил рукописи гениального *Кшемендры* и историка *Калханы*. Он также подготовил «Энциклопедию индоарийских исследований», учебники санскрита, индийской палеографии, индийского права и основал институт востоковедения в Вене.

В 1843-56 гг. **К. Г. Горрезиио** осуществил первый перевод *Рамаяны* на европейский язык. Затем последовали и другие переводы как *Рамаяны* и *Махабхараты*, так и других великих мифопоэм, *пуран* и *кавий* (песенных сказаний), произведшие фурор в умах просвещенных европейцев. **У. Д. Уитни** подготовил издание и перевод *Атхарва-веды* на английский. То же повторил **Ральф Гриффит** (1826 – 1906), присовокупив еще перевод гимнов *Риг-веды*, *Яджур-веды* и *Рамаяны*. На немецкий перевод *Риг-веды*, считающийся наиболее авторитетным, осуществил **К. Ф. Гельднер**. То же сделал и немецкий математик **Герман Г. Грассман** (1809 – 1877), более известный своим 2-томным «Словарем *Риг-веды*». Французский ученый **Л. Рену** также оставил множество переводов гимнов, дополненные трудами по истории санскритской литературы.

Работавший в Индии судьей, а затем преподававший индийское право в Оксфорде **Дж. Дж. Вудрофф** (1865-1936), известный под псевдонимом **Артур Авалон**, познакомил

западный мир с возвышенной философией *тантр*, которая до того сурово принималась в Европе. В Голландии **Яном Гондой** (1905 – 19) была издана *Брахманда-пурана* и ряд других важных текстов и исследований по вишнуизму и шиваизму.

Целый ряд трудов по буддизму, джайнизму и индуизму, индийской философии и, в частности, философии *Васиштхарамаи*, являющейся многотомным ведантистским приложением к *Рамаяне Вальмики* оставил **Хельмут фон Глазенапп**.

Ведами в историческом или историко-литературном отношении занимались **Г. Ольденберг, А. Хиллебрант, А. Б. Китс, Р. Пишель, А. Макдонелл, Т. Барроу, Ж. Филлиозат** и многие другие именитые исследователи. Наши представления об истории Индии и ее культурном наследии значительно расширились благодаря их талантливым работам, однако темных пятен вряд ли стало меньше: по мере нарастания исследовательского материала начали все более отчетливо вырисовываться величественные контуры самобытной цивилизации и между представителями разных течений европейской философии и историографии усилились размежевания, порождавшие постоянную борьбу и ломку представлений, ожесточенные споры, в которых нередко использовались и крайне неприглядные средства.

Невзирая на все очевидные достижения индология как на востоке, так и на западе, как это ни грустно, отмечена очень серьезными недостатками. Если русскую индологию долго сдерживали, с одной стороны, препоны, чинившиеся англичанами на протяжении полутора веков, и отсутствие прямых контактов с Индией, а, советскую – идеологические стереотипы, то внешне вполне респектабельная западная индология, хотя, напротив, развивалась в условиях прямых контактов с изучаемым предметом и постоянно поощрялась колониалистскими амбициями европейских правителей, имеет такие серьезные изъяны и перекосы, что внутренне ее следует признать... совершенно несостоятельной.

Как утверждает **Рональд Инден** в книге «Созданная в воображении Индия», западная индология сотворила

удобный для западных колонизаторов, но совершенно неправильный образ Индии, с помощью чего пыталась лишить Индию ее политической воли, скрыть ее роль в мировой истории. **Эдвард Сэд** в книге «Востоковедение» (1978 г.) также подчеркивает, что западная история Востока была призвана служить колониальным империалистическим интересам европейцев и являлась упрощенческой, поверхностной или просто враждебной.

Ричард Ларивьер, анализируя тенденции в современной индологии, приходит к убеждению, что современным индологическим исследованиям недостает той добросовестности и корректности, которая присуща работам по древнегреческой и древнеримской истории и филологии. Хотя... и эта добросовестность порой оспаривается. В большинстве случаев западная герменевтика следует все тем же правилам стереотипного обобщения, прямого искажения, отрицания или замалчивания очевидных истин и несправедливой односторонней критики. Индийцам навязывается взгляд, согласно которому у них всегда господствовал спиритуализм, и отсутствовало чувство реальной жизни. Не без передергивания фактов, утверждается, что санскритология... привела к дегуманизации евреев, цыган и других меньшинств в нацистской Германии, что сама санскритская филология не может обходиться без категорий европейской лингвистики, филологии и истории и т. д. и т. п..

Возражая против такой односторонности, Ларивьер отмечает большие недостатки в европейской исторической науке, источниковедении и герменевтике. Например, европейцы реконструировали древнюю социальную историю Индии с помощью *дхармашастр* («учебников или уложений державного права, религии, педагогики и этики»), не исследовав их должным образом. Так, текст *Ману-смирти* («Памятки Ману»), послуживший одним из оснований британской юриспруденции и переведенный на множество языков, никогда не был научно критически издан. А ведь в тексте содержится великое множество неточностей, позднейших поправок и спорных мест, не установлена хронология

самого массива текстов *дхарма-шастр*, а, следовательно, они не включены в исторический контекст.

Более того, в Европе появились даже декадентские теории, такие как деконструктивизм, согласно которым нет необходимости ничего познавать, так как само правильное познание наряду с правильным взаимопониманием между автором и читателем просто не возможны.

Если ныне в интеллигентских кругах имеется определенная симпатия к буддизму, интерес к йоге и даже терпимость к тантризму, то в XIX в. для европейцев было какое-то время долгом чести издеваться над особенностями духовности Индии, высмеивать йогов и тантристов, даже отрицать само существование индийской культуры.

Британские историки, подобные **Стерлингу, Хантеру, Бимзу и Тойнби**, находились на административной службе и открыто обосновывали блъшую древность и превосходство европейской культуры, стремясь доказать, что иностранное правление было благословением для Индии. Старательно вырисовывая темные стороны маратхской администрации и изображая феодальных Раджей варварами, они ни словом не обмолвливались о многих темных сторонах британского правления.

Признаюсь, что западноевропейский апломб меня всегда шокировал и возмущал не в меньшей степени, чем марксистский исторический материализм, претендовавший на научность и диалектичность, но на практике строивший свои механистические теории на зыбком основании «лоскутной» исторической хронологии, в которой столь много узких мест и темных пятен. Поэтому объяснение того, как сформировалась эта хронология, найденное математиком **Т. Фоменко**, явилось приятным освежающим душем.

В свете новой глобальной хронологии **Т. Фоменко**, разработанной с опорой на математическую статистику и астрономию, история Европы ныне вдруг стала выглядеть значительно логичнее и... короче, чем в школьных и университетских учебниках, укладываваясь чуть более, чем в одно тысячелетие. И это устраняет много несуразностей и темных пятен в мировой истории. По убеждению **Фоменко**,

Скалигер и Дионисий Малый (Петитиус) в XVI в. создали европоцентрическую модель всемирной истории, которой придерживаются и поныне все историки, археологи и политики. В основу своей теории монахи положили несколько сумбурных тавтологических средневековых хроник и царских списков, повествовавших о трех-четырёх предыдущих столетиях, приняв их за оригинальные хроники разных периодов и тем самым продублировав средние века четыре раза, что породило неоднократное фантомное отражение средневековья в предшествующей истории, создав представление о ранней, средней и поздней древности. По мнению Фоменко, затем было создано множество подделок «античных» текстов и других документов. Все это, скорее всего, не без умысла, а так сказать в «святом» стремлении обосновать бльшую древность западноевропейской цивилизации и претензию на захват мира.

С этой же целью в тот же позднесредневековый период была разработана и библейская картина мира, описанная в так называемых «Книгах царств» Библии, представленная как мифологическая история от «сотворения мира», но, в действительности, списанная со скалигеровской средневековой истории Европы с некоторой перефразировкой и переименованием имен.

Следует заметить, что и во времена Скалигера находились сомневающиеся в его хронологии, среди которых был и **И. Ньютон**, сам занимавшийся хронологией, и ныне спор о хронологии отнюдь не затух. Вспомним английского философа и историка **Р. Дж. Коллингвуда**, который был уверен, что каждый историк создает свою собственную историю, или **Н. А. Морозова**, который подверг сомнению библейскую хронологию на основе анализа астрономической информации, извлеченной из библейских мифов.

Как установлено **Н. А. Морозовым** и подтверждено **Т. Фоменко**, библейская история началась вовсе и не в Палестине, а в Италии как восстание рабов, поклонявшихся огнедышащему вулкану Везувии и, соответственно, ишчадию ада, Геенне Огненной и духу разрушения, который

«вдохновил» их на порабощение всех цивилизованных народов Земли. Парадоксально, но факт – под сенью христианства приютились и средневековая схоластика, которая была сокрушительно развенчана пером Льва Толстого в его «Критике догматического богословия», и фанатизм многочисленных сект, закрепивший за Средними веками ярлык «мрачные», и «охота на ведьм» в самом широком смысле, включая и современное политическое преследование всякого инакомыслия в странах христианского мира.

Все это можно понять только в свете того представления, что, одна ветвь переселенцев из все более усыхавшей Аравии, воспользовавшись ослаблением древних государств, вызванным какими-то геологическими, экологическими и климатическими катастрофами, значительно подорвавшими экономику древних цивилизаций Старого и Нового Света (позже окончательно смытых с лица земли волной переселения тюркских народов с Дальнего Востока), подчинила северную Африку и укрепилась в Карфагене. Хотя Италия и бросила клич «*Carthago delenda est*» («Карфаген должен быть разрушен»), а затем, действительно, смогла его разрушить и включить в свой состав на несколько веков, она пала жертвой в этом многовековом противостоянии: античная культура, стоявшая, по убеждению русского историка **М. И. Ростовцева**, на пороге капитализма, была сокрушена варварами. Затем варвары подчинили Западную Европу, переделывая европейские ведийские храмы в христианские и навязывая ей природоразрушительную и человеконенавистническую религию.

Хоть это звучит непривычно – сами себя они именовали «человеколюбцами» – однако более чем справедливо, ведь они считали любого нехристианина антихристом, достойным геенны огненной, анафемы и сожжения живьем. В «религиозных» войнах в Европе погибли сотни миллионов человек, на кострах инквизиции были уничтожены миллионы ученых «античной», т. е. раннесредневековой «языческой», а еще точнее, ведийской или «просвещенной цивилизации» Европы. Так как самым крепким оплотом ведийской цивилизации в Европе были славянские государства, такие

как Моравское, Болгарское, Сербское, Польское царства, Святая Русь, позже Киевская Русь, Белая Русь, Великое княжество Литовское, Жемойтское и Русское и Великая Русь, на них было предпринято неисчислимое количество нашествий с Запада – только маленькая Швеция провела более шестисот войн против Великой Руси, стремясь захватить, прежде всего, о. Валаам и северные земли, но иногда вторгаясь и в самый центр России. Главные же атаки шли из Германии, зараженной еще со времен Барбароссы «вирусом тяги на Восток» (*дранг нах остен*), Англии и Франции, лихорадочно боровшихся друг с другом за создание мировой колониальной империи.

Немного позже другая волна аравийских переселенцев накатилась на часть христианских владений на Ближнем Востоке, в Египте, Северной Африке, Иране и Средней Азии, затем, соединившись с тюркскими кочевниками, подчинила всю Южную и Юго-восточную Азию, навязав там силой мусульманскую религию, являющуюся отпочкованием христианства и идеологически еще более нетерпимую.

Разрушив города и библиотеки Европы, переселенцы первой волны, окрыленные Великими географическими открытиями, ринулись на завоевание новых континентов, Западной Индии (Америки), а затем и собственно Индии, Индонезии, Ирана, отвоевывая их у переселенцев второй волны, а также усиливая натиск на Россию и Китай...

В результате успешных пиратских набегов, торговых колониальных интервенций и прямых завоеваний западноевропейское рабовладение к XX в. распространилось на большую часть мира – на всю Западную и Центрально-Восточную Европу, Африку, Иран, обе Америки, Австралию, Индонезию и все более стало угрожать окончательной расправой последним оплотам цивилизации на Земле – в России, Индии, Японии и Китае. Везде оно сопровождалось массовым истреблением местного цивилизованного, просвещенного и миролюбивого, ведийского и буддийского населения, его закабалением или низведением в рабское состояние, а также работорговлей, глумлением над достижениями человеческого разума, разрушением университетов,

академий, библиотек и травлей всякого инакомыслия.

В XIX в. англичане, два века до того селившиеся в факториях на морском побережье Индии и имевшие право только вывозить товары из Индии, воспользовавшись тем, что коренное индусское население под предводительством маратхского вождя **Шиваджи** (1627 – 1680) разгромило мусульманских завоевателей, несколько веков грабивших, закабалявших и насильственно обращавших в ислам индийские народы, «помогли» индусам окончательно свергнуть мусульманских рабовладельцев, но затем коварно и предательски расправились с индусскими вождями и подчинили всю Южную Азию.

Западная индология, сформировавшаяся в эпоху колониальных захватов и непрекращающегося передела мира, является непосредственным отпочкованием европейского колониализма, империализма и миссионерской пропаганды, догматизма и казуистики. Свидетельств тому превеликое множество и они тщательно изучены индийскими учеными. Красноречивые признания ряда ведущих европейских ученых, идеологов и политиков, раскрывающие их внутренние мотивы и скрытые намерения, ясно показывают истинную подоплеку современного идеологического противоборства между Востоком и Западом, корни политизации современной индологии и ее изначальную подверженность субъективизму.

Британский колониализм в Индии

Британцы в Индии оказались более хитры, чем португальцы, более осторожны в выборе друзей, чем французы, сделавшие ставку на разбитых маратхами мусульманских шахов, и частенько выказывали лицемерное уважение к религиям колонизируемых народов в отличие от фанатичных испанцев, везде слепо насаждавших католицизм огнем и мечом. Они обучали индийскую элиту в своих университетах так, чтобы либо обратить их в христианство, либо подорвать их веру в индуизм, сменив ее на агностицизм или абстрактный псевдогуманизм, а за спиной «язычников»

они открыто глумились над их верованиями.

Пока британское правительство расширяло свои владения и укреплялось в Индии, оно старалось не вызывать никаких изменений в религии индийцев. Эта политика была разумной при управлении многомиллионным индийским населением, так как предотвращала восстание. Среди англичан находились трезвые головы, которые понимали, подобно чаоторговцу **Твиннингу**, рассуждавшему так: «Пока мы продолжаем управлять Индией в умеренном, терпимом духе христианства, мы можем управлять с непринужденностью; но если когда-либо настанет фатальный день, когда в этой стране начнутся религиозные нововведения, негодование распространится с одного края Индостана до другого, и руки пятидесяти миллионов человек вынесут нас из этой части земного шара с такой же непринужденностью, как песок пустыни рассеивается ветром».

Звучали и другие не менее откровенные признания. Например, **Монтгомери** заявил: «Христианство ничего не может преподать индуизму, и никакой миссионер никогда не совершал Действительно хорошего христианского новообращения в Индии. Оно более стремилось спасти 30000 своих приверженцев в Индии, нежели спасти души индусов, дела их христианами по столь ужасной цене».

Однако трезвые нотки быстро были подавлены хором раздраженных голосов. И зазвучали приговоры вроде того, что вынес Азии сэр **Генри Норман**: «Азия – за исключением Японии – никогда не была цивилизованной и никогда не будет, пока не произойдут большие изменения, которые пока вряд ли могут быть осуществлены без пушек и штыков». **Уильям Арчэр**, которого в своё время считали драматическим критиком, восклицал: «Варвар, варварство, варварский – я извиняюсь за то, что без конца твержу эти слова. Но они выражают сущность ситуации... Совершенно очевидная истина состоит в том, что массы индийского населения – и не только одни бедные классы – не цивилизованные люди»⁸.

⁸ K. M. Panikkar, *Essential Features of Indian Culture*, Bharatiya Vidya Bhavan. Mumbai, 1964, p. 23-24.

Миссионеры решительно выступили против сохранения английским правительством нейтралитета в отношении индийской культуры. Правительство охотно пошло им навстречу. «Распространение христианства в максимально возможной степени всюду в Индии – не только наша обязанность, – заявлял премьер-министр лорд **Палмерстон**, – но и наш кровный интерес». «Каждый дополнительный христианин, – говаривал государственный секретарь лорд **Галифакс**, – является дополнительным укреплением союза с этой страной и дополнительным источником силы империи». **Ричард Темпл**, другой высокий чиновник, в речи Лондонскому миссионерскому обществу заявил в 1883 г.: «Индия является наибольшим полем миссионерской деятельности... Но что наиболее важно для вас, друзья миссий, – это то, что есть большое население аборигенов, состоящее из внекастовых элементов... Если они будут быстро обращены в христианство, они сформируют ядро, вокруг которого будет концентрироваться британская власть и влияние». Он обратился к миссии в Нью-Йорке с призывом раз и навсегда сокрушить индийскую цивилизацию: «Таким образом, Индия походит на могущественный оплот, который разрушается тяжелой артиллерией. Мы наносим удар за ударом, и в конце концов сокрушим могущественную структуру, несомненно, когда-нибудь уничтожив все языческие религии Индии». «Они делают для Индии, – вторил ему лорд **Рэй**, – больше, чем все гражданские служащие, солдаты, судьи и губернаторы». «Они – самая мощная сила в Индии», – утверждал сэр **Мак Уортс Янг**. Таким образом, Индия очень быстро стала ареной религиозной борьбы христиан, сплотившихся с мусульманами против индусов.

В 1813 г. миссионеры получили право посещать Индию. В результате христианское население в Индии к 1893 г. достигло 600 тысяч, а к концу XX в. выросло до 24 миллионов, увеличившись на 4000 % за 100 лет!

При этом христианство насаждалось с убеждением, которое сформулировал лорд **Корнволлис**: «Каждый уроженец Индостана порочен». Миссионеры в Индии были всегда сторонниками колониализма и свято верели, что

индуизм был «в лучшем случае работой человеческого безумия, а в худшем – результатом дьявольского вдохновения».

Преподобный **А. Х. Баумэн**, признавая, что индуизм является «великой философией, которая сохраняется без изменений, тогда как другие системы философии уже мертвы», в то же время утверждал, что «*веданта*, его цитадель, – последний, самый утонченный и мощный противник христианства».

Сэр Чарльз Тревельян, чиновник Восточно-индийской компании, говорил: «Большинство тех, кто стекается в наши школы, <...> не могут возвратиться под власть браминов. Их чары навсегда сокрушены. Индуизм – это не та религия, которая может выдержать экзамен... Он сразу же тускнеет в свете европейских наук». «Образованные тем же самым способом, интересующиеся теми же предметами, занятые теми же делами, что и мы, они становятся более англичанами, чем индусами... Молодые люди, воспитанные в наших семинариях, с презрением отворачиваются от варварского деспотизма, под которым стонали их предки.... Вместо того, чтобы смотреть на нас с неприязнью, они ищут нашего общества, а их высшее стремление – быть похожими на нас».

Как выразился **Джозеф Нидхэм** (1900-1995), даже европейская живопись и скульптура стали «абсолютными», музыкой является только европейская, всякая другая музыка – область антропологии. Изучение белых рас является наукой социологией, изучение всех прочих – антропологией.

А британский политический деятель **Уильям Вилберфорс** (1759-1833) договорился до того, что объявил главным источником бедствий индусов их собственную веру: «Люди Индии сегодня поработочены, они сегодня стонут под ярмом чудовищного и абсурдного суеверия их родной веры». «Зло этой веры было неисправимым, не просто длительным, но внутренне присущим». Далее он говорил о «темных и разлагающих суевериях», «нечеловеческой жестокости индуизма», его «жадном, распущенном и жестоком» характере. Ссылаясь на свидетельства подобных ему людей, Вилберфорс доказывал, что индусы были ничтожны, лживы и

вороваты, что они сжигали вдов и убивали младенцев.

И эти взгляды были присущи не только колониальным британским властям, но всей правящей элите Западной Европы. Так, **Бартеlemi де Сент Илар**, министр просвещения французского правительства в 1883 г., заявил, что «индусская система мысли отвратительна, не имеет никакой интеллектуальной строгости и последовательности и не может выдержать сравнение с системами древней Греции или современной Европы».

Фактически, показной нейтралитет английского правительства был только удобной стратегией. По существу, его цель оставалась всегда той же самой – порабощение и грабеж. Британские власти прибегали к сожжению книг по древнеиндийской медицине в Керале, чтобы насадить европейскую систему медицины; отрубали большие пальцы ткачам в Бенгалии с целью нанесения вреда производству превосходящей индийской ткани и поддержания продаж британского продукта; безжалостно, часто с побоями и кровопролитиями, обирали крестьян в течение многих десятилетий, даже когда разражался голод; секли, вешали и пытали тех, кто выступал против империи.

Лорд Томас Бабингтон Маколей (1800-59)

Лорд Томас Бабингтон Маколей известен тем, что ввел английское образование в Индии. Маколей был первым членом Законодательного органа генерал-губернатора, поэтому его мысли отражали официальную позицию британских властей.

Он писал в 1835 г., что индуизм основан на «литературе, не имеющей никакой ценности..., содержащей самые серьезные ошибки в самых важных предметах..., едва ли совместимой с разумом, с этикой... и изобилующей

чудовищными суевериями». Индусы, следовательно, питались тысячелетиями «ложной историей, ложной астрономией, ложной медициной... и ложной религией».

С гордостью он заявлял, не понимая, что выносит приговор колонизаторам, что «война бенгальцев против англичан походила на войну овец против волков, людей против демонов».

С невероятным высокомерием он отзывался о санскритской литературе: «Я сомневаюсь по поводу того, может ли санскритская литература быть столь же ценной как литература наших саксонских и норманнских предков».

Маколей советовал в 1835 г. создать индийскую элиту с помощью образования западного типа, делая индусов англичанами по вкусам, мнениям, морали и интеллекту.

Хотя он и не был миссионером, он искренне полагал, что христианство было ключом к проблемам управления Индией. Об этом он писал в письме к своему отцу в 1836 г.: «Я убежден, что, если наши планы образования осуществляться, то через тридцать лет не останется ни одного идолопоклонника среди высших сословий в Бенгалии. И это произойдет без какого-либо насильственного обращения, без малейшего ограничения религиозной свободы, простым воздействием знания и его осмыслением. Я сердечно радуюсь при этой мысли».

Вместе с тем, эта радость покоилась не на желании истинного блага индусам, а на самоуверенности и чувстве превосходства: «Я никогда не встречал ни одного из них, кто мог бы отрицать, что одна единственная полка хорошей европейской литературы стоит целой индийской или арабской библиотеки. Изначальное превосходство западной литературы, действительно, полностью признается всеми теми членами Комитета, которые поддерживают план восточного образования». «Превосходство европейцев становится совершенно безграничным. Вопрос, который теперь стоит перед нами, заключается просто в том, будем ли мы преподавать (индийские) языки, на которых, по всеобщему признанию, нет никаких книг ни по одному предмету, могущих выдержать сравнение с нашими

собственными, в то время как мы можем преподавать английский язык; будем ли преподавать дисциплины, которые, по всеобщему признанию, всякий раз, когда отличаются от европейских, отличаются в худшую сторону, в то время как мы можем обучать европейской науке; и в то время как мы можем поддержать здоровую философию и истинную историю, будем ли мы за общественный счет способствовать развитию медицинских доктрин, которые позорили бы английского ветеринара, или астрономии, которая вызывает смех у девочек в английской школе, или истории, изобилующей правителями тридцати футов роста, царствующими по тридцать тысяч лет, или географии, описывающей моря патоки и масла. Я бы сразу остановил печатание арабских и санскритских книг, закрыл бы медресе и санскритский колледж в Калькутте, а также и все учебные заведения в Бенаресе, главном центре брахманского образования».⁹

Очевидно, что в его рассуждении был пафос правоверного и просвещенного невежи. В европейской науке того времени, несомненно, были положительные революционные подвижки. Но и в науке индусов, о которой этот глашатай науки ничего не смыслил, несомненно, таился огромный потенциал, который уже прозревали лучшие умы Европы.

Если Вольтер писал, что «Индия – страна, знаменитая, прежде всего, своими законами и наукой», то он считал, что индийцы были «более низкой породы, не имеющей закона».

Целью Маколея было разрушить все религиозные учреждения Индии. Маколей смотрел на Индию как рабовладелец. Он писал: «Мы знаем, что Индия не может иметь свободного правительства. Но она может иметь другую замечательную вещь – устойчивый и беспристрастный деспотизм».

Он не имел никакой симпатии к устремлениям образованной Индии, и никогда не старался понять их. Его желанием было связать Индию оковами рабовладельческого законодательства, позолотив цепь. В одной из своих речей в

⁹ <http://www.tc.umn.edu/~raley/research/english/macaulay.html>. См. также статью: Francois Gautier, Haunted by Macaulay's ghost.

1838 г., Маколей демагогически и цинично заявил: «Я полагаю, что никакая другая страна не нуждалась когда-либо так в кодексе законов, как Индия; и я верю также, что никогда не было страны, в которой законы могли бы быть так легко насаждены... Это – работа правительства Индии, руководствующегося просвещенным и отеческим деспотизмом».¹⁰ Вопрос, по мнению Маколей, состоял в том, чтобы спасти индийцев от индуизма.

Язычество же Индии он объявил «более жестоким, более распущенным, более богатым писаниями на предмет абсурдного права и пагубных законов, чем в любой другой части мира». Народ в Индии, утверждал он в «Воротах Сомнатха», – идолопоклонники, слепо приверженные доктринам и обрядам, которые, будучи рассмотрены кротно в связи с временными интересами человечества, являются в самой высокой степени пагубными». «Следовательно, потворство брахманскому идолопоклонству и пренебрежение к христианству равно государственной измене против человечества и цивилизации».

План Маколей состоял в том, чтобы повернуть силу образованных индусов против них самих, использовать их ученость, чтобы искоренить их собственные традиции. Для этой цели ему были нужны ученые, желающие и способные интерпретировать индусские священные писания таким способом, чтобы получившая английское образование индусская элита занялась выявлением различий между их священными писаниями и Новым Заветом в пользу последнего. Упорство Маколей в осуществлении этого волюнтаристского замысла вскоре увенчалось успехом, когда он нашел ученого мужа по имени **Ф. М. Мюллер** (1823-1900), которого тут же провозгласили первым индологом в Оксфорде (см. ниже).

Джеймс Стюарт Милль

Джеймс Стюарт Милль – автор шеститомной *«Истории*

¹⁰ Baman Das Basu, *Rise Of The Christian Power In India*, Calcutta, 1931, p. 802-807.

британской Индии» (1818 г.), которая была долгое время обязательным учебником в вузах. Особенностью этого труда была карикатурная периодизация индийской истории, согласно которой вся сложная многовековая история субконтинента, видевшая возникновение, слияние и исчезновение сотен больших и малых государств с разным политическим строем, языком и культурой, была представлена всего тремя периодами: «индусским», «мусульманским» и «британским».

Известно, что религия правителей не всегда совпадает с религией подданных. Более того, далеко не в одинаковой мере власть мусульманских правителей распространялась на различные регионы Индии. Некоторые из государств юга так и не были окончательно подчинены. Маратхи к концу этого «мусульманского» периода полностью разгромили мусульманских богдыханов, что, кстати, позволило европейским торговым компаниям вмешаться в междоусобицу и в последствии воспользоваться ослаблением страны для ее покорения. Если в качестве главного критерия периодизации должна была непременно стать религия правителя, тогда, согласно логике, следовало бы определить третий период как «христианский».

Очевидно, что периодизация Милля, отмечает историк Делийского университета К. М. Шримали, подчинялась империалистической цели р а з ж и г а н и я р е л и г и о з н о й р о з н и в Индии (не удивительно, что «История» Милля была одним из обязательных текстов в колледже Хэйлибюри, где получали свое образование будущие английские чиновники перед отправкой в Индию)¹¹.

Милль характеризует претензию индусов на большую древность своей культуры как пример хвастливого и раздутого тщеславия восточных наций... Характеризуя индусские манеры, он замечает, что «порок лживости, действительно, у них на такой высоте, которая не достижима ни для каких других рас». А уровень индусских искусств... был ниже даже, чем у египтян, и намного ниже, чем у греков и римлян.

¹¹ К. М. Shrimali, «Aesthetic deceptions», <http://www.hindustantimes.com>.

Это – первая из наиболее значительных расистских разработок древней индийской истории и культуры в западной индологии, выводы которой распространялись и на другие азиатские цивилизации. Примечательно, что большая часть положений Милля обнаруживается не только в колониальной, но и в постколониальной индологии.

Неугодные «дальние родственники»

Слово «арий», которое в Индии издревле обозначало «небесных мудрецов», а также «просвещенных, образованных, благородных, особо чтимых знатных и святых людей», а сегодня, благодаря немецко-итальянским фашистам, сопряжено с понятиями расовой ненависти и кощунственного злодеяния, как показал **Томас Тротманн** в своей истории британской ориенталистики и этнологии Индии, впервые начало использоваться европейцами, чтобы обозначить языковое родство индийских и европейских народов. Когда были обнаружены исторические связи, объединяющие санскрит с языками Европы, стало ясно, что индийцы и англичане принадлежали к тому же самому языковому семейству, и индоевропейская или арийская идея, основанная на принципе лингвистического родства, стала утверждаться в британской этнологии.

В девятнадцатом столетии, однако, появившаяся биологическая «расовая наука» ринулась в наступление на позиции востоковедов. Представление о темнокожих людях, очевидно бывших также цивилизованными, противоречило расистским убеждениям викторианских идеологов, которые и пересмотрели понятие арийского родства народов Европы и Азии и к концу девятнадцатого столетия выработали в отношении Индии то, что Тротманн называет «расовой теорией индийской цивилизации». По его выражению, «евангелистское влияние влекло британскую политику вниз на путь клеветы и умаления достижений индийской цивилизации и пресечения всякого увлечения индийской мудростью».

Арийская идея, идея лингвистического родства индийцев и европейцев, была идеей объединения на начальной стадии британской экспансии, позже, когда британское удушение Индии усилилось, она была отброшена, и акцент на сходствах между англичанами и индусами стал больше препятствовать, чем облегчать консолидацию британской мощи в Индии.

По словам **Чарльза Гранта** (1746-1823), председателя Восточно-индийской компании, «мы не можем избежать признания того, что жители Индостана составляют расу безнадежных дегенератов.., управляемых самыми порочными и распущенными страстями... и вверженных в страдания своими собственными пороками».

В 1861 г. **Джон Кроферд** сделал следующее высказывание: «Я не готов признать общее родство индусов, греков и тевтонцев, так как это позволило бы утверждать, что нет никакого различия в способностях людей, которые произвели Гомера и Шекспира, и тех, которые не произвели ничего лучшего, чем авторов *Махабхараты* и *Рамаяны*; а также что нет никакого различия между домоседами индусами, которые никогда не совершали никаких иноземных завоеваний, и нациями, которые открыли, завоевали и заселили новый мир».

Крестоносцы-индологи

Пионерами в области современной западной индологии, таким образом, оказались христианские миссионеры. Первым, кто начал поощрять изучение восточных языков в Западной Европе, был еще римский папа **Гонорий IV** (1286-87 н. э.). Вскоре после Вселенского венского собора (1311-12 н. э.) было решено создать достаточное количество католиков, хорошо сведущих в языках, особенно в языках язычников, для того чтобы наставлять их в священном писании. В 1870 г. первый ватиканский собор особо обозначил индусские верования для осуждения в «пяти анафемах против пантеизма», как отмечено иезуитом **Джоном А. Гардоном** в церковной книге «Католический катехизис».

На протяжении двух веков официальная западная индология целенаправленно критикует и высмеивает все направления индийской философии и культуры.

Кэйт Тельтчер отмечает: «Индуизм часто рассматривался как враг, который должен быть уничтожен христианами. Прилагались усилия, чтобы изобразить индуизм в качестве поэзии, беллетристики или мифологии. Индуизм был объявлен работой Сатаны, скопищем демонов <...> мишенью, которой недоставало европейцам дома в 18-ом столетии после снижения преследований в колдовстве. Дьявол побеждается через обращение. Доказательством победы «бога» являлось описание крещений <...> За один день некий отец Буше крестил 500 сотен новообращённых <...> Все это подавалось читателю как захватывающее повествование о героическом предприятии и лестное изображение западного влияния на индейцев».

Далее, рассматривая взгляды европейцев и британцев на Индию, она пишет: «Некий профессор Макензи из Бомбея

находит этику Индии дефектной, нелогичной и антиобщественной, лишенной всякого философского основания, развращенной отвратительными идеями аскетизма и ритуала и в целом более примитивной, нежели «более высокая духовность» Европы. Он посвятил большую часть своей книженции «Индусская этика» обоснованию этого тезиса и пришел к выводу, что ведийские философские идеи, «будучи логически применены, не оставляют места для этики и для развития напряженной моральной жизни».

В 1790 г. миссионер **Клавдий Бакшанан** из Восточно-индийской компании, свято веривший в то, что сам бог дал Компании власть над Индией с определенной целью ее христианизации, с восторгом писал: «Никакая христианская нация никогда не обладала такой обширной областью для распространения христианской веры, какой является наше влияние на сто миллионов уроженцев Хиндустана. Никакая другая нация никогда не обладала такими средствами насаждения веры, какие имеет наше правительство в среде этих пассивных людей, которые уступают покорно нашему умеренному влиянию, почитают наши принципы и признают, что наше господство будет для них благословением. Провидение, несомненно, довольно тем, что в ходе последних лет эта Восточная империя была поработана самой цивилизованной нацией в мире именно для этой самой цели». На деле же, самая ничтожная из европейских стран, истинный вертеп пиратов и авантюристов, вторглась в цивилизованную страну, миролюбие и гостеприимство принимая за пассивность, и ограбила ее, убив миллионы людей.

Наблюдая в Пури в Ориссе ежегодный праздник «Вывоз колесницы», он окрестил его «ужасами индийского Молоха», так как черный лик *Джаган-натхи* (Владыки Мира), которого косноязычный англичанин прозвал Джаггернаутом, показался ему воплощением «кровавого ужаса». Возможно, замечает индийский историк, видя лицо бога *Джаганнатхи*, британцы впадали в галлюцинацию и видели свой собственный облик международного палача и грабителя, погрязшего в кровопролитиях и резне. В любом случае, с тех времен, когда британцы узрели «ужасающий» вид Бога на его

гигантской колеснице, слово «джаггернаут» в значении «безжалостная сила» вошло в английский язык и стало синонимом любой большой силы, которая сокрушает все на своем пути.

Тот же Клавдий Бакшанан вынес суровый приговор национальному индусскому характеру: «В груди индуса нет ни правды, ни честности, ни чести, ни благодарности, ни милосердия». Его суждение было полностью поддержано Уильямом Вилберфорсом, который заявил в британском Парламенте в июне 1813 г., что «наша религия является возвышенной, чистой и благотворной, а их – является низкой, распушенной и жестокой»¹².

Трудно сказать, какой смысл вкладывал кардинал **Бурн** в слова «цивилизация в нашем смысле слова», когда формулировал ту же мысль следующим образом: «Когда вы сталкиваетесь с нациями, к которым не проникло христианство, вы обнаруживаете, что у них нет никакой цивилизации в нашем смысле слова кроме фрагментов, которые они приобрели от христианских цивилизованных наций». Имел ли он в виду инквизицию, травлю и уничтожение ученых в Европе и Америке, жестокость колонизаторов, примитивизм и атавизм христианской мифологии и этики или что-то иное? Вряд ли он имел в виду развитие науки и технологии, ведь церковь была непримиримым врагом научного прогресса и в Европе, и в Америке, и везде в мире. Вряд ли он имел в виду развитие материализма, европейские революции и нескончаемые войны. Очевидно, под европейской цивилизацией он подразумевал только успехи средневековой церковной схоластики и колониальной экспансии Англии.

Для большинства англичан 18-19-ого столетия именно «человеколюбивая христианская религия» была оправданием расизма и чувства превосходства везде в мире, не исключая Индию. Маркиз генерал-губернатор **Хастингс** в 1813 г. это чувство выразил так в своем дневнике: «Индус похож на примитивное существо, ограниченное простыми функциями животного, которое безразлично даже к самим этим

¹² Sita Ram Goel, *History of Hindu-Christian Encounters*, Delhi, 1990, p. 33.

функциям... с интеллектом не выше того, который могла достичь собака, слон или обезьяна...»¹³.

Евангелисты, напуганные идеей, что христиане могли увлечься «идолопоклонством» и «язычеством», а по существу, подлинной наукой и искусством древнего мира, и, видя в Индии неограниченное поле миссионерской деятельности, настаивали на том, чтобы их «христианское» правительство взяло на себя обязанность насаждения христианства. Но и без правительственной санкции христианские евангелисты прибывали в Индию толпами и старались обращать в свою веру всех подряд, как до них это же делали мусульманские фанатики, чтобы уничтожить «суеверия неверных».

Преподобный **Уильям Вард**, английский миссионер, написал четырехтомный полемический памфлет, в котором характеризовал индуистскую веру как «клубок суеверий», придуманный браминами, и как «самую полную систему абсолютного притеснения, которая когда-либо существовала».

Многие из ранних индологов, видимо, искренне и фанатично верили, как **У. У. Хантер**, что «всякая ученость согревается только святым пламенем христианского рвения». Лондонская «Дэйли Телеграф» писала: «В мире нет никакой иной цивилизации кроме христианства» (7-ого ноября 1919 г.).

Епископ **Джеймс М. Тобурн** (1836-1922) в своей книге «Христианское завоевание Индии» в 1906 г. хвастливо сообщает о миллионах подданных в Британской империи, ожидающих обращения: «В самые счастливые времена своего расцвета Рим управлял только ста двадцатью миллионами человек, в то время как в Индии сегодня почти триста миллионов душ подчинены, более или менее непосредственно, власти короля-императора. Только Китай среди всех прочих больших королевств и империй мира может сравниться с Индией по населению в начале этого нового столетия, и это роскошное царство открыло все свои ворота и двери христианским миссионерам. Вместо несчастных мелких судов,

¹³ R. C. Majumdar, *The History and Culture of Indian People*, Vol. X, 2nd ed., Bombay, 1981, p. 338.

в которых Павел курсировал вдоль средиземноморских портов, индийские миссионеры имеют в своем распоряжении плавающие дворцы, чтобы перемещаться в море, в то время как роскошные автомобили ждут их на берегу для сухопутного передвижения. Бог открыл тропы даже к самым отдаленным племенам, в то время как сочувствующее и просвещенное правительство защищает его от враждебных выпадов или опасностей... Старики могут радоваться, что они дожили до этих дней, молодёжь может радоваться еще больше в предвкушении дня, когда миллион душ будет расспрашивать о пути, ведущему к Сиону, – миллион на севере Индии, миллион – на западе, еще миллион – в Бирме, и еще миллион – на юге Индия. Миллион? Почему не десять миллионов? Почему не христианское завоевание Индии?»

Сэр Чарльз Эдвард Тревельян (1807-1886), зять Томаса Маколея и автор «Сопоставления христианства и индуизма» (1882), обратился к литературно-философскому обществу Ньюкасла-на-Тайне со следующим заявлением: «...Поскольку только христианская религия способна исправлять нарушения, вызываемые страстями человечества, и постепенно вести мир к совершенству, она должна иметь божественное происхождение, и мы обязаны обеспечить ее распространение в мире, повинаясь ее основателю, Иисусу Христу. Если это верно как общее суждение, мы имеем особое обязательство по отношению к нашей великолепной индийской империи, и средства для выполнения этого обязательства пропорциональны обязательству: особая ненависть к индуизму, надежда и убеждение, что христианство скоро возобладает, расчет на то, что распространение правительством западных знаний и наук приведет к уничтожению индуизма, ибо грамматики и азбуки вполне достаточно для его уничтожения».

Видный миссионер Александр Дафф (1806-1878) основал Шотландский колледж в Калькутте как «штаб для большой кампании против индуизма». Он писал: «В то время как мы радуемся, что истинная литература и наука заменяют то, что является очевидно ложным, мы не можем не жаловаться на то, что ничего не делается, чтобы заменить единственно

истинной христианской религией ложную религию, которую наша литература и наука неизбежно уничтожат... особенно индуизм, как самую влиятельную из всех систем ложной религии, когда-либо созданных извращенной изобретательностью павшего человека»¹⁴. «Индия – главный оплот земной власти Сатаны».

Чарльз Грант, который имел огромное влияние в евангелистских кругах, будучи членом секты Клэпхэма, именовавшейся в британском парламенте Евангелической партией, издал в 1797 г. свои «Наблюдения» («Наблюдения над состоянием азиатских подданных Великобритании, особенно в отношении нравственности и средств ее улучшения»), критикуя почти все стороны жизни индийского общества и особенности индуизма и определяя индусов как нравственно развращенных, бесчестных, лживых и неверующих людей, совершенно отличных от британцев. Этим он, несомненно, «обогастил» идеологический арсенал христианских миссионеров и способствовал оправданию колониальной британской политики. Он прямо настаивал на том, чтобы путем внедрения английского языка, литературы и религии подорвать исподволь и ниспровергнуть индуизм.

В 1813 г., выступая в Палате общин от имени миссионеров, трудившихся в Индии, он заявил: «В принципе, мы заранее выявили состояние морального духа индусов, установив характер их божеств... Их божества – истинные чудовища похоти, несправедливости, зла и жестокости. Короче говоря, их религиозная система – одно великое отвратительное безобразие».

Цитируя директоров Восточно-индийской компании, он настаивал на том, что эти черты характера вытекали непосредственно из природы их суеверий и испорченного характера их божеств, так же как почти из полного отсутствия моральных наставлений: «Едва ли нужно пояснять, что в их суеверных обрядах найден естественный союз между непристойностью и жестокостью, а индусские суеверия, действительно, являются едва ли менее кровавыми,

¹⁴ R. C. Majumdar, *The History and Culture of Indian People*, Vol. X, 2nd ed., Bombay, 1981, p. 155.

чем похотливыми».

Один полуграмотный католический епископ из г. Плимута назвал книги, изданные в серии «Священные книги Востока» «тарабарщиной», очевидно, потому, что ничего не смыслил ни в специфических восточных учениях, ни в философии.

В книге «Корона индуизма» шотландский миссионер **Дж. Н. Фаркухар**, который работал в Индии, проповедуя христианство, в течение периода с 1891 по 1923 г., говорится, что, хотя в индуизме есть некоторые хорошие моменты, в конечном счете, истинное спасение может быть достигнуто только через Иисуса Христа, который является короной индуизма.

Уильям Арчэр писал в своей книге «Индия и будущее»: «Чистая правда – массы индийского населения, особенно беднейшие слои, – не цивилизованные люди». Преподобный **А. Х. Бауман** писал, что индуизм был «великой философией, которая сохраняется в неизменном виде, тогда как другие системы мертвы, а ее цитадель – *веданта* – последний самый утонченный и мощный противник христианства».

Если **Ричард Темпл**, мечтая о том, чтобы постепенно уничтожить индуизм, возлагал надежды на «науку» 19-ого столетия, то миссионер **У. Дж. Уилкинз** в своей книге «*Обыденная жизнь и труд в Индии*» (с. 252) был более прямолинеен, заявляя: «Если эта вера в божественное происхождение этих книг (*Вед*) могла бы быть разрушена, то можно было бы надеяться, что люди стали бы слушать с беспристрастием христианские проповеди...».

Гоуджерли писал: «Вся история известного бога *Кришны* состоит из похоти, грабежа, обмана и убийств... да и история всей иерархии индуистских богов – повесть о позорной несправедливости, слишком мерзкой, чтобы о ней писать подробно».

Миссионеры активно осуждали ведийскую литературу как «нелепость», предназначенную для «развлечения детей». Один проповедник заявил: «Проклятием Индии является индуизм. Более двухсот миллионов исповедуют обезьянью мешанину мифологии, которая удушает нацию». «Тот, кто тоскует по богу в Индии, скоро теряет свою голову так же, как и свое

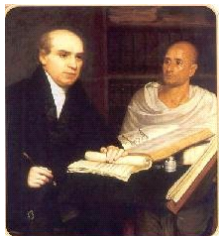
сердце».

Французский миссионер аббат **Дюбуа** написал главу об индуских храмах в своей книге «Индуские манеры, обычаи и обряды», отозвавшись об индуских статуях так: «Индуское воображение таково, что оно может быть возбуждено только тем, что является чудовищным и экстравагантным».

Разумеется, иногда раздавались и трезвые голоса. Так, согласно писателю **Павлу Уильяму Робертсу**, «обращение в христианство в значительной степени терпело неудачу в Индии, потому что христианство не могло предложить ничего нового, чего бы уже не было в каких-либо формах индуизма. Индуизм никогда не отвергал учения Иисуса. Те, которые приняли обращение, либо находились под дулом ружья, как в Гоа, или потому что это обеспечивало спасение от тирании касты, а также гарантировало профессиональное продвижение. Опираясь на такое наследство как *Веды*, индуизм уважает все веры. В них ясно сказано, что бог един, но имеет много форм. Христианское утверждение звучит нелепо: бог действительно един, но в то же время имеет еще – и только одну форму – сына. «Дикари» Индии были более искушены в логике – настолько искушены, что империалистическая смесь церкви и государства в Европе не давала возможности постичь сложность их философии».

Христианские санскритологи и ведологи

Первыми на Западе стали исследовать ведийскую литературу все те же британские миссионеры во второй половине восемнадцатого столетия. «Исследования» этих первых британских санскритологов в Индии в период с 1700 по 1800-ые гг. более походили на клеветнические измышления, в которых обосновывалась идея о варварском, примитивном и молодом характере ведийской литературы и культуры и превосходстве «христианской»

**Уильям Карей и его
учитель индийских
языков
*Мритьюнджай***

культуры самих колонизаторов. Большой частью ничего не смысла в древней и истинно великой санскритской науке и литературе, тем не менее, многие британские «профессора», порой не гнушавшиеся дешевой или бескорыстной помощью индийских ученых, частенько с наглостью заявляли, что их собственные сомнительные переводы ведийских текстов были лучше переводов индийских ученых.

В такой атмосфере формировались первые профессиональные санскритологи, – **У. Карей, Уильям Джоунз, Чарльз Уилкинз и Томас Кольбрук** – которых можно считать отцами английской индологии.

Уильям Карей

История западного (миссионерского) востоковедения в Индии может быть начата с Уильяма Карея, основателя Миссионерского баптистского общества. Сапожник по профессии, он издал в 1792 г. в Англии книгу «Рассмотрение обязанности христиан использовать средства для обращения язычников». С 1801 г. он как профессор восточных языков написал множество грамматик и словарей маратхи, санскрита, панджаби, телугу, бенгали; издал в Серампоре более 200000 экземпляров Библии и ее частей почти на 40 различных индийских языках и диалектах¹⁵. Карей и его коллеги экспериментировали с тем, что стало известно как церковный санскрит. Он хотел обучить группу «христианских» ученых мужей, которые исследовали бы *Веды*, «эти таинственные священные глупости», и выставили бы их ничего не стоящими безделицами. Он крепко досадовал на то, что эта «изящная золотая шкатулка санскрита» была «заполнена только галькой и хламом». Излишне пояснять, что его сокровенным желанием было заполнить ее «бесценным богатством» христианства¹⁶.

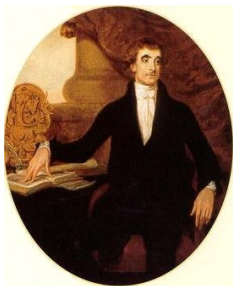
Учеником Уильяма Карея был **Джон Муир** (1810-1882), прибывший в Калькутту в 1828 г. как государственный служащий Восточно-индийской компания. Он издал свое

¹⁵ *Encyclopaedia Britannica*, 1950, vol. 4, p. 860.

¹⁶ Richard Fox Young, *Resistant Hinduism*, Vienna, 1981, p. 34.

первое сочинение «Исследование философии» («*Matapariksha*») в 1839 г., в котором утверждал, что чудеса, упомянутые в индуистских священных писаниях, были ложными и малозначущими «простыми украшениями» вместо того, чтобы быть в самом центре, как в христианстве. Он критиковал с христианских позиций космографию *пуран*, великих энциклопедий индуизма и ведийской науки, которые были в то время лишь слегка приоткрыты, как ошибочную, забыв, что Галилей и Коперник сделали с космографией Библии и каким преследованиям они подверглись со стороны церкви¹⁷. Этот способ спора напыщено называют «очевидной апологетикой» в христианском богословии.

¹⁷ Sita Ram Goel, *History of Hindu-Christian Encounters*, p. 78; Sisir Kumar Das, *The Shadow of the Cross*, 1974, p. 51-78.

Уильям Джоунз

Уильям Джоунз (1746-1794)

Сэр Уильям Джоунз – первый британский ученый, овладевший санскритом и изучивший *Веды*. Он знал также арабский и персидский. Работал судьей в Калькутте, затем преподавал в Оксфорде. Он перевел несколько поэм с санскрита, включая *Шакунталу*

Калидасы, что вызвало большой резонанс в Европе и волну увлечения индийской словесностью. В речи в Азиатском обществе Бенгалии он заявил о том, что европейские языки, древнеперсидский и санскрит принадлежат к одному семейству, что дало толчок развитию сравнительной филологии.

В исторических же воззрениях он опирался на концепции Джеймса Милля, автора «Истории Индии», который полагал что «люди Индии никогда не были развиты и что они не имели никакого права притязать на великое прошлое». Джеймс Милль, отец Джона Стюарта Милля, издал свою «Историю Индии» в 1818 г.. Хотя Милль не говорил ни на одном индийском языке, действительно никогда не был в Индии, его «обвинительный приговор» индийскому обществу и религии стал стандартной работой, обязательным чтивом для всех, кто должен был служить в Индии.

Сэр Джоунз был назначен судьей Верховного Суда в Калькутте. Он перевел множество санскритских сочинений на английский язык, и его исследования языков делают его одним из самых блестящих умов 18-ого столетия. Он не был склонен к оскорблению религиозных чувств индийцев, а *Ведами* он просто восхищался. Однако он описал *Бхагават-пурану* всего лишь как «нарративное попури», а *Бхагavadгиту* без каких-либо оснований считал подражанием христианским евангелиям. Согласно Томасу Р. Траутманну, автору книги «Арийцы и британская Индия», ни Джоунз, ни любой из британских востоковедов не имел ни малейшего

сомнения относительно превосходства европейской цивилизации над индийской.

Х. Х. Уилсон (1786-1860)

Х. Х. Уилсон, самый великий санскритолог своего времени, стал первым Боденским профессором санскрита в Оксфорде в 1832 г.. Эта кафедра была учреждена на средства полковника Джозефа Бодена, вернувшегося из Индии в 1807 г. и завещавшего их с целью подготовки миссионеров, которые переведут Библию на санскрит и «просветят» народы Индии.

Что же касается своих политических убеждений, Уилсон был убежден, что христианская культура должна была заменить ведийскую культуру и что хорошее знание индийской традиции поможет осуществить это преобразование. Он надеялся, что прилежные усилия приведут к ниспровержению «показной» ошибочной и ложной ведийской системы «копьем христианской правды». Он также был готов предоставить приз в двести фунтов... «за лучшее опровержение индуcской религиозной системы».

Фридрих Макс Мюллер (1823-1900)

Макс Мюллер

Одним из самых известных индологов XIX в. был Фридрих Макс Мюллер (1823-1900), уроженец Дессау (Пруссия), ученик Ф. В. Шеллинга и Франца Боппа, автора «Аналитического сравнения санскрита, греческого, латинского и тевтонских языков» (1820), в которой было доказано родство индо-европейских языков. Он более известен своей 50-томной серией «Священные книги Востока», шеститомным изданием *Риг-веды* с комментариями *Саяны*, переводами ведийских гимнов и *упанишад*, а также трудами по мифологии, религиоведению, лингвистике и фольклору.

М. Мюллер позволял себе нередко хвалить индийскую культуру, но, выступая в христианской миссии в Вестминстерском аббатстве в 1873 г., он сделал заявление, что «индуизм умер или умирает, потому что он принадлежал идеологическому пласту, который давно похоронен под ногой современного человека». Он также утверждал, что «поклонение *Шиве*, *Вишну* и другим популярным божествам было во многих случаях более испорченным и диким, чем поклонение Юпитеру, Аполлону или Минерве... Когда религия прекращает производить защитников веры, пророков, мучеников, она прекращает жить в истинном смысле слова; и в том смысле старый ортодоксальный брахманизм прекратил жить больше тысячи лет назад»¹⁸.

А в 1876 г., Мюллер писал другу: «Индия намного более готова принять христианство, чем Рим или Греция были во время святого Павла»¹⁹.

«Гнилое дерево в течение некоторого времени имеет устойчивость..., но если появляется англичанин, видящий, что дерево должно упасть..., он не будет возражать против любой кровавой или территориальной жертвы... Я хотел бы отдать свою жизнь или, по крайней мере, свою руку, чтобы завершить эту борьбу»²⁰.

Даже когда он как бы выступал в защиту ведийской литературы, он оставался язвительным и желчным: «Я не требую для древней индийской литературы большего, чем по отношению к басням, традициям и песням диких народов. Я просто говорю, что в *Ведах* мы имеем более ранний образец начального периода, и к тому же более интеллектуальный, чем в диких заклинаниях готтентотов и бушменов»²¹.

Макс Мюллер открыто признался: «Это мое издание и перевод *Вед* в будущем значительно повлияет... на судьбу Индии и на формирование сознания миллионов душ в этой

¹⁸ Nirad C. Chaudhari, *Hinduism: A Religion to Live*, Delhi, 1997, p. 116 -117.

¹⁹ Satsvarupa Dasa, *Vedic Literature: The Tradition Speaks for Itself*, Delhi, 1985, p. 178.

²⁰ *The Life and Letters of the Rt. Hon. Friedrich Max Muller*, edited by his wife. Longmans, London, 1902, Vol. I, pp. 190-92.

²¹ George Benjamin Walker, *The Hindu world, an encyclopedic survey of Hinduism*, New York, 1968. 2 Vols.

стране. Это – корень их религии, и, показав им, каков корень, я уверен, можно искоренить все, что возникло из него в течение прошлых 3000 лет»²².

В другом письме Мюллер писал своему сыну: «Если речь идет о священном писании, которое превосходит все другие в мире..., я назвал бы Новый Завет, после него я поместил бы Коран, который – в своей моральной части – едва ли нечто большее, чем более поздняя редакция Нового Завета. Затем следуют, по моему мнению, Ветхий Завет, южная буддистская *Трипитака*, *Дао-де-цзин* Лао-Цзы, «Цари» Конфуция, *Веды* и *Авеста*»²³.

В письме к Н. К. Маджумдару Мюллер писал: «Назовите мне некоторые из ваших главных трудностей, которые мешают Вам и вашим соотечественникам открыто следовать за Христом, и в своих письмах к Вам я постараюсь объяснить, как я и многие, кто согласен со мной, преодолели их... С моей точки зрения, Индия, по крайней мере, лучшая часть ее, уже обращена в христианство. Вы не хотите никаких убеждений, чтобы стать последователем Христа. Тогда заставьте свой разум работать на Вас самих. Объедините свои помыслы так, чтобы можно было удерживать их вместе и не дать им рассеяться. Для Вас построен мост теми, кто прибыл прежде Вас. **Ступайте смело вперед**, даже если он сломается под Вами, Вы найдете много друзей, приветствующих Вас на другом берегу и среди них – Вашего старого друга и товарища по работе, восхищенного больше всех»²⁴.

Мюллер резко критиковал взгляды немецкого ученого доктора Шпигеля, который утверждал, что библейская теория сотворения мира заимствована из древней религии персов или иранцев. Уязвленный этим утверждением Макс Мюллер писал: «Автор, подобный доктору Шпигелю, должен знать, что он не может рассчитывать ни на какие деньги; нет,

²² *The Life and Letters...*, *Op. Cit.*, Vol. I, p. 328; N. S. Rajaram & David Frawley, *Vedic Aryans and the Origins of Civilization*, New Delhi, 1997, p. 10.

²³ *Life and letters...*, *Op. Cit.*, Vol. II, Ch. XXXII., page 339.

²⁴ P. B. Dutt, «Western Indologists: A Study in Motives», <http://www.philosophy.ru/library/asiatica/indica/authors/motives.html>.

боже упаси, он не должен ждать даже милосердия, но только самую тяжелую артиллерию против плавающей батареи, которую он запустил в плавание в беспокойных водах библейской критики».

Доктор Шпигель не был единственной мишенью Мюллера. В 1926 г. французский ученый Луи Жаколлио, главный судья в Чандранагаре, написал книгу под названием «Библия в Индии». В этой книге он выдвинул положение, что все главные философии западного мира произошли из Индии, которую он прославлял таким образом: «Земля древней Индии! Колыбель человечества, привет тебе! Привет тебе, почтенная Родина, которую столетия зверских вторжений пока еще не похоронили под пылью забвения. Привет тебе, Родина веры, любви, поэзии и науки! Мы приветствуем возрождение твоего прошлого в нашем западном будущем». Мюллер издевательски заметил при рассмотрении книги Луи Жаколлио, что «автор, видать, принят в ряды индийских браминов».

Другой инцидент раскрывает явное невежество Мюллера по отношению к предмету его исследований. Когда из Индии прибыл брахман, чтобы встретиться с известным санскритологом и поговорить с ним на чистом санскрите, Мюллер признался, что не мог понять ничего из того, что говорил этот господин!

Неудивительно, что Артур Шопенгауэр иронично говаривал: «Я испытываю некоторое подозрение, что наши санскритские ученые понимают свои тексты не лучше, чем любой наш школьник – греческий или латинский».

Свами Даянанда Сарасвати, основатель общества «*Арья Самадж*», испытывал столь сильное презрение к уровню санскритских познаний М. Мюллера, что уподоблял его «малышу, учащемуся ходить». Он писал: «Профессор Макс Мюллер был лишь способен набросать кое-что с помощью распространенных перифраз из *Вед*»²⁵.

Причуды судьбы – именем этого самого Макса Мюллера, целью которого было искоренение индуизма, который

²⁵ Svami Dayanand Sarasvati, *Satyartha Prakash*, Third Edition, Dilli, 2000, p. 278. (Hindi).

прорицал, что древняя религия Индии обречена, и «если христианство ее не сменит, то это будет нашей ошибкой», названы многие учреждения по всей Индии!

Заслуга распространения «арийской идеи» во второй половине 19-ого столетия принадлежит в первую очередь тому же Максу Мюллеру. Именно он навязывал эту расовую идею весьма настойчиво западной аудитории своего времени. Она пришлась по вкусу и его «аборигенной» аудитории в Индии. Подхватив язык Макса Мюллера, один автор в Индии воскликнул в индийском «Зеркале» (Калькутта) от 20 сентября 1874 г.: «Мы были черномазыми однажды. Теперь мы становимся братьями».

У. Моньер-Уилльямс ***(1819-1899)***

У. Моньер-Уилльямс, автор знаменитого «Санскритско-английского словаря», стал преемником Х. Х. Уилсона, своего учителя, в Оксфорде и основал там Индийский институт и написал несколько трудов об индусской и буддистской мудрости и религии. В предисловии к посмертно вышедшему словарю он признался, что составлял его с одной целью – помочь в переводе Библии на санскрит. Будучи христианином

У. Моньер-Уилльямс

достаточно мягких евангелистских убеждений, тем не менее, он говорил: «Когда стены могущественной крепости брахманизма будут окружены, подорваны и, наконец, взяты штурмом крестоносцами, победа христианства будет полной и окончательной». Далее он пояснял: «Для какой цели тогда эта огромная территория была передана Англии? Разумеется, не для того, чтобы быть презренным объектом политических, социальных или военных экспериментов, не для выгоды нашей торговли или увеличения нашего богатства – но для того, чтобы каждый взрослый человек и ребенок от мыса Кумари до гор Гималаев мог быть возвышен, просвещен и

обращен в христианство».

В этом можно усматривать косвенное осуждение английской политики в Индии и утопическое представление о гуманизме христианства. Моньер-Вильямс, несомненно, питал большую симпатию к индийским ученым, без чьей помощи его словарь не появился бы на свет в том монументальном виде, который он обрел через полвека самоотверженного труда. Он заявил в упрек на то, что, будучи Боденским профессором санскрита, он не перевел ничего значащего с этого языка, что, те, кто глумится над ним и воображает себя великим знатоком, при соприкосновении с индийскими учеными должны будут выдержать самый суровый экзамен. Вместе с тем, все эти признания показывают, что даже самые гениальные ученые в Европе были пленниками суеверных представлений и в XIX в. даже не задавались целью попытаться осмыслить ту великую культуру, которую изучали, большей частью, по долгу службы.

Морис Винтерниц (1863-1937)

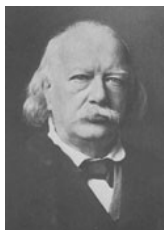
Профессор индологии Морис Винтерниц известен как автор многотомной истории индийской литературы. Печально осознавать, что сердце человека, познакомившегося с шедеврами этой величайшей философско-эстетической традиции в подлинниках, осталось черствым и невосприимчивым к объективным ее достоинствам, что видно из его осуждения А. Шопенгауэра за его восхищение *Упанишадами*: «Все же я верю, что это – дикое приувеличение, когда Шопенгауэр говорит, что учение *Упанишад* представляет собой плод самого высокого человеческого знания и мудрости и содержит почти сверхчеловеческие концепции, создателями которых едва ли были простые смертные...».

В своих суждениях о *Ведах* Винтерниц поверхностен и не оригинален: «Создатели этих гимнов чрезвычайно редко поднимаются к возвышенным высотам и глубокой страсти, скажем, религиозной поэзии евреев».

С его легкой руки в науке закрепились надуманные относительные датировки ведийских сочинений, выдвинутые впопыхах и поддержанные филологами вроде М. Мюллера и пр..

Перебранка Т. Гольдштюкера с А. Вебером, О. Бётлингком и Э.

Куном

**Албрехт
Вебер**

Известного немецкого индолога и историка санскритской литературы **Албрехта Вебера** (1825-1901) сегодня в Индии нередко характеризуют как расиста, немецкие шовинистические идеи которого были тонко вплетены в работы по индийской философии и культуре.

Действительно, когда **В. Гумбольд** вознес хвалу *Бхагавадгите*, Вебер был чудовищно возмущен. Его немедленный ответ состоял в спекуляциях о том, что *Махабхарата* и *Гита* содержали влияние христианского богословия.

Два санскритолога, **Франц Лоринзер** и **Е. Уошбёрн Хопкин**, сразу же поддержали спекуляции Вебера. В 1869 г. доктор Франц Лоринзер издал новый перевод и комментарий к *Бхагавадгите* на немецком языке, полагая, что *Гита*, которую мир уже признал за «один из самых прекрасных цветков языческого мира», фактически была отражением Нового Завета! Однако его теория не имела никаких очевидных подтверждений, и как смехотворная была отвергнута большинством ученых в европейских университетах, несмотря даже на их христианские симпатии.

В четвертой главе своей книги *Кришна-чарита* («Жизнь Кришны») известный бенгальский писатель **Банким Чандра Чаттопадхья** говорил о Вебере следующее: «Знаменитый Вебер был без сомнения ученым, но я склонен думать, что для Индии было большой неудачей то, что он начал изучение санскрита. Потомки недавних немецких дикарей не могли примирить себя с древней славой Индии. Поэтому их самые серьезные усилия были направлены на то, чтобы доказать, что цивилизация в Индии имела сравнительно недавнее происхождение. Они не могли согласиться с тем, что *Махаб-*

харата была составлена столетиями прежде до рождения Христа».

Вебер и его коллеги **Отто Бётлингк**, уроженец Петербурга (1815-1904), затем переехавший в Йену, совместно с Альбрехтом Вебером, Эрнстом Куном и **Рудольфом Ротом** (1821-95), учеником французского ученого **Евгения Бюрнуфа** и зачинателем изучения *Вед* в Германии, подготовил известный семитомный петербургский «Санскритско-немецкий словарь».

Однако их труд был подвергнут серьезной критике **Т. Гольдштюкером** (1821-1872), уроженцем Германии, преподававшим санскрит в Лондонском университетском колледже. Он настаивал на том, что словарь изобилует ошибками и основан на спекулятивных и неправильных филологических принципах.

Вебер был столь возмущен критикой Гольдштюкера, что набросился на него с оскорблениями, заявив, что его критика указывает на «совершенное расстройство его умственных способностей».

Отвечая на недостойные нападки, Гольдштюкер подверг сомнению «ученость» Рота, Бётлингка, Вебера и Куна: «Мой долг прямо указать на то, что доктор Бётлингк неспособен понять даже легкие правила *Панини* (следует заметить, что Бетлингк издал грамматику *Панини* – М. М.), тем более *Катьяны*, что уж говорить об их применении к пониманию классических текстов. Ошибки в его отделе словаря так многочисленны..., что это не может не тревожить любого серьезного санскритолога, который способен видеть вредное влияние, которое они должны оказать на изучение санскритской филологии».

Он далее заметил, что «вопросы, которые должны были решаться с предельной осмотрительностью и которые не могли быть решены без очень трудоемких исследований, были поданы в словаре в наиболее неуверительной форме... Когда я вижу, что самые выдающиеся индусские ученые и авторитеты – самый ценный, а иногда и единственный источник всех наших знаний о древней Индии – презираются в теории,

искалечены в печати, и, как следствие, отстранены от интерпретации ведийских текстов...; когда клика санскритологов разглагольствует о смысле *Вед*, который существовал в начале индусской цивилизации...; когда я вижу, что слова этих санскритологов, очевидно, приобретают вес и влияние от занимаемых ими должностей...; то я понимаю, что потворство этому дикому разгулу санскритской филологии было бы признаком трусости и нарушением долга».

О профессоре Куне Гольдштюкер отзывался особенно язвительно: «Кун был человеком, отношение которого к санскритологии состояло только в снабжении санскритскими книгами тех, кто мог их читать,... полное литературное ничтожество, совершенно неизвестное, но притязавшее на некую значимость..., о котором его собственные друзья говорили, что он совсем не знал санскрита».

Т. Гольдштюкер, уроженец Кёнигсберга, стал профессором санскрита в Лондоне и написал труд о грамматисте *Панини* и издал «Великий комментарий» *Патанджали*. Однако не следует думать, что Гольдштюкер,

В. В. Верещагин. Расстрел сипаев

любя санскрит, испытывал искреннее уважение к ведийской литературе. Перебранка Гольдштюкера с его товарищами индологами была просто академической сварой. Теодор Гольдштюкер составил «Индийский биографический словарь», но так ничего и не понял в индийском национальном

характере. Он считал индийцев обремененными ведийской религией, которая принесла им только презрение и насмешки во всем мире. Поэтому, он предложил перевоспитать их на европейский лад, приучить индусов к западным ценностям и научить их смотреть на свою культуру глазами западных индологов: «Средство для того, чтобы уничтожить врага столь же просто, как и неодолимо: надлежащим образом раскрыть глаза молодому поколению на его древнюю литературу».

В своей книге «Священные писания индуизма» Гольдштюкер обрушился с критикой на ведийскую литературу с целью показать новому индийскому поколению, что их священное писание научно развенчано его пером, и что они неизбежно должны принять европейские ценности и улучшить свой характер.

Понятно, что напичканные подобной идеологией офицеры британской империи ни минуты не колебались в применении самых зверских способов «переубеждения» своих «диких» подданных.

С. Радхакришнан

Возрождение Индии

Жизнь соткана из противоречий. Современный период,

характеризуемый столкновением и освобождением традиционной индийской культуры от западноевропейского гнета, характеризуется возрождением древних традиций и их переосмыслением, особенно, с возникновением в XIX в. реформаторско-просветительских организаций, таких как «*Брахмо самадж*» («Общество *Брахмы*») и «*Арья самадж*» («Общество *ариев*»). Те, которые стремились изучить индуизм, для того чтобы его опровергнуть, сами способствовали его возрождению. Переводы священных и светских поэм на английский и другие европейские языки, такие как «*Шакунтала*» *Калидасы* в исполнении **У. Джоунза**, расшифровка древнеиндийских надписей *брахми* **Лассеном, Масоном и Джеймсом Принсепом**, исследование и перевод буддистских логических трудов **Ф. Щербатским** и другими учеными, вызвали волну усиленного интереса ко всем аспектам санскритских (ведийских) и пракритских (буддийских и джайнских) знаний.

С другой стороны, в противостоянии с исламом и христианством индуизм проявил необычайную стойкость, открытость и терпимость. Он даже вбирал в себя привнесенные завоевателями религиозные традиции, перерабатывая их и выявляя то общее, что могло бы способствовать религиозному взаимопониманию и терпимости. **Раммохан Рой, Кешобчондро Сен, Даянанда Сарасвати, Рамакришна, Вивекананда, Тагоры, Неру, Махатма Ганди, Ауробиндо Гхош, С. Н. Дасгупта, Сарвепалли Радхакришнан, Д. Чаттопадхьяя** и другие видные политические деятели, просветители и философы не только пересмотрели концептуальные основы индуизма, но и попытались его модернизировать и интегрировать в современную мировую культуру, науку и философию.

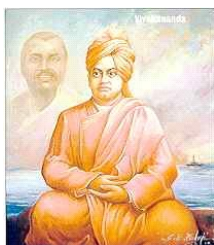
При этом обнаружилось, что, к сожалению, целостность индуизма нарушилась, многие важные традиции оборвались, а социальная структура древнеиндийского общества утратила гибкость, что привело к усилению фундаменталистских, мистических и коммуналистских тенденций.

Свами Вивекананда

Учение йоги превосходно. В этой области до сих пор человечество стоит очень далеко от индусов. Такое истинное, высокое и ясное понимание жизни делает Вивекананду подлинным вождем человечества.

Лев Толстой

**Свами
Вивекананда**

Ученик **Рамакришны** (1836-1886) и один из самых известных защитников и проповедников *веданты* и *йоги* на Западе, **свами Вивекананда** (1863-1902), в миру **Нарендранатх Датта**, подробно изложил все философские аспекты учения *йоги* как высшей интегральной психофизиологии. Его речи на Всемирном конгрессе религий в Америке, многочисленные проповеди и выступления открыли глаза многим ищущим людям на Западе и способствовали распространению *йоги* и индийской философии во всем мире. Престарелый **Лев Толстой**, прочтя его книгу *«Раджа-йога»*, назвал Вивекананду своим учителем и вождем человечества, а **Ромен Роллан**, посвятивший ему два исследования, окрестил его лекции о *карма-*, *бхакти-*, *джнана-* и *раджа-йогах* «вселенским евангелием».

Христианские миссионеры критиковали *пураны* за то, что они содержали, по их мнению, непристойные места. **Свами Вивекананда**, изучивший Библию, обнаружил, что ее содержание во многом было намного хуже. «Китайцы, – писал он, – являются учениками Конфуция и Будды, и их этика весьма строга и чиста. Христианские миссионеры перевели Библию на китайский язык, и вдруг обнаружилось, что в Библии есть некоторые места, столь непристойные, что превосходят соответствующие сцены некоторых *пуран*. Читая эти места, китайцы столь вознегодовали на христианство, что

сочли обязательным для себя никогда не позволять распространение Библии в своей стране... Они подняли крик, говоря: «О, ужас! Эта религия прибыла к нам чтобы развратить нашу молодежь с помощью Библии...»²⁶.

«Нас, выходцев с Востока, день за днем увещевают в покровительственном тоне принять христианство, потому что, дескать, христианские нации самые преуспевающие. Мы осматриваемся и видим, что Англия – самая преуспевающая христианская нация в мире, под ее ногой – 250000000 азиатов. Но, заглянув в историю, мы видим, что процветание христианской Европы начинается с Испании, с ее вторжения в Мексику, где христианство добилось своего процветания, перерезая глотки. Индусам не надо процветания такой ценой».

Когда кто-нибудь говорил ему, что христианство было спасительной силой, он открывал свои большие темные глаза и говорил: «Если христианство – спасительная сила само по себе, то почему оно не спасло эфиопов, абиссинцев?»²⁷

«Ни одна нация на земле в подметки не годится индусам, но странным образом всякий, кто прибывает сюда из христианских стран, имеет дремучую глупость утверждать, что, так как христиане являются более могущественными и богатыми, чем индусы, следовательно, христианство должно быть лучше, чем индуизм. На это индусы очень точно отвечают, что это – та самая причина, почему индуизм – религия, а христианство – нет...»²⁸

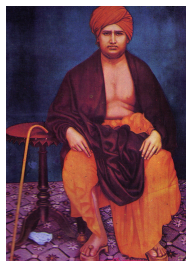
По поводу европейской сомнительной индологии Свами Вивекананда писал следующее: «История нашей страны, написанная англичанами (и другими западноевропейцами) не может не ослаблять наш ум, поскольку она говорит только о нашем крушении. Как могут иностранцы, которые едва ли понимают толику наших манер и обычаев, крупницы религии и философии, писать верные и непредубежденные пособия по истории Индии? Естественно, в них содержится множество

²⁶ *The Complete Works of Swami Vivekananda*, Calcutta, 1985, Volume V, p. 503.

²⁷ Arvind Sharma, *Hinduism for Our Times*, Oxford Univ Pr., 1996, p. 72-73.

²⁸ *The Complete Works of Swami Vivekananda Calcutta*, 1985, Volume VI, p. 390-391; Sita Ram Goel, *History of Hindu-Christian Encounters*, 1990, p. 90.

ложных понятий и неправильных выводов. Индийцы должны сами написать индийскую историю».

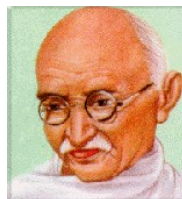
Даянанда

Даянанда Сарасвати (1824–1883)

Даянанда Сарасвати (1824–1883), основатель Общества Просвещенных (*Арья-самадж*), в своих книгах «Свет истины» (*«Сатьяртх пракаш»*) и перевод на хинди *Риг-веды* провел смелую мысль о единстве систем ведийской мысли и об актуальности заключенных в *Ведах* научных идей.

Махатма Ганди

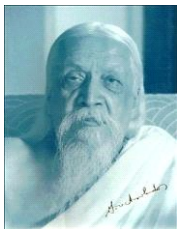
М. Ганди, считающийся в Индии *махатмой* и отцом нации, оставил грандиозное публицистическое наследие, вышедшее в 90 томах. Он разработал по совету Льва Толстого, которого считал своим духовным наставником, методы ненасильственного сопротивления, которые во многом способствовали уходу англичан из Индии. Будучи сторонником идеи родства всех религиозных традиций, вместе с тем, он упрекал христианских миссионеров в искажении индуизма.

«Вы, миссионеры, – говорил он, – прибываете в Индию, рассматривая ее в качестве земли язычников, идолопоклонников, людей, которые не знают Бога. Один из самых больших христианских авторитетов, епископ Реджинальд Хебер, написал две строчки, которые застряли в моей душе как жало: «Тут нравится любой вид природы, и только человек является мерзким». Мне жаль, что он написал их. Мой собственный опыт в моих путешествиях по Индии как раз противоположен. Я исходил страну из края в край без какого-либо предубеждения в неустанном поиске правды и я не могу сказать, что здесь на этой прекрасной земле, орошаемой великой Гангой, Брахмапутрой и Ямуной, че-

ловека является мерзким. Он не мерзок. Он – такой же ищущий правды, как вы и я, возможно, даже более настойчивый...».

Далее он отмечал: «Я прочитал несколько миссионерских публикаций и пришел к убеждению, что они способны видеть только темную сторону и окрашивать ее в еще более темный цвет. ... Я имел доступ к некоторой миссионерской «благочестивой» литературе даже в тюрьме Ервады, которая, кажется, писалась как будто с одной целью – умалить индуизм»²⁹.

Ауробиндо Гхош
(1872–1950)

Ауробиндо Гхош

Труды великого мыслителя современной Индии **Ауробиндо Гхоша** по философии йоги, духовной и всесторонней эволюции жизни произвели подлинную революцию во взглядах на историю человечества и древнеиндийское духовное наследие. К его памятнику в 1950 г. возложили землю из всех стран мира и заложили город его имени Ауровиль в виде спиралеобразной галактики, пристанища йогического университета. Ауробиндо, в частности, настаивал в своих работах «Тайна *Вед*» и «Ведийский словник» на присутствии в *Ведах* глубокого символического содержания.

Н. С. Раджарам

Согласно **Н. С. Раджараму**, теория арийского вторжения, подразумевающая, что цивилизация сначала была принесена в Индию ордами кочевников из центрально-азиатских степей около 1500 до н. э., полностью опровергается открытием Харappской цивилизации, процветавшей в период между 3100–1900 гг. до н. э., но начавшей формироваться в седьмом тысячелетии до н. э..

Этот период отождествляется Раджарамом с ведийской культурой, а индские надписи – с санскритскими *сутрами*, содержащими слова из ведийского словаря «*Нигханту*», составленного

²⁹ *The Collected Works of Mahatma Gandhi*, New Delhi, 1968, Volume 27, p. 214-436.

Яской. Правда, последний тезис, мягко говоря, поспешен, хотя и подкреплен попыткой прочтения этих надписей на санскрите (об этом см. гл. о печатном коде).

Главные препятствия, которые стоят на пути правильного осмысления исторического и лингвистического контекста этих надписей, согласно Раджараму, заключаются в следующем.

1) Колониальные власти и христианские миссионеры попытались выставить себя в качестве последней волны арийских завоевателей, приписать себе составление *Вед* и даже представить Библию как «Иезус-веду». **Макс Мюллер**, наиболее известный западный индолог, вовсе не был ученым, ибо он представил *Веды* так, чтобы как можно больше угодить британскому правительству, которое его финансировало, с тем, чтобы создать отрицательную интерпретацию *Вед* и подорвать доверие индусов к их священному писанию, а тем самым помочь искоренить индуизм на индийской почве и проложить дорогу распространению христианства. Точно также политические и другие соображения руководили археологом **Дж. Маршаллом**, исследовавшим индскую цивилизацию и горячо отрицавшим любые ее связи с ведийской цивилизацией.

2) **К. Маркс** и марксистская историческая школа, ставшая доминирующей после независимости Индии, также придерживалась и придерживается взгляда, согласно которому история Индии была историей поработителей. Марксизм стал на место колониальной и миссионерской идеологии. Теория **Шенгде Малати**, утверждающая, что аккадский был языком хараппцев, стала частью «марксистской теологии», которая пытается превратить хараппцев в неведийский народ, а *Веды* и ариев лишить индийского происхождения. Вклад индийских марксистов в индийскую историческую науку крайне негативен.

3) Попытка лингвистов обосновать арийско-дравидийский раздел и найти какой-то протодравидийский язык для южно-индийских языков – только теория. Такой язык никогда не существовал в истории. И никогда не существовало протодравидийского народа. Британские колониальные интересы сидели в голове епископа **Колдуэлла**, когда он выдвинул свою идею дравидийского языкового семейства как подсемейства скифского языка. Арий-

ско-дравидийское разделение основано на расовых теориях. Отличие санскрита от так называемых дравидских языков преувеличено, так как это такие же флективные языки, как и санскрит.

Новое поветрие о родстве хараппцев с эламо-дравидийским семейством – вероятно, другая попытка обосновать иностранное происхождение хараппцев и их языка.

(4) Современная лингвистика больше походит на псевдо-науку. Тогда как древние ученые, подобные *Панини*, закладывали фундамент лингвистики именно как науки, современные лингвисты, кажется, практикуют что-то близкое к теологии. Большая часть лингвистов, работающих в области индоевропейских исследований, не знает языков Индии. А археологи подчинили свои собственные интерпретации историческим, культурным, хронологическим установкам лингвистов.

5) Академическая дисциплина, называемаяся индологией, – это в большой степени рупор европоцентристских воззрений на историю и цивилизацию, в основе которой лежат политические интересы и предрассудки. Она немного дала для нашего понимания древней Индии, скорее извратила его. Индология последних двух столетий была барьером прогресса. Европейские индологи часто демонстрируют «надутое самодовольство» и «отсутствие критического духа». Индология неспособна обеспечить логический инструментарий и методологию расшифровки индских письмен.

Современные глашатаи индуизма

Австралийский санскритолог **Грег Бейли** отмечает, что, хотя с конца 60-х гг. XX в. в мире наблюдался всплеск интереса к восточным религиям и мистицизму, на общем фоне преобладания экономического образования над гуманитарным интерес к Индии как торговому партнеру, несомненно, преобладает. Ввиду этого университеты Запада и Австралии все сильнее ощущают недофинансированность классических исследований и, в частности, санскритских. По его убеждению, можно даже говорить о сильной антиинтеллектуальной волне, захлестывающей Запад. Однако нельзя исключать и то, отмечает Г.

Бейли, что санскритологи порой ограничивают свои исследования только филологическими и текстологическими аспектами, замораживая их в искусственном пространстве схоластики.

В то время как правительства не склонны выделять деньги на узко филологические исследования древних культур, частные пожертвования со стороны некоторых индусских донаторов стремятся поддерживать не научное изучение индийских религий, а проповедь и распространение взглядов тех или иных сектантских течений.

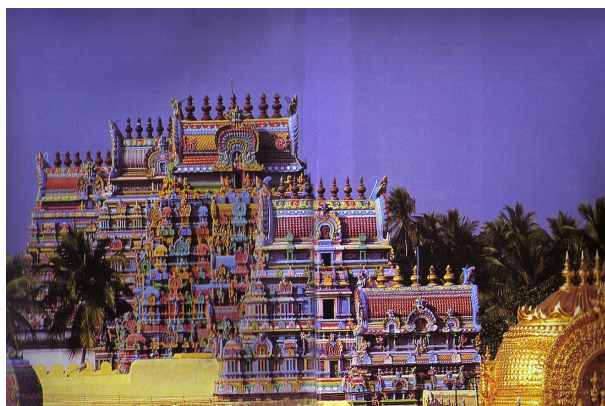
Вот и в России в последнее десятилетие появился целый ряд переводов произведений *Бхактиведанты*, *Чинмой*, *Раджниша*, *Махеш Йоги*, *Шивананды* и др. Произведения этих авторов, несомненно, отличаются многими достоинствами, и широтой, и разнообразием приемов проповеди йоги и мистики. Однако необходимо иметь в виду, что они написаны с целью распространения индуизма на Западе, ориентированы на современного западного читателя, имеющего симпатию к мистике. Нередко этот элемент получает несоответствующее значение, затмевает все другие аспекты древней духовной культуры, придавая ее интерпретации несвойственный перекос.

Возрождение интереса к древней ведологии

В Индии выше описанная идеологическая обработка произвела поколение «коричневых сахибов», которые смотрели свысока на религию масс как на опиум для народа». После обретения независимости появилась надежда, что образование восстановит индийские ценности. Но процесс затянулся на полвека и идет крайне противоречиво. Не надо забывать, что нынешние индологи унаследовали многие предубеждения предыдущего поколения. Так, доктор **Хумаюн Кабир**, бывший министр науки и культуры центрального индийского правительства, предупреждал: «Новое поколение грамотных людей больше не получает питания из вечных традиций земли. Их взгляды являются западными, даже чаще

псевдозападными».

Дилип Чакраварти в своей книге «Колониальная индология: социополитика древнего индийского прошлого» подчеркивает: «Модель индийского прошлого... была навязана индийцам диктаторски с помощью книг, написанных западными индологами, интересовавшимися языком, литературой и философией, которые были по меньшей мере высокомерными гордецами, а чаще – просто расистами...».³⁰

**Вершины гигантского пирамидального комплекса
Шрирангама на острове р. Кавери в честь девяти планет**

Все больше современных индийских ученых начинает сомневаться в выводах европейской науки. Многие индийские ученые оспаривают европейскую хронологию. Профессор **Рангачарья** говорит: «Огромный вред был сделан почти всеми английскими и американскими учеными принятием произвольно ранних дат для Египта и Месопотамии, отнесенных к 5000 лет до н. э., и утверждением, что древняя Индия заимствовала у них».³¹

Идет ожесточенная полемика по поводу интерпретации древнеиндийской истории и культурного наследия. Так, **Ч. Р.**

³⁰ «Мысли о современных индийских ученых»

http://members.tripod.com/~india_resource/britishedu.htm.

³¹ *History of Pre-Musulman India*, Vol. II, Vedic India, Part I. 1937 A.D., p. 145.

Кришнамачарлу, анализируя скрытые мотивы европейцев, заявляет, что авторы, принадлежащие к нациям, недавно вступившим на путь завоеваний и экспансии, пишут историю не с целью понимания культуры, а для утверждения своего расового превосходства, пренебрежительно относясь к своему долгу правильно разъяснять прошлое Индии и не заботясь о доказательствах своей исторической беспристрастности, правдивости и симпатии к ее культуре.

С. Ф. Ольденбург

Русская индология

«В то время как другие страны обращают все больше и больше внимания на изучение Востока, хотелось бы думать, что и Россия не отстанет, по крайней мере, в этих устремлениях».

С. Ф. Ольденбург

Дух ведийской Индии отражен в древних русских сказках, былинах, песнях, сказаниях седой старины. Нередко в сказках и былинах Индия упоминается иносказательно, а иногда и прямо, с неизменным почтением и восхищением ее величием, мудростью и богатством. Однако в средние века, когда прямые связи оборвались, и информация стала поступать через посредство греческих и византийских авторов, об Индии в России распространилось множество небылиц, и ее знали только по отдельным «хождениям» купцов. Как отмечает **В. К. Шохин**, «картина русских средневековых сведений о ней заполнена самыми причудливыми, фантазмагорическими фигурами и явлениями, которые, иногда напоминая реальные феномены, обнаруживают явно неиндийские черты».³²

После крушения в VIII в. Персидского царства, а в XV в. — Византии, которые были подлинными культурными мостами между Россией и Индией, свя-

³² В. К. Шохин, *Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV в.)*, М., 1988, с. 225.

зи между нашими цивилизациями практически прекратились на несколько веков и пустоту заполнили небылицы и пересказы чужих впечатлений.

Примером может служить «Хождение **Зосимы** к рахманам», представляющее собой мистифицированный пересказ сюжета встречи Александра Македонского с брахманами. Более позднее и достоверное «Хождение **Афанасия Никитина**» – редчайшее исключение, скорее подтверждающее это правило. Этот более чем тысячелетний обрыв отношений, произошедший в результате нескольких волн переселений народов, «захлестнувших» древний мир, и навеки погребший «мост суши», соединявший север и юг индоевропейского ареала, привел к забвению самих основ древней «глобальной» индоевропейской цивилизации.

Торговый путь в Индию оказался утерян на многие века, хотя какие-то спорадические связи поддерживались в последние века через Астрахань и сибирскую столицу России Тобольск. На протяжении XIX в. русская интеллигенция по крупицам собирает обрывочные сведения о памятниках индийской литературы и культуры, главным образом, через посредство западноевропейских языков.

А. Хомяков, Л. Толстой, Е. Блаватская, Н. Рерих, К. С. Станиславский, проявлявшие интерес к индийской истории, философии, науке, религии и психологии йоги, опирались на западноевропейские переводы. Правда, интуитивное понимание древнеиндийской этики Толстым, ведийской науки Блаватской, йоговской психологии Станиславским и буддийской религии Рерихом отличалось большой проницательностью и глубиной. Все они оказали и обратное воздействие на культуру Индии, да и всего мира. Правда, надо признать и то, что их талантливые труды не в малой степени способствовали и мистификации индийской культуры, акцентируя в ней духовные ценности.

Лев Толстой

Лев Толстой

Мне хотелось бы обратить особое внимание на малоизвестные высказывания Л. Толстого об индийской этике и религии, извлеченные мною из его писем к индийским друзьям. Они дали сильный толчок моему обращению к изучению санскрита и санскритского философского и научного наследия. Вот как отзывался «великий учитель жизни» об индийской религии, философии и этике.

«Я составляю серию книг с изложением всех больших мировых религий, сущность которых во всех религиях всегда одна и та же. Вполне естественно, что религия Вед, как одна из самых древних и глубоких, занимает в этой серии первое место. Я хочу сделать выбор наиболее ярких и глубоких изречений из Вед».

«Учение Будды я считаю истинным и всегда высоко превозносил его. Религиозное понимание жизни особенно ясно выражено в настоящем, неизвращенном учении Сакья-Муни Будды».

«На днях я переводил и переделывал для детей изречения Кришны, браминского вочеловечившегося Бога до рождения Христа. Как же не радоваться тому, что можешь черпать из этого источника и можешь соединяться в Боге с миллионами людей, живших за тысячи лет и живущих теперь? И как же не радоваться инду, когда он прочтет стихи Евангелия? Как же людям не радоваться, что они могут, пользуясь тем, что все делают в этом деле, все ближе и ближе подвигаться к познанию Бога и к исполнению его закона? Легенда о Кришне и его учение служат прекрасным подтверждением тех же вечных истин, которые были позднее проповеданы Христом в Евангелии. Я твердо верю основному положению Бхагавадгиты или Песни Господа Кришны о том, что человек должен направлять все свои духовные силы на исполнение долга, или, как я это выражаю, на свою жизнь, чтобы любить людей и не думать о последствиях этого, зная, что если живешь согласно такому закону, то получатся наилучшие результаты для самого человека и для всего мира. Я всегда стараюсь помнить об этом и поступать соответственно этому,

а также говорить это тем, кто спрашивает мое мнение, и высказывать это в своих сочинениях. Я не могу думать иначе, если мое мировоззрение истинно религиозно, ибо этот принцип является основанием религии. А религия, истинная религия, всегда была и есть везде одна и та же. Мысль некоторых братьев и друзей индусов, что я – воплощение Кришны, мне дорога и приятна. Однако, без сомнения, это преувеличение моего значения».

«Когда я окончил читать книгу «Кришна – Господь любви» Сурендранатха Мукхерджи, я находился под таким сильным впечатлением, что живо ощутил братскую, духовную близость всего живого. Философская, религиозная идея Кришны есть вечная и всемирная основа всех религий и всех философских систем».

«Религия Кришны, общая всем людям, может и должна объединить все человечество в одной и той же вере и в одних и тех же основанных на ней правилах поведения. Человечество должно объединиться в одной и той же вере, потому что душа человеческая, лишь кажется многообразной и различной в каждом отдельном человеке, на самом же деле – одна во всех существах. А потому я оставил в стороне свои национальные традиции и личные склонности и излагаю лишь великую всемирную истину религии Кришны».

«Я принес в жертву свои поэтические склонности во имя той великой цели, которая поставлена перед нами Кришной: постигать и исповедовать ту основную истину – любовь, – которая одна может объединить людей. Работать для достижения этой великой цели, я думаю, и есть мое призвание и долг. В течение многих лет я старался работать в этом направлении, и если остаток моей жизни может быть на что-нибудь полезен, то лишь на ту же работу».

«Мы готовим издание избранных Упанишад, Тантр, Пуран, избранных мыслей Будды, Кришны, Шанкары, Рамакришны, Вивекананды, Абхедананды, С. Мукерджи и М. К. Ганди, которых я очень ценю».

«Я очень интересуюсь Индией и глубоко уважаю индийскую религиозную мудрость. Последнее время появилось много индийских писателей, которые знакомят

Европу с глубокой мудростью индусов. Получаю два индийских журнала «TheVedic Magazine», издаваемый Рама Дэвой в г. Кангре в Индии и «Свет Индии», издаваемый учеником Вивеканды С. Мукерджи в США. Вчера только получил письмо молодого индуса Махатмы Ганди, присылающего мне еще новое свое издание «Индийское мнение», имеющее целью борьбу с материализмом и проповедь ведантической истины».

«В высшей степени интересное письмо Ганди доставило мне большую радость. Помогай Бог нашим дорогим братьям – индусам в Трансваале. Та же борьба мягкого против жесткого, смирения и любви против гордости и насилия все более и более проявляется и у нас в Европе, в особенности в одном из самых резких столкновений закона религиозного с законом мирским – в отказах от военной службы. Отказы становятся все чаще и чаще».

«Письма Ганди и его биография очень заинтересовали меня и дали мне возможность лучше узнать его и понять и оценить его деятельность».

«С большим интересом я прочел книгу Ганди «Самоуправление Индии». Я думаю, что вопрос, который он обсуждает – пассивное сопротивление – вопрос величайшей важности, не только для Индии, но и для всего человечества. Ганди услышал мое обращение к Индии – «Письмо к индусу» – и основал в Юж. Африке колонию моего имени. Они признают нравственно-религиозный закон непротивления злу насилием и, главное, не участвуют в насилии, в какой бы то ни было форме. Английское правительство очень строго преследует их, очевидно, чувствуя, как и не может быть иначе, в этих людях, верующих в закон любви, не допускающих насилия и участия в нем, свою главную опасность».

«С большим интересом и пользой для моей духовной жизни прочел я все встретившиеся мне индийские религиозные книги. Еще в 1896 году я познакомился с раджайогой по замечательной книге Свами Вивекананды «Философия йоги». Учение йоги превосходно. В этой области до сих пор человечество стоит очень далеко от индусов. Такое

истинное, высокое и ясное понимание жизни делает Вивекананду подлинным вождем человечества».

Эти мысли извлечены из писем Л. Толстого к Махатме Ганди, Бишену Нараину, Тоду, Чителю, Рама Дэве, Баба Бхарати (С. Мукерджи), из письма-статьи к Таркуат Дасу и некоторым другим лицам.

Возможно, какие-то оценки Л. Н. Толстого являются односторонними и устаревшими, но в целом они, как ничто другое, показывают, насколько важным представлялось ему изучение индийской этики. Для меня эти оценки явились отправной точкой систематического изучения огромного духовного наследия народов Индии на санскрите, источником вдохновения и важными методологическими принципами. Именно на этом пути широкомасштабного исследования древнеиндийской этики в контексте ее влияния на многие страны и народы на протяжении многих эпох, которое предпринял Лев Толстой, воплотив его в многотомную серию этических антологий («Круг чтения», «На каждый день» и «Путь жизни»), философских трудов и статей, будет осуществлено в будущем воссоздание гармоничной универсальной этики.

История индийской этики получила кое-какое отражение в работах А. М. Самозванцева, посвященных проблемам социологии и права в текстах *«Артха-шастры»* и *«дхарма-шастр»*, и в академических исследованиях *веданты* В. С. Костюченко, А. Д. Литмана и некоторых других. Тогда как на русском языке в советский период публиковалось множество художественных переводов со всех новоиндийских языков, та область, в которой Индия накопила самый обширный материал и сделала самый весомый вклад – научная литература, ведийская философия, мифология и универсальная или глобальная этика, – оказалась изученной слабо и, главным образом, с описательной или критической точки зрения. Это – неудивительно, ибо индийская философия первоначально оказалась зачисленной в разряд «идеалистической» идеологии, которая была провозглашена огулом буржуазной демагогией, а до 1961 г. даже такое «невинное» слово как «этика», пока оно не появилось в

Программе КПСС, было изъято из общественного лексикона. Последние 30 лет слово «этика», главным образом, употребляется в произведениях, которые никак не назовешь философскими в силу их крайней политизированности и пропагандистской публицистичности. Если они и затрагивают вопросы этики, то не в смысле учения о глубинных отношениях человека к миру, себе, вечности, истине, справедливости и другим **н е п р е х о д я щ и м** ценностям, а в смысле «этикета», набора конъюнктурных правил поведения, т. е. в смысле служебного, карьеристского устава, часто мало чем отличающегося от военного, в котором ЭТИКА утрачивает смысл, вкладывавшийся в Древней Греции в слово «*этнос*» – «глубинные нравственно-духовные устои», истинные плоды сада познания и образования, охраняемого логикой и питаемого физикой, – или в Индии в слово «*дхарма*» – державно-космическое веро-право-нравоучение или основа миропорядка в Солнечной Вселенной.

Елена П. Блаватская

Е. Блаватская (1831-1891) совершила путешествие по Индии и Тибету, а затем явилась основоположницей теософии и основательницей Теософического общества (Нью-Йорк, 1875), штаб-квартира которого находится ныне в Мадрасе. Ее главными работами являются «Разоблаченная Изида» и «Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии» в двух увесистых томах, переведенная Еленой Рерих и изданная в Риге в 1937 г.. В России этот труд увидел свет только в 1991 г., который был провозглашен ЮНЕСКО годом памяти Елены Петровны Блаватской. То, что в названии ее главного труда значилось слово «религия» предопределило резко негативное отношение к Блаватской со стороны советской цензуры на протяжении всего советского периода. Ее записали в оккультистки, работники царской охранки и шарлатанки. Замечательное исследование оказалось невостребованным целых сто лет.

Тем не менее, пафос и смысл ее труда состоял в реконструкции науки древней глобальной цивилизации. Она

стремилась найти ключи к сокровенным научным знаниям, сокрытым в мифологиях и религиозно-философских системах древности. При этом она была убеждена, что ключи эти содержатся, в первую очередь, в астронoмии. Более того, она настаивала на том, что главные ключи сохранены в индийской мифологии и истории традиционной ведийской науки. Она обратила внимание на древнеиндийскую теорию времени и такие понятия, как *Жизнь Брахмы* и сопряженные с ней великие согласовательные периоды (*маха-юги*), описанные в *пуранах*, хотя и не смогла нащупать сколько-нибудь надежных путей интерпретации этих понятий, пытаясь объяснить все знания об астрономических периодах, выработанные учеными древности, откровением, ниспосланным с других планет. Рассмотрев пураническое сказание о конце света, при котором семь солнц (правильнее светил, т. е. планет) сливаются в одно, а затем вновь разделяются на семь, она в упор не заметила здесь ясного описания парада планет. И все-таки она глубже многих профессиональных индологов приблизилась к сути древнеиндийской науки.

Русские и советские санскритологи

Культурные связи России и Индии до обретения ею независимости были sporадическими, и научное изучение индийской культуры началось по-настоящему лишь в конце XIX в., когда усилиями нескольких профессиональных индологов (О. Н. Бетлингга, В. П. Васильева, М. Я. Калиновича, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, В. Ф. Миллера, К. А. Коссовича, П. Я. Петрова, П. Г. Риттера, М. И. Тубянского, Р. О. Шора), среди которых особо выделялись **И. П. Минаев** (1840 – 1890) и его ученики **Ф. И. Щербатской** (1866 – 1942) и **С. Ф. Ольденбург** (1863 – 1934), было создано направление по изучению санскритского классического наследия, буддийской логики и философии, начато издание «Библиотеки Буддики», изучение истории индийской науки («Научные достижения древней Индии» Ф. И. Щербатского).

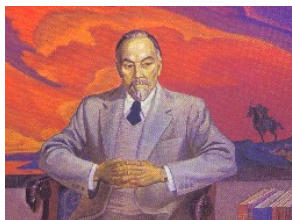
В начале XX в. Индию посещает цесаревич. Интерес к Индии в России нарастает, но, к сожалению, вскоре после

1917 г. работа по изучению как ведийской, так и буддийской философии постепенно стопорится. Всемирно известная буддологическая школа академиков Ф. И. Щербатского и С. Ф. Ольденбурга с их смертью на полвека прекращает свое существование, и буддологические исследования стали появляться только в последние десятилетия XX в..

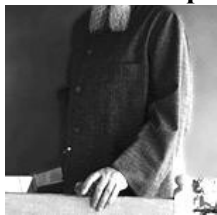
Рерихи

После революции семья Николая Рериха, после долгих мытарств получив американские паспорта, направилась в Тибет в научную экспедицию и фактически переселилась в Гималаи. Им удалось собрать уникальный материал о культуре народов Тибета и Центральной Азии, написать множество увлекательных книг и даже углубить и развить философскую часть учения Е. Блаватской. Но то, что, пожалуй, более всего прославило семью Рерихов, – это, бесспорно, созданная кистью Николая и Святослава Рерихов ода красоте Святых гор и святых людей Индии. Позже Юрий Николаевич Рерих, ставший тибетологом и составивший санскритско-тибетско-англо-русский словарь, вернулся в Россию с большой коллекцией книг, картин и других материалов.

Среди его публикаций есть статьи, затрагивающие тибетское учение о *Кала-чакре*, «Колесе времени» или

Ю. Н. Рерих

Н. Рерих

календаре³³. Он не мог пройти мимо того обстоятельства, что этому учению посвящено огромное количество сочинений, а его влияние ощущается во всей Центральной Азии. Правда, он считал его сутью мистицизм, но при этом отмечал, что последователи *Кала-чакры* старательно изучали санскрит, астрономию и астрологию, а их книги были пронизаны глубоким символизмом и наполнены аллегориями и специальной тантрической терминологией, понятной только посвященным. Он также подчеркивал, что эта наука содержит ключи ко многим пластам буддистского мировоззрения, таким как, например, предания о стране *Шамбале*, и что для ее понимания главными дисциплинами являются индийская а с т р о н о м и я и учение о 60-летнем цикле Юпитера. Он именовал учение о «Колесе времени» святая святых северного буддизма, описал важнейшие тибетские первоисточники *кала-чакры* и поставил задачу перевода основополагающих текстов, таких как «*Кала-чакра-мула-тантра*» («Коренная книга о Колесе Времени»).

Ю. Рерих упоминает о предании, описанном **Ксома де Кёрёшем** в его «Тибетской грамматике» (с. 192), в котором автором учения *Кала-чакры* именуется сам *Будда*, а его учеником – *Сучандра* (санскр. «Прекрасный Месяц»), царь *Шамбалы*, «пришедший» послушать *Будду* со свитой из 96 министров, а также с *дэвами* и *асурами*, т. е. «богами» (об их лунной природе см. гл. о мифологемном коде во 2-й ч.). *Сучандра* и явился символическим автором «*Кала-чакра-мула-тантры*», а также ее сокращенного варианта и комментария, состоявшего, что не менее знаменательно, из 60000 стихов (намек на 60-летие Юпитера). Ю. Рерих, занятый вопросом о местоположении земной *Шамбалы*, «пристанища высокоразвитой цивилизации», не смог заметить здесь достаточно прозрачной астрономической аллегории. Дело в том, что пять сидерических периодов Юпитера, лежащие в основе 60-летнего цикла, соответствуют именно 96-ти сидерическим периодам Венеры по 225,6 суток ($4332 \cdot 5 = 21660$; $21660 : 96 = 225,6$). Вопрос же о земном расположении *Шамбалы* достаточно прост

³³ Roerich, Georges de, «Studies in *Kālacakra*», in: Рерих Ю. Н. *Избранные труды*, М., 1967, с. 153-165.

– ею была Индия и, в частности, Кашмир, который славился на протяжении тысячелетий как пристанище важнейших ведийских университетов и академий. Именно отсюда и распространился буддизм с его учением о небесной *Шамбале* в Тибете и на всем дальнем Востоке.

Буддистская теория *кала-чакры* была, как отмечает сам Ю. Рерих, несомненно, связана с ведийской «теорией времени» или *кала-вадой*, так как в «*Буддха-чарите*» («Жизнеописании Будды») и в других буддистских текстах упоминаются и специалисты по *кала-ваде*, и выступления самого Будды по этому вопросу. И ведийское и буддистское учения связаны с понятием Великого Времени как Великой Сущности Бытия и с великими согласовательными циклами.

И. Д. Серебряков

И. Д. Серебряков

Жизнь **И. Д. Серебрякова** (1917-1998), доктора филологических наук, члена Азиатского общества (Калькутта), одного из блестящих представителей школы Ф. Я. Щербатского и С. Ф. Ольденбурга, совпала по своей продолжительности с советской эпохой.

Он родился 27 ноября 1917 г. (спустя двадцать дней после Великой Октябрьской социалистической революции) в селении Сартана Донецкой области. В 1940 г. окончил Ленинградский государственный университет, где изучал санскрит, хинди, бенгали и пенджаби. Его преподавателями были академик Ф. Я. Щербатской и его ученик проф. А. Я. Востриков, индологи М. А. Ширяев, В. М. Бескровный, В. Е. Краснодембский, Вирендранатх Чаттопадхья, А. Л. Дымшиц, а позже – академик А. П. Баранников.

В 1947 г., он вместе с В. С. Москалевым участвовал в основании факультета индийских языков в Ташкентском университете. Затем И. Д. Серебряков работал много лет корреспондентом га-

зеты «Правда» в Индии, с которой он был связан тысячами нитей дружбы и научных интересов: с 1959 до 1961 г. он работал в Дели, с 1964 до 1969 – в Мадрасе, посещал Дели в 1970, 1972, 1973, Бенарес в 1981 г., Удджайн в 1983 г.. В 1971 г. он был удостоен премии Дж. Неру за ряд очерков об Индии, изданных в «Правде», и за свои книги по истории санскритской и других индийских литератур, две из которых были изданы в Индии по-английски.

Став профессором и ведущим сотрудником Отдела исторических памятников Института востоковедения Академии Наук в Москве, Игорь Дмитриевич до последних дней жизни интенсивно занимался историей санскритской, пенджабской и других индийских литератур, стремясь выявить наиболее важные тенденции их развития на протяжении последних двух тысячелетий.

**И. Д. Серебряков
и Индира Ганди**

Его внимание при этом все более обращалось к санскритской литературе, переводам выдающихся философско-литературных поэм, являющихся квинтэссенцией древнеиндийской народной мудрости, таких как «Океан сказаний» *Сомадэвы* (который он блестяще выполнил сам), «*Рамаяна*» Вальмики (которую он преподнес мне в дар по окончании моей аспирантуры с пожеланием предпринять ее перевод), этические и философско-грамматические труды *Бхартрихари* и этико-сатирические поэмы *Кшемендры* (которые были выбраны им для моей диссертации, и из которых он сам перевел «*Нарма-малу*», «Венок шуток»).

Т. Я. Елизаренкова

В области ведийской фонологии, грамматики и стилистики выделяются основательные труды Т. Я. Елизаренковой, а также ее полный перевод *Ригведы*, появление которого совпало с окончанием срока моей аспирантуры и возвращением в Горки. Без ее трудов и

переводов данное исследование было бы не возможно. Они позволили быстро и глубоко освоить архаичный язык и стиль *Вед* и постепенно подобраться к скрытым смыслам. Однако благодаря усилиям Т. Я. Елизаренковой был создан только подстрочник *Риг-веды*, страдающий, подобно всем известным мне переводам *Вед*, от прямолинейности, буквализмов, порой – от откровенного натурализма и механистического материализма в интерпретации «трудных» астрономических понятий. Ее перевод помог поставить ряд научных задач, но сам по себе не давал ответа на серьезные вопросы: кто такие «мудрые *риши*» и «великие боги» в контексте астрономии, в чем заключалось ритуальное или иное назначение *Вед*; какими могли быть по характеру скрытые смыслы и т. п.

Б. Л. Смирнов

Нередко успехи санскритологии и индологии определялись в России энтузиазмом самих ученых, а не целенаправленностью и продуманностью работы Академии Наук. Огромную работу по изучению и переводу философских текстов *Махабхараты* параллельно с академическим переводом, осуществлявшимся группой санскритологов, проделал, как ни странно, нейрохирург Б. Л. Смирнов, удостоившийся за это премии Дж. Неру со стороны правительства Индии и... негласной ссылки в Среднюю Азию, в Ашхабад, со стороны своего правительства. Он увидел, что «профилактические» правила психогигиены йоги, которые пронизывают *Махабхарату*, могут принести больше пользы, чем механико-материалистическая медицина, нацеленная на борьбу с развившимися недугами.

Узкие места советской санскритологии

В центре внимания советской индологии во второй половине XX столетия оказались, главным образом, вопросы индийского языкознания, в первую очередь, современных индийских языков, вопросы современных литератур, этнографии, истории, политики и экономики. Здесь была

проделана, несомненно, огромная работа. Среди научных трудов, посвященных древней Индии и опирающихся на изучение литературных памятников на санскрите, можно отметить публикации Л. Б. Алаева, Ю. М. Алихановой, Г. М. Бонгард-Левина, Я. В. Василькова, А. А. Вигасина, О. Ф. Волковой, Е. И. Гостеевой, П. А. Гринцера, Т. Я. Елизаренковой, В. И. Кальянова, Е. М. Медведева, С. Л. Невелевой, Е. П. Островской, А. В. Парибока, В. И. Рудого, А. М. Самозванцева, В. С. Семенцова, И. Д. Серебрякова, С. Д. Серебряного, А. Я. Сыркина, В. Н. Топорова, В. К. Шохина, В. Г. Эрмана и др.

Истории же естественных наук было посвящено две-три публикации, среди которых отметим работу Г. М. Бонгард-Левина «Древнеиндийская цивилизация» и издание «*Шардулакарна-аваданы*». Кроме того, было издано несколько переводов основополагающих текстов философских *даршан* (*вайшешики, йоги, санкхьи, веданты*), иногда без надлежащих комментариев, как в случае «*Веданта-сутры*», и без какой-либо системы (например, *миманса*, первая из *даршан*, оказалась обделенной вниманием, видимо, потому что ее сочли прислужницей религиозного ритуала или слишком трудной). Из *шастр* (наук) были хорошо исследованы только «наука о хозяйстве», в какой-то степени – «наука любви», «учение о *дхарме*» и *аюрведа*, но проигнорирована, например, фундаментальная «наука о театре» и целый ряд других, включая математику и астрономию.

Мифология была рассмотрена как простое собрание сказок («Мифы древней Индии» В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина) или объект узкофилологического компаративного исследования (статьи В. Н. Топорова и др. для 2-томной энциклопедии «Мифы народов мира»), где она трактуется как «донаучный» способ познания мира. Преимущественно в таком же ключе интерпретировались мифы и всех других религиозных традиций. Научные публикации последних лет в области мифологии отмечены, главным образом, интересом только к фабуле повествования, культурным и религиозным реминисценциям.

По-прежнему в русском переводе, если не считать отрывки из *Атхарва-веды*, нет ни одной другой *Веды* кроме *Риг-веды*. Нет перевода *брахман* и *араньяк*, *упавед* и *тантр*, *пуран* и наиважнейшей *итихасы*, коей является *Рамаяна Вальмики*. Перевод *упанишад* А. Я. Сыркина охватил только те тексты, которые считаются более древними и важными с точки зрения философии.

Что же касается учебников санскрита, то тут кроме начальных курсов, вроде пособия В. А. Кочергиной и ее учебного санскритско-русского словаря на 30 тыс. слов, ничего особо примечательного не было создано. До сих пор отсутствует главное пособие для изучения санскрита и его наследия – авторитетный санскритско-русский словарь, сопоставимый, скажем, по объему с известным петербургским санскритско-немецким словарем, «Санскритско-английским словарем» М. Моньер-Вильямса или, хотя бы, «Практическим санскритско-английским словарем» В. Ш. Апте. На русском языке нет ни хорошей грамматики, ни стилистики классического санскрита, ни серьезной истории санскритской литературы, ни всесторонней и объективной истории индийской философии и, главное, науки и астрономии.

Академический перевод *Махабхараты* ведется с конца 2-й мировой войны, но все еще далек от завершения. Нет перевода ни одной из значимых *тантр*. Только начата работа по изучению *пуран*. Можно упомянуть лишь публикацию первой части *Вишну-пураны* Т. К. Посовой, переводы с переводов *Бхагавата-пураны* Бхактиведанты и исследование П. Д. Сахарова.

Важным событием для популяризации идей неоиндуизма на этом фоне можно считать переводы с английского сочинений С. Вивекананды, выполненные В. С. Костюченко, и труда «Индийская философия» С. Радхакришнана. Но были оставлены без внимания другие более важные и фундаментальные работы С. Радхакришнана, такие как, например, «*Упанишады*» или «Духовный взгляд на жизнь».

Издан ряд переводов с английского трудов материалиста Д. Чаттопадхьяи, но – ни одного серьезного труда его оппонентов. Были оставлены без внимания философские

сочинения Рабиндраната Тагора такие, как «*Садхана*» и «Религия человека». Автобиография Мохандаса Карамчанда Ганди, называемая «Мои эксперименты с истиной», первоначально написанная на гуджарати между 1927 г. и 1929 г., сейчас известна во всем мире и считается классикой. Ее перевод также осуществлен с английского. К тому же существует биография Ганди (написанная Р. А. Ульяновским), но центральные работы М. Ганди о ненасилии, о *сатьяграхе* («упорстве в истине»), о самоуправлении (собрание его сочинений охватывает 90 томов) так до сих пор и не переведены. В последнее время вышел перевод некоторых англоязычных работ Ауробиндо, включая «Синтез йоги», Йогананды, Шивананды, Раджниша, Бхактиведанты, Свами Рамы и других популяризаторов йоги и мистики индуизма. Но при этом проигнорированы как труды большинства историков индийской философии, так и исследования историков индийской науки, о которых можно судить лишь по критическим или – в некоторых случаях – апологетическим статьям.

Таким образом, из этого весьма краткого экскурса в историю только одного отдела русской индологии, но, пожалуй, самого центрального, явствует, что целые области литературы древней Индии, такие как *Веды*, *пураны*, *тантры*, *Рамаяна*, этика, мифология, естественнонаучная литература, остаются изученными либо крайне неравномерно, либо поверхностно, либо сделаны под сильным западным влиянием, либо являются вовсе не изученными. Здесь непочатый край работы. Возникает законный вопрос: а что мы вообще знаем сегодня об индуизме по существу, если из круга исследований выпали важнейшие тексты, целые библиотеки? Несколько гипотез, критических обзоров, несколько переведенных текстов разного достоинства... – вот, пожалуй, и все.

Зарождение санскритологии в Беларуси

«...Потрясающее впечатление на меня, индолога, произвел один, казалось бы, незначительный факт. Приехала я в Белоруссию читать лекции по приглашению Общества «Знание». Дело было в Бресте. Пришла я по указанному в путевке адресу и остановилась, глазам своим не веря, – у подъезда висела табличка, а на ней – «Отделение республиканского общества «Веды». Да... Веда – знание... ведать... сведения... ведун и т. д. и т. п.».

Н. Р. Гусева, «Многоликая Индия», М., 1987, с. 20.

Да, через Беларусь в Новое и Новейшее время прокатилось немало войн, и она подверглась не раз невиданным разрушениям. Утрачены все материальные свидетельства былого величия не то что древнейшей, но даже позднесредневековой эпохи. И все же всякий раз ей удавалось возродиться, как птице Феникс в еще более прекрасном облике. К счастью, часть Древней Руси, на которой позже возникла Беларусь, не была покорена в свое время монголо-татарами, как те части, что стали в дальнейшем Россией и Украиной, и смогла сохранить многие духовные реликты седых времен, восходящие к ведийскому исходу из Индии, а, следовательно, несокрушимую силу духа и стремление к знанию. Тем не менее, историческая память о ведийских временах оказалась полностью уничтоженной и, это, казалось, не давало никаких надежд ни на становление серьезных ведологических исследований, ни, тем более, на прорыв в ведологии...

Мое духовное паломничество в древнюю Индию

Однако судьба оказалась благосклонной. Еще будучи студентом Минского иняза, я познакомился с творческим наследием К. С. Станиславского и Льва Толстого, через которых заинтересовался йогой и пришел к изучению Вивекананды, Ауробиндо, а затем и индийских языков. Значение *Вед* как источников ведийской философии для реконструкции глобальной этики было особо подчеркнуто **Львом Толстым**. Система **К. С. Станиславского**, разработанная для актеров и зрителей как для участников процесса художественного сопереживания, принята во всем мире за основу театрального воспитания. А ведь хорошо известно, что наука подготовки актера Станиславского покоится на важных принципах *йоги* и частично отражает глубокие концепции древнеиндийской эстетики представления и сопереживания, так как Станиславский целенаправленно изучал *раджа-йогу* по трудам американского автора, писавшего под

М. И. Михайлов

псевдонимом **Рамачарака**. Древнеиндийская система актерской игры, изложенная в труде *Бхараты* о театре и в комментариях *Абхинавагупты*, на тысячелетия опередила современное учение Станиславского, — это неоднократно подчеркивал мой наставник **И. С. Серебряков**.

Я, в основном, самостоятельно, лишь при эпизодической поддержке **Ошита Кумара Одхикари**, **Парамесварана Чиннапанна** и других индийских знакомых и друзей, учившихся в Минске и Москве, овладел четырьмя индийскими языками — хинди, бенгали, тамили и

санскритом. Позже я имел еще возможность целый год

совершенствоваться в санскрите у **Октябрины Федоровны Волковой**. Затем я познакомился в подлинниках с наиболее важными индийскими философскими работами, такими как *упанишад*ы, комментарии *Шанкары* и *Рамануджи* к *упанишад*ам, труды Вивекананды, С. Радхакришнана, А. Гхоша, и задумал «Реконструкцию протоиндийского мировоззрения времен Хараппы», а также объемную работу под названием «Онтология глобальной этики» – новое обобщение и дополнение трудов Л. Толстого о «едином на потребу».

По мере изучения всемирной истории и истории литературы и культуры как Индии и Европы, так и России и Беларуси, я пришел к убеждению в том, что *Веды* – это часть нашей наидревнейшей белорусской духовной культуры. Этнограф **Янка Крук** не без некоторых оснований белорусский народный лунный календарь называет ведийским³⁴. Белорусский язык сохраняет тысячи санскритских реликтов. Из топонимики и гидронимики, из сказок и древних поверьев веет духом ведийской мифологии, экологической этики и календарной религии. Но значение *вед* не сводится только к историко-лингвистическим и этнографическим сопоставлениям и, уж тем более, к деятельности политизированных обществ, наподобие советского общества «Знание» («Веды»).

Положения ведийской философии находят неожиданное созвучие в таких разных источниках, как – пускай и спорные – книги **Е. Блаватской**; статьи **К. Циолковского** о космической этике, весьма напоминающей ведийскую философию *веданту*, особенно, его идеи об эволюции жизни и таинственных разумных силах во вселенной, созвучные философии *санкхьи*; книга **Э. Шредингера** о биофизике, в которой он настаивает на правильности главного положения *упанишад* о философском тождестве индивидуального и космического сознания и сходстве учения *упанишад* и его собственного биофизического учения о жизни; а также и работы **А. Эйнштейна** и его последователей о единой теории поля и «космической религии», в которых отстаивается положение о том, что учение *веданты* об агрегатных состояниях вещества

³⁴ Янка Крук, *Сімволіка беларускай народнай культуры*, Мінск, 2001, с. 174.

является первым наброском теории единого поля, а философия буддизма ближе всего соответствует методологии современной теоретической физики. Того же мнения придерживаются и некоторые представители синергетики.

Еще более высоким обобщением ведийской и буддийской философий является монистический шиваизм, сформировавшийся в Гималаях, в Кашмире. Это, в частности, понял **А. Шопенгауэр**. На шиваизм обратил особое внимание и **Н. А. Бердяев**.

Благодаря усердию в изучении индийских философских систем, истории индийских литератур и языков, а также благодаря и благосклонности судьбы, сведшей меня лично с **И. Д. Серебряковым**, который оказался замечательным человеком и наставником и с которым мы сразу же нашли общие точки соприкосновения, я смог поступить в аспирантуру при Отделе памятников Института востоковедения в Москве, где занимался с 1986 по 1989 г. историографией и источниковедением со специализацией в индийской текстологии. **И. Д. Серебряков** же явился инициатором развития индологии в Беларуси. **Игорь Дмитриевич** поддерживал всю жизнь тесные творческие связи и с Украиной, и с далеким Узбекистаном, и, отпуская меня домой в Беларусь, сказал: «Я, конечно, брал вас в ученики с мыслью, что вы будете работать в Москве... ну, что ж, мне приятно осознавать, что теперь у меня будут последователи не только в России, Украине, Узбекистане... а еще и в Беларуси». Позже в конце 90-х по его завещанию **Людмила Вячеславовна Серебрякова** передала мне, к моему несказанному счастью, большую часть его замечательной индологической библиотеки.

Таким образом, мой анализ ведийской литературной традиции первоначально формировался в потоке основополагающих идей **И. Д. Серебрякова** и его широкого видения литературного процесса в Индии, разворачивающегося на многих языках на протяжении тысяч лет, и в частности положения о том, что «материал *Риг-веды* настолько богат и разнообразен, свидетельствует о таком высоком уровне раз-

вития литературы, что вряд ли он мог быть достигнут племенами, у которых господствовал родовой строй. [...] То, что содержится в «Риг-веде», может быть всего лишь незначительным фрагментом некогда богатой литературы, расцветавшей в городах долины Инда³⁵.

Под воздействием одной лекции И. Д. Серебрякова, прочитанной в Библиотеке иностранной литературы в Москве, а также изучения идей великого философа грамматики и одного из величайших поэтов всемирной литературы *Бхартрихари*, которым долгое время занимался Игорь Дмитриевич³⁶, нередко державший в руках его «Уложение речи» («*Вакьяпада*»), в котором содержится пространное размышление о Времени³⁷, мое внимание стало все чаще обращаться к древнеиндийской концепции времени и таким понятиям как «Жизнь *Брахмы*». Формально этот период считался продолжительнее, чем время существования нашей Большой Вселенной, согласно современной астрофизике. Нужно было разобраться в этом.

Моя работа по исследованию наследия *Кшемендры* в Москве включала изучение компендиума наиболее важных ведийских и индуских божеств, содержащегося в дидактико-мифологической поэме «*Чару-чарья-шатака*» («Сотка стихов о добронравии»). Это исследование повлекло за собой обращение к «эпической» и пуранической литературе, мифологическим словарям, вроде «Словарь древних житий» («*Прачина чаритра кош*») на языке хинди, и трудам по ведийской мифологии и культуре, таким как «Ригведийская Индия» А. Даса и мн. др. Затем под воздействием изучения истории календаря и сочинений Дэвида Фроли, Дж. К. Трикхи, Дх. Д. Мехты и ряда других авторов, выявивших связь *Вед* с астрономией, с другими точными науками, мое исследование было модифицировано и сконцентрировано на изучении истории индийской астрономии и календаря.

³⁵ И. Д. Серебряков, *Очерки древнеиндийской литературы*, М., 1971, с. 67-68.

³⁶ И. Д. Серебряков, *Бхартрихари*, М., 1983.

³⁷ Бхартрихари. «О времени» (Пер. И. Д. Серебрякова). В кн.: *Столепестковый лотос: антология древнеиндийской литературы*, 1996, сс. 386-387.

Еще с 1989 г. я начал исследовать проблему астрономического числа, именуемого *Жизнь Брахмы*, под влиянием некоторых астрономических гипотез происхождения ведийских божеств, а также определений времени *Бхартрихари*. Я обозрел гору книг по астрономии и истории западных, восточных и американских календарей и в 1991 г. начал систематический анализ цифровой организации *Риг-веды* и расшифровку ригведийского календаря посредством анализа цифровой архитектоники и комбинаций десяти *мандал*. И вскоре явилась на свет истинно «революционная» календарная теория ригведийской декламации, изложенная в 1992 г. в комментариях к моим русским переводам поэм *Кшемендры*.

Русский перевод *Риг-веды* и труды проф. **Т. Я. Елизаренковой** по ведийской грамматике и стилистике (1989 г., 1993 г. и др.), как я отмечал выше, послужили в качестве прочной филологической платформы для более глубокого осмысления грамматики ригведийского текста. Сам же метод расшифровки *Вед* покоится на анализе научной интегральной ведийской интерпретации **Саяны (XIV в.)** и на реинтерпретации ведийских экзегетических текстов, таких как *брахманы*, *упанишад*ы, «*Нирукта*» («Этимология или аналитика языка») и т. п..

Значительные прозрения пришли после знакомства с книгой **Б. Л. Ван-дер-Вардена** «Пробуждение Науки II: Рождение астрономии» (Москва, 1991 г., русск. пер.). Под воздействием его увлекательного изложения древней ближневосточной наблюдательной астрономии, астральной религии и великих согласовательных периодов у меня зародилось предположение, что продолжительность *Жизни Брахмы* должна представлять некоторый «Большой Год» или планетарный согласовательный период, рассчитанный в долях секунды таких как, например, *трути* и *лава*.

Любопытно, что позднее я обнаружил в книге **А. Горбовского** «Загадки древней истории» схожий прием интерпретации числа 195955200000000 из шумерских записей, представляющего приблизительно $\frac{2}{3}$ от *Жизни Брахмы*. Согласно Горбовскому, «в результате сложного хода мысли

это число рассмотрели как количество секунд времени и обнаружили, что оно дает целое количество суток (195955200000000 : 86400 = 2268 млн. дней) в 240 периодах прецессии по 25900 лет»³⁸. (Горбовский слегка неточен: на самом деле, это – 240 периодов по 25873,24 года или всего 6209578 лет по 365,2422113 суток). Жизнь *Брахмы* же, действительно, делится на количество секунд в сутках без остатка и кратна количеству секунд в сутках и периоду прецессии (к чему мы будем не раз возвращаться в последующих главах)! Но ведь древние индийцы пользовались своей системой хронометрических единиц, среди которых многие в миллиарды и триллионы раз меньше секунды! Мои рассуждения и выводы принципиально иные, чем у Горбовского. Все же метод Горбовского, опирающийся на уверенность в закодированном характере древних знаний и на рассматривание больших чисел как календарных периодов, выраженных в секундах, представляется мне в основном верным и укрепил меня в уверенности, что мои собственные исследования не лишены здравого смысла.

В 1994-95 гг. на английском языке мною была написана статья «*Риг-веда* как календарь-хронометр» и послана некоторым индологам. Один из них, доктор **В. П. Патхак** из Бомбея откликнулся, выказав одобрение, а в 1997 г. она заинтересовала проф. **С. Унадхьяю** из Бомбейского отделения Института индийской культуры, которому я показал ее во время моего турне по Индии сразу после Всемирной санскритской конференции в Бангалоре, и позже в 2001 г. была им опубликована в Бомбее.

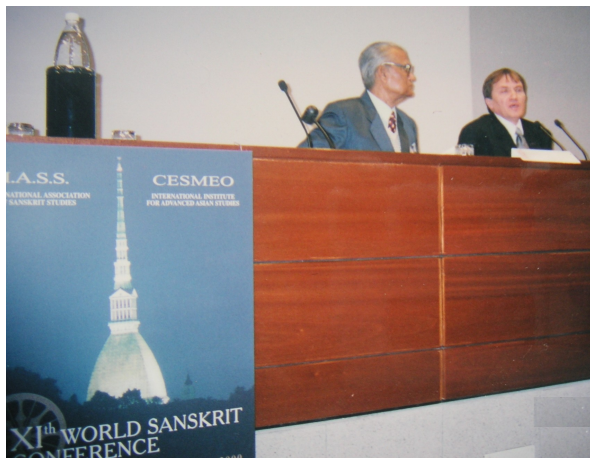
Ввиду задержки публикации poem *Кшемендры* в 1993 г. была написана, а в 1994 г. – опубликована статья «Тайна *Вед*: календарно-хронологическая гипотеза происхождения ведийской рецитации», вышедшая, к сожалению, только на белорусском языке и оставшаяся практически незамеченной. Однако, в январе 1994 г. благодаря поддержке Белорусского Фонда фундаментальных исследований и Фонда Сорос-Беларусь некоторые из соображений по этому вопросу были все же представлены вниманию IX Всемирной

³⁸ А. Горбовский, *Факты, догадки, гипотезы*, М., 1988, с. 94.

санскритологической конференции, проходившей в Мельбурне (Австралия), где доклад привлек внимание видных индийских и западных индологов и удостоился со стороны некоторых из них высших похвал.

В 1997 г. был представлен другой доклад, написанный совместно с **Натальей Михайловой**, посвященный той же самой проблеме, рассмотренной с точки зрения теории вероятности, на сей раз на X Всемирной санскритологической конференции, которая проходила в Бангалоре. Этот доклад был основан на исследовании всех возможных чисел, получаемых сложением количеств песен в различных *мандалах Риг-веды*, что было блестяще выполнено моими дочерьми **Надеждой** и **Марией**, в то время студентками БГУ (Минск), при помощи составленных ими программ на языке С.

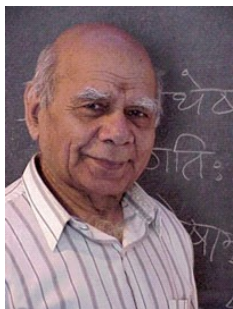
В 2000 г. я пересмотрел астрономическую датировку *Риг-*

**Турин, 2001, доклад М. И. Михайлова
о датировке *Риг-веды***

веды и представил доклад на очередном Всемирном санскритологическом конгрессе, проходившем в Турине, в котором показал, что *Риг-веда* была составлена либо на рубеже н. э., либо в середине седьмого тысячелетия до

н. э.. По отклику одного из уважаемых западных профессоров доклад вызвал шок: на мое замечание о том, что западные коллеги не задали ни одного вопроса, он не без юмора заявил, что они не то что не могли задавать вопросы, а «сидели с открытым ртом». Странно повели себя и немногочисленные русские коллеги: в просторном зале не оказалось ни одного из них. Они, видимо, рассудили так: какая там индология может существовать за чертой города Москвы. У индийских ученых, напротив, это выступление нашло самую горячую поддержку. Профессор **Рам Каран Шарма**, председатель Всемирной ассоциации санскритских исследований, заявил, что доклад представляет наибольший интерес и должен быть опубликован «нам всем во благо». Ко мне подвели после окончания речи престарелого проф. **Венкатачалама**, тогдашнего председателя Индийского совета

Р. К. Шарма

философских исследований, который попросил для себя копию с тем, чтобы полученные мною результаты проверили астрономы из Бенареса.

На Всемирную санскритскую конференцию в Нью-Дели в 2001 г., устроенную правительством Индии по случаю провозглашенного «года санскрита», я получил приглашение прочитать доклад, подготовленный совместно с **Натальей Михайловой**, о применении к декодированию ведийского

текста кода *Пингалы*, выявляющего в ведийском тексте, считавшемся до того сакральным и филологическим, **пластичных научных данных**.

Затем был предпринят мозговой и компьютерный штурм, нацеленный на то, чтобы раскрыть тайны использования математического двоичного кода в «священном писании». И оно начало открывать их одно за другим. К сожалению, в 2003 г. мое предложение прочитать доклад, содержавший отчет о наших самых последних сенсационных разработках и открытиях в области реконструкции математико-астрономического замысла *Вед* и декодирования

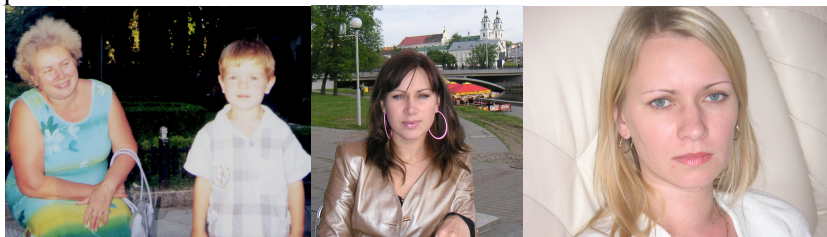
протоиндийской письменности, которая оказалась тесно связанной с математической ведийской закодированной в двоичном и троичном кодах информацией, было отвергнуто финским ученым Аско Парполой, возглавлявшим организационный комитет Всемирной санскритологической конференции, проходившей в Хельсинки, на странном основании, что «конференция посвящена полевым исследованиям». Без ответа было оставлено и мое предложение прочитать доклад в Москве на Международном востоковедном конгрессе.

Таким образом, данная работа является итогом не только изысканий последних двадцати лет, но и определенной полемики между сторонниками объективного научного исследования и приверженцами косной европоцентристской методологии, как зарубежной, так и отечественной. Она посвящена реконструкции основной модели ведийской рецитации, которая связывается нами с древним ведийским речитативно-мнемоническим календарем и хронометрическим логико-семантическим аналого-цифровым компьютером. Книга лишь вскользь затрагивает высоко духовные и художественные аспекты ведийской литературы, математическую астрономию *сиддхант*, не анализирует тонкостей ни астрологии, ни торжественного брахманского ритуала, ни астрономико-календарной геометрии таких ведийских текстов как *шувья-сутры*, ни йогического астрономического наблюдения... Эти и другие аспекты достаточно полно освещены многими другими авторами.

Нет у нас также претензии на охват всех деталей и противоречий, связанных с датировкой *Вед*, а также с возникновением ведийского ритуала и его частных процедур. Но мы смогли найти данные, важные для точной астрономической датировки *Риг-веды* и по-новому решить эту проблему как в рамках существующей хронологии, так и в новой хронологии Т. Фоменко.

Вместе с тем, наличие серьезных пробелов как в индийской и западной, так и в русской индологии и ведологии обязывает нас рассмотреть принципы ведийской интерпретации пристальнее и критичнее, чем это обычно

делается в популярных и общетеоретических индологических работах.

Наталья, внук Стасик, Надежда и Мария

ВЕДИЙСКАЯ ДЕРЖАВА В ДРЕВНОСТИ

(Место создания Риг-веды)

**Индский кирпичный
колодец
с позднейшей надстройкой**

*Да поддержат твое государство, о
царь, своей державной властью царь Ва-
руна, Брихаспати, Индра и Агни!*

**Мудрец Дхрува, «Державная
Ось Мира», «Благословение
царю»**

(РВ, 10.173.5; АВ, 6.88.2).

*Взошли блистательные и умелые
светочи-певцы, раздувающие огонь Ме-
сяца, подобно светилам, выплавляющим,
будто железо, поколения живых су-
ществ.*

На протяжении всего двухсотлетнего периода прямых контактов европейцев с индийцами европейские ученые пытались в рамках своей истории, религии и философии обосновать свое превосходство и даже идею европейской прародины для создателей *Вед*, так называемых *ариев*.

Ее помещали в южные русские степи, в центр западной Европы (**Т. Барроу**), на Балканы (**И. М. Дьяконов**), в юго-восточную Анатолию (**С. Ренфрю**), даже за Северный полярный круг (тут отличился индийский ученый **Б. Г. Тилак**). Некоторые западные исследователи, как, например, **Дж. П. Маллори**, признавали, что все эти теории безосновательны, и из них нужно выбирать наименее плохую. Другие же, как, например, **Эдмунд Лич**, **Никола Казанас**, **К. Клостермаер**, **Г. Фоерштайн**, **Дэвид Фроли**, **Конрад Элст**, все решительнее последнее время отвергают ее как несостоятельную и не объясняющую всю сумму ныне известных науке фактов.

Как отмечает, например, греческий санскритолог **Николас Казанас**, лингвистические данные, на которые, главным образом, опираются европоцентристы, противоречивы и толкуются весьма превратно, в то время как под давлением массы археологических и других культурологических фактов, по поводу которых среди археологов установилось единодушие с середины 80-х годов, стало очевидно, что индская цивилизация существовала в Индии на всем протяжении от Кашмира до Декана и от Инда до Ганги с 7-го тыс. до н. э. до середины 1-го тыс. до н. э., а в 4-5-м тыс. до н. э. индийские народы, почитавшие *Дьяуса* (Зевса, *Ю-с-питера*), *Ушас* (*Эос*, *Ау-с-рору*, *Эо-с-тре*) и других небесных богов, охватывали уже всю прикаспийскую зону. *Веды* добросовестно отражают материальную культуру как той эпохи расцвета городской цивилизации в Индии, так и гораздо более ранние времена.

Кроме того, *брахманы*, *пураны*, *итихасы* и астрономические трактаты указывают на 3102 г. до н. э. как начало *Кали-юги*, а *Риг-веду* относят к гораздо более ранней эпохе. Есть и письменное свидетельство в «Авесте» о том, что древние иранцы вышли из восточной страны *Сапта Хинду* (индского Семиречья), пройдя 16 стран. Но ведь именно как Союз 16 *джана-пад* или республик индийские законодатели в древности и определяли свою страну. Кроме того, в

той стране, по свидетельству *Авесты*, протекала и река *Харахвайти* (т. е. *Сарасвати*). Ввиду всего этого, уверенно заключает Н. Казанас, составление *Риг-веды* следует отнести к 4-му тыс. до н. э., а родиной индоевропейцев считать Индию³⁹.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что европоцентристская теория, яростно опровергавшаяся на протяжении двух последних веков индийскими мыслителями и историками, как и не могло быть иначе, обанкротилась и в Европе, ибо она была отпочкованием идеологии колониализма и не имела сколько-нибудь серьезного научного обоснования. В последние десятилетия даже среди западных индологов значительно усилилась тенденция соотносить *Веды* с древней так называемой протоиндийской, хараппской или индо-гхаггарской цивилизацией, процветавшей в Южной Азии в период между 7-ым – 2-м тыс. до н. э.. Благодаря усилиям археологов прошлого века стало ясно, что территория, которую охватывала протоиндийская цивилизация, отнюдь не ограничивалась долиной Инда, а простиралась на значительную часть северной и центральной Индии до реки Ганги на востоке и до рек Нарбады и Годавари на юге и даже выходила за пределы Индостана в Афганистан и Среднюю Азию.

В этой связи возникает правомерный вопрос о том, где в Индии находился ее центр и где нужно искать столицу и местоположение ведийской академии. До сих пор наука располагала исключительно косвенными данными, в основном, археологии, сравнительного языкознания и индоевропеистики, которые связывали *Веды* с Индской равниной только на том основании, что в *Риг-веде* часто упоминается слово *Синдху* («Река»), закрепившееся в последующее время за р. Инд. Однако там, хотя и вскользь, упоминается и *Ганга* (иногда явно именуемая *Синдху*) с ее притоком *Гомати*, и *Сарасвати* (*Брахмапутра*), и целый ряд других рек, которые вряд ли могут быть определены как притоки Инда.

Современное отождествление реки Гхаггар (Хакра), протекавшей когда-то вдоль Инда и ныне пересохшей, с *Сарасвати* нельзя считать ничем иным как недоразумением. Оно возникло

³⁹ Nicholas Kazanas, "Date of Rigveda: A Postscript", published on the internet <http://www.indiaserver.com/frontline/2000/09/30/17200040.htm> .

из наивного предубеждения, что арии пришли с запада, а *Веды* связаны с Индской равниной. Кстати, один из важных притоков *Ганги* также именуется схожим образом *Гхагра*, что, очевидно, восходит к одному и тому же корню и указывает на самостоятельность и древность этого названия. Если *Гхаггар* – это *Сарасвати*, тогда у нас как бы две разных *Сарасвати* (не считая *Брахмапутры*), что никак не подтверждается текстами. Название же *Брахмапутра* (Дочь *Брахмы*) означает именно *Сарасвати*, которая, к тому же, в мифологии строго связана с **востоком** (полнолунием) и описывается как самая полноводная река. Кстати, и ныне низовья *Брахмапутры*, протекающей на востоке Индостана, отличаются самыми высокими осадками на планете и наводнениями. Местоположение ведийской «реки» *Сарасвати* в *Махабхарате* – восточная сторона света. В астромифологии «востоку» соответствует полнолуние, которое впервые имеет место именно на восточном горизонте.

Более того, «матерью» *Сарасвати* является «река» *Паясвини*, связываемая с «южными горами» *Виндхья*, астромифологическим символом Северного тропика, но также и спадающего Месяца. Само название *Паясвини* имеет два значения «поющая, дойная или молочная корова» и «Ночь», мать всех проявлений Месяца и ночных светил. Отсюда –

Корова Мать Вселенная, обитель светил, Танджавур, 18 в.

сакральность коровы в Индии, «в теле которой обитают все боги» (планеты и фазы Месяца). Отсюда же проистекает и большая святость центральных регионов Индии. Отсюда – и

образ *Сарасвати* и как реки, текущей на север и далее по кругу на восток, и как ведийской богини красноречия и мудрости. *Ганга* же стекает с «северных гор» Гималаев по волосам *Шивы*, ночного неба темной половины месяца, унося в «море» новолуния пепел сгорающих фаз Месяца. *Риг-веда*, связанная с восточной стороной, естественно, в первую очередь воспекает *Сарасвати*, и лишь эпизодически упоминает *Гангу*, тогда как в *Атхарва-веде*, связанной мифологически с «западом», главную роль играет *Ганга*.

Историки-натуралисты из анализа названий ведийских «рек» делают совершенно ложные заключения о более позднем происхождении *Атхарва-веды*, якобы свидетельствующем о движении псевдоариев с запада на восток с берегов Инда к берегам *Ганги* и т. п.. *Атхарва-веда* насыщена архаическими языковыми и культурологическими элементами, грамматическими «неправильностями» и «поэтическими огрехами», что, по мнению некоторых индийских ведологов, указывает как раз на ее более раннее происхождение по отношению к другим *Ведам*. Для меня же ясно, что этот спор безоснователен, так как все четыре *Веды* синхронны, органично астрономико-математически сопряжены и календарно-функционально взаимозависимы, как это будет показано в последующих главах, имеют один и тот же календарно-астрономический план построения, который лишается смысла при исключении хотя бы одного элемента.

О том, что наидревнейшие переселенцы из Индии в Европу почитали и *Сарасвати*, и *Гангу*, вдруг неожиданно свидетельствует днепровская топонимика и гидронимика Беларуси. В последние десятилетия проделана большая работа по изучению этого важного исторического материала, выявившая массу индоевропейских параллелей. Вот одна из них.

**Бассейн индского храма-
обсерватории Мохенджо-Даро**

Конфигурация рек и длина *Ганги* и Днепра весьма схожи. Известно также, что на берегах

Днепра до принятия христианства поклонялись Перуну, Махоши, Хориву и Кашею Бессмертному (это все – несколько искаженные имена *Шивы*, «Благого Месяца» или *Махеши Амарнатхи*, «Великого Господа» и «Бессмертного Владыки», например, «*Перун, Перуман*» по-тамильски означает «верховный господь» (несомненно, среди древних славян, выходцев из Индии, были и тамилы, о чем говорит проведенный мной анализ тамильской и славянской лексики), в санскрите этому имени соответствует «*Пара, Парам*»). Кашей Бессмертный русских сказок – это никто иной как «Бессмертный Владыка» (*Амар-натха*), *Шива*, в честь которого в среднем течении *Ганги* построен самый почитаемый и самый важный из семи священных городов индусов *Каши*, что означает «Сияние» (небес, украшенных Месяцем, «Сияющий» град *Шивы*, ныне Варанаси, Бенарес). В нем 1500 храмов в честь *Шивы*. В соответствующем месте на Днепре стоит Киев, мать городов русских, построенный по легенде Кием, Щеком, Хоривом и их сестрой Лебедью. Лебедь в Индии – ездовое животное *Брахмы* и символ его божественной супруги *Сарасвати*. «Кый-Щек», возможно, – искажение имени Кашея. Или же имя «Кый» может быть сопоставлено с ведийским именем «*Ка*» («Кто»), использовавшемся в значении «бог», «*Шива*», «*Брахма*», «*Вишну*» и т. д.. «Хорив» же определенно напоминает имя древнеиранского или древнеславянского бога Хорса, а также имена *Хари* и *Хара*, являющиеся прозвищами *Вишну* и *Шивы* соответственно.

На тех же изгибах Ганги и Днепра стоят города со схожими названиями. Так, в верхнем течении Днепра, в том месте, где он делает поворот на юг, мы обнаруживаем на высоком берегу город **Оршу**, которому только по христианским летописям не менее тысячи лет (а христианство само появилось на Руси только тысячу лет назад, о более ранних временах оно ничего не ведаёт). А на соответствующем изгибе Ганги в ее верхнем течении находится город *Риши-кеши* («Город *Риши*»).

Звездообразный храм в Сомнатхпуре (период Хойсалов)

Известно, что город Орша был основан неким боярином **Рышей**. Это имя звучит совершенно так же, как санскритское слово *рыши* (небесный мудрец-астролог, планета, звезда или год – см. гл. о коде *Риши* во 2-й ч.). С другой стороны, прилагательное от санскритского «*риши*» – «*арша*», что значит «подходящий для мудрецов» – звучит так же, как названия «Орша» или «Оршица» (бел. Аршыца, приток, впадающий в Днепр в самой Орше), которые в этом контексте можно толковать как место и река, пригодные для мудрых. Действительно, город удобно расположен на Оршанской возвышенности. И в прежние времена здесь пересекались столбовые дороги из варяг в греки и с запада на восток Европы,

как и сегодня здесь пересекаются магистрали Москва – Брест и С.-Петербург – Харьков, Киев, Одесса. Сегодня значение этого небольшого промышленного города также определяется его географическим положением как важнейшего транспортного узла. Кроме того, когда-то это был и важный культурный центр, в котором было более десятка различных монастырей и храмов. А два века назад рядом с Оршей была основана, видимо, по причине удобного расположения Белорусская сельхозакадемия, древнейшая на территории России.

Само название Днепра восходит к санскритским словам *Дану* (имени одной из трех небесных рек, матери *Данавов*) и «*унар*» – «верхний», что, видимо, противопоставляло его «нижним» рекам (Днестру, Дунаю и Дону). Переселенцы оставили на карте Европы и еще одно примечательное название санскритской реки, а именно, *Рось*, восходящее к названиям ведийских «рек» зодиака *Раса* и *Сарасвати*. Все это может говорить о них как о ведийском народе, хорошо знакомом с индийской астромифологической топонимикой.

Поэтому нельзя не отметить того, что теория прямолинейной географической интерпретации ведийских названий ущербна с одной существенной стороны: «реки» и прочие природные и социальные явления, упоминаемые в *Ведах*, являются метафорическими астрокалендарными терминами; как сказочные или мифологические явления они сопряжены с небом, главным образом, ночным, а соответствующие географические названия являются своеобразным «освящением» земных объектов путем переноса на них названий определенным образом ассоциированных с ними небесных явлений. Астрономический характер этих ассоциаций до сих пор остается не раскрытым, а все выводы без учета этих ассоциаций страдают от заземленного натурализма и являются перевернутыми.

Археологическая область поселений индского типа постоянно расширяется, проникая в Афганистан, Среднюю Азию, Гангскую равнину, Декан... Ее возраст постепенно относится все дальше в прошлое, и находятся все новые свидетельства ее связи с последующей цивилизацией в Индии, с соседними и даже весьма отдаленными цивилизациями древнего мира. Поэтому теории, основанные на интуициях, априорных

суждениях и косвенных данных, нуждаются в постоянном пересмотре и уточнении в свете более конкретных открытий и фактов.

Все-таки этих фактов пока явно недостает. Нет ли более точных топографических указаний, нежели скудные и двусмысленные перечни названий мифологических рек в самих ведийских текстах? Оказывается, есть: сама математико-хроно-текстологическая организация *мантр Риг-веды* содержит весьма точные данные о долготе дня и ночи в дни солнцестояний и равноденствий.

Р и г - в е д а, как будет обосновано в главе о хронометрическом коде, могла быть прочитана за трое суток; количество ее *м а н т р* стопроцентно соответствует количеству секунд окружности, которое Солнце проходит как раз за трое суток; а само исполнение четырех *В е д* было привязано, в частности, к начальным дням четырех пор года, которые совпадали с годовыми поворотными точками!

В главе о суточной слоگو-хронометрии будет показано, как *мандалы Риг-веды* могут образовывать шесть блоков, вероятнее всего, в соответствии с нашим усредненным подсчетом равных шести полусуток (13,4 : 10,6; 10,4 : 13,6 и 12 : 12 часов), что может быть интерпретировано как долгота дня и ночи в дни зимнего и летнего солнцеворотов, весеннего и осеннего равноденствий. Соотношение полусуток определяется из количественного хронометрического декодирования самого ведийского текста и представляется совершенно органичным.

Ранее *Раматони Саркар*⁴⁰ использовал данные *Джйотиша-веданги Лагадхи* о долготе дня и ночи для определения широты места, к которому они могли относиться, и установил, что соотношение 14,4 : 9,6 час., приводимое *Лагадхой*, соответствует широте 34°, проходящей через Кашмир, самую северную часть Индии, которая издревле считалась особо почитаемой святой страной, населенной мудрецами и изобилующей ведийскими и буддийскими школами и университетами. Это только на четыре градуса выше к северу от широты, на которой расположены

⁴⁰ Chattopadhyaya, D. *History of Science and Technology in Ancient India: the Beginnings*. Calcutta, 1986. P. 486-494.

такие важные астрономико-архитектурные комплексы древнего мира как самая большая «солнечная» пирамида Хеопса в Гизе в верхнем Египте, древняя Хараппа и священные города Ришикеш и Хардвар на Ганге в Индии, буддистская столица Лхаса в Тибете и пирамиды в северной части полуострова Юкатан в Мексике.

Принимая во внимание результаты исследований Стоунхенджа Дж. Хокинсом, который был уверен, что широта Стоунхенджа была выбрана его строителями сознательно, так как основные линии, задаваемые мегалитами и крайними положениями Луны и Солнца, образуют прямоугольник именно на этой широте⁴¹, я еще в 1995 г., анализируя количество гимнов в мандалах «Риг-веды», обнаружил некоторое сходство этих чисел и последовательности самих мандал с азимутами Луны широты высокогорного Кашмира. Это было первым несмелым приближением к широтам Индии.

Затем, Н. С. Михайлова в 2003 г., применив ту же формулу, что и Р. Саркар, без дополнительных уточнений, получила следующий результат, определяющий широту места, в котором день во время летнего солнцестояния имеет продолжительность 13 ч а с. 25 м и н. (13,4147 часа):

$$\frac{2}{15^0} \cdot \arccos(-tg\varphi \cdot tg23^0 27') = 13,4147$$

$$\arccos(-tg\varphi \cdot tg23^0 27') = 13,4147 \cdot \frac{15^0}{2} = 100,61025^0$$

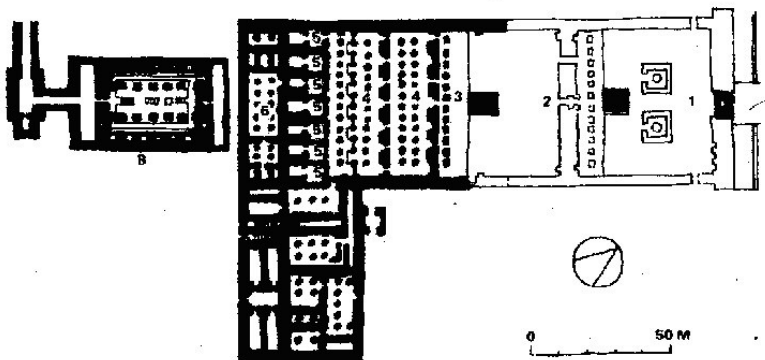
$$-tg\varphi \cdot tg23^0 27' = \cos 100,61025^0 = -0,18412719$$

$$tg\varphi = \frac{-0,18412719}{-tg23^0 27'} = \frac{0,18412719}{0,433775} = 0,424476$$

$$\varphi = 23^0$$

⁴¹ Дж. Хокинс, Дж. Уайт, *Разгадка тайны Стоунхенджа* (пер. с англ. Stonehenge Decoded? L., 1966), М., 1984, с. 242.

Астрономической особенностью выведенной нами широты является то, что она соответствует Северному тропику или тропику Рака, где в день летнего солнцестояния (21-22 июня) Солнце в полдень оказывается прямо в зените.

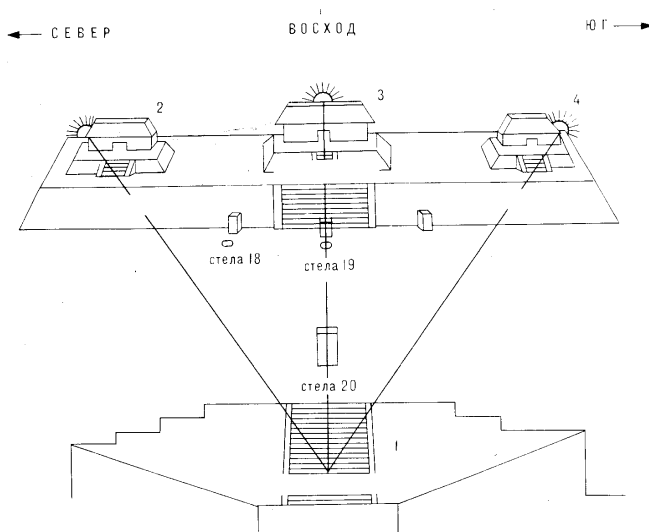

Храм Солнца в Абидосе

- 1 – первый двор
- 2 – второй двор
- 3 – веранда при входе
- 4 – колонный зал
- 5 – моельня (снизу вверх: Сети, Пта, Ра-Гарахути, Амон, Осирис, Исида, Гор)
- 6 – зал Осириса
- 7 – царская галерея
- 8 – символическая гробница

Обратившись к сравнению с древнеегипетской архитектурой, обнаруживаем, что близ этой широты на острове Филе чуть выше Асуанской плотины располагался один из самых известных храмов в честь Исиды, позднее ставший главным местом поклонения возрождавшемуся солнцу Осирису. Популярность этого храма превзошла известность главного города поклонения Осирису – Абидоса, и празднества собирали огромные толпы паломников вплоть до того времени, когда император Юстиниан (527–565 гг.) запретил их⁴².

⁴² Целлар Каталина, *Архитектура страны фараонов*, М., 1990, с. 144.

Азимуты восхода Солнца в астрономическом храмовом комплексе в Вашактуне

- 1 – наблюдательная площадка на вершине пирамиды
- 2 – восход Солнца 21 июня
- 3 – восход Солнца 21 марта и 21 сентября
- 4 – восход Солнца 21 декабря

Вообще все египетские пирамиды и храмы были обсерваториями, посвященными Солнцу, Луне и планетам. Так, например, в храме Сети в Абидосе луч восходящего солнца в день равноденствия дважды в году проникал внутрь на 63 м и освещал одну из семи статуй солнца **Ра** (**Ра**-Гарахути, **Рам**-сеса и **Амона-Ра**), отмечая три дня равноденствия. Статуи Птаха в храме Сети, которого считали богом невидимого Солнца, лучи никогда не касались. К сожалению, после переноса храма при постройке плотины на другой остров древняя абсолютная точность не была соблюдена. Вспомним, что имя «*Рама*» в Индии означает «Румяное», «Прекрасное» Светило – **Солнце** или **Небеса, украшенные серпом Месяца**.

У Северного тропика располагались и важнейшие пирамиды майя на полуострове Юкатан и в центральной Мексике. Любопытно то, что в *Ведах* имя *Май* означает зодчего богов, а принципы строительства американских майя, по мнению

видных храмовых зодчих Индии, во многих отношениях соответствуют ведийским архитектурным канонам. При этом также совершенно ясно, что в своем большинстве пирамиды майев служили астрономическими обсерваториями, как хорошо видно на примере комплекса в Вашактуне.

Ряд ученых, например, индиец Б. Чакраварти, автор двухтомного исследования «Индийцы и америко-индийцы», настаивают на том, что древние индийцы, включая даже раннесредневековых астрономов, были хорошо знакомы с Америкой, которую они именовали *Патала-деша*, «Подвальная, Преисподняя страна», и на культуру которой они оказали длительное и глубокое воздействие. Оно проявляется и в антропологии, и в мифологии, и в архитектуре, и в астрономии, и в ботанике, и во многом другом.

О том, что древние индийцы, несомненно, сознательно привязывали архитектуру, географические объекты к астрономии и давали астромифологические названия достопримечательным местам, расположенным на определенных широтах, свидетельствуют многочисленные факты. Например, они называли большой вулкан, расположенный немного южнее экватора на о. Яве в Индонезии именем *Сумеру* («Превосходная *Меру*»), к которому восходит само название их прародины в Индии – *Мерука*.

Широта 23° проходит через середину Индии, деля ее на Северную и Южную. Ныне на этой широте поднимается новая столица Гуджарата Гандинагар, а также расположены такие большие современные города как Бхопал, Джабалпур (возможно, названный так в ведийские времена в честь *Джабалы*, куртизанки, воспитавшей внебрачного сына, согласно *упанишадам*, настолько честным, что он получил статус *брахмана* – не намек ли это на то, что на этой широте и не-*брахманы*, не-астрономы, могут с легкостью определить солнцеворот, т. е. быть точными, «правдивыми», относительно сложных расчетов).

Вблизи этой широты находится современный город Ранчи, чуть южнее Калькутта (столица штата Западная Бенгалия) и чуть севернее Дакка (столица

Удджайн

Бангладеш). Она проходит у самого устья Инда и через устье Ганги, чуть севернее полуострова Катхиявар и древних городов индской цивилизации **Дхолавиры**, **Суркотады** и **Лотхала**. Далее – через горы **Виндхья** (в ведийской мифологии символ Сев. тропика), город **Удджайн** (один из семи священных городов, который означал нулевой меридиан для раннесредневековых индийских астрономов).

Центральная торговая дорога с севера на юг страны в раннем Средневековье проходила через Матхуру и Уджайн. Еще более замечательно то, что в Уджайне в 3-м в. до н. э. был губернатором знаменитый царь *Ашока*, главный распространитель буддизма в Индии и за ее пределами. Его дети – сын Махендра и дочь Сангамитра – распространили буддизм на юге страны и о. Шри-Ланке. Среди священных городов Индии Удджайн занимает почетное место рядом с Варанаси на Ганге, Джаганнатх Пури на востоке, Дваркой на западе и Канчи на юге. Это указывает на то, что Индия ее основателями мыслилась как одно великое целое, как крестообразный астрономический храм под сенью небес, а ее истинный центр – пересечение срединного нулевого меридиана и Северного тропика.

Среди других примечательных селений в центре страны на Северном тропике следует назвать **Брахма** (характерно, положение бога *Брахмы* – зенит), **Удайягири** («Гора высшего восхода Солнца» – положение солнца во время летнего солнцеворота самое высокое в северном полушарии), **Вишнупур** («Город *Вишну*», который тремя шагами пересек весь мир – очевидно, это означает три положения: на Южном тропике, экваторе и Северном тропике – и низверг третьим шагом демонов, долгие ночи, в подземный мир) и **Дурганпур** («Город *Дурги*, «Далекошагающей» Ночи).

На восточном побережье в устье Ганги располагалась **Там-Ралипта** – древнее селение и страна, иногда «континент», с очень емким мифологическим именем, в буквальном переводе «Облепленная медью или красным сандалом», «Затемненная минута или меридиан», дочь *Дакиши*, Зодиака, и супруга *Каишьяты*, полного Месяца, от которой произошли «птицы», планеты. Наконец, на этой широте, **строго на тропике и в самом центре** Индостана, располагается селение **Санчи**,

примечательное сохранившейся древнейшей и самой большой в Индии буддийской ступой, представляющей собой куполообразный храм вселенной.

Самые древние буддийские святыни располагаются, главным

Храм вселенной в Санчи

образом, в северо-восточной части Индостана (в Непале, Уттар-Прадеш и Бихаре) между 82⁰ и 85⁰ в. д. Это – Лумбини, Шравасты, Сарнатх, Варанаси, Вайшали, Паталипутра (Патна), Наланда, Гайя, Бодхгайя. Вдруг самый знаменитый буддийский правитель оказывается градоначальником Удджаина, а самая большая ступа строится вдалеке от этого исторического центра на меридиане 78⁰ в. д., вдоль которого расположились священные издревле города **Ришикеш** и **Хардвар** (на севере), **Матхура** (также *Мадху-пура* или «Медоград») и Агра (южнее Дели), **Санчи** (в центре) и Бангалор, Кодайканал (невдалеке от которого расположен **Мадурай**, названный в честь Матхуры), Тирунелвели и Каньякумари (самая южная точка полуострова). Обратите внимание на то, что два священных города, расположенные вблизи этого меридиана, – один на севере, другой на юге – имеют одинаковое название «Медоград» (Матхура и Мадурай). Разумеется, это – свидетельство преднамеренного выбора названий для двух особо почитаемых святынь, отмечающих наидревнейший сердцевинный меридиан Индостана.

И в том, что самая большая ступа оказалась на этом же меридиане в центре Индостана, был определенный расчет

распространителей буддизма – поместив величайший буддийский храм в самый центр Индии, они попытались придать буддизму статус всеиндийской и вселенской государственной идеологии, которой он, впрочем, и стал в Азии в последующие два тысячелетия. Буддизм, действительно, сознательно распространялся по всей Индии и за ее пределы в русле проводимой Ашокой (268-231 до н. э.) и его последователями политики. Поэтому выбор места для храма в Санчи был совсем не случаен.

Сама форма ступы весьма символична: она напоминает купол небес, вселенную, имеет ограду вокруг купола и на нем самом, что в некоторой степени роднит ее с календарной обсерваторией Стоунхенджем («Каменной оградой»), а весь замысел перекликается с подобными схемами неба в виде круга с вписанными в него прямоугольниками или крестами, доколумбовой Америки и других мест.

Традиция воздвижения куполообразных храмов в Индии, кажется, восходит к очень древним временам, как о том свидетельствуют купола пещерных сооружений древнего периода (2-1-го тыс. до н. э.). Тут можно упомянуть и о круглом сооружении в широком квадратном дворе в Мохенджо-Даро, которое относится, скорее всего, к подобному типу храмов, что выявляет многотысячелетнюю преемственность в древнеиндийской храмовой архитектуре.

О древних традициях астрономического наблюдения в селении Санчи и об особом значении этой широты для ученых людей самой седой древности говорит то, что невдалеке от него сохранились 500 древних пещер с наскальными рисунками позднего каменного века. С наидревнейших времен люди в Индии по крупицам собирали под Северным тропиком свои астрономические представления, легшие позже в основу ведийского хронометрического суперкомпьютера.

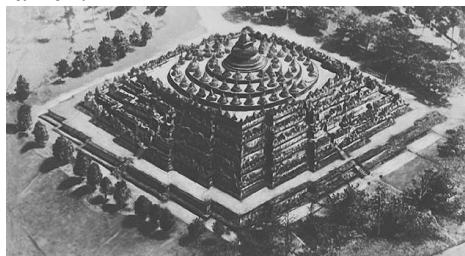
То, что пещерные рисунки древней Европы, скорее всего, передавали не просто сцены охоты, а астрономико-календарные наблюдения, записанные символами животных, людей и специальными знаками, отмечает и Дж. Хокинс⁴³. То же явствует из ряда знаков (например, из Синганпура в юго-

⁴³ Дж. Хокинс, Дж. Уайт, *цит. выше*, с. 195.

восточной части Мадхья Прадеш, 40-12 тыс. лет до н. э.), напоминающих солнце или луну, среди которых встречаются отвлеченные символы, значение которых до сих пор остается не разгаданным. О древности палеолитических рисунков Мадхья Прадеш говорит целый ряд свидетельств, одним из которых, в частности, является изображение кенгуру, указывающее на некогда существовавшие связи или, возможно, мост суши между Азией и Австралией⁴⁴. К тому же, и знаки протоиндийского письма обнаруживаются так далеко на восток как о. Пасхи, лежащий в Тихом океане у берегов Америки.

Подобные храму Санчи сооружения воздвигались весьма далеко не только от центра буддизма в Бихаре, но даже от самой Индии. Это – прежде всего, о. Шри-Ланка и о. Ява, равноудаленные от экватора к северу и югу немногим менее чем на 10°.

Боробудур

На юге о. Ява, где индусская культура господствовала, как минимум, с начала н. э., около 800 г. был построен Боробудур, буддийское святилище в виде 10-ярусной пирамиды (напоминающей о десяти *мандалах Риг-веды*) поднявшейся ввысь на **32** метра (Будда обладает 32 достоинствами) и включающей **504** статуи Будды и **1 4 6 0** рельефов на темы из жизни Будды.

Число 1460 – это четыре года по 365 суток (для полной точности не хватает одного дня, незримый символ которого, скрытый где-то внутри пирамиды или ее четырехугольной конфигурации, означает особый «незримый вставной день из четырех частей» високосного года). С этим числом мы еще не

⁴⁴ С. И. Тюляев, *Искусство Индии: III-е тысячелетие до н. э. – VII век н. э.*, М., 1988, с. 29.

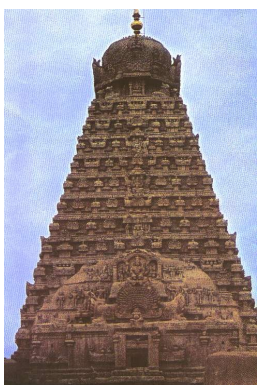
Город-храм Минакши, Звздо-рыбо-окой богини, супруги Шивы, царицы Вселенной, в Мадуре

раз встретимся, анализируя и ведийский календарный мемориал, и количество *мантр Сама-веды*, и общее количество *мантр* всех четырех *Вед*. А 504 равняется сумме $360 + 144$ (или $4 * 36$). В году из 360 суток – 144 ($12 * 12$) периодов по 2,5 суток (60 часов или 75 *мухурт*), а в месяце – 12. Число 144 кратно числу минут в сутках (1400 мин.) и количеству слогов в *Саме-веде* (144000 слогов). К тому же, это – десятая часть от 1440 дней или 4-х лет по 360 суток.

Эта буддийская пирамида, расположенная в тысячах километров от Индии, может служить косвенным подтверждением родства индийских, египетских и американских пирамид-обсерваторий, которые, скорее всего, являются продуктами одной и той же архитектурной астромифологической культуры, центром которой была Индия.

Не забудем, что пирамидальные храмы присутствуют на севере и на юге Индии, при этом, на юге существуют храмовые города, украшенные самыми замечательными пирамидами на свете, сплошь покрытыми цветной скульптурой на темы ведийской мифологии и называемые *гопурам* («бычьими воротами»), так как бык *Шивы Нанди*, изображенный в первом ярусе пирамиды, везет на себе *Шиву*, *Парвати* и как бы обитателей всех девяти планет.

Чуть к северу от тропика расположены величественные шиваитские храмы Кхаджурахо, Варанаси, древние центры

Юг Индии

Бодхгайя (Север)

буддийского селения Бодхгайи и всемирно известный в свое время университет Наланда. Несколько градусов к северу лежит Индо-Гангская равнина с заброшенными городами на Инде и его притоках и современными священными городами на Ганге, а к югу от тропика раскинулись долины рек Годавари и Кришны, до которых, как определенно установлено археологами, простиралась индская культура, где сейчас самыми крупными городами являются Бомбей, Пуна, Шолапур, Хайдарабад, Виджаявада, Вишакхапатнам и др..

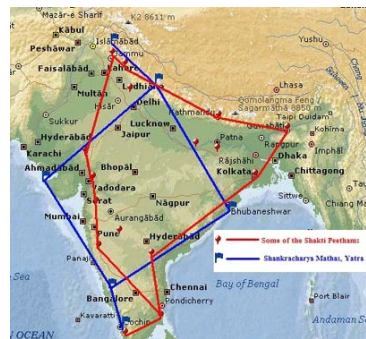
Несколько южнее тропика находятся восхитительные шиваитские, вишнуитские, буддийские и джайнские святыни. Так, замечательной историко-культурной особенностью 20-й параллели, которая пересекает устье Маханади, является то, что вдоль нее расположились сразу три очень важные достопримечательности древности и средневековья: в Бхубанешваре и Конараке – сотни вишнуитских храмов в честь *Сурьи* и *Вишну*, Солнца или полной Луны, в центре – город Чандрапур в честь спадающего Месяца, а на западе – Эллора и Аджанта с буддийскими и шиваитскими пещерными храмами – в честь новолуния, так как первый серп Месяца появляется на западном небосклоне, а полная луна – на восточном.

О поздневедийской традиции крестообразно планировать не только свои храмы, но и страну, располагая священные поселения и города по основным географическим направлениям, может свидетельствовать устойчивое предание, приписывающее **Шанкаре** (великому символическому комментатору *Вед*, относимому обычно к 8-му в. н. э.) создание четырех монастырей *шанкарачарий*, действующих и поныне, в четырех крайних географических точках Индии. Таким образом, и во времена *Шанкары*, и ранее во времена *Будды* строго осознавалось культурное единство субконтинента и особенности его географического положения. Очевидно, эта традиция восходит к еще более древним ведийским временам.

Шанкара

Отсюда вытекает, что *Риг-веда* была, предположительно, связана с каким-то местом на Северном тропике, располагавшемся либо в центре субконтинента, либо у восточного или западного побережья. В Западной Индии таким местом мог быть либо протоиндийский Лотхал, либо Дварака (расположенная чуть южнее тропика, на берегу моря, в прибрежных водах которого археологи обнаружили следы очень древнего города, возможно, восходящего к временам протоиндийской цивилизации и *Махабхараты*, в которой Дварака упоминается как город мудрого бога *Кришны*, воплощения *Вишну*, Сатурна). В Центральной Индии такими местами могли быть либо какие-то древние поселения, стоявшие на месте *Удджайна* и *Санчи*, либо поселения, располагавшиеся на реке Нармада, например, *Джабалпур*. На востоке страны близ этой

Шактистские святилища *питхи* (шарики) и шивантские монастыри *матхи* (флажки), основанные Шанкарой

широты располагаются такие храмовые комплексы как **Бхубанешвар, Конарак** и **Пури** в устье Маханади. Именно в Пури полстолетия назад *шанкарачарья Бхарати Кришнатиртха* смог восстановить ряд удивительных принципов ведийской математики, что само по себе может считаться символичным. Таким образом, любое из вышеперечисленных мест – если не все сразу – может оспаривать право именоваться столицей наидревнейшей ведийской академии.

С культурологической точки зрения 23-я параллель проходит через так называемую «Срединную Землю», издревле окруженную почетом и провозглашенную ведийским божеством-законодателем *Ману* прародиной. По-видимому, и в ведийские времена (7-1 тыс. лет до н. э.) она была не менее культурно и экономически развита по отношению к другим прилегавшим регионам южной и северной Индии.

**Храм Джаганнатха,
Господа Вселенной
в Пури**

С этой точки зрения, города долины Инда должны рассматриваться в качестве одной из важных провинций ведийской державы, промежуточной областью экспансии индо-ариев на северо-восток. Сюда они приходят, вооруженные знанием астрономии, которое планомерно используется в городской застройке. Это в частности объясняет и то, что с гибелью индских городов, ведийская цивилизация не только не прекращает своего существования, а, напротив, несколько раз достигает невиданных в истории высот, которые по праву могут именоваться ее «золотым

веком». Это и распространение буддизма, и «золотой век» Гуптов, и менее известная блистательная эпоха расцвета раннесредневекового Кашмира, взлет и восточная экспансия южных царств Пандьев, Чолов, Виджаянагар. Современная Индия – единственная из всех древних цивилизаций, сохранившая свой неповторимый наидревнейший экзотический облик до наших дней.

С упадком центров древних царств, таких как Египет, Шумер, Греция, Майя, Инкское царство, слава самих государств быстро превращается в одно воспоминание, а сами эти государства, как правило, сходят с культурной арены или вовсе исчезают. Если бы «Срединная земля» ведийской державы располагалась на Инде и являлась единственной высокоразвитой культурной областью в Индостане, то с ее запустением еще тысячу лет до н. э. ведийская культура прекратила бы свое существование навсегда. Очевидно, что она имела другие более значимые центры в Индии, скорее всего, Центральной, как и говорит сама ведийская традиция устами *Ману* и архитектоника самого ригведийского текста (см. главы о хронометрии во 2-й ч.).

Ареал распространения ведийской культуры

В древности одним из предполагаемых названий протоиндийской империи было *Мерука*, так как это слово встречается в энциклопедическом труде «Великое сочинение» (*Брихат-самхита*) *Варахамихиры* (VII н. э.) в качестве «названия страны и народа» и запечатлелось в ближневосточных легендах как *Мелухха*, страна, из которой привозили медь, золото, слоновую кость в Месопотамию. Оно

Индская статуэтка

**Пахтание небесного
океана асурами и
дэвами с помощью
горы Меру**

восходит к названию священной в санскритской мифологии горы *Меру*, описываемой как самая высокая «гора» мира, Мировая Ось, по которой «стекает» небесная *Ганга* (Лунный Зодиак), делясь на четыре потока (четыре стороны света, зодиака, месяца). Ее склоны предстают в мифах усыпанными самоцветами-

звездами, вершины – престолами небесных светочей-*дэвов*, молодых Месяцев, а сама она провозглашается столицей поднебесной.

В ведийской мифологии *Сумеру* («Наилучшая *Меру*») обозначает положение Солнца на экваторе в период равноденствия, своеобразный «Центр мироздания». Поэтому название «*Мерука*» в этой связи можно истолковать как «Экваториальная или Срединная страна». Возможно, *Сумеру* родственно названию огнедышащей горы *Меру* в Кении, расположенной близ г. Килиманджаро (название которой может быть по-санскритски интерпретировано как «*гири*», «гора», *Мандара*). Гора *Меру* в Африке, расположенная близ экватора чуть к юго-востоку от озера Виктория, пару столетий назад была высочайшим вулканом на планете, который после нескольких могучих извержений уменьшился чуть не вдвое. Топонимика Африки, как и мифология древнего Египта, имеют множество схожих черт с санскритской традицией. Название озера Ньяса, реки Конго и самого Нила могут быть возведены к соответствующим санскритским корням «*ньяса*» («низложение, ниспадение», возложение рук в *тантре*), «*Ганга*» («поток») и «*Нила*» («голубой» – характерно один из важных притоков Нила именуется Голубым Нилом).

Более того, из геологии известно, что полуостров Индостан когда-то являлся частью Африки, затем отделился от нее и «причалил» к Азии, очевидно, значительное время проведя на экваторе. Это может говорить об изначальном доисторическом родстве предков индийцев и африканцев. На восточном побережье Африки имеются свидетельства прямых торговых и культурных связей древних индийцев и африканцев, по крайней мере, с середины II тысячелетия до н. э.: это – индийский зебу, хлопок (привозные хлопчатобумажные одежды в римский период пользовались спросом в Египте, Мероэ, у жителей Африканского Рога), боевые слоны вместе с индийцами-дрессировщиками, дипломатические миссии, буддийские миссионеры. Египетский купец Фирм, отмечает С. Я. Берзина⁴⁵, нажил на индийской торговле такое состояние, что даже попытался стать правителем

⁴⁵ С. Я. Берзина, «Древняя Индия и Африка», в кн.: *Древняя Индия: историко-культурные связи*, М., 1982, сс. 17-42.

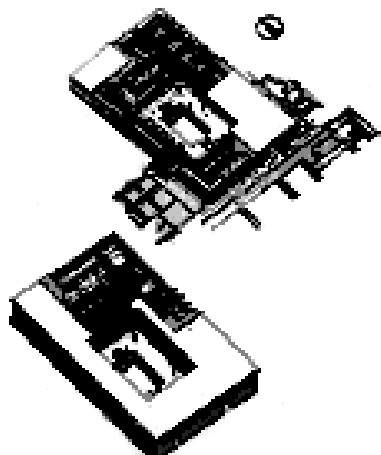
Египта в 3-м в. Древние индийцы имели большой торговый флот, оснащенный кораблями для дальнего плавания. В Аксуме найден клад индийских золотых монет кушанской эпохи. В Адулусе была найдена печать письмом *брахми*, а в языке геэз сохранились древнеиндийские слова для таких понятий как «слон», «сахар», «берилл» и т. д..

Как известно из ведийского мифа о раскручивании богами (светилами) неба с помощью «змея» бесконечности и горы *Мандары* как оси, расположенной на куполообразном панцире *Вишну*-черепахи (гору, как мутовку для взбития молока, раскручивали, обернув вокруг нее «змея» *Васуки*, путь Луны), бесконечное колебание светлой и темной половин года происходит именно относительно экватора (*Мандары*). Гора *Мандара* была использована *дэвами* и *асурами* с целью получения планет и «бессмертного» (*амрита*) напитка в виде света Месяца из «пучин» ночного неба, как жемчужин со дна моря.

Миграция цыган

Мандара (экватор) в ведийской мифологии символизирует своеобразную «ось» вращения Солнца и других светил, вокруг которой они движутся относительно звезд змейкой или по спирали. Сама гора располагалась на спине *Вишну*, олицетворения сидерического Сатурна, планеты с самой большой орбитой в наблюдательной астрономии, который создал для Солнца, Луны и других планет окружность в 360° , откуда явствует, что гора связана с Солнцем и его движением вниз и вверх относительно небесного экватора.

Скорее всего, *Сумеру* на востоке обозначает весеннее равноденствие, а *Меру* и *Мандара* на западе – осеннее, после которого ночь становится длиннее и удобнее для астрономических наблюдений. Ланкой же, островом

десятиглавого демона *Раваны*, брата уродливого карлика *Куберы*, бога богатства (низкого зимнего Солнца), именуется Южный тропик.

Согласно раскопкам, большая часть индских городищ была сосредоточена в Северо-западной Индии вдоль Инда и пересохшей реки Гхаггар, но значительная часть лежала за пределами этого региона, простираясь на юг Индии и в Среднюю Азию. Гибель индских городов, оказавшихся погребенными под песками пустыни, вызвала значительные волны переселенцев как в юго-восточном, так и северо-западном направлении. Первая волна европейских переселенцев, на мой взгляд, была представлена славянами, наиболее многочисленным индоевропейским народом, говорившим на пракрите или диалекте санскрита, последняя – цыганами (как показано на этой схеме).

Само слово «славяне» прямо восходит к санскритскому «*шрава*» («слава»), «*шравака*» («словак», «послушник», «ученый») или «*шраванам*» («слушание, известность, слава, то, что, слышно», «Слово», *Веда*) и являлось одним из самоназваний древних ведийцев, означая «славных ученых людей», «носителей Слова или ведийского знания». Как ясно из этимологии их самоназвания, славяне были просвещенным ведийским народом, мудрые предводители которого не случайно назывались «ведунами» (от санскр. «*vedin*, *vidvan*, *vedavant*», «преподаватель, ведийский ученый *брахман*»).

Поскольку протоиндийская цивилизация была предшественницей большинства индийских, азиатских и европейских цивилизаций, а главную часть мигрантов, а, следовательно, коренных жителей, составляли с л а в я н е или носители ведийской культуры, ее должно более правильно называть Достославной Ведийской Державой (*Shri Vaidic Dharma*) или «просвещенной державой». «*Дхарма*» (в славянском произношении «держава», законный порядок, государство) – термин, неправильно интерпретируемый как «религия». Фактически, он означает «государство» и «учрежденный государственный строй»; «миропорядок» или «Царство небесное», выражая древнее астрономическое представление о подлунном мире как единственном и истинном государстве

всего человеческого рода – право, этика, религия в современном смысле являются всего лишь частями этого понятия.

Одним из ложных исторических представлений о древних славянах является утверждение, что они были кочевниками, исходно жившими в бедных евразийских степях, что толкало их к постоянной борьбе за средства к существованию, делало неприхотливыми и воинственными, а в сочетании с отсутствием культурной истории широта степей обусловила... формирование широкой «русской души», космизма, воинской гордыни и самого самоназвания «превосходные» и «благородные» (*арии*). Здесь все не точно или просто ошибочно, включая односторонний перевод и истолкование слова «*арья*», которое в первую очередь означало «ярких, ярых приверженцев Месяца, астрономии, математики, разума и просвещения».

Индская статуэтка

Их религия, отраженная в *Ведах*, якобы была поклонением воинственному богу грозы *Индры*, от которого они ждали только военных побед. На такие заявления хочется возразить не без иронии: неужели образ *Индры* так прост и поддается такой однозначной интерпретации?! (См. гл. об астральной ведийской религии).

При этом само собою разумеется, что те или иные древние понятия одного народа, переименованные другими, не могут считаться доказательством низкого или в чем-нибудь ущербного происхождения. Ряд высоких ведийских понятий в персоязычной космополитической среде (в которой немалую роль играли помимо древних персов, именовавших себя ариями, семитские и другие народы Ближнего Востока и Средней Азии) утратил исходное высокое значение и приобрел нередко прямо противоположное. Так, слово *дэва* (светоч, бог) стало обозначать лесное чудовище, *Дьяус* (*Дьяух*, Див, День, дивное, светлое Небо) превратился в «дьявола». А ведь любому исследователю ясно, что образ *Дьяуса* сопряжен с Небесным Светом или Светочем (полной Луной или Юпитером), имя которого имеет греческие параллели (Зевс – *Zeus* – олицетворение главы богов-светил планеты Юпитер), латинские (*deus* – «бог»), литовские, русские («Див», «дивный») и даже английские (*divine*

– божественный). *Сатана* («святой», *Будда*, *Шива*) превратился в «сатану» (адское чудовище), тогда как *асура* («темный», «небог», супротивник *дэвов*) – в «бога». Подобный процесс трансформации смыслов в противоположные характеризовал и греко-христианское противостояние, и византийско-римское, и католическо-протестантское и присущ вообще всякому расколу.

Вызывает немалое недоумение, когда зарубежные исследователи, говоря о древних ариях, обитавших в русских степях, отмечают только языковые параллели между санскритом, греческим, латинским и английским. Тогда как любое важное санскритское понятие находит свое наилучшее отражение в славянском, русском или белорусском языках! Например, своих вождей арии именовали титулом раджа (*rajah, rajar* – лат. «гех», «царь», английское «regal», «царский»). Как будто нет русских и белорусских соответствий, таких как «урядник», «рядец», «владыка», «уладар»?!

Обычно везде утверждается, что где-то в первых веках второго тысячелетия до н. э. они начали мигрировать на юг, тогда как, на самом деле, миграция началась из Индии в направлении Ирана и России.

Более того, отмечая, что на севере Европы имеется страна, в названии которой содержится намек на слово «арья» – Ирландия – западные исследователи бесцеремонно утверждают, что арии, двинувшись на юг, поработили Иран и дали ему название, восходящее к тому же корню «ар». Почему они тогда не дали этого названия своей собственной мнимой прародине – русским степям?!

Вот один из них прямо утверждает, что, вторгшись в Индию, «эти самодовольные кочевники» (они были исходно грабителями, а не земледельцами – подчеркивает он) «навязали ей свой культ воинственного *Индры*, разрушителя городов», вызвали, разумеется, возмущение и сопротивление строителей хараппских городов, разрушили всю страну и, парадоксально, заставили ее слепо поклоняться своим богам-разрушителям!

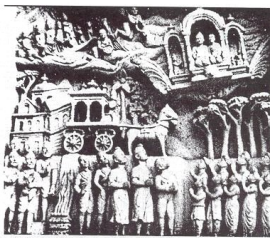
Поражает своей бессмыслицей утверждение о том, что завоеватели, заняв райские берега *Ганги*, оказались более проворными, чем создатели индских городов (которые в силу неизъяснимых причин были привязаны к превращавшемуся в пустыню бассейну Инда и псевдо-*Сарасвати*). Почему туда не

могли отступить под их натиском жители индских городов?! Утверждение о том, что хараппцы с их развитой технологией не могли справиться с гангскими лесами, и эту «эпическую задачу» осуществили кочевники, «почти ничего не перенявшие от хараппцев», не интересовавшиеся ни земледелием, ни строительством, ни государством, ни письмом, отличается полным отсутствием здравого смысла!

Когда же племенная организация враждующих между собой кочевников лицемерно и презрительно именуется ведийской цивилизацией и описывается как основа более поздних территориально-племенных государств, известных как *джана-пады* (демократические республики) или *джана-раджья-пады* (аристократические республики), «к которым и сегодня индийцы причисляют себя», остается только развести руками. Такой сумбур (я понимаю, что это не научный термин) не возможно комментировать и никак наукой истории не назовешь.

Ригведийский период произвольно и без малейших доказательств с подачи историка санскритской литературы **Мориса Винтерница** привязывается к 1700-1000 до н. э.. *Риг-веда* именуется собранием религиозных стихов, которые относятся к примитивному пласту индоевропейской религии, якобы сфокусированной на жертвоприношениях богам. Социальная структура этого умозрительного общества рисуется как постепенное усложнение от первоначальных двух классов – благородных и простолюдинов – к трем (с добавлением *дасов*, якобы «темных» или даже «темнокожих»), а затем к четырем (*чатур-варна* – «четырем цветам», включавшим *брахманов*, *кшатриев*, *вайшьев* и *шудр*). Потом эта, как помним, «многоплеменная» среда, породившая первоначально два класса, начала вновь дробиться и образовала конгломерат *джати* (родов и племен). При этом уже в ригведийский период – образчик реконструкции истории с помощью чревоуещания – классовый строй стал совершенно жестким.

Миграция в бассейн Ганги произошла (как тут не подивиться точности?!) в поздний ведийский период, именуемый европоцентристами «периодом *брахман*» (1000-500 до н. э.) ввиду того, что в религии теперь якобы доминировали ведийские комментарии, называемые *брахманами*, будто бы

**Вимана на барельефе
пещерного храма
Эллары**

написанные целую **тысячу лет** спустя написания гимнов (1000 – 850 до н. э.)... Поздневедийский период еще называют «эпическим», хотя *Махабхарату* и *Рамаяну* относят к периоду 500 – 200 до н. э.. Не мудрствуя лукаво, мифологических героев поэм выдают за неких исторических деятелей, якобы живших в тот период, да еще и исповедовавших... смесь ведийских и

иных верований.

Арии, по христианским описаниям, перекочевавшим и в современную историографию, как и «подобает» язычникам, были не притязательны: любили музыку, пение, танец, поэзию, азартные игры – вот, пожалуй, и все – это и были их главные занятия! Куда там до строительства *виманов*-самолетов, как на барельефе пещерного храма Эллары! Не любили изобразительного искусства и письма, «хотя и наследовали его от поработанных хараппцев»! Письмом начали интересоваться где-то в период с 650 по 500 до н. э., но письменных свидетельств со времен Хараппы (2500-1750 до н. э.) до маурийской эпохи (300 до н. э.) якобы не сохранилось. Затем появилось письмо *брахми* как заимствование непременно откуда-то с запада. Военизированная религия ариев эволюционировала к более мягкой обрядовой и медитативной форме, – а мы добавим – имеющей уникально разработанную и не имеющую параллелей *этику*, основанную на таких цивилизованных принципах как ненасилие и правдивость, *логику*, диалектическую и формальную, уникальную *йогическую психологию*, о которой Л. Толстой говорил, что в этой области мы еще очень далеки от индусов, и пр. и пр. Правда псевдоисториков это мало волнует – они ведь не питают, как правило, пристрастия к этим дисциплинам и так упиваются «политиканством», «бытописанием» и своей «объективной» непогрешимостью, что легко превращаются из объективных исследователей в судей, исповедующих только религию *классовой* (*партийной*, *сектантской*, *националистической*, *расовой* или иной) борьбы!

Слово *веда*, как отмечалось выше, означает «знание, науку» не только на санскрите, но что чрезвычайно важно, по крайней мере, на одном европейском языке, белорусском, который принадлежит к восточно-славянской группе индоевропейской семьи. Насколько я знаю, белорусский сохраняет слово *веда* именно в смысле «наука» с незапамятных времен (в русском ему соответствует «ведение», как, например, в слове «природоведение», в немецком *Wiesen*, в голландском – *Wetten*, в английском – *view*). Без сомнения, белорусское «*веда*» – не заимствование. Это – одно из многих тысяч *tadbhava* (санскр. «того же смысла», «подобных») и *tat sama* (санскр. «тех самых», «идентичных») санскриту слов, унаследованных славянскими языками из санскрита и формирующих ядро славянских языков. Слово «белорусский» («белый русский») восходит к санскритским словам *бхала* «свет, солнце, луна», и *расика*, *расин* «красивый, обладающий эстетическим вкусом, ценитель искусства и красоты», встречающимся в *Риг-веде*. Само понятие «Белая Русь» соответствует образу «Святая Русь», а также «Белая страна» иранцев.

Слово *расинах* (из которого происходят и слова «русич», «россиянин», и фамилия «Разин», и такие понятия как «разить», «выразительность», «заразительность»), характеризующее *Индру*, а, следовательно, и его поклонников, эстетов, ученых, астрономов и программистов древней Индии, согласно «Сводному ведийскому указателю» М. Блумфилда⁴⁶ (1906 г.), встречается неоднократно в *Риг-веде* и других текстах, например:

pariṣkr̥tasya rasina iyam āsutiḥ (RV.8.1.26c; SV.2.743c) – «для *Расина*, любителя росы-выразительности, эта выжимка...»;

pibā sutasya rasinaḥ (RV.8.3.1a; SV.1.239a; 2.771a; AB.4.29.15; 5.6.7; 16.28; AA.5.2.4.2; AŚ.5.15.21; 7.12.7; ŚŚ.7.20.6; 12.7.5; 9.11) – «испей, *Расин*, сути...»;

saṃ yanti rasino rasāḥ (RV.9.113.5c) – «сходятся к *Расину* росы-лучи и сути-эстетические наслаждения...».

Эти этимологии говорят о том, что «россы, русичи, русские, россияне» первоначально являлись просвещенным ведийским

⁴⁶ Maurice Bloomfield, *A Vedic Concordance*, Cambridge (Mass.), 1906.

народом, носителем комплекса ведийских наук и искусств, исповедовавшим астральную религию, поклонявшимся **свету** (планет и звезд), **просвещению** в широком смысле, науке и знанию. Поэтому и путь их в Европу отмечен тремя реками, которые именуются *Раса* (в Индии), *Раха* (в Персии) и *Рось* (приток Днепра) и означают Зодиак. Приднепровская топонимика и гидронимика красноречиво свидетельствует о санскритских верованиях древних славян, как выявлено О. Н. Трубачевым и подтверждается моими собственными наблюдениями.

К сожалению, огромный лингвистический материал славянских языков и санскритско-славянские языковые параллели, позволяющие выявить наиболее древние смыслы таких слов, как «*веда*», «*арий*» и великое множество других более специфических понятий, только незначительно учитываются в индоевропейской компаративистике. Пожалуй, за исключением небольшого трактата, посвященного сравнению санскритских и русских слов, и оригинальных историософских работ **А. С. Хомякова**, написанных еще в XIX в., в современной русской индологии промелькнуло лишь несколько очерков и диссертаций, благосклонно затрагивающих этот важный аспект. В результате, многие европейские индологи, находящиеся в плену поверхностных этимологических теорий, возражают как будто бы в большом замешательстве: если *арии* (подразумевая под ними некий индоевропейский народ) переместились из Индии в Европу (имеется в виду только западная ее часть), то где же лингвистический «мост» между этими двумя субконтинентами?!

Ввиду недостаточного развития санскритологии в России и большинстве других славянских стран (в Белоруссии она находится в зачаточном состоянии и лишена всякого внимания со стороны государства), создалась странная ситуация, при которой не только игнорируется факт близкого родства славянских языков с санскритом, по отношению к которому они фактически являются диалектами, но как бы не замечается в

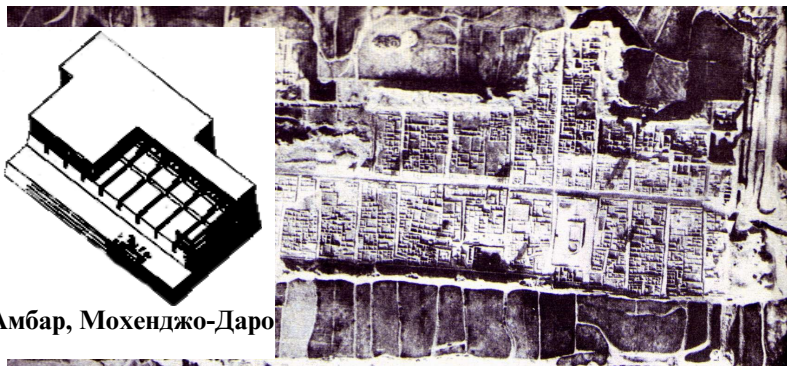
упор или, по крайней мере, не находит правильного осмысления то, что на этих языках говорят от Тихого океана до Альп.

Важнейшие из славянских языков, как, например, церковнославянский, сформированный южными славянами в Византийской Империи и Болгарии (древние болгары все более настойчиво идентифицируются в настоящее время как иранский или даже индийский народ, вышедший из областей, прилегающих к Северному Памиру, Индии и Ирану) представляет собой просто диалект санскрита, но и русский, и белорусский настолько ему близки, что иногда целые предложения и тысячи слов и выражений могут быть поняты без перевода. Абсолютно ясно, что именно славянские языки формируют лингвистический мост между индоарийскими и иранскими, с одной стороны, и балтийскими, кельтскими и западноевропейскими языками – с другой.

Понятие «нерушимая слава» (санскр. *шравас акшита*, *акшити шравах*), имеющее параллель в греческом (*kleos arphiton*), представляет собой, по мнению компаративиста **А. Куна**, как отмечает Е. Я. Елизаренкова, общеиндоевропейскую поэтическую формулу.⁴⁷ Шиваитский философ и поэт-энциклопедист **Кшемendra** (XI в.) называет славу «истинным бессмертием», поясняя, что человек жив до тех пор, пока о нем сохраняется память среди живущих.⁴⁸ Очевидно, что славяне не случайно выбрали это слово в качестве самоназвания. Оно же, в свою очередь, подчеркивает их связь с самым сокровенным наследием и верованиями древних индийцев, создателей ведийской цивилизации.

⁴⁷ Т. Я. Елизаренкова, *Язык и стиль ведийских риши*, М., 1993, с. 4.

⁴⁸ Кшемendra Вьясадаса, *Основы истинного добронравия* (Пер. с санскрита, введ., примеч. М. И. Михайлова), Орша, 1999, с. 88 и 344.

Амбар, Мохенджо-Даро

Аэрофотосъемка одного из протоиндийских городов

Они появились в Иране, позже в Западной и Центральной Азии, Южной Сибири и на Русской равнине вдоль больших русских и европейских рек в послеледниковый период лет так, скажем, тысяч пять до н. э., гонимые из высоко цивилизованного и плотно заселенного региона Северо-западной Индии непрерывно ухудшающимися экологическими условиями.

Кстати, многократные упоминания *Риг-веды* о *пурах*, «оплотах», городах-крепостях – в том числе «железных» – в мифологическом контексте не должны вызывать никакой двусмысленности: составителям *Риг-веды* города были хорошо знакомы. Об этом свидетельствует и совет обращаться к *пурапати* (градоначальнику) по частным вопросам. Вместе с тем, призыв к *Индре* разрушить города неправедных правителей вовсе не дает никаких оснований предполагать, что ведийские мудрецы жили вне городов и поселений и представляли собой кочевников, вождь которых вел войну против горожан. *Индра* сам обитает в грандиозном небесном граде *Индра-прастхе*. Сегодня верующие индусы считают, что Дели построен на ее месте.

Скорее всего, борьба *Индры* с крепостями напоминает борьбу средневековых европейских царей и королей с феодальными замками и может говорить о том, что в стране ведийских мудрецов не допускались самоуправства феодалов, а центральным правителем империи – подобным *Индре-Соме-*

Агни, т. е. царю поднебесной Месяцу, – подавлялись и пресекались все расколы, восстания и проявления самодурства вассальных правителей. Царь, уподобляемый Месяцу, правителю вселенной, выступал в роли императора. Единая система разнообразных (измерительных, архитектурных, лингвистических и иных) стандартов на всем огромном протяжении индской цивилизации говорит именно об этом.

Характерно, что ведийские переселенцы шли в Европу как строители государств и городов. Некоторые из их чрезвычайно больших древних государств в Западной Азии были Иран, Хеттская империя, а затем Персия. На Русской равнине они позже создали государство, северо-западную часть которого древние скандинавы называли Гардарикой, что некоторые историки интерпретируют как «Страна городов». В настоящее время на Русской равнине раскопан целый ряд больших и малых городов, восходящих к четвертому тысячелетию до н. э. Некоторые из них, как, например, Бельское городище (VII-VI в. до н. э.), расположенное на реке Ворскле, притоке Днепра, достигали размеров Москвы XIX в. (40 км², периметр стен 30 км)⁴⁹.

Переселенцы несли с собой кроме языка и литературы также технологию и стандарты, науки и искусства, календарь и мифологию, философию и духовные знания, политические принципы **истинной демократии** и мудрой дипломатии, которые они выработали в недрах Ведийской цивилизации в Индии.

Без сомнения, эти ведийские и буддийские переселенцы или «славяне», несколькими волнами переселявшиеся в Европу из Индии, были главными создателями иранской, славянской, древнегреческой, латинской и кельтской цивилизаций.

Современные славяне – разумеется, с учетом значительных этнических смешений как между собой, так и с соседями, – их прямые и наиболее близкие потомки и культурные приемники. Они и сейчас все еще – главный фактор стабильности в Азии и Европе, наиболее технологически и духовно развитые нации в мире. Я уверен, что рано или поздно правильный взгляд восторжествует, и будет признан современный вклад славян в индоевропейское или ведийское культурное наследие, а мировой

⁴⁹ Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян*, М., 1981, с. 537.

политический процесс, наконец, предстанет в правильной ведийской исторической перспективе. Неверная перспектива, сознательно или подсознательно поддерживаемая академическими кругами, санскритологами, индологами, славяноведами, а вслед за ними культурологами, историками и политиками, помогает тем, кто стремится разобщить индоевропейскую культурную общность, являющуюся реальной основой будущей глобальной цивилизации.

Историки частенько пинают не только славянскую и ведийскую цивилизации: высокомерное глумление распространяется и на прах создателей индской цивилизации, которая предшествовала появлению выдуманных западными историками псевдоариев и которая никак уж не могла быть охарактеризована как отсталая и примитивная. В ней присутствовали некоторые стандарты, которых Европа не знала до прошлого века, письмо, которое европейские мудрецы так до сих пор за сотню лет не расшифровали.

Индская цивилизация, обнаруженная в 20-х годах XX в., сначала упрямо привязывалась только к индскому бассейну, потом, благодаря, главным образом, усилиям индийских археологов, выяснилось, что она распространялась на весь субконтинент и на прилегающие регионы Афганистана. Русские и советские археологи показали, что – и на Среднюю Азию. Однако и теперь, когда ее возраст значительно увеличился, цивилизацию пытаются вывести из каких-то якобы ей предшествовавших деревенских поселений, будто бы с и н п о л и т е й н о (наряду с городами и государством) существующие в любую эпоху деревни могут рассматриваться в качестве предшественниц астрономически ориентированных городов, храмов и т. п., точных математико-астрономических знаний, духовной культуры с ее этикой, эстетикой, логикой, философией, лингвистикой и сонмом других утонченных научных и художественных дисциплин!

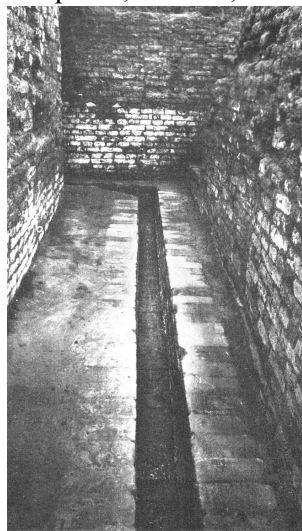
Истинно ведийскую городскую цивилизацию с развитой письменностью упрямо называют не по-индийски «хараппской» по современному названию одного из первых раскопанных поселений. Среди других «индских» городов фигурируют по своим современным (не санскритским) названиям Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, Калибанган, Банавали, Лотхал, Рупад и др. Сегодня не возможно отрицать, что этим городам была присуща гораздо более высокая организация, чем поселениям соответствующего периода в Месопотамии и Египте. Улицы были прямыми, пересекались под прямыми углами, основные улицы – широкими, дома – из обожженного кирпича, система сточных каналов и канализации отличалась продуманностью и пряталась под дорожным покрытием.

Сельское хозяйство опиралось на использование деревянного плуга или сохи, как известно, являющегося наиболее пригодным для засушливых регионов.

Выращивали ячмень, пшеницу, хлопок, овощи, фрукты. Были одомашнены кошки, собаки, козы, овцы, коровы, свиньи, слоны.

больших количествах в шахтах добывались различные руды и широко использовались цветные металлы, бронза и железо. Было, несомненно, известно и железо. Однако, историки, вместо того, чтобы просто констатировать, что железные изделия не дошли до нас, обычно спешат сделать вывод основе этимологических кульбитов о том, что железо не известно. Из *Ved* явствует, что известно!

В

медь.

на

было
было

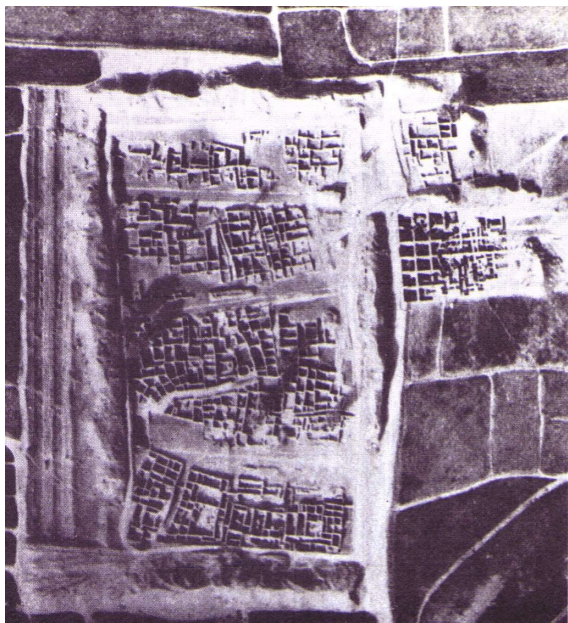
Индская канализация

Здания, многие из которых были выше двух этажей, имели хорошую планировку. В строительстве использовался гипсоцемент, которым иногда скрепляли даже металлы. Применялись прочные красители. Гидравлические сооружения, подобные большому бассейну в Мохенджо-Даро, отмечены изобретательностью, а порой и размахом, как док в Лотхале. Глиняная посуда изготавливалась из тонко измельченной и хорошо обожженной глины.

Ведийские города имели торговые связи с Афганистаном, Персией, Египтом, Месопотамией, Африкой, Индонезией, о. Пасхи, а, возможно, и древней Америкой. В отличие от вышеупомянутых стран в Индии города имели ровную застройку без противопоставления богатых и бедных районов.

В конце второго тысячелетия до н. э. полностью пересохла, уступив место пустыне Тар, одна из параллельных Инду рек. Ее произвольно называют ныне *Сарасвати*, хотя *Сарасвати*, согласно *Ведам*, – река зодиака, дочь и жена *Брахмы*, Месяца, вокруг которого она совершает свой умопомрачительный пляс, который *Брахма* созерцает, создав себе четыре лика, например, четыре года, – протекает на востоке Индии и известна под именем *Брахмапутры*, «Дочери *Брахмы*». Жители благоустроенных городов вынуждены были их окончательно покинуть, двигаясь на юг, север, восток и запад.

Отселение началось, несомненно, раньше, так что к началу первого тысячелетия до н. э. индские города были полностью заброшены. Часть жителей переместилась в Гангскую долину и дальше в Юго-Восточную Азию, Индонезию и Океанию, но значительная часть вынуждена была переселиться на Ближний Восток, в Малую Азию (где в этот период появляется множество индийских правителей), Среднюю Азию и на Русскую равнину.

Аэрофотосъемка раскопок протоиндийского города

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ИСТОЛКОВАНИЯ ВЕД

Уже в древности в самой ведийской традиции сложилась система методов ведийской интерпретации, включавшей семь основных видов объяснения скрытого смысла, которые более или менее подробно описаны Р. Гопалом⁵⁰ и которые в целом приняты и в современной ведологии:

яджника (ритуалистический);

айтихасика (мифолого-исторический);

сампрадайика (традиционалистский);

адхйатмика (этико-психологический);

вайякарана (грамматический);

джйаутиша или *пурваяджника* (астрономический или древнеобрядовый);

найрукта (семиотико-этимологический).

Рассмотрим только наиболее характерные из этих традиционных способов ведийской интерпретации.

Яджника или ритуалистическое истолкование

Яджники или интерпретаторы-ритуалисты видят практическое значение ведийских песен в их использовании в религиозном ритуале.

Некоторые видные индологи, как, например, Р. Рот и Г. Х. Уилсон следовали религиозно-ритуалистической теории *Саяны* (XIV в.).

Я. Гонда, П. Тиме в согласии с учением *мимансы*, как они его понимали, рассматривали ведийских богов в качестве обожествленных абстрактных «понятий власти».

Т. Я. Елизаренкова в ее русском переводе *Риг-веды* часто склонна мыслить богов в качестве фетишей и обожествленных племенных вождей и священников... Тем не менее, она

⁵⁰ Gopal, R., *The History and Principles of the Vedic Interpretation*, Delhi, 1988.

указывает на стих *Риг-веды* (1.110.2), где ясно заявлено, что «бог» *Савитар* совершает жертвоприношение, и замечает, что объяснение образов богов как племенных героев, которые совершают жертвоприношения богам, во многих случаях внутренне противоречиво, так как боги совершают и наслаждаются жертвоприношениями в то же самое время.

Очевидно, данный способ интерпретации, заключающийся в попытке понять тексты с помощью обычного ритуала, не надежен, потому что функции ведийского ритуала и, особенно, ведийских жертвенников, каковы бы они ни были, не могут быть реконструированы без обращения к древним текстам, а, с другой стороны, нет никакой возможности без текстов проверить, насколько современные реликты ритуала соответствуют ведийским стандартам. Такой путь чреват модернизацией истории и даже ее мистификацией.

Однако изредка предлагаемые объяснения обрядов как причуд воображения и умышленного изобретения «злонамеренных» священников стимулировали появление более трезвых подходов и точек зрения.

Айтихасика или мифолого-историческое истолкование

Этот способ ведийской интерпретации основан на исследовании повествовательного содержания переведенных на современные языки памятников ведийского комплекса и рассматривает *Веды* в качестве, главным образом, источников социальной истории.

Такой подход не может не вызывать возражений. Ведь повествование в *санхитах* играет весьма малую роль. Ведийские тексты символичны до такой степени, что порой принимают вид бессмысленной игры словами, вовсе не будучи испорченными, что было выразительно подчеркнуто важнейшим санскритским комментатором *Саяной* в его введении к своему интегральному, опирающемуся на все шесть *веданг*, комментарию «*Риг-веды*».

Зачастую ученые, игнорируя положение о том, что ведийские слоги не имеют значения для тех, кто не знает их более высокого смысла, ибо они имеют прямой (земной) и фигуральный («небесный», т. е. астрономический) смысл (РВ, I. 164.39), а также вне зависимости от их отношения к ведийскому семиотику и этимологу *Яске* (VII-IV вв. до н. э.) и текстологу *Саяне*, ограничиваются формальным лингвистическим анализом, непригодным для интегрированного подхода, демонстрируемого более сильно, по нашему мнению, в синологии, где уже установлено, например, что настоящими божествами в таоизме являются не антропоморфные символы мистических духов, а ритмы и структуры ритуализированного, т. е. календарного времени, символизируемого числами.

Божества даосов являются символами временных циклов. Секуляризация календаря в Китае была основана на концепции календаря как универсального воплощения пространственно-временного континуума⁵¹.

Ведийские парадоксы могут быть также разрешены, но только при условии, что ведийский словарь будет рассматриваться не в качестве продукта эксцентричного натуралистического описания обыденного сознания кочевника, но в качестве научной системы календарной терминологии развитой цивилизации.

По моему разумению, ведийские *санхиты* спроектированы как интеллектуальные интегральные схемы или астрономические таблицы. Поиск в них событий индоевропейской истории подобен попытке интерпретировать «Периодическую таблицу химических элементов» Д. И. Менделеева не в терминах корпускулярно-волновой теории квантовой физики, а посредством хитросплетений российской истории.

Значимость современных переводов, каковой бы ни была их точность, ограничивается контекстом таких вспомогательных ведийских дисциплин, как грамматика, этимология и лексикология. Излишне напоминать, что текстологические изыскания, игнорирующие поразительные и специфические ведийские концепции ВРЕМЕНИ, ВСЕЛЕННОЙ, ЭНЕРГИИ,

⁵¹ Календарные обычаи и обряды восточно-азиатских народов, М., 1989, с. 33.

ЧИСЛА, СЛОВА, СИМВОЛА, МЫСЛИ, ДЕЙСТВИЯ, ДЫХАНИЯ и т. д. и т. п., сформулированные в литературе *веданг, даришан и упа-вед*, имеют лишь предварительное значение и могут стимулировать лишь мифологические гипотезы онтологического или описательного, т. е. статического, характера (метеорологической, солярной, лунарной, астральной, этнологической и биологической ориентации).

Но такие допущения и гипотезы, внешние по отношению к ведийской традиции и разработанные вне концептуальных принципов санскритской экзегезы, основанной на сложных понятиях символического авторства (*анаурушея*, анонимность) и символического языка (*пратик-бхаши*, терминология и символизм), скрытого или тайного смысла (*дхвани*), эстетика, пафоса переживания и сопереживания (*раса*), «украшенной речи» и фигуральных выражений (*аланкара*) и всеобщей сочетаемости и уместности всех текстуальных средств (*аучитья*), не могут помочь осмыслить динамическую и сугубо практическую природу памятников.

Описательный натуралистический подход покоится на линейном, лишенном синергетичности представлении об исторической эволюции и является мало продуктивным или даже не приемлемым в области истории культуры, особенно, в высоко духовном ведийском и ведантистском контексте. Следствием этого подхода является распространенная трактовка ведийской литературы в качестве компиляции песен неоднородного содержания, созданных различными авторами на протяжении длительного и неопределенного периода.

Часть индологов (У. Джоунз, М. Мюллер, Х. Х. Уилсон) верила в историчность ведийских текстов.

Но другие (А. Л. Бэшэм, С. Пигго, М. Уилер, Л. Уули и большинство индийских ученых) скептически относились к этой возможности.

Адхйатмика или философское истолкование

В Индии *Веды* до сих пор окружены ореолом святости и непогрешимости как самые великие научные книги вселенной. По

убеждению *Махеш Йоги*, идеолога международного просветительского движения «трансцендентальной медитации» и «Всемирного государства всеобщего мира», они являются научными конституциями космоса, созданными на основе единой теории поля.

С тех пор, как классические санскритские тексты стали доступны в переводах на европейские языки, они нашли самый живой отклик в Европе и Америке и высоко восхваляются многими современными мыслителями, среди которых есть философы такого калибра как Лев Толстой, Махатма Ганди и Альберт Швейцер, и такие ученые как Альберт Эйнштейн, Эрвин Шредингер и Константин Циолковский. *Веды* будоражат воображение философов и мистиков, среди которых **А. Шопенгауэр** заявлял, что *Упанишады* являются его утешением и в жизни, и в смерти, а **Лев Толстой** не раз называл *Веды* самыми древними и глубокими религиозными писаниями человечества, которые он бесконечно уважает. Современные мыслители, вдохновляемые ведийскими идеями природной естественности, всеобщего единства и космической гармонии, вырабатывают мечту о будущей научно организованной цивилизации, покоящейся на принципах глобальной экологии и этики.

Правда, *Веды*, два столетия приковывая к себе внимание самых выдающихся мыслителей и исследователей во всех ведущих странах мира и постепенно обнаруживая все новые и новые грани и уровни смысла, остаются исследованными только поверхностно, их самое существенное ядро остается не понятым и не раскрытым. Но по мере того как в научный оборот включается все больше ведийских текстов, становится все более и более ясно, что древняя ведийская духовная культура ничем существенным не отличается от современной: по своей методологии она следует принципам самой строгой науки, а по своей тематике является всеобъемлющей и не ограничивается, вопреки распространенному мнению, исключительно спиритизмом, психологией, религией и мистицизмом. Как замечает профессор **Субхаш Как** из университета штата Луизиана: «Западные ученые рассматривают духовность и психологию в качестве главных составляющих ведийской мысли. Это совершенно неправильно. Как явствует из современных исследо-

ваний, ведийские ученые обладали значительными познаниями в области математики, астрономии, медицины и других наук».

Многие принципы ведийского воспитания легли в основание античного энциклопедического образования, а позже – христианской философии. На мнения индийских йогов ссылался автор «Великой дидактики» **Ян Амос Коменский**. Основы этической культуры, сохраненной славянами в России и *брахманами* в Индии, были положены в основание «учения о жизни» Льва Толстого и Махатмы Ганди. Заметим, что «глобальная этика» Л. Толстого – это не искусственная система современных суррогатов, разрабатываемая в разных странах мыслителями как атеистического, так и религиозного толка с эфемерной целью прикрытия или оправдания установления силового господства во всем мире определенных политических сил, а исключительно такая нравственная философия, которая охватывает **все** глубинные уровни человеческой жизни и духовности, а, главное, вбирает жизненный и нравственный опыт самоконтроля, гармоничного развития и самосовершенствования всех народов за все время их существования.

В прошлом веке именно религиозно-философское истолкование приобрело наибольшее влияние благодаря работам *Даянанды Сарасвати*, и заключалась оно в том, что ведийский научно-философский комплекс отличается такой глубокой продуманностью и внутренней согласованностью, что это не может не наводить на мысль о том, что в *Ведах* содержатся важные религиозно-философские и научные сведения, не потерявшие своей актуальности и для нынешней эпохи. Правда, примеры, иллюстрировавшие связь с наукой, более походили на модернизацию истории и не отличались убедительностью.

Мнение Даянанды в целом разделял и *Ауробиндо Гхош*, правда, видевший в *Ведах*, в первую очередь, не точные знания, а глубокий психологический подтекст и не исследованные уровни парапсихологического, мистического или йогического смысла⁵².

⁵² Sri Aurobindo, *The Secret of the Veda*, Pondicherry, India: Sri Aurobindo Ashram, 1971.

По его мнению: «Восстановление совершенной истины *Вед* абсолютно необходимо для будущего человечества».

Однако до недавнего времени научная интерпретация *Вед* покоилась на стихийно сложившихся в Европе филологических и религиоведческих подходах, которые тяготели к двум крайностям: мистике либо поверхностному историческому натурализму.

Большинство верующих-индусов вообще не задумывается над содержанием *Вед*, полагая, что они воплощают божественную истину в ее полноте, и, веря, что всякий, кто просто ненароком прикоснулся к этим книгам, уже отмечен божественной благодатью. *Веды*, по всеобщему убеждению верующих, представляют собой не что иное, как сверхчеловеческую мудрость, духовность или универсальный закон и этику. Нередко это знание связывается с «мистикой», загадочной наукой духовного тайноведения и чудотворства.

Понятно, что экзальтированные западные неопиты, поклонники теософии или фантастики склонны буквально интерпретировать каждую метафору и символ, видя в этих книгах великие откровения некоей космической цивилизации или пришельцев. Но и большая часть современных религиоведов и духовных пастырей, следуя доминирующей традиции интерпретации, тяготеет к мистическому или религиозному истолкованию и двусмысленно и неточно квалифицирует *Веды* как «священное писание» «религии» и «мифологии» ведийских «ариев». При этом и термину «арии», и всей наисложнейшей ведийской семиотико-символической системе, уникально разработанной в невероятных подробностях, приписывается несвойственный им псевдоисторический и ненаучный смысл.

Филологи, культурологи, литературоведы, философы и историки натуралистической ориентации часто рассматривают *Веды* как памятники песенно-обрядовой культуры ранних индоевропейцев, отмеченные эклектизмом, некоторой экзотикой и слабыми проблесками философской любознательности. Философское учение *Вед* частенько провозглашается донаучным, примитивным, основанным на магии, самогипнозе, колдовстве или просто надувательстве и мошенничестве жрецов. Ведийские науки в учебниках истории и

литературы излагаются крайне схематично, если вообще попадают в поле зрения большинства «индологов».

Таким образом, как правило, ведийское «священное писание» противопоставляется современной науке, а его происхождение объясняется сверхъестественными (божественными) или «неестественными» и невероятными причинами, такими как «заговор жрецов», разграбление какой-то цивилизации предшественницы вымышленными завоевателями-ариями, якобы представлявшими собой древних европейцев-кочевников. Оставим на совести фанатичных верующих убеждение в божественном происхождении религиозных текстов. Заговор жрецов могут отстаивать только малограмотные атеисты, исповедующие воинствующее безбожие. Выдумка «ариев-кочевников» понадобилась английским, а затем немецким расистам для оправдания своего желания поработить народы Индии. На самом деле, *арьями* в *Ведах* являются «яркие» лунные ночи, спутники Месяца (*Индры* и других его воплощений), а по метонимии – просвещенные «ярые» приверженцы Месяца, астрономы-философы. Русские параллели не оставляют по этому поводу никакого сомнения. Сказка об инопланетянах нужна тем, кто не читал ни философских статей **К. Циолковского**, посвященных таинственным разумным силам космоса и космической этике, ни **Антуана де Сент-Экзюпери** и не понял, что мы сами и есть дети космоса и «члены одного космического экипажа» – Земли.

Но, вместе с тем, есть и трезвые исследователи, которые привязывают *Веды* к наидревнейшей индийской цивилизации (в рамках общепринятой хронологии датируемой VII–II тысячелетиями до н. э.), обнаруженной почти сто лет назад археологами, и видят в *Ведах* высокую культурную значимость, объясняемую отнюдь не верой малограмотных людей в побасенки, сочиненные «коварными» *брахманами* – вряд ли хоть один добросовестный ученый серьезно рассматривает теорию подобного заговора – но скорее их литературным, философским, а нередко и научным содержанием.

Но вот парадокс! Если направление, которое восходит к *Даянанде*, видит в *Ведах* книги, содержащие научные истины, не утратившие значения до сих пор, то критически или скептически настроенные переводчики этих книг на европейские языки не

обнаруживают в них не то что развернутого изложения принципов какой-либо дисциплины, но даже связанных изложений мифов!

Несомненно, этот парадокс требует объяснения. И в объяснениях нет недостатка – одно экстравагантнее другого. Тут и эклектическая теория **Макса Мюллера** о «генотеическом» характере ведийских богов, когда собрание ведийских мифологических персонажей рассматривается как аморфное хаотическое нагромождение героев и племенных божеств, в котором каждый бог восхваляется как самый высший; и экстравагантная теория **Эрика фон Деникена** об инопланетном происхождении ведийской и других подобных цивилизаций (в последнее время он создал не один десяток книг на эту тему, устраивает международные конференции и основал грандиозный музей в Швейцарии, собравший архитектурные и иные «земные доказательства» древних космических контактов); и марксистская вульгарно-механистическая теория об азиатском способе производства (о котором Маркс имел весьма смутные представления, опираясь на английскую колониалистскую концепцию индийской истории, в которой ничего не говорилось о нескольких тысячах лет домусульманской ведийской Индии), в котором главные формации не смогли дифференцироваться, а духовное наследие представляет собой идеологию первобытного строя со всеми признаками примитивности и патриархальности; и европоцентристская псевдоисторическая теория арийского вторжения, согласно которой, индийские *арии* («просвещенные»), благородные небесные светочи из окружения Месяца, являются кочевниками-дикарями, пришедшими в Индию извне, но... однако каким-то чудом сохранившими «ведийское» знание, «украденное» от поработанных дравидов или, может быть, санталов; и много иных домыслов.

Дж्याутиша пурваджника (астрономическое древнеобрядовое) календарное истолкование

Астрономия, согласно традиции, именуется оком Веды ввиду его значимости среди всех остальных органов.⁵³

Бхаскара

В XX в. под воздействием идей Даянанды Сарасвати, а также и новых индологических открытий *Ведами* начинают все более интересоваться историки науки, астрономы, физики, математики, а в последние десятилетия – даже и программисты...

Значение астрономии выявляется при самом поверхностном ознакомлении с *Ведами*. Во-первых, уже то, что *джйоттиша* (астрономия) включена в состав *веданг*, указывает на необходимость осмысления ведийского канона в астрономическом контексте. Во-вторых, этот способ истолкования представляется наиболее древним и авторитетным, ибо ему следовали сами *брахманы*, являющиеся частью *Ved* и, следовательно, самым древним ведийским комментарием. В-третьих, *Веды* сохранились в неизменном виде, несмотря на все злоключения индийской истории последних **нескольких тысяч лет**. Это также говорит об их беспрецедентной научной значимости, которая, на наш взгляд, не может быть ничем иным как значимостью **календаря** и, соответственно, **астрономии**.

Конечно, неопределенность первых научно-ориентированных теорий ведийской интерпретации породила серьезный скептицизм. Многочисленные места из ведийских текстов, описывающие астрономические явления, на которых строили свои рассуждения Г. Якоби, Б. Г. Тилак и многие другие исследователи, были расценены Д. Чаттопадхьяей как «настолько путанные и, что еще хуже, настолько погруженные в дискуссии относительно ритуалистических мелочей и теологические споры», что, «на самом деле, трудно

⁵³ Цит. по К. Madhava Krishna Sarma, «*Varāhamihira*». In: *Scientists*, 1976, p. 73.

предположить у этих людей, говорящих об астрономии таким беспорядочным образом и использующих астрономические знания для подобного «тайноведения», хоть какой-нибудь подлинный интерес к астрономии»⁵⁴.

Этот скептицизм, однако, в свою очередь, представляет собой следствие отчасти внеконтекстного и несемантического подхода к ведийским текстам (который сужает прошлое с помощью буквальных дословных переводов священных текстов на современные языки), а отчасти – модернизации прошлого, которая заключается в наложении современного линейного дискурса на древний многомерный синкретический текст. Нельзя не заметить и ничем не прикрытого раздражения «прагматистов», вызываемого энтузиазмом апологетически настроенных ученых. Тем не менее, очевиден и прогресс в сторону более последовательной астрономической интерпретации.

Г. Дюмезиль подчеркнул космические и социальные функции индоевропейских богов.

Б. Огибенин (Oguibenin) поддержал космологическую теорию.

Д. Фроли видит в ведийских богах символы света и астрономии⁵⁵.

Т. Я. Елизаренкова, следуя теории **Ф. Б. Й. Кёйпера**, считает, что, в конечном счете, именно космология, объясняющая мировую эволюцию, представляет собой ключ к пониманию ведийской религии⁵⁶.

Большинство санскритологов (**А. Бергэнь, К. Ф. Гельднер, В. Генри, Й. Кёйпер, А. Людвиг, А. А. Макдонелл, М. Мюллер, Г. Ольденберг, П. Пишель, Л. Рену, Б. Г. Тилак, М. Витцель**) интерпретируют ведийских богов в качестве физических, преимущественно, астрономических феноменов.

Дж. Н. Бхасин и **Дж. К. Трикха** считают ведийских богов, без какого-либо колебания, символами астрономии.

Нельзя не признать, что, когда свидетельства памятников истолковываются в рамках статической описательной

⁵⁴ D. Chattopadhyaya, *History of Science and Technology in Ancient India: The Beginnings*, Calcutta, 1986, p. 254-255.

⁵⁵ Frawley D. *The Hymns from the Golden Age: Rig Vedic Hymns with Yogic Interpretation*, Delhi, 1986, p. 7.

⁵⁶ Т. Я. Елизаренкова, *Язык и стиль ведийских риши*, М., 1993, с. 496.

космографии, – весьма распространенный подход – путаным и непоследовательным становится даже наиболее привлекательный способ интерпретации – космический символизм *пурваджников*, который постулирует астрономическое значение ведийского ритуала.

К счастью, существует тенденция к более точному и адекватному анализу *Вед*. **С. К. Капур** устанавливает, что ведийское знание имеет геометрический формат и – как таковое – является математическим.

Бхарати Кришна Тиртха, реконструируя принципы ведийской математики, тем самым обнаруживает математический дизайн ведийского космоса.

Т. Я. Елизаренкова подмечает сопряженность с планом настоящего времени большей части ригведийских гимнов в своей статье, подготовленной для IX-ой Всемирной санскритологической конференции⁵⁷.

П. А. Гринцер в аналогичной работе выявляет преобладание лунарной мифологии в классических санскритских поэмах-*кавьях*. Как явствует из его последующей работы («*Кадамбари*» *Бану* и поэтика санскритского романа), см. «Приложение» к его переводу «*Кадамбари*», М., 1997), он уверен, что, по крайней мере, в одном, а то и в нескольких поздних гимнах *Риг-веды* [X.85], «*Сома* – бог луны. В дальнейшем, начиная с эпохи *брахман*, идентификация божественного *Сомы* с луной становится общепризнанной, и в качестве бога луны *Сома* почитается как владыка звезд, сохраняя одновременно функции владыки растений, жертвоприношений и приносящих жертву брахманов»⁵⁸. Помимо того, ранее он заметил привязку эпической рецитации *Махабхараты* и *Вальмики-Рамаяны* к одной из основных календарных величин – году⁵⁹.

Как мы увидим при анализе ведийской астромифологии, почти все главные ведийские боги являлись олицетворениями лунных фаз и других лунарных и планетных явлений. К тому же

⁵⁷ Elizarenkova T. Y. One's more about the conception of time in the Rgveda. In: *The IXth WSC Contributions of Russian scholars*, Moscow, 1993.

⁵⁸ П. А. Гринцер, «*Кадамбари*» *Бану* и поэтика санскритского романа», в кн.: *Бана. «Кадамбари»*, М., 1997, с. 455.

⁵⁹ Гринцер П. А. *Древнеиндийский эпос. Устная и письменная традиция*, Москва, 1974, с. 27.

лунно-календарный характер многих протоиндийских печатей становится все более и более очевидным из исследований, как индийских ученых, так и зарубежных, в первую очередь, осуществлявшихся долгие годы под руководством **А. Парпола** (**С. Парпола, С. Коскенньеми, П. Альто**) и под руководством **Ю. В. Кнорозова** (**М. Ф. Албедиль, Б. И. Волчок** и другие).

А. Парпола в одной из последних работ, посвященных индской цивилизации, утверждает, что астрономическая проблематика зримо присутствует в самой планировке хараппских городов и представляет огромное значение для изучения индской цивилизации и ее письменности. Он разделяет высказывавшееся в литературе предположение о том, что счет времени лежал в основе ведийских алтарей Агни, а лунный зодиак, состоящий из 27-28 созвездий, отраженный во всех ведийских *санхитах*, имеющий параллель в некоторых китайских и более поздних арабских материалах, восходит к периоду ранней Хараппы, которая должна считаться его родиной.

Д. Чаттопадхья в своей последней книге, посвященной истории технологии в древней Индии, не исключает возможность непосредственного влияния хараппской математики, технологии изготовления кирпича и астрономии на литературных редакторов *Вед*, которых он, однако, неправомерно считает эпигонами⁶⁰.

Паула Лернер рассматривает астрономию и астрологию в качестве ключа к истолкованию имен главных героев и эпизодов «*Махабхараты*». Сюжет эпоса ею интерпретируется как мифологическое отражение важного астрономического события – прецессионного сдвига⁶¹.

Все это, однако, – более или менее правильные соображения и догадки, оставляющие множество открытых вопросов, неразрешенных сомнений, и темных пятен. Если у вас возникает правомерное недоумение, почему при такой очевидности астрономической подоплеки тексты не дают непротиворечивых ответов, то одним из объяснений может быть, хотя бы, то, что в современную эпоху с подачи Коперника и других европейских «реформаторов» астрономии прямое астрономическое

⁶⁰ Chattopadhyaya, *Op. Cit.*, p. 253, 259.

⁶¹ Lerner, *P. Astrological Key in Mahābhārata*, Delhi, 1988.

наблюдение с Земли было, на наш взгляд, неоправданно заменено теоретическим, умозрительным представлением о солнечной системе, как бы наблюдаемой от Полярной Звезды, так называемой «гелиоцентрической теорией» (будто бы наблюдатель расположен на Солнце – правильное: полярноцентрической).

Этот взгляд, по выражению самого Коперника, подсказан самими древними посвященными. Однако если в древности он был одним из многих принципов астрономии, то со времен Коперника он стал единственным и непререкаемым, что привело к разрушению самих основ астрономии как наблюдательной, естественнонаучной дисциплины, и превращению ее в вид некоей сакральной умозрительной схоластики, занятой исключительно астрофизическим теоретизированием и космологией, весьма схожей с религиозным суеверием. Например, известный английский теоретик Стивен У. Хокинг, разработавший учение о механизме образования и «испарении» «черных дыр», т. е. об их способности терять энергию и вещество (эффект Хокинга), недавно опроверг свою собственную теорию о том, что целые галактики могут бесследно проваливаться в «черные дыры». Подобные теории могут считаться замечательными, только если отвлечься от того, что космос и есть одна безграничная «черная дыра», а поиск «черных дыр» в этой «черной дыре» представляет собой очередной порочный круг, который сродни богословским спорам средневековой схоластики.

Сегодня в астрономии преобладает не прямое наблюдение, а вера в правильность математических вычислений и физических постулатов современной теоретической космогонии, смотрящей на мир через приборы и находящейся в непрерывном процессе суетного самореформирования, в котором определено только то, что, как только возникает некое подобие устойчивости, его тут же ниспровергают более изощренные в казуистике горячие головы. Как результат, древние метафоры и гиперболы, имевшие свое незыблемое научное основание в наблюдательной астрономии, начали интерпретироваться – часто не без умысла – буквально и нередко обращались в нелепицы последователями Коперника.

Это, к сожалению, – удел как индийской, так и греческой мифологической науки, да и всех остальных великих мифологических традиций древности. Например, слово «гиперборейцы», которое в греческой мифологии означало «людей», живущих в вечно теплой и солнечной стране, расположенной в «северной земле», являющейся источником северного ветра, или в раю, царстве юности, а также – «людей», поклонявшихся Аполлону (Быку или Тельцу), т. е. весеннему солнцу, в Новое время стало означать просто жителей далекого севера, арктических широт, характеризующихся холодом. Такая перемена значения – следствие изменения точки и объекта наблюдений. Так называемая *Северная Земля* была первоначально символом первой лунной четверти, когда появляется молодой полумесяц, в соответствии со строгим прямым наблюдением перемещающийся в сторону Севера, а также весенне-летнего периода. Точно так же в *Ведах* Северный путь Солнца (*уттараяна*) связан с весной и летом. Поэтому теория арктической родины *ариев* (как и гиперборейцев), поддержанная Б. Г. Тилаком, а вслед за ним – некоторыми учеными и археологами, без сомнения, является курьезным следствием этого заблуждения. Так же дело обстоит с подавляющим большинством современных теоретических представлений о культуре и мировоззрении древних. В результате всего этого древняя астрономия была демагогически провозглашена побочным продуктом астрологии, тогда как положение было – и не могло не быть – прямо противоположным, как это явствует из историко-астрономических исследований **Б. Л. Ван-дер-Вардена, О. Нейгебауэра, Д. Пингри** и др.

НОВАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ВЕД

История ведийской интерпретации, насчитывающая более трех тысячелетий, оказывается весьма противоречивой, местами подзабытой, иногда прерванной – как во времена полутысячелетнего могольского господства, иногда существенно искаженной – как во времена 150-летнего британского колониального правления.

Ведийская традиция, например, сообщает о существовании в глубокой древности 1130 школ ведийской рецитации, специализировавшихся на преподавании, исполнении и истолковании одной из редакций четырех *Вед*. Однако из всего этого многообразия сохранилось только 13 школ, из которых лишь семь представлены в традиции живого исполнения, а остальные существуют только в письменном варианте. Что представляли собой остальные 1117 редакций остается загадкой (о возможной разгадке см. ниже).

Противоречивое развитие индологии на протяжении последних двух столетий и обилие теорий и гипотез происхождения *Вед* частенько просто запутывают суть дела, привнося сюда еще сонм предвзятых мнений, европоцентристских представлений, непроверенных или принципиально непроверяемых догадок, а то и откровенно безосновательных измышлений.

Вместе с тем, перевод значительного массива ведийских научных и философских памятников на европейские языки, включая русский, открытие индийскими археологами индской цивилизации и некоторые успехи лингвистов в дешифровке ее письма создают предпосылки для более успешного прочтения и понимания ведийских текстов. Ныне всякая серьезная ведологическая исследовательская работа предполагает признание связи ведийской литературы и индской цивилизации, и, поэтому, одной из насущных задач является увязка обширных литературных данных *Вед* с нарастающим археологическим материалом и данными хараппской эпиграфики, а также

интенсификация работ в области расшифровки индского письма в контексте ведийской традиции.

Определение места и времени создания *Вед* – это наиважнейшие методологические условия правильного истолкования ведийских текстов, индской эпиграфики и реконструкции ведийского мировоззрения индского периода.

Новая герменевтика нацелена на обоснование принципов интегрального исследования всего комплекса математико-астронометрических данных, содержащихся в *Ведах* и примыкающих к ним текстах. Мы стремимся доказать, что тайный замысел *Вед* покоится в хитросплетениях древней наблюдательной астрономии, высшей математики и хронопрограммирования, которые являются наиглавнейшими из «жизненноважных органов» *Вед* (*веда-анга*) или ведущих научных дисциплин. Эти дисциплины справедливо сравниваются традицией с очами, ушами, носом, ртом, руками и ногами человеческого тела. Они формируют целостный блок, отвечающий за правильное хронометрико-календарное функционирование математико-лингвистического устройства или вычислительной программы, представленной ведийскими *санхитами*, *упанишадами*, *итихасами*, *пуранами* и *тантрами*.

Кому-то наша теория может показаться еще одной эксцентричной попыткой дать объяснение необъяснимому феномену. Вступая на скользкий путь ведийской интерпретации, где столько спорного, и пытаюсь найти и утвердить научное понимание очень древнего и архисложного пласта духовного наследия человечества, меня обнадеживает только то, что некоторой части серьезных современных философов, историков и интерпретаторов *Вед* присуще убеждение, что в ведийских текстах присутствует все же некое важное скрытое значение, которое не поддается прямому истолкованию, описанию и определению и требует дешифровки.

Стремясь раскрыть тайну *Вед* и восстановить утерянные знания, я несколько лет сосредоточенно исследовал все четыре *Веды* со всевозможных точек зрения, не стараясь абсолютизировать ни одну из них и будучи открытым к восприятию любой новой идеи. В результате долгих раздумий в состоянии спокойного просветления, текстологических изысканий и экспериментов с привлечением компьютера и

целого ряда точных дисциплин я пришел к убеждению, что духовные или моральные дилеммы, широко используемые в астрономико-календарных мифах о богах, являются вспомогательным приемом, основанным на идеализации и гиперболизации оригинальных театрализованных моделей человеческого поведения, которые были применены в *Ведах* к описанию движения планет и маркировки их сложных конфигураций, иначе трудно описуемых средствами обыденного языка.

Их следует интерпретировать именно как специальную астрономическую терминологию, научные метафоры, стилистические или поэтические приемы, разработанные для более легкого запоминания длинных рядов повторяющихся однообразных астрономических явлений и больших календарных чисел. Преувеличение, присущее мифоастроматическим метафорам, внутренне оправдано астрономико-математическим контекстом. Религиозно-философские идеи в органическом синтезе с санскритской лингвистикой, литературной традицией и философией, в действительности, выражали не абстрактную духовность и, разумеется, не предрассудки и суеверия, но разные ответвления древней точной науки, преимущественно, астрономии. Именно этим и объясняется как трудность их правильного осмысления, так и их непреходящее значение.

Это утверждение не является самоочевидным и нуждается в существенном обосновании. Тем более что существует ярко выраженное разногласие между двумя лагерями индологов: лагерем «консерваторов», придерживающихся принципов натуралистического объяснения истории, и лагерем «ревизионистов», стремящихся к пересмотру любой ценой постулатов «консерваторов».

Косвенным подтверждением моей теории может служить исследование *Субхаши Кака* «Астрономический код *Риг-веды*» (Нью-Дели, 1994 г. – см. Как), с которым я познакомился в 1997 г. Логика его рассуждений, подбор главных аргументов и даже некоторые конечные результаты поразительным образом совпали с моими выкладками 1993 г., представленными в январе в 1994 г. в Мельбурне (кроме только одного принципиального пункта, а именно, его утверждения, что в ведийские времена не

было никакого точного хронометрического устройства). Поэтому не будет преувеличением утверждать, что логика научного исследования, сформировавшаяся в последние десятилетия, привела нас н е з а в и с и м о к весьма схожим заключениям.

Многие из выводов моей группы идут вразрез с общепринятыми индологическими стереотипами и не всегда являются самоочевидными, так как среди современных ученых нет единодушия ни о главенствующей роли астрономии, ни о присутствии математической астрономии и высшей математики в ведийской литературе, ни, тем более, методов программирования, схожих с современными, в древнейших *санхитах*, таких как «*Риг-веда*», а – главное – существует разногласие по поводу характера астрономического содержания памятника и способов его интерпретации.

Разумеется, наши выводы могут показаться революционными, а иногда и тонущими в огромном фактическом материале, который сам по себе требует дополнительного изучения и расшифровки, но было бы легкомысленным со стороны любого вдумчивого читателя отвести эти выводы в сторону без специального рассмотрения, так как они опираются на методологию точных наук, на обобщение современных ведийских исследований, а результаты претендуют на серьезную сенсацию – **открытие наидревнейшего и наисложнейшего тайного метода кодирования точной информации и расшифровку содержания цифрового завещания древнейшей глобальной цивилизации.** Это открытие не может не иметь фундаментального идеологического значения для всего комплекса гуманитарных и точных наук.

Ведийский символизм и коды

*Как привести царя Сому-Месяц?
– С помощью чхандасов (ведийских стихов-шифровок).*

Айтарея-брахмана, 13.1.

Долгое время к *Ведам* существовало просто некое почтительное отношение, основанное, главным образом, на их пресловутой святости и литературной значимости. Но многие, кто знакомился с ними поближе, улавливали и какой-то скрытый смысл и начинали угадывать в них научное содержание.

Так, некоторые видные философы, как упоминавшиеся Артур Шопенгауэр и Лев Толстой, даже при поверхностном знакомстве через переводы без колебаний признавали *Веды* древнейшими и наиболее глубокими священными писаниями в мире.

Елена Блаватская в «Тайной доктрине» утверждала, что все религии восходят к *Ведам*, в которых в сто раз больше тайных знаний, чем в любой из них, а сами *Веды* скрывают в себе в первую очередь математико-астрономическую информацию в кодированной форме, ключи к которой ныне являются утерянными, а расшифровка этих кодов может потребовать много веков⁶².

Даянанда Сарасвати и его последователи не остановились даже перед тем, чтобы провозгласить *Веды* не только хранилищами древней мудрости, но объявили их источником современной науки, а в ведийских богах старались увидеть хотя бы смутные символы астрономии, физики, химии и т. д.⁶³

В. Г. Рил постулировал даже экстравагантный анатомико-физиологический символизм центральной нервной системы, якобы описанный взаимоотношениями ведийских богов, что еще далее развили последователи Махеш Йоги.

Индологи также полностью осознают тот факт, что *Веды* сохранили интеллектуальные тенденции широкого спектра и

⁶² Е. П. Блаватская, *Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии*, М., 1991, т. 1, с. 392.

⁶³ Dh. D. Mehta, *Positive sciences in the Vedas*, New Delhi, 1974.

высокого научного значения. Например, Т. Я. Елизаренкова обратила внимание на тот факт, что «*Риг-веда*», хотя представляет собой великое начало санскритской литературы, «никак не напоминает слабый ручеек, из которого со временем возникла великая река. Скорее ее можно сравнить с огромным величественным озером, которое поражает сильнее, чем то, что из него возникло, и при этом всегда остается истоком»⁶⁴. Но в целом европейские ведологи более сдержаны в своих оценках, чем ученые-индусы.

Символический характер и вытекающая отсюда необходимость научной расшифровки древнеиндийского культурного наследия осознается все более остро. Процесс переосмысления стимулируется изнутри, самой логикой ведийских текстов, и извне, обнаружением хараппской цивилизации с до сих пор только приблизительно дешифрованной письменностью, параллельными исследованиями других древних цивилизаций, а также и успехами информатики.

Недавняя весьма любопытная работа известного русского индолога П. А. Гринцера, называемая «Тайный язык *Риг-веды*»⁶⁵, представила целый ряд дополнительных свидетельств того, что авторы текста ясно осознавали существование специального кода, непонятного непосвященным! Исследователь остановился на версии, что этот тайный язык представлял собой набор стилистических приемов, позднее описанных в десятках трактатов по санскритской поэтике.

Уже само это наблюдение является косвенным признанием в крайне консервативной советской и постсоветской ведологии того, что *Веды* составлялись в соответствии со стандартами поэтики, которая, как обычно полагают, была разработана в послеведийскую эпоху в рамках классической санскритской литературы. Этот вывод – прямое указание на гораздо большую древность санскритской поэтики.

Однако подход П. А. Гринцера при всей его новизне и смелости, по-моему, – лишь первое приближение к истинному

⁶⁴ Елизаренкова Т. Я. «Ригведа – великое начало индийской культуры», в кн.: *Риг-веда: Мандалы I–IV*, М., 1999, с. 426 – 543, с. 426.

⁶⁵ П. А. Гринцер, *Тайный язык Риг-веды*, М., 1998.

смыслу тайного языка *Вед*. Весьма вероятно, что *веда-санхиты* действительно имеют некий скрытый научный уровень смысла – или, скорее, смыслов, – ускользающих даже при самом тщательном стилистико-грамматическом разборе!

В этой связи следует также отметить, что эта поэтика предполагает чрезвычайно развитую семиотику и представление о множественности уровней понимания и интерпретации. Самим Гринцером подробно описан разряд санскритских поэм, читающихся в разных направлениях и имеющих несколько (два-три, иногда даже семь) различных контекстуальных прочтений.

Одна санскритская поэма составлена из слов, каждое из которых имеет сто значений, что предполагает в каждом стихе (если считать его состоящим в среднем из десяти слов) не менее 10^{20} контекстуальных оттенков смысла! Если бы во всей поэме было употреблено только 50 таких слов, то все комбинации смыслов исчислялись бы числом Гугл – 10^{100} . Число Гугл в 10^{30} раз превосходит количество элементарных частиц в известной современным астрофизикам Большой Вселенной! Сто строф поэмы вместе создают при максимальном подсчете 10^{2000} или Гугл в двадцатой степени комбинаций смыслов. Вот уж по истине простор мысли и воображения! А может быть, это – преднамеренный способ формулировки философского принципа всеобщей взаимосвязи?!

Учтите, что эти поэмы – не рецидив, а закономерное явление в санскритской литературе, в которой явление многозначности смыслов рассмотрено на многих уровнях: мифологическом, философском, литературоведческом, математическом...

Книга «Ведийский символизм» известного ведолога профессора **Ч. П. Сингха**, нацеленная, как в ней утверждается, на устранение многих предвзятых мнений и заблуждений, кажется, также сосредоточена на раскрытии тайны *Вед* с точки зрения стилистики. Автор также подчеркивает таинственную природу текста, который сам характеризует себя как «тайные выражения» (*ninūā vacāmsi*). Он утверждает, что по поводу ведийских текстов в современной индологии существует довольно много размытых и ошибочных представлений. Кроме того, он думает, что *Веды* содержат мудрость древних провидцев и мудрецов, которые были способны проникать своим взором за покров действительности и охватывать своим возвышенным сознанием

«весь мир как одно целое» (*yatra visvam bhavaty ekaniyam*), а все «частные истины как выражения одной и той же истины» (*ekam viprā bahudhā vadanti*). Так как эта книга пока недостижима, я могу только предположить, что ее главная цель состоит в том, чтобы доказать, что *Веды* могут дать разумный этический ответ на основные вопросы человечества, который будет способствовать установлению мира, гармонии и счастья.

Интерпретация *Вед*, которую предлагают в Открытом университете **Махариши Махеш Йоги**, также сводится, главным образом, к этому ведантистскому этическому учению о всеобщей гармонии. Их попытки связать арифметическую структуру ведийских текстов со структурной организацией человеческого тела и мозга, являются весьма изощренной модификацией метода В. Г. Рила, который считал, что ведийские мифологемы кодируют структуры центральной нервной системы. Философское ведантистское видение мира при этом подкрепляется современными сверхструнными моделями единой теории поля, в которых осуществляется великий синтез всех четырех взаимодействий (сильных или ядерных, слабых или межъядерных, электромагнитных и гравитационных). При этом, гравитационные взаимодействия замыкаются обычно в десятко-другой вообразяемых (несуществующих) пространств.

Это необходимо, вероятно, потому что гравитация, как она мыслилась в небесной механике Ньютона, просто не существует. Все явления притяжения можно более строго объяснить теорией всеобщего отталкивания, ведь поле, по Эйнштейну, это – разряженное вещество, а основным свойством вещества является упругость и отталкивание. Астрофизические открытия последних лет говорят именно о новом поле отталкивания, которое якобы ответственно за расширение Вселенной. Однако и расширение – это такая же иллюзия, как и «лопающаяся» на наших глазах гравитация. Современные ученые в своем подавляющем большинстве – редукционисты, ищущие прямолинейных и однозначных ответов на сложные вопросы. Тогда как мир наш управляется очень тонкими законами всеобщего взаимодействия вроде таких «странных» явлений микромира как, например, «квантовое запутывание», при котором изменение одной частицы порождает изменение

другой, связанной с ней, вне зависимости от расстояния (что уже приспособляется к квантовому компьютеру).

Как бы то ни было, важным для нас является то, что в этих физиолого-физических интерпретациях ведантийских текстов очень остро осознано значение их цифровой организации.

Доктор **Раджа Рам Мохан Рой** из университета Торонто настаивает также на том, что *Риг-веда* написана кодированным способом. Но он полагает, что эти тексты имеют смысл только в рамках космологии. Кроме того, он пытается доказать, что ведийские мудрецы обнаружили тонкую природу действительности и составили ее описание в форме *Вед*. *Риг-веда* интерпретируется им как книга по физике элементарных частиц и космологии, которая была постепенно забыта. Решительное утверждение доктора Роя, что *Риг-веда* является трактатом не по астрономии, а по космологии, приводит его к заключению, что ее мифологемы оспаривают некоторые из гипотез, которые используются в современной физике для описания природы и размеров Вселенной. Оставляя в стороне это положение, отметим его упор на том, что *Риг-веда* – это научная книга, а единственной причиной, из-за которой мы не были способны ее понять, является то, что наука в ней скрыта несколькими слоями нашего непонимания, незнания и ошибочных оценок, которые накопились за тысячелетия.

Все эти ученые утверждают на основе реинтерпретированных мифологических сюжетов и образов, что индусские священные писания полны научной информации в кодированной форме. Действительно, ничто в *Ведах* не означает то, что оно, кажется, означает. Сомневаясь в некоторых романтических оценках, не подкрепленных в настоящее время строгой логикой и точными данными, мы не должны без разбора отклонять их все. Вместо этого, следует строго критически проанализировать гипотезу тайного языка.

Этот тайный язык не может быть, я уверен, сведен к стилистике, поэтике и мифологии как литературному украшательству или донаучному отражению законов природы. Более обещающим представляется метод, основанный на анализе цифровой архитектоники ведийских и примыкающих к ним эпических текстов, вскрывающий научное содержание мифологических контекстов. О ее значении задумываются

многие исследователи. Вспомним еще раз попытку **С. К. Капура** обосновать гармонию ведийских чисел в русле теории многомерных кубов.

На XI Всемирной санскритологической конференции в Турине **Сан Сарин** отметил, что числа, кратные 18 и 108, лежат не только в основе самой архитектоники *Махабхараты*, но также и в описании количества воинских подразделений и имен ее эпических персонажей.⁶⁶ Однако он довольствовался только приведением ряда примеров и не смог сформулировать никаких гипотез и выводов.

Анализ этих цифр в русле чистой комбинаторики позволил всем этим исследователям осознать лишь присутствие внутренней математической гармонии, но не дал возможности выйти на какое-либо обобщение, например, практически применимое к ведийским или эпическим текстам и календарному ритуалу, основывавшимся на принципах наблюдательной астрономии и планетного календаря.

Тем не менее, доклад Сан Сарина подтолкнул меня к тому, чтобы рассмотреть подробнее количественные данные о войсках *пандавов* и *кауравов* в свете своей календарной теории. Краткий анализ хронометрической организации «войск» в *Махабхарате* и фонетико-позтологической структуры *Бхагавад-гиты* в календарно-хронометрическом ракурсе дан в последующих главах.

Чрезвычайно близко к пониманию назначения ведийского тайного языка подобрался бельгийский ученый **Конрад Элст**, о чем говорит его статья, опубликованная в Интернете «*Веды не дают никаких свидетельств так называемого арийского вторжения в Индию*», основные положения которой будут подробно проанализированы в главе о солярной датировке *Rig-vedы*.⁶⁷ Он, в частности, подчеркнул, говоря о характере ведийской мифолого-научной терминологии, что она может казаться недостаточно прозрачной для современного читателя, который привык к «точной» специальной технической

⁶⁶ San Sarin, «*Mahābhārata: The numbers 18 and 108 through akṣauhiṇī*». In: *Proceedings of the XIth World Sanskrit Conference*. Turin, Italy (in progress).

⁶⁷ Koenraad Elst, Leuven (Belgium), «The Vedic corpus provides no evidence for the so-called Aryan invasion of India», 22 October 1998, <http://members.xoom.com/KoenraadElst/articles/vedicevidence.html>.

терминологии в вопросах астрономических датировок и т. п.. «Но тогда, современный читатель должен будет признать, что техническая терминология в ведийские времена, главным образом, состояла из принятых метафорических выражений на основе обычных понятий. Это не совсем уж так примитивно, как кажется, так как этот же способ обнаруживается и в современной науке, если проанализировать этимологию современных технических терминов таких как, например, телескоп – из греческого «далегляд», кислород – «кислото-род», цилиндр – «свиток». Единственное различие заключается в том, что мы используем словарь иностранных классических языков для создания терминов, в то время как санскрит черпает специализированную терминологию из самого себя».

К. Элст также понял то, что так как «точные астрономические данные действительно регистрировались начиная с 5-ого тысячелетия до н. э., и что они сохранялись в течение более двух тысяч лет, это есть беспрецедентный подвиг устной традиции. Если этот подвиг – не признак грамотности и письменности, то, по крайней мере, он предполагает существование мнемотехнического устройства, способного устно сохранять информацию, и таким устройством, которое было тогда доступно, был **стих**. Таким образом, поэмы, оснащенные «памятевспомогательными устройствами» вроде стиха, ритма и тона, должны были быть составлены, когда информация была доступна непосредственно, то есть близко ко времени фактического наблюдения, и этими гимнами, конечно, должны быть сами ведийские гимны. Иначе, нужно постулировать, что ведийские гимны были составлены путем заимствования содержания более ранней стихотворной традиции, (идентичной ведийской)». Что, разумеется, абсурдно.

Ведийская точная наука

*Начикетас – Какова природа Брахмы?
Яма – Даже пониманию небесных светочей не доступна истинная суть Брахмы,
так как учение о Брахме весьма сложно
и глубоко.*

Так уж сложилось в силу объективных и субъективных причин, что европейские ученые XIX и начала XX века, хотя и признавали великие достижения древних индийцев в области филологии, грамматики, искусства, религии и философии, все-таки упорно отказывали им в практическом разуме, науке и технологии. Этот скептицизм и критицизм по отношению к древнеиндийской науке, как это ни грустно, аргументировал в своей последней работе, посвященной науке и технологии в древней Индии, даже такой выдающийся индолог как *Дебинрасад Чаттопадхья*⁶⁸.

До недавнего времени считалось, что ведийская цивилизация, хотя и выработала представления об очень малых единицах измерения времени и календарь, все-таки не располагала ни точными часами, ни астрономическими таблицами⁶⁹.

Ким Плофкер, критикуя гипотезу *Нарахари Б. Ачара*, согласно которой в *Риг-веде* отражена вся наблюдательная астрономия и перечислены все *накшатры* (лунные созвездия), которые обычно относят к более позднему времени, ничуть не задумывается над тем, чтобы хоть как-нибудь проверить и осмыслить эти утверждения, а сразу заявляет об отсутствии непротиворечивых и конкретных доказательств существования в *веда-санхитах* (разумеется, «исследованных по диагонали», да и к тому же по современным английским переводам и стандартам интерпретации) достаточно развитой астрономии и риторически восклицает: «Где явно выраженная количественная астрономия, где единицы измерения, стандартизированные системы координат, отчеты наблюдений, описания методов наблюдения, усовершенствованные календарные вычисления? Если читать все астрономические сведения в ведийских текстах «свободно», то есть, не требуя от них соответствия точным техническим значениям, они формируют непротиворечивый и приемлемый (хотя и поверхностный) образ некоей минимальной астрономии, занятой, главным образом, упорядочиванием простого лунно-солнечного литургического календаря и наблюдением за другими астрономическими явлениями вроде созвездий и

⁶⁸ D. Chattopadhyaya, *Op. Cit.*, pp. 404-405.

⁶⁹ Subhash Kak, *Astronomical Code of the Rig-Veda*, New Delhi, 1994, p. 15.

затмений без попытки любых математических прогнозов относительно них – образ подобный тому, который мы имеем относительно Месопотамии конца второго тысячелетия или греческой астрономии начала первого тысячелетия до н. э.»⁷⁰.

Этот скептический взгляд весьма характерен для всей западной индологии, как правило, плетущейся за естествознанием и цепляющейся за наиболее примитивные методы естественных наук, такие как редукционизм и вивисекция. Вспоминается саркастическое замечание американского биохимика венгерского происхождения, одного из создателей биоэнергетики, нобелевского лауреата (1937 г.) **Альберта Сент-Дьёрди**, открывающее его трилогию, посвященную проблеме рака: если бы химику дали на анализ динамомашину, то первое, что он с нею сделал бы, – окунул бы ее в раствор серной кислоты.

Отношение индологов к Ведам, как мы не раз видели, более схоже с отношением не историка, а средневекового инквизитора: если *Веды* не тонут в воде, их следует сжечь. Индологи-схоласты, видимо, для того чтобы просто не утонуть в обилии санскритских материалов, обычно закрывают глаза на бльшую их часть, сосредотачиваясь на всю жизнь на каком-либо одном авторе или даже произведении. При этом, когда они к концу жизни начинают немного понимать обыденный срез смысла своего источника, им начинает казаться, что они воспарили к самым вершинам понимания, как бы не подозревая, что в санскритской учености могут существовать и другие уровни смысла, и целые библиотеки не исследованных, не изданных или поверхностно описанных рукописей по точным дисциплинам.

К тому же известно, что в течение пяти столетий враждебного мусульманского правления огромная часть научной информации, накопленной в санскритской литературе, была безвозвратно утеряна. Опять же в первую очередь спасались религиозные тексты, а точные и прикладные науки пострадали в наибольшей степени. Значительную часть священных знаний удалось спасти, но оказались забыты методы его применения. Ученые теперь расшифровывают древние индийские математические и астрономические тексты

⁷⁰ Kim Plofker, «How to interpret astronomical references in Vedic texts?». In: *Electronic Journal of Vedic Studies* (Ejvs) Vol. 6 (2000), issue 2 (December).

без ключей, пытаюсь восстановить утерянную терминологию, методологию, герменевтическую и культурную парадигму, опираясь на современные философские и методологические установки, лингвистические и мифологические прочтения, основывающейся на современном достаточно путаном и противоречивом философском фундаменте.

При таком положении дел и при такой укорененности скептицизма было трудно надеяться на серьезный прорыв в объективном осмыслении древнеиндийского научного наследия. Однако в последние десятилетия все чаще ученые стали отходить от традиционного взгляда на эту проблематику и склоняться к более обоснованной точке зрения. Логика исследований неизбежно подводит наиболее пытливых из ученых к осознанию наличия тайного научного смысла в *Ведах* и ставит проблему более глубокого и адекватного понимания специального кода ведийских текстов и его расшифровки.

Одним из таких исследователей является известный американский ведолог Дэвид Фроли, в своих последних книгах реконструирующий ранние этапы индоевропейской цивилизации и резко критикующий теорию арийского вторжения в Индию⁷¹. Д. Фроли подчеркивает ее расистский и надуманный характер, направленный на раскол народов Индии с целью их колониального подчинения англичанами. Он обобщил аргументацию, говорящую в пользу того, что **самая богатая и глубокая научная и литературная традиция, представленная Ведами, была создана в недрах самого великого государства древнего мира, коим являлась протоиндийская или ведийская цивилизация.** По его астрономическим расчетам, подкрепляемым данными современной археологии, эта цивилизация, а, следовательно, и ведийская литература, начинают формироваться уже с 7-го тысячелетия до н. э. (что совпадает и с моей астрономической оценкой, с той лишь разницей, что я считаю 7-е тыс. до н. э. не началом формирования ведийского научного комплекса, а кульминацией эпохи великого синтеза) и характеризуются гармоничным развитием духовных и научных знаний, кото-

⁷¹ D. Frawley, *Gods, Sages and Kings: Vedic Secrets of Ancient Civilization*, Delhi, 1999 (First Ed. 1993), pp. 15-18, 198, 254-257.

рые позже составили основу культуры и цивилизации всех передовых народов земли!

Подобные взгляды характерны не только для ряда историко-культурных штудий **Субхаш Кака**, **Мишеля Данино**, **Конрада Элста** и некоторых других, но и для многих ведущих археологов, занимающихся исследованием протоиндийской цивилизации. Все чаще раздаются голоса, ратующие за пересмотр сложившихся в западной индологии стереотипов⁷².

Эту точку зрения со ссылками на единую теорию поля и сверхструнную теорию, в рамках которой доказывается единая теория поля, обосновывают ныне с энтузиазмом последователи **Махариши Махеш Йоги**, особенно, **Джон Хэгелин**, удостоенный в теновом правительстве «Глобальной страны всемирного мира» должности министра науки и технологий.

Но хотя числовая гармония указывает на скрытый символизм, и ее присутствие ощущается многими, она не доступна прямолинейному анализу даже при углубленном погружении в текст.

Я всецело разделяю взгляд тех современных индийских и западных исследователей, которые считают, что правильному пониманию научного содержания *Вед* до сих пор мешает несколько объективных факторов. Первый – это господствующая и поныне ложная историческая и культурная перспектива, возникшая из европоцентризма, колониальных устремлений и грубо натуралистической эволюционистской и исторической схемы развития общества.

Второй – это недостаточная изученность многих отделов древнеиндийской точной науки. Обычно признается, что именно Индия является страной, подарившей миру десятичную позиционную систему счисления, однако многие критически настроенные исследователи относят начальный период ее формирования всего лишь к середине первого тысячелетия н. э., т. е. к послеведийскому периоду, чем запутывают весь вопрос о происхождении десятичного счета, характере ведийского знания и самой истории естествознания.

Индологи, как правило, упускают из виду факт, что источник ведийской математики находится в самих ведийских *мантрах*, в ко-

⁷² Richard W. Lariviere, «Protestants, Orientalists, and Brahmanas: Reconstructing Indian Social History», 1994 *Gonda Lecture*, Gonda Foundation, Netherlands, 1994 (internet publication).

торых не только имеются примеры арифметических действий, десятичных прогрессий и даже умножения матриц⁷³, но, возможно, содержится намного более сложная числовая информация в кодированном виде. Те же, кто это осознал, не имеет к ней ключей. Иные системы счисления, разработанные в древней Индии, помимо десятичной, как, например, двоичный и троичный коды, являющиеся ничуть не менее значимыми, остаются менее изученными и менее известными. Над значением двоичного кода для развития науки историки математики стали задумываться только в прошлом столетии в связи с развитием информатики. О существовании троичного кода в *Ведах* вряд ли кто-нибудь догадывается.

Известно, что в средние века, грамматические средства санскрита широко использовались для кодирования больших астрономических чисел и в качестве логических кванторов – творцами индийской формальной логики *навья-ньяя*⁷⁴. Между прочим, последнее обстоятельство вновь указывает как на то, что разработке изощренных математических теорий средневековья, по крайней мере, предшествовал, несомненно, значительный подготовительный период, так и на то, что точные (астрономические, математические, логические и иные) знания порой кодировались средствами «обыденного» санскрита! Это вновь заставляет более внимательно отнестись к потенциалу ведийского санскрита в области цифрового шифрования.

Древнее переселение из Индии, в частности, обусловило то, что ведийская философия и наука, в глубокой древности распространилась на Юге, Востоке и Западе Евразии и в значительной степени подспудно определяет характер современного азиатского и европейского менталитета. И, что весьма важно для нашего предмета, ее главные научные принципы и цели, не были полностью забыты и утрачены. Они «незримо» присутствуют и определяют характер современной европейской – и, следовательно, мировой – науки и цивилизации. Именно это обстоятельство и дает нам уверенность в том, что, опираясь на современные научные подходы, можно правильно осмыслить древнюю ведийскую философию и науку.

⁷³ Vijayendra Kumar, «Laws of modern mathematics in Yajurveda». In: *Sciences and the Vedas*, Bombay, 1984, pp. 55-61.

⁷⁴ Д. Г. Х. Инголлс, *Введение в индийскую логику навья-ньяя*, М., 1974.

Тогда, если следовать и логике древнеиндийских философов, подобных *Бхартрихари*, и принять во внимание то позитивное, что есть в трудах археологов, историков и даже интуициях «индологов-постмодернистов» из окружения *Махариши*, в этих книгах должно быть, действительно, заключено некое научное содержание, обусловившее, в частности, возникновение сверхсложной системы запоминания, передачи и герменевтического истолкования текста. Ведь эта система включает наряду с грамматическими еще и фонетические, просодические, семиотико-этимолого-мифологические, текстологические, логические, психологические, метафизические, ритуалистические, театральные, музыкальные, стилистико-эстетические приемы, а также математические, астрономические и даже, как ни парадоксально, физические и иные естественнонаучные и философские методы и принципы. К тому же эти приемы описываются совместно с методологическими правилами их взаимосогласованного применения.

Ведь сама древнеиндийская культура сформирована непосредственно внутри ведийской традиции комплексом филологических, философских, естественных и прикладных наук. Собственно, именно этот комплекс наук и именуется *ведами*. В нем присутствуют астрономия, математика, физика, медицина, психология, логика, лингвистика и многие другие точные научные дисциплины со всеми необходимыми отделами и методологическим инструментарием. В этой связи представляется странным, что центральные или «высшие» (санскр. *пара*, «верхние») отделы этого комплекса – *ведасанхиты* (сборники *мантр* или слитно читающихся метрических выражений) – имеют, по мнению «схоластов», всего лишь литературную и мифологическую ценность и лишены естественно-научного значения.

С другой стороны, для духовного сплочения и гармоничного функционирования самой великой цивилизации древности была необходима и особая хронофилософия, включающая часы, календарь и астрономические таблицы.

Оригинальную хронофилософию (*кала-ваду* – науку времени), сохранили тексты *Махабхараты*, *шастр*, *пуран*, *тантр*, астрономических *сиддхант* и других специальных трактатов. Их принадлежность ведийской традиции очевидна, так как все эти тексты рас-

смаатриваються в качестве второй по значению частью *Вед*, именуемой *смрити* («предание»).

Здесь хочется выразить сожаление по поводу того, что полученные нашей исследовательской группой «Сарасвати» уже десятилетие тому назад результаты были по достоинству оценены только некоторыми, главным образом, индийскими коллегами и продолжают оставаться неизвестными для большинства индологов-историков и культурологов. Я представил четыре доклада на предшествующих всемирных санскритологических конференциях, в которых описал и обосновал теорию ригведийского песенного планетного календаря, основанного на комбинациях *мандал* (циклов гимнов), и теорию ведийского речитативного хронометра, которые позволяли осуществлять точные астрономические измерения и точно предсказывать все астрономико-календарные явления!

В докладе для IX Всемирной санскритологической конференции мне удалось показать в точных цифрах, как ригведийский текст мог использоваться и в качестве вечного речитативного хронометра, и вечного планетного календаря, идеально согласованного со всеми календарными постоянными — всеми месяцами, годами, планетными периодами и с гораздо большими согласовательными циклами⁷⁵.

Как я уже упоминал выше, свою астрономико-календарную теорию ведийской рецитации я изложил также в статье, которая вышла в свет в 1994 г. в переводе на белорусском языке⁷⁶, а более подробно — в комментариях к русскому переводу сатирико-дидактических поэм *Кшемендры*⁷⁷ и в трактате по ведийской мифологии на английском языке⁷⁸. Моей целью было вскрыть основной научный замысел и научное содержание *Риг-веды* путем более тщательного

⁷⁵ Подробнее см. М. Mikhailov, *Rg-Veda As a Recital Calendar-Chronometer*, Bombay, 2001; примечания к «Сотке чарующих начал добронравия» Кшемендры, в кн.: *Кшемендра Вьясадаса, Основы истинного добронравия*, Орша, 1999.

⁷⁶ М. І. Міхайлаў, «Таямніца Вэдаў: Каляндарна-храналёгічная гіпотэза паходжаньня вэдыйскіх сьпеваў», в кн: *Крыўя: Crivica. Baltica. Indogermanica*, №. 1, Менск, 1994, сс. 64 – 74.

⁷⁷ Кшемендра Вьясадаса, *Основы истинного добронравия*, пер. с санскрита, введение и комм. М. И. Михайлова, Орша, 1999.

⁷⁸ М. Mikhailov, «*Rg-Veda...*», *Op. Cit.*

декодирования мифолого-астрономической символики и анализа календарно-цифровой архитектоники текста.

В этот же период я пришел к убеждению, что астрономико-календарные сведения, содержащиеся в *Ведах*, относятся к середине седьмого тысячелетия до н. э.⁷⁹, что совпадает с начальным периодом протоиндийской цивилизации, как он, например, определяется в изысканиях французского археолога **Ж.-Ф. Жарижа**⁸⁰ и др. Позже мне удалось логически обосновать это положение.

Уже тогда мне было совершенно ясно, что Знание, закодированное в ведийских *мантрах*, стало недоступно нам в силу перипетий долгой истории, в процессе которых исчезла или оказалась совершенно забытой не одна великая цивилизация древнего мира, в силу обрыва истинно ведийской традиции, а также благодаря возобладаванию в индологии европоцентристского мышления, ложной исторической перспективы, механистических и мистических подходов, а также и неадекватных способов ведийской интерпретации. В глубине сердца я был уверен, что однажды оно вновь воссияет как солнце...

Если допустить, что истинный смысл этих священных книг сопряжен с точной наукой, то – любопытно, существует ли достоверный способ, освященный самой ведийской традицией, который позволил бы подступиться к тайне *Вед* и вскрыть эту науку? – Казалось, что он утерян навсегда.

До недавнего времени я не мог даже мечтать о том, чтобы обосновать свое собственное смелое предположение, которое я выдвинул интуитивно еще в 1993 г., что собрание ведийских *мантр* может представлять собой также и астрономические планетные таблицы или, возможно, математические таблицы синусов или хорд.

Они действительно походят на что-то такое, но казалось, что было невозможно в то время найти какое-либо хоть сколько-нибудь содержательное математическое обоснование. И сама идея казалась сумасшедшей. К этой идее *Риг-веды* как астрономической таблицы, я вернулся значительно позже и не без счастливой подсказки. Благодаря этой подсказке, о чем будет рассказано позже, нам, мне и

⁷⁹ M. Mikhailov, «Vedic Night...», *Op. Cit.*

⁸⁰ Jean-François Jarige, «Excavations at Mehargarh». In: *Harappan Civilization*, ed. Gregory L. Possehl, New Delhi: Oxford & IBH, 1993, p. 79 ff.; «De l'Euphrate à l'Indus». In: *Dossiers Histoire et Archéologie*, Dijon: December 1987, p. 84.

моей супруге Наталье, удалось заполучить один «магический» ключ. То знание, которое он позволит реконструировать, нужно будет проанализировать с точки зрения многих наук, в первую очередь, математики, астрономии, информатики, истории цивилизации как на предмет его достоверности, так и на предмет его значимости и применимости сегодня в астрономии и информатике... Пока рано делать прогнозы, тем более, окончательные выводы. Но одно несомненно – перед нами открывается заманчивая возможность уйти от навязчивых стереотипов в оценке древней цивилизации и по-новому взглянуть на древнейшую научную традицию, которую даже многие консервативные западные исследователи считают праматерью мировой культуры и цивилизации⁸¹.

Уже достаточно хорошо установлено, что ведийская образованность покоится на научном мировоззрении, в основе которого лежит всесторонне разработанная философия, включающая глубокую эпистемологию, логику, психологию, этику, текстологию и много других вспомогательных дисциплин. Сама ведийская астральная религия представляет собой почитание светил Солнечной системы, которые в мифологии предстают как семья *Брахмы*, Солнца, творца или отца Солнечной Вселенной и всех ее явлений.

На философско-онтологическом уровне Вселенная *Вед* – это объединенная единым духом *Брахмы* или зримым и незримым сиянием Солнца совокупность агрегатных состояний вещества, им соответствующих органов действия и восприятия, которые в разных соотношениях и сочетаниях порождают все явления живой и неживой природы.

На этическом уровне вселенная мыслится в *Ведах* как единое поле вечной жизни, исполненной света, истины и блаженства (*сам-чит-ананда*), что приводит ведийских мыслителей к жизнеутверждающему активному отношению к миру, к экологической глобальной этике и, как следствие, к системе заповедей и методик всестороннего самопознания и самообладания, ответственности за все сущее и к вере в истину и силу познания.

⁸¹ D. Frawley, *Gods, Sages and Kings: Vedic Secrets of Ancient Civilization*, Delhi, 1999 (First Ed. 1993), pp. 15-18, 198, 254-257.

На уровне науки ведийское мировоззрение проявляется как разветвленная система дисциплин о человеке, мире и познании. Порой эти теоретические и прикладные дисциплины усовершенствованы до такой степени, что вполне выдерживают сравнение с современными или даже превосходят их своей логической стройностью, глубиной анализа, широтой обобщений, синергетичностью и присущей им всем высокой художественностью и лаконичностью, что не может не свидетельствовать о неоспоримых достоинствах философского метода, на котором они покоятся.

Характер ведийской математики

Более пристальное внимание исследованию научного наследия народов Индии на санскрите начало уделяться только со второй половины XX столетия. Большинство работ начального периода было отмечено тяготением к филологическим и религиозно-философским темам, к которым со временем стали присовокуплять лингвистику, астрономию и медицину. Однако, например, такая важная дисциплина как ведийская математика долгое время выпадала из поля зрения.

Лишь с 30-х годов, а, главным образом, уже после II мировой войны стали регулярно появляться публикации не только по истории индийской лингвистики, астрономии и медицины, но также и по истории математики, технологии и другим отраслям точных и естественных наук. Были переведены на английский язык многие важные санскритские научные трактаты.

Популярные описания научных достижений древних индийцев можно найти в работе **Ф. И. Щербатского** «Научные достижения древней Индии»⁸², в книге «Культура древней Индии»⁸³, в работах **Г. М. Бонгард-Левина**⁸⁴, **А. Бэшема**⁸⁵ и др. Во всех подобных работах ведийские дисциплины описаны в отрыве друг от друга, а

⁸² Ф. И. Щербатской, «Научные достижения древней Индии» в кн.: *Избранные труды русских индологов-филологов*, М., 1962, сс. 254-270.

⁸³ *Культура древней Индии*, М., 1975.

⁸⁴ Г. М. Бонгард-Левин, *Древнеиндийская цивилизация: философия, наука, религия*, М., 1980; *Древняя Индия. Исторический очерк*, М., 1969.

⁸⁵ А. Бэшем, *Чудо, которым была Индия*, М., 1977.

некоторые отделы ведийской науки, как, например, математические знания, представлены не только крайне схематично, но и в прямой оппозиции «сакральным текстам *Вед*», что снижает их значение в ведийской герменевтике до нуля – тогда как на самом деле они играют главнейшую роль и в ведийских календарно-астрономических наблюдениях, и в самой ведийской философии, приобщая сознание человека к таким понятиям как бесконечность, цикличность, сферичность, предельная точность и т. п.

Более подробно древнеиндийское математическое наследие проанализировано в работах по истории математики и точных наук, таких как «Алгебра с арифметикой и измерением из санскритских сочинений *Брахмагупты* и *Бхаскары*» **Г. Т. Кольбрука**⁸⁶, «Математика в Индии Восточной» **Л. Дельбоса**⁸⁷, «*Арьябхатия Арьябхаты*»⁸⁸, «Наука *Шульва-шастры*: исследование древнеиндийской геометрии» **Б. Датты**⁸⁹, «История индийской математики» **Б. Датты и А. Н. Сингха**⁹⁰, «История индийской математики» **Шриниваса Айенгара**⁹¹, «Описание точных наук на санскрите» **Д. Пингри**⁹², «Краткая история науки в Индии»⁹³, «Геометрия в древней и средневековой Индии» **Т. А. Сарасвати**⁹⁴, «Хвост павлина» **Дж. Дж. Гевергеца**⁹⁵, «Современное введение в древнеиндийскую математику» **Т. С. Бх. Мурти**⁹⁶, «Индийская

⁸⁶ Colebrook, H. T. *Algebra, with Arithmetic and Mensuration, from the Sanskrit of Brahmagupta and Bhaskara*, J. Murray, London, 1817.

⁸⁷ Leon Delbos, *Les mathématiques aux Indes Orientales*, Gauthier-Villars, Paris, 1892.

⁸⁸ W. E. Clark, editor, *The Aryabhatiya of Aryabhata*, Open Court, Chicago, 1930.

⁸⁹ Bibhutibhusan Datta, *The science of the Sulba: a study in early Hindu geometry*, Univ. of Calcutta, Calcutta, 1932. Reviewed: *Isis* 22, 272-277.

⁹⁰ Bibhutibhusan Datta and A. N. Singh. *History of Hindu mathematics*, Asia Publ. House, 1962. Reviewed: *Isis* 25, 478-488. Reprint: Asia Publishing House, 1962.

⁹¹ C. N. Srinivas Iengar. *The History of Ancient Indian Mathematics*, World Press Private Ltd., Calcutta, 1967.

⁹² D. Pingree, *Census of the Exact sciences in Sanskrit*. Four volumes. Amer. Phil. Soc. Philadelphia, 1970-1981; David Pingree, «History of Mathematical Astronomy in India». In: *Dictionary of Scientific Biography*, Vol. 15, Supplement 1, N.Y., 1981.

⁹³ D. M. Bose, S. N. Sen, and B. V. Subbarayappa (Eds.). *A concise history of science in India*. Indian National Science Academy, New Delhi, 1971.

⁹⁴ T. A. Sarasvati, *Geometry in Ancient and Medieval India*, Indological Publ., Delhi, 1979.

⁹⁵ George Gheverghese Joseph. *The Crest of the Peacock*, Penguin Books, 1991.

математика и астрономия» **С. Б. Рао**⁹⁷, «История науки и технологии в древней Индии» **Дебинрасада Чаттопадхьяи**, в публикациях **О. П. Джагги**⁹⁸, в работах западных исследователей **Л. Ван-дер-Вардена**⁹⁹, **О. Нейгебаура**¹⁰⁰, **Сайденберга**¹⁰¹, **Б. Д. Я. Стройка**¹⁰² и др. по истории математики и астрономии.

До 1978 г. вышло восемь томов (включая том о математике) труда **Джозефа Нидхэма** «Наука и цивилизация в Китае», в котором затрагивалась и наука в Индии, в арабских странах и Европе. Эта работа в значительной степени революционизировала всю дисциплину. Величайшим вкладом Нидхэма, по мнению **Фрица Шталя**, является доказательство того, что история науки в древности и средневековье может изучаться только при условии, если Евразия рассматривается как один континент. Он показал, что арабы, китайцы, евро-американцы, индийцы и др. обитатели этого континента были тесно взаимосвязаны и не могут исследоваться по отдельности. Большая часть наук развивалась в тесном взаимодействии, а культурные тенденции шли с Востока, достигая Западной Европы позже всего, а затем были перенесены в Северную Америку и, наконец, стали глобальными. Б. Л. Ван-дер-Варден принял ту же точку зрения на распространение идей геометрии и алгебры в древнем мире¹⁰³.

Однако и в этих работах, как правило, анализируются только некоторые аспекты древнеиндийской математики, такие как теоремы геометрии, изложенные в *шувла-сутрах*¹⁰⁴, десятичная система счисления и алгебра средневековых индийских астрономов. При этом многие европейские авторы обычно тенденциозно зани-

⁹⁶ T. S. Bhanu Murthy, *A Modern Introduction to Ancient Indian Mathematics*, Wiley Eastern Ltd., New Delhi, 1992.

⁹⁷ S. Balachandra Rao, *Indian Mathematics and Astronomy*, Bangalore, 1994.

⁹⁸ O. P. Jaggi, *Scientists of Ancient India*, Delhi, 1966.

⁹⁹ Б. Л. Ван дер Варден, *Пробуждающаяся наука: Математика древнего Египта, Вавилона и Греции*, М., 1959.

¹⁰⁰ О. Нейгебаур, *Точные науки в древности*, М., 1968.

¹⁰¹ A. Seidenberg, «The ritual origin of geometry». In: *Archive for History of Exact Sciences*, 1962, 1, p. 488-527; «The origin of mathematics». In: *Archive for History of Exact Sciences*, 1978, 18, pp. 301-342.

¹⁰² Д. Я. Стройк, *Краткий очерк истории математики*, М., 1990.

¹⁰³ B. L. van der Waerden, *Geometry and Algebra in Ancient Civilizations*, Berlin, 1983.

¹⁰⁴ S. N. Sen, and A. K. Bag, *The Śulbasūtras*, New Delhi, 1983.

жают датировки, слепо следуя произвольно установленным филологами датам, отбрасывают ранние ведийские тексты, а нередко демагогически настаивают на том, что индийская математика и астрономия сложились под влиянием древних греков.

Обосновывая наш взгляд на историю древнеиндийской математики, хотелось бы отметить, что, как уже упоминалось выше, иногда тексты с естественнонаучным и математическим содержанием включались в комплексы ведийских сочинений, которые имеют, казалось бы, исключительно религиозную направленность. Так, хорошо известно, что ритуалистические тексты, относящиеся к *кальпа-веданге* (ведийской дисциплине, регламентирующей обряды), включают в свой состав *шульва-сутры* (геометрические трактаты), описывающие создание священных печей-мемориалов разнообразной формы и архитектуры из причудливых кирпичей со строго вымеренной площадью и объемом. А грамматика *Панини* и *Чхандашастра* *Пингалы* написаны в алгебраической форме, причем последняя подробнейшим образом описывает двоичный код!

Однако только теперь научное содержание этих текстов стало привлекать внимание историков математики. Ф. Шталь упоминает мнение **Такао Хаяши** (работа готовится к публикации), согласно которому «индийская математика сначала проявляет себя в таких дисциплинах как ритуал, просодия, космография, календарь, бухгалтерский учет и торговля, а затем развивается во взаимодействии с гороскопической астрологией и сферической астрономией». Ф. Шталь в ряде работ показал, что евро-американские историки науки, пытаясь обосновать приоритет греков в математике, недобросовестно подбирают источники. Так, ища параллели логическим дедукциям Евклида, их преднамеренно «не обнаруживают» в древнеиндийских математических трактатах, тогда как их нужно было бы искать в аналитике санскритского языка *Панини*. Индийская наука, по мнению Ф. Шталя, была вдохновлена грамматикой ничуть не в меньшей степени, чем математикой. Я же, со своей стороны, добавлю, что все ведийские дисциплины, включая алгебру ведийской грамматики, которую следует именовать скорее аналитикой языка, получают свое обоснование только в **и н т е г р а л ь н о й х р о н о м е т р и ч е с к о й и н ф о р м а т и к е** и предстают как особые поддисциплины высшей вычислительной науки.

Ведийская математика, в которой просматриваются очертания метатеории исчисления, детально проработанные системы десятичного, двоичного и троичного исчисления, наличие идеальной шкалы измерений, развитой комбинаторики, элементов б у л е в о й а л - г е б р ы (которую было бы правильнее именовать алгеброй *Пингалы*), геометрии, теории графов (см. Часть 3 об индской письменности), необходимой для описания любой системы, основанной на двоичной системе счисления, вполне вероятное присутствие методов быстрого счета и теории множеств, дифференциального исчисления, развитой пропозиционной логики со строгим анализом валидных аргументов, позволяющих делать правильные выводы из некоторого множества фактов и отмечать ошибки, весьма походит на современную д и с к р е т н у ю м а т е м а т и к у.

Европейские исследователи, хотя порой и признают важный вклад индусов и отмечают, что они имели более развитое представление о нуле (McQullin) и сотни практических математических алгоритмов (Jhunjhunwala), часто недооценивают значение древнеиндийской математики по причине незнания ведийских санскритских источников и неправомерно приписывают большее значение египтянам, вавилонянам и грекам.

Древность египетской математики обосновывается текстом Риндского папируса, который датируется приблизительно 2000 до н. э. – 1800 до н. э., и некоторыми иероглифическими надписями, восходящими к 2700 до н. э., тогда как расцвет ведийской математики восходит к середине седьмого тысячелетия до н. э. Египетская математика пользовалась относительно примитивной десятичной системой исчисления, в которой отсутствовала и позиционность, и десятичная точка. В ней было семь основных цифр для первых семи степеней десяти. Чтобы обозначить число нужно было повторить цифру соответствующее число раз и сложить все значения. Таким образом, число 203 обозначалось двумя символами сотни и тремя знаками единицы. Для чисел выше миллиона обозначений не было и обозначение миллионов было весьма громоздким.

Вавилонские клинописные таблички относятся к 2500 до н. э., иногда даже к 3000 до н. э.. Их сохранность объясняется тем, что они были из глины. Таблички с математическими данными принадлежат периоду с 1800 до н. э. по 1600 до н. э.. Вавилоняне пользова-

лись 60-ричной системой счисления, возможно, потому что число 60 имеет много делителей (2, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 15, 20 и 30), что делает его удобным для арифметических действий и образования дробей. Отсюда его использование для счисления времени (60 сек. в мин., 60 мин. в часу и 360 градусов в круге). Вавилоняне использовали элементы позиционности: число, располагающееся слева от другого, было больше. В 1900 до н. э. им была известна теорема Пифагора как минимум за 1200 лет до Пифагора, квадратные корни и представление о пустой позиции. Так, число 248 выражалось (если представить его в десятичном обозначении) следующим образом: $2 * (60 + 60) + 0 * 60 + 8$. Но нигде не обнаруживается общих правил для решения задач, использование нуля в конце десятичных чисел или как числа (а не только обозначение позиции) и более абстрактных символических подходов.

Именно индусы, полностью исследовавшие смысл нуля, доведшие до совершенства позиционную систему, выработавшие терминологические обозначения до триллиона и выше, разработавшие целый ряд кодов и пропозиционную логику, оказались наиболее продуктивными в области высшей математики и оказали наиглубочайшее влияние на современную науку.

Хотя ноль или позиционную систему помимо индусов использовали вавилоняне, египтяне, майя и китайцы, только индусы научились использовать ноль и как число, и как обозначение позиции во всех видах операций.

Буддистские астрономы познакомили с индийской концепцией нуля китайцев, а арабы – западных европейцев. Обозначение нуля в виде кружка восходит к древнеиндийскому знаку отверстия (пустоты). Санскритское слово «*шунья*» («пустота») в арабском произношении превратилось в «*сифр*», а в римском в «*сифра*» (*цифра*).

Математика в Индии сформировалась в позднем палеолите и расцвела в ведийский период (6,5 – 1 тыс. лет до н. э.), затем она поднимается на новую высоту в классический период (с I тыс. до н. э. – по I тыс. н. э.) и начинает оказывать заметное влияние на Китай и Европу в средневековье (5 в. – 15 в.).

Сотни практических математических методов были разработаны в ведийский период. Одним из них является, например, *навасеш*, позволяющий проверять более сложные арифметические действия с

помощью более простых. Другой метод позволяет легко умножать числа, состоящие из разных единиц (например, футов и дюймов).

Брахмагупта описал подробно отрицательные числа, которые не были известны ни египтянам, ни вавилонянам. Иногда утверждается, что вавилоняне могли решать системы уравнений, хотя записей этого не сохранилось, тогда как в Индии таких свидетельств предостаточно. При этом они использовали буквы для обозначения неизвестных величин, называемых переменными (которых было иногда несколько), что сохранилось до настоящего времени. Индусы имели ясное представление о бесконечности; *Бхаскара* утверждал, что три, разделенное на ноль, равно бесконечности, что почти правильно, исходя из современных представлений. 70-страничная рукопись на бересте (35 из них хорошо читаются), найденная в г. Башкали в сев.-зап. Индии в 1881 г., содержит множество сведений по индийской высшей математике.¹⁰⁵

История сохранила труды и имена множества индийских математиков-астрономов. Приведем список наиболее примечательных имен.

Таблица 2.

Санскритские символические и реальные программисты и математики-астрономы

Ведийские символические ученые-боги

- ❖ *Лагадха* (8,5 тыс. лет тому назад)
- ❖ *Панини* (8,5 тыс. лет тому назад)
- ❖ *Пингала* (8,5 тыс. лет тому назад)
- ❖ *БAUDХАЯНА* (8,5 тыс. лет тому назад)
- ❖ *Анастамба* (8,5 тыс. лет тому назад)
- ❖ *Катьяяна* (8,5 тыс. лет тому назад)

Санскритские ученые исторического периода

- ❖ *Умасвати* (150 до н. э.)
- ❖ *Арьябхата* (476-550 н. э.)
- ❖ *Варахамхира* (505-558)
- ❖ *Брахмагупта* (598-670)
- ❖ *Говиндасвами* (800-850)
- ❖ *Махавира* (*Махавирачарья*) (850)

¹⁰⁵ Ashok Jhunjhunwala, *Indian Mathematics*. New Delhi, 1993; G. R. Kaye, *The Bakhshali Manuscript*. Calcutta, 1927; Gurjar Laxman Vasudeo, *Ancient Indian Mathematics and Vedha*. Poona, 1947.

- ❖ *Притхудакасвами* (850)
- ❖ *Шридхара* (900)
- ❖ *Манджула* (930)
- ❖ *Арьябхата II* (950)
- ❖ *Прашастидхара* (958)
- ❖ *Халаюдха* (975)
- ❖ *Джасядэва* (1000)
- ❖ *Шрипати* (1039)
- ❖ *Хемачандра Сури* (р. 1089)
- ❖ *Бхаскара* (1114-1185)
- ❖ *Чангадэва* (1205)
- ❖ *Мадхава* из Сангамаграмы (1340-1425)
- ❖ *Нараяна Пандит* (1350)
- ❖ *Парамешвара* (1360-1455)
- ❖ *Нилакантха Сомаяджи* (1455-1555)
- ❖ *Шанкара Вариар* (1500-1560)
- ❖ *Нараяна* (1500-1575)
- ❖ *Джъештхадэва* (1550)
- ❖ *Ачьюта Писаратхи* (1550-1621)
- ❖ *Путумана Самаяджи* (1660-1740)
- ❖ *Джаганатх Пандит* (1700)
- ❖ *Шанкара Варман* (1800).

Ведийская модель измерения пространства и времени

Поистине, счастье – это бесконечная вселенная. Нет счастья в ограниченном, лишь безграничное пространство – счастье. Следует стремиться к постижению именно бесконечного.

Чхандогья-упанишада, VII.23.1

Как было не раз отмечено выше, значительная часть современных исследователей, главным образом, европейских и американских, ссылаясь на лапидарность стиля гимнов, считает их памятниками литературы и религиозной поэзии *ариев*, якобы представлявших собой кочевников, вторгшихся в Индию три-четыре тысячелетия тому назад из степей Евразии и разрушивших протоиндийскую (харалппскую или индскую) цивилизацию, созданную ни бы-то дра-

видами¹⁰⁶, ни бы-то народом мунда¹⁰⁷. *Веды* в этой связи рассматриваются в качестве фрагментов высокой культуры побежденных, сохранные в памяти завоевателей¹⁰⁸.

Этот взгляд, отличающийся как парадоксальностью, так и тенденциозностью, с самого начала оспаривался многими индийскими учеными, такими как, например, историки **А. Ч. Дас**, считавший, что родина индоариев находилась между Индом и морем, плескавшимся на месте современной Ганги¹⁰⁹, **К. Н. Шастри**, доказавший ведийский характер индской цивилизации, главным образом, на основе *Атхарва-веды*¹¹⁰, и **Будха Пракаш**, который выявил культурное типологическое сходство между протоиндийской и ригведийской цивилизациями, мифологиями и символическими системами.

Будха Пракаш, в частности, заметил это сходство в системах счета, отразившихся в материальных памятниках протоиндийской эпохи, и в ведийских текстах. Везде использовалась двои́чная и десяти́чная системы¹¹¹. Например, пропорции кирпичей хараппских городов вне зависимости от их размеров всегда находятся в отношении 4 : 2 : 1; в тех же пропорциях находятся главные, широкие и узкие улицы.

Точно также в *Панчавимши-Брахмане* (18.3) каждое последующее число в два раза больше предыдущего.

Шкала весовых единиц, изменяющихся пропорционально от 1 до 12800, следовала также геометрической прогрессии со знаменателем 2, но была еще организована и как 4-порядковая система, в которой порядки возрастали также в соответствии с геометрической прогрессией со знаменателем 10:

¹⁰⁶ Asko Parpola, *Dicephering Indus Script*, Cambridge 1994; М. Ф. Альбедиль, Б. Я. Волчок, Ю. В. Кнорозов, «Исследования протоиндийских надписей», в кн.: *Забывшие системы письма*, М., 1982, с. 240-295; Альбедиль, М. Ф., *Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры*, М., 1994.

¹⁰⁷ M. Witzel, «Substrate Languages in Old Indo-Aryan (Rgvedic, Middle and Late Vedic)», in: *Electronic Journal Of Vedic Studies*, Vol. 5 (1999), issue 1 September).

¹⁰⁸ D. Chattopadhyaya, *History of Science and Technology in Ancient India: The Beginnings*, Calcutta, 1986, p. 253, 273, 404; Г. М. Бонгард-Левин и М. И. Воробьева-Десятовская, «Шардулакарнавадана, Предисловие», в кн.: *Памятники индийской письменности из Центральной Азии*, вып. 2, М., 1990, с. 55.

¹⁰⁹ A. C. Das, *Rgvedic India*, Calcutta, 1921, p. 71.

¹¹⁰ K. N. Sastri, *New Light on the Indus Civilization*, Vol. II, Delhi, 1965.

¹¹¹ Buddha Prakash, *Rgveda and the Indus Valley Civilization*, Hoshiarpur, 1966, p. 50-51.

Таблица 3.

Соотношение весовых единиц в Ведийской Индии

Допол. прогрессия	Основная прогрессия							
	1	2	4	8	16	32	64	
*10					160	320	640	
*100		200			1600	3200	6400	12800
*1000				8000				

Одна из величин со значением 16 равна 13,7 грамма, а наибольшая весовая единица (12800) равна 10865 граммов при расчетной – 10960 граммов и «погрешности» всего 0,9%!

Таблица 4.

Десятичная позиционная система

Позиции	Дополн. геометрич. прогрессия				Основная прогрессия
и т. д.	4-я	3-я	2-я	1-я	
и т. д.	*1000	*100	*10	*1	
	0	0	0	0	0
	1000	100	10	1	1
	2000	200	20	2	2
	3000	300	30	3	3
	4000	400	40	4	4
	5000	500	50	5	5
	6000	600	60	6	6
	7000	700	70	7	7
	8000	800	80	8	8
	9000	900	90	9	9
	1 (*1000)	+0 (*100)	+2 (*10)	+1 (*8)	Например: = 1028

Невозможно не заметить, что это – та же позиционная десятичная система, которой мы пользуемся и теперь, с той лишь разницей, что основная прогрессия представляет собой не геометрическую со знаменателем 2, а арифметическую со знаменателем 1.

По мнению **Мишеля Данино**¹¹², протоиндийцы и впрямь выглядят как первые изобретатели десятичной системы. Об этом свидетельствуют и система весов, и система мер длины, и система мер времени. Так, линейка из Лотхала имеет почти 30 делений с шагом

¹¹² Michel Danino, *The Sindhu-Sarasvati Civilization and its Bearing on the Aryan Question*: Text of a lecture given on 29 September 1999 at Chennai's Indian Institute of Technology, (Internet publication).

1,704 мм (около 50 см), а ширина стены дока в Лотхале равна 1,78 м (т. е. приблизительно в 1000 раз больше).

Геометрическая прогрессия со знаменателем два характеризует и двоичный код *Пингалы*!

Счет десятками засвидетельствован во всех *Ведах*. *Ваджасанейи-санхита* (17.2 и далее), например, приводит следующую десятичную прогрессию:

Таблица 5.

Ведийские десятичные числа

<i>eka</i>	1
<i>daśa</i>	10
<i>śata</i>	100
<i>sahasra</i>	1000
<i>ayuta</i>	10.000
<i>niyuta</i>	100.000
<i>prayuta</i>	1000.000
<i>arbuda</i>	10.000.000
<i>nyarbuda</i>	100.000.000
<i>samudra</i>	1000.000.000
<i>madhya</i>	10.000.000.000
<i>anta</i>	100.000.000.000
<i>parārdha</i>	1.000.000.000.000

Кроме этого, протоиндийцами использовались и дроби, такие как одна треть и кратные ей, как и в ведийских текстах, где мы находим и одну треть (*tṛtīya*), и такие дроби как *ardha* (1/2), *pāda* (1/4), *śapha* (1/8) и *kalā* (1/16).

Жизнь Брахмы, как мы увидим далее, как раз исчисляется в триллионах. Для сравнения следует вспомнить, что древние греки вообще не употребляли чисел свыше десяти тысяч, а умножение выполняли на счетной доске с помощью сложения.

В *Катхака-самхите* (39.6) приводится тот же список с той лишь разницей, что *ниута* и *праюта* переставлены местами, а после *ньярубуды* вставлено еще одно число – *бадва*, что увеличивает последующие числа в 10 раз. Список *Майтпраяни-самхиты* (11.8.14) состоит из *ayuta*, *prayuta*, *ayuta*, *arbuda*, *nyarbuda*, *samudra*, *madhya*, *anta*, *parārdha*. В *Панчавимша-брахмане* (17.14.2) список совпадает до *ньярубуды*, а затем идут *nikharvaka*, *badva*, *akṣita* и *go*

(1.000.000.000.000). *Джайминия-упанишада-брахмана* (1.10.28-29) заменяет термины *никхарвака* на слово *никхарва*, *бадва* – на *падма*, а в конце помещает *акишти* и *вйома-анта* («небесная бесконечность»). *Шанкхаяна-шраута-сутра* (16.11.7) после *ньярубуды* имеет *никхарваду*, *самудру*, *салилу*, *антью* и *ананту* (10^{12} или триллион).

Высшим показателем в непрерывном ряду степеней 10 в современной математике, для которого есть наименование, является 10^{30} , в то время как в древнеиндийской математике, по крайней мере, уже на рубеже новой эры были наименования вплоть до 10^{53} .

Таблица 6.

**Названия древнеиндийских чисел
в непрерывном ряду степеней 10**

1.	<i>ekam</i>	= 1
2.	<i>daśakam</i>	= 10
3.	<i>śatam</i>	= 100
4.	<i>sahasram</i>	= 1000
5.	<i>daśasahasram</i>	= 10000
6.	<i>lakṣaḥ</i>	= 100000
7.	<i>daśalakṣaḥ</i>	= 10^6
8.	<i>kotiḥ</i>	= 10^7
9.	<i>ayutam</i>	= 10^9
10.	<i>niyutam</i>	= 10^{11}
11.	<i>kankaram</i>	= 10^{13}
12.	<i>vivaram</i>	= 10^{15}
13.	<i>parardhah</i>	= 10^{17}
14.	<i>nivahaha</i>	= 10^{19}
15.	<i>utsangaha</i>	= 10^{21}
16.	<i>bahulam</i>	= 10^{23}
17.	<i>nagbalaha</i>	= 10^{25}
18.	<i>titilambam</i>	= 10^{27}
19.	<i>vyavasthāna-prāññāptiḥ</i>	= 10^{29}
20.	<i>hetuhīlam</i>	= 10^{31}
21.	<i>karahuhu</i>	= 10^{33}
22.	<i>hetvindriyam</i>	= 10^{35}
23.	<i>samapta-lambhah</i>	= 10^{37}
24.	<i>ganaganagatiḥ</i>	= 10^{39}

25. *niravadyam* = 10^{41}
26. *mudrabalam* = 10^{43}
27. *sarvabalam* = 10^{45}
28. *viśamagnagatih* = 10^{47}
29. *sarvāgnah* = 10^{49}
30. *vibhutāngama* = 10^{51}
31. *tallakṣaṇam* = 10^{53} .

Если учесть, что в ведийских текстах определяются размеры меньшие элементарной частицы и единицы времени, составляющие десятые, сотые, тысячные, стотысячные, десятиmillionные и даже десятиtrillionные доли секунды, а вычисления доходят до триллионов и выше (размер *gāyatri*, позволяющий выражать в двоичном коде, как будет показано в главе о двоичном коде, числа до $2^{26} - 1$, является самым малым размером), то создается впечатление, что использовалась **идеальная шкала мер, начинавшаяся, например, с геометрической точки или электрона (*парам-ану*, «высшей частицы»)** или с какой-то минимальной единицы одной из **идеальных астрономических систем счисления времени, простиравшихся до бесконечности.**

В двоичной, троичной и любой иной подобной системе счисления любая цифра или число в зависимости от занимаемой позиции в какой-либо рассматриваемой формуле или выражении может давать разные числовые значения, как и в нашей позиционной десятичной системе.

Символы или функции, записанные рядом с числом, изменяют значение этого числа.

Например, *n*-факториал – это произведение последовательных натуральных чисел, начиная с единицы и до *n*: $n! = 1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot \dots \cdot n$.

Вот еще несколько примеров, в которых рассматриваемое число *n* при различных модификаторах принимает разные значения, в общем случае отличные от самого числа *n*. Если рассмотреть натуральную степень числа *n*, то оказывается, что «*n*» здесь равно:

$$n^k = n \cdot n \cdot \dots \cdot n \text{ (k множителей n).}$$

Корень степени *k* из числа *n* - $\sqrt[k]{n}$ – это такое число *x*, которое в степени *k* дает $n = x^k$.

Логарифм числа n по основанию a $\log_a n$ указывает на то, что число « n » является показателем степени, в которую надо возвести основание a , чтобы получить число n .

Двоичная, троичная и десятичная системы, имеющие ныне широкое распространение, представляют собой ярчайшие примеры цифровой многозначности. Значение крайней цифры слева в десятичном числе «40» определяется по формуле:

$$4 = 10 * 4 = 40.$$

Ноль мы здесь приравниваем к множителю 10^n .

Если же иметь в виду, что ноль в десятичной системе счисления указывает на отсутствие цифры в определенной позиции и используется для маркировки позиций, тогда число «40» в девятичной системе в период до изобретения нуля и позиционности наиболее лаконично можно было бы записать как:

$$9 * 4 + 4 = 40.$$

То есть «4» во 2-й позиции десятичной системы означает число, равное $9 * 4 + 4$. В общем виде для обозначений десятков до 100 сознательно или бессознательно использовалась формула $9 * n + n$.

Более громоздким было представление чисел от 100 до 900. Например, $400 = 4 * 99 + 4$. Но так как «99» само является позиционным числом, в арифметическом виде, не прибегая к нулю как знаку позиционности, его следует понимать как $(9 * 9 + 9) + 9$.

Таким образом, $400 = [9 * 9 + 9 + 9] * 4 + 4$.

Или же: $400 = 9 * (9 * 4 + 4) + (9 * 4 + 4)$.

При сдвиге цифры n на разряд влево надо блок x , стоящий в правой части последнего равенства, умножить на 9 и прибавить к полученному произведению еще этот самый блок (что равносильно умножению на число 10). Для n тысяч уравнение приобретает следующий вид:

$$n000 = 9 * [9 * (n * 9 + n) + (n * 9 + n)] + [9 * (n * 9 + n) + (n * 9 + n)].$$

(Здесь n – цифра, т. е. 1,2,3,...9).

Такой же процесс происходит при каждом следующем сдвиге на разряд влево.

$$N0000 = x * 9 + x,$$

где $x = 9 * [9 * (n * 9 + n) + (n * 9 + n)] + [9 * (n * 9 + n) + (n * 9 + n)]$.

Задавшись целью заглянуть в ту эпоху, которая предшествовала рождению десятичной позиционной системы, давайте еще раз проанализируем ту математику, которая могла лежать в анатомии позиционности и больших ведийских чисел до появления нуля. **Девять планет создали представление о девяти исходных единицах счета, числовых символах или цифрах.** Это привело к тому, что число, большее 9, должно было записываться сначала как сумма

$9 + n$. Например, $10 = 9 + 1$.

Однако вскоре появляется необходимость сократить запись и вводится умножение. Например «100» в непозиционной девятеричной системе можно записать как: $100 = 9 * 9 + 9 + 9 + 1 = 9 * 9 + 2 * 9 + 1$.

В числах 1000 и больше появляются цепочки «сомножителей-девяток»:

$$\begin{aligned} 1000 &= 9*9*9+9*9+9*9+9+9*9+9+9+1 = 9*9*9+3*9*9+3*9+1; \\ 10000 &= 9*9*9*9 + 9*9*9*3 + 9*9*3+9 + (9*9*9+9*9*3+9*3+1) \\ &= \\ &= 9*9*9*9 + 4*9*9*9 + 6*9*9 + 4*9 + 1. \end{aligned}$$

Это не могло не породить попытки записать эти числа с помощью понятия степени и биномиальных коэффициентов, которые – как мы теперь понимаем – совсем не случайно были систематизированы в упорядоченной таблице «*Меру-прастара*» Пингалы (см. гл. о двоичном коде во второй части, раздел «*Меру прастара*»), строящейся как многоуровневая пирамида:

$$10^k = 9^k + c_k^1 \cdot 9^{k-1} + c_k^2 \cdot 9^{k-2} + c_k^3 \cdot 9^{k-3} + \dots + c_k^{k-2} \cdot 9^2 + c_k^{k-1} \cdot 9 + 1,$$

где c_k^m – биномиальные коэффициенты, т. е. числа сочетаний из k по m .

Тогда, например,

$$\begin{aligned} n00000 &= n \cdot (9^5 + c_5^1 \cdot 9^4 + c_5^2 \cdot 9^3 + c_5^3 \cdot 9^2 + c_5^4 \cdot 9 + 1) = \\ &= n \cdot (9^5 + 5 \cdot 9^4 + 10 \cdot 9^3 + 5 \cdot 9^2 + 9 + 1) \end{aligned}$$

Какой бы изящной ни казалась данная запись, она была не очень удобна для применения в астрономических формулах, вовлекающих еще большие числа. Ответом и была позиционная десятичная сис-

тема, родившаяся не из счета на пальцах, а из необходимости упростить операции с большими астрономическими цифрами, построенными по основанию 9, отражающему количество планет в древнеиндийской наблюдательной астрономии. Математически, астрономически, лингвистически, как, впрочем, психологически и экономически индская цивилизация оказалась вполне готовой решить эту наисложнейшую задачу.

Таблица 7.

Троичная и десятичная прастары

3-ичное счисление				=	10-чное счисление					=
	9*	3*	1*			1000*	100*	10*	1*	
1	0	0	0	0		0	0	0	0	0
2	0	0	1	1		0	0	0	1	1
3	0	0	2	2		0	0	0	2	2
4	0	1	0	3		0	0	0	3	3
5	0	1	1	4		0	0	0	4	4
6	0	1	2	5		0	0	0	5	5
7	0	2	0	6		0	0	0	6	6
8	0	2	1	7		0	0	0	7	7
9	0	2	2	8		0	0	0	8	8
10	1	0	0	9		0	0	0	9	9
11	1	0	1	10		0	0	1	0	10
12	1	0	2	11		0	0	1	1	11
13	1	1	0	12		0	0	1	2	12
14	1	1	1	13		0	0	1	3	13
15	1	1	2	14		0	0	1	4	14
16	1	2	0	15		0	0	1	5	15
17	1	2	1	16		0	0	1	6	16
18	1	2	2	17		0	0	1	7	17
19	2	0	0	18		0	0	1	8	18
20	2	0	1	19		0	0	1	9	19
21	2	0	2	20		0	0	2	0	20
22	2	1	0	21		1	0	2	8	1028

Вероятно, сначала были разработаны идеальные *прастары* или матрицы построения двоичных (см. гл. о двоичном коде) и троичных чисел, а затем, по их образцу, была создана *прастара* десятичных чисел. *Прастара* десятичных чисел отразилась в системе весовых гирь, как было показано выше. *Прастара* двоичных чисел приведена в восьмой главе *Пингалы* (см. гл. о двоичном коде).

Измерение пространства

Самая малая пространственная частица (*параману*) в ведийской физике *вайшешике*¹¹³ имеет размер 10^{-17} мм.

Это меньше размера самой малой частицы, известной современной квантовой физике. Для сравнения размер электрона сегодня определяется как 10^{-8} мм, а размеры элементарных частиц, полученных на ускорителях, колеблются от 10^{-12} до 10^{-15} мм. При этом для интервалов $10^{-14} - 10^{-15}$ мм пространство уже можно считать непрерывным.

В санскритских астрономических сочинениях встречаются и другие определения *параману*: например, $5 \cdot 10^{-7}$ мм (*Шардула-карна-авадана* и *Дивья-авадана*), $1,43 \cdot 10^{-6}$ мм (*Сурья-сиддханта*), что близко к размерам электрона.

Любопытно отметить, что в этих определениях для размеров меньше 1мм используются геометрические прогрессии со знаменателем 7 (*Шардула-карна-авадана* и *Дивья-авадана*) и 8 (*Сурья-сиддханта*) до значения 7^9 и 8^7 . Это напоминает и 8 рядов больших чисел Будды, и подход творцов кода *чхандах-шастры*, описанный ниже.

Более того, как замечает *Мадхусудана Видьявачаспати*, размеры строятся согласно тому же самому принципу удвоения, который применяется для описания элементарных частиц (*параману*), атомов (*трасарену*) и т. д.¹¹⁴

Пять видов ведийских силлабических размеров, являющиеся разновидностями двоичных кодов (см. гл. о двоичном коде), называемых *варна-*, *акшара-*, *пада-*, *вакья-* и *пракарана-чхандасы*, соотносятся традицией с пятью физическими стихиями бытия: *акашей* (полем), *ваю* (газом), *теджасом* (плазмой), *апасом* (жидкостью) и *притхви* (твердью)¹¹⁵. Эти же стихии, помимо того, что обозначают агрегатные состояния вещества, являются и символами подразделений зодиака. Не исключено, что размеры и двоичные коды, связанные с ними, могли использоваться и для пространственных измерений.

¹¹³ Е. И. Гостеева, *Философия вайшешика*, Ташкент, 1963, с. 62.

¹¹⁴ *Madhusūdana Vidyāvācaspati*, «Chandonirukti». In: *Śrī Piṅgala-nāga*, The Chandas Śāstra, 1938, p. 51.

¹¹⁵ *Madhusūdana Vidyāvācaspati*, *Op. Cit.*, p. 51.

Скрытая гармония ведийских чисел

Современная индология нередко демонстрирует крайнюю прямолинейность в интерпретации санскритской астрономии. На Всемирной конференции в Турине в 2000 г. **Кристофер Минковский** из Корнельского университета, утверждал, ссылаясь на первоисточники, на средневековых индийских астрономов и современных западных историков индийской астрономии, таких как **Дэвид Пингри** и др., что Земля в *пуранах* предстает плоской, а небо – это всего лишь несколько полусфер, образованных орбитами планет и расположенных одна над другой и опирающихся на эту плоскую Землю.

Согласно его первой весьма путаной схеме, в астрономических *сиддхантах* Земля, разделенная на шесть концентрических континентов и океанов, находится в центре, а вокруг вращаются семь планет и звезды. На несуразность подобной интерпретации указывает, во-первых, то, что в наблюдательной астрономии Меркурий и Венера неотступно следуют за Солнцем, видны только утром и вечером на восточном или западном небосклоне (наибольшее удаление от Солнца 28° и 48° соответственно) и, разумеется, никогда не видны в центре ночного неба. Другими словами наблюдатель никогда не скажет, что они вращаются вокруг Земли так, как верхние планеты – Марс, Юпитер и Сатурн. Хотя – напротив – он вполне может сделать правомерный вывод о том, что они вращаются вокруг Солнца, так как оказываются то слева, то справа от него!

Во-вторых, в мифологии *Притхиви* – это простор ночного неба, своей чернотой напоминающий вспаханную землю. «Земля» здесь – астрономический термин с прозрачным смыслом (о *Притхиви* см. ниже). Поэтому концентрические «континенты» и «моря» находятся на звездном небе, представляя собой только те планеты, которые действительно описывают круги вокруг наблюдателя, расположенного на Земле, и звездные пространства между ними. Вместе с тем, так как общее количество «континентов» и «морей» – 12, их можно истолковать как месяцы года.

Согласно его второй еще более нелогичной интерпретации, планеты ходят по орбитам, расположенным над плоской

Землей, под которой находятся еще миры, именуемые *паталами* (букв. «подвалами» – в совр. переводе «адами»).

Когда я возразил ему, что *Притхиви* – это не Земля, а э м п и р е и, область неподвижных звезд, представляющаяся земному наблюдателю «твердью», он смутился и согласился с тем, что его рассуждения о плоской земле оказались неубедительными (как выразился бы древнеиндийский поэт, очередным «сыном бесплодной женщины» или «рогом зайца»), однако, как мне показалось, остался в недоумении: а как, мол, быть с остальными так прочно укоренившимися в западной индологии «несуразностями» *пуран*, считающихся энциклопедиями индуизма?!

Например, как быть с определением диаметра «Земли» в 500 млн. *йоджан*? 500 млн. *йоджан* в современной интерпретации равны 7500000000 км или 50 а.е. (расстояния от Земли до Солнца). В приложении к диаметру Земли – бессмыслица, но в приложении к Солнечной системе... Это – ведь расстояние до Плутона, самой отдаленной от Земли планеты. Следовательно, и с этой точки зрения термин «Земля» обозначает звездное небо, а точнее – Солнечную систему.

Еще одной из таких важных астрономических «несуразностей» в *пуранах* является утверждение о том, что диаметр орбиты *Сурьи* (обычно в переводе – «солнца») 9000 *йоджан*, а окружность орбиты – соответственно 27000. А диаметр орбиты *Чандры* (обычно в переводе – «луны») – 18000 *йоджан*, а окружность – 54000 (*Матсья-пурана*, 123.6-8), т. е. больше чем у «Солнца» в два раза.

С точки зрения и здравого смысла (совершенно ясно видно невооруженным глазом, что именно Луна, приблизившись к Солнцу, становится между ним и Землей и вызывает солнечное затмение), и любой здоровой астрономии (если вышеприведенные цифры принимать буквально и следовать современной традиции истолкования амбивалентного термина *йоджана* как «15 км»), утверждение, что орбита Солнца меньше орбиты Луны – это нелепость.

Однако не будем спешить с выводами: западная традиция интерпретации *Вед* часто бывает настолько поверхностной, что необходимо рассмотреть эти основные понятия и числа

повнимательнее, сначала в приложении к *Чандре*, а затем в приложении к *Сурье*.

Чтобы с точностью до секунд дуги определить положение Солнца по полной Луне, необходимо учитывать то, что лунный диск весьма быстро смещается относительно звезд, при этом закрывая своим светом ближайшие звезды. Задача усложняется еще и тем, что для определения центрального мгновения полнолуния нужно строго рассчитать синодический и сидерический месяцы, имеющие разную продолжительность, соответственно выражаемую в мифологии разным количеством «лошадей» в упряжках светил, нужно знать скорости перемещения истинно полной луны и самой луны как небесного тела относительно звезд, а также уметь измерять расстояние от центра лунного диска до ближайшей видимой звезды зодиака.

Орбита Чандры

Так как *Матсья-пурана* подчеркивает, что диаметр и окружность орбиты *Чандры* в два раза больше, чем у *Сурьи*, следует предположить, что речь идет о сопоставимых, хотя и разных лунных явлениях, таких как, например, сидерический и синодический месяцы или лунный месяц и год, а, может быть, о суточном вращении Земли относительно полной луны и годовом перемещении полной луны относительно звезд. При этом синодический месяц определяется по синодической луне, зависящей от ее положения и расстояния относительно Земли, а год – по сидерическому движению полной луны относительно зодиакальных созвездий. Одна и та же Луна мыслится как два разных объекта: один расположен на околоземной орбите, другой – на звездной, разделенной на в два раза большее количество дуговых единиц измерения, чем первая.

Чандра (Месяц) – это не просто Луна, а Луна светлой половины месяца с новолуния до полнолуния или серповидная луна с третьей по вторую четверть, а также еще и сидерический месяц, другими словами, Луна в своем движении относительно звезд; *Сурья* же – это не просто Солнце, как думает большинство переводчиков, а полная («солнечная») Луна. По ее положению, так как она находится на одной линии с Солнцем и Землей, в наблюдательной астрономии определяется положение Солнца, а, следовательно, и годовой путь Солнца. Поэтому только по

метонимии *Сурья* – также и Солнце. Поэтому, противоречие может быть разрешено очень просто: путь сидерической луны измеряется с помощью 54 *накшатр* и *упанакишатр*, а путь синодической (солнечной) луны и соответственно солнца – с помощью 27 *накшатр*. *Йоджаны* же – это деления орбиты луны.

Цифры 27 тысяч и 54 тысячи в связи с синодической и сидерической луной наводят на мысли о зодиаке, который действительно описывается состоящим из 27 *накшатр* и 54 *упанакишатр*. Древнеиндийский зодиак был весьма изящно разделен последовательно на 12 основных *раши* (зодиакальных созвездий, обусловленных наличием двенадцати полнолуний в году), на 27 основных *накшатр* («лунных стоянок», выявляемых в связи с 27 сутками сидерического месяца); на 27 *упанакишатр* («вспомогательных стоянок») – по две в каждой *накшатре* (в связи с делением суток на день и ночь), 108 *пад* («шагов») – по две в каждой *упанакишатре*, а в приложении к сидерическому месяцу на 216 *йам* («страж») – по две в каждой *паде*. В последующих главах вы найдете множество подтверждений того, что математическая астрономия *Вед* использовала в применении к одним планетам *накшатры*, к другим – *упанакишатры*.

Раз сидерический путь *Чандры* разделен на 54000 *йоджаны* и на 54 *упанакишатры*, одна *упанакишатра* включает 1000 *йоджан*, одна *пада* – 500 *йоджан*, а одна *йама* – 250 *йоджан*. При этом 1000 *йоджан* («упряжек») напоминает о тысяче лошадей *Индры*, а 250 *йоджан* – о 250 гимнах *Риг-веды* в честь *Индры*, что заставляет внимательнее проанализировать хронометрическую функцию гимнов, обращенных к *Индре*, и, если необходимо, пересмотреть и уточнить понятие *йоджаны*.

Йоджана – мать Вясы

В этом контексте следует обратить более пристальное внимание на саму этимологию понятия «*йоджаны*» как единицы измерения. В отношении суток, месяца, года «*йоджана*», очевидно, имеет разное значение.

Хотя словари определяют *йоджану*, к тому же весьма неопределенно, то как 2,5, то как 4-5 или даже 8-9 английских миль, в *Ведах* она обозначает отнюдь не километры и не мили, как кажется, вообще, не меры длины. Скорее всего, это понятие

– из области геометрии круга, слоговой хронометрии, ведийской мифологии, календаря и философии. Буквально, оно означает «соединение, сложение», «слог», «предложение», «мантру», «упряжку», «палец», «высший космический дух *парама-атман*», а также имя матери *Вьясы*, имя которого определенно означает диаметр круга. В этом последнем контексте *Йоджана* – скорее всего, олицетворение части дуги, состоящей из каких-то единиц измерения. При этом, все вышеперечисленные значения, как они ни разнородны на первый взгляд, как нельзя лучше характеризуют и детализируют понятие *йоджаны* в применении к практике слогохронометрических замеров положения Луны и Солнца на их орбитах.

Так как *Вьяса* («Разделитель»), олицетворяющий символического «главного редактора» *Вед*, – в то же время мифологизированный образ диаметра круга, поэтому его лоном, порождающим его началом, «матерью», может быть только окружность круга или дуга окружности, что вполне логично. Между прочим, эта мифологема является еще одним прямым указанием на истинный исток *Вед* – геометрию небесной сферы.

Хотя значение «упряжка» может, несомненно, означать в обыденном смысле «путь, проделанный без переапрягания коней», однако, скорее всего, в ведийском контексте это понятие не может иметь никакого другого смысла кроме «упряжки лошадей» *Сурьи* или *Чандры*, движущихся неизменно по кругу. В *Ведах* нет ни единого контекста, имеющего прямое отношение к «упряжке» обычных лошадей, обычных людей и обычных событий! Земные образы в них используются только метафорически!!!

Казалось бы, определение «палец» звучит несколько странно в окружении божественных персонажей, философских терминов и хронометрических понятий, но и оно имеет вполне реалистичное астрономическое объяснение. Известно, что Солнце за сутки смещается на 1° или два своих угловых диаметра, которые легко можно отсчитывать с помощью замеров кончиками пальцев вытянутых рук (толщина кончика пальца вытянутой руки соответствует приблизительно 48", а

толщина пяти кончиков пальцев – 240" или 6'). Кроме того, ведийское выражение «десять пальцев» по отношению к *Пуруше*, «космическому заполнителю», т. е. свету солнца, имеет значение «десять сторон света», «десять участков небесной сферы».

Значение «мантра» указывает на связь со слоговой хронометрией. Санскритские авторы обычно определяют *йоджану* через другое загадочное понятие *кроши* (букв. «крик»): 4 или 8 *крошей* равняются одной *йоджане* (*мантре*). В свете предыдущих вычислений весьма знаменательно второе значение: 8 *крошей*.

Если в *Ведах* и *пуранах* «*кроша*» использовалась именно в значении «крик», то одна *кроша*, вполне вероятно, могла равняться одному слогу и соответственно одной *нимеше* (по *Дивья-авадане*), $3\frac{1}{3}$ *трути* (по *Артха-шастре*) или, например, десяти *трути* (по мною ранее реконструированной схеме¹¹⁶). Восемь *крошей* или одна *йоджана* при этом составит 8 слогов, *паду* или стопу размера *гаятри*, главной ведийской *мантры*. Одна *йоджана*, выраженная в секундах, будет равна 1,6 сек. (86400 сек. : 54000 *йоджан* = 1,6 сек.). Из моего предположения, что при скорости 5 слогов в секунду 432000 слогов *Риг-веды* могут быть прочитаны за сутки, вытекало, что один слог равен 0,2 сек., а 8 слогов составляют 1,6 сек. Другими словами, одна стихотворная *пада*, стопа, соответствует одной хронометрической *йоджане*.

54000 *йоджан*, будучи умножены на 8 *крошей*, равны 432000 *акшар*, а при умножении еще на 10 *трути* – соответственно 4320000 *трути*. Таким могло быть количество *трути* в одних или трех сутках.

Относительно солнца, которое порой именуется *накишатрой*, или любой звезды, Земля или земной наблюдатель за сутки поворачивается на 360° (21600' или 1296000"). Отсюда – одна *йоджана* может быть определена как равная 24" дуги (1296000" : 54000 = 24"). Это – расстояние, на которое смещается земной наблюдатель в соответствии с суточным вращением Земли за 1,6 сек.

времени
(86400 сек. : 54000 = 1,6 сек.) или одну *паду* размера *гаятри*. В

¹¹⁶ Кшемendra Вьясадаса, *цит. выше*, с. 290.

хронометрической модели *Артха-шастры* (в которой *трути*, равная 0,06 сек., соответствует повороту Земли на 0,9") эти 1,6 сек. на одну треть больше единицы, именуемой *каитха* (1,2 сек.), а в хронометрии *Дивья-аваданы* – это восемь *нимеш* (мигов). Вероятно, в хронометрии *Вед* эти восемь *нимеш* именовались восьмью *крошами* и соответствовали восьми *акшарам* (слогам).

Так как одна *пада* 8-сложного размера *гаятри* соответствует повороту Земли вокруг оси на 24", этот отрезок в 24", возможно, представлял собой основную единицу измерения суточного движения Земли, месячного вращения Месяца и годового – Солнца. 24-сложная *мантра гаятри*, состоящая из трех стоп, равна 4,8 сек. (одной десятой *каля*) или четырем *каитха*, за которые Земля поворачивается на 72" или полтора пальца.

При одной *каля* времени равной 48 сек. выявляется удивительная симметрия между хронометрическими *мантрами* в размере *гаятри* и ведийской лунной хронометрией. Так, например, один усредненный гимн *Риг-веды*, состоящий из 10 *мантр гаятри*, равен 1 *каля* времени ($10 \text{ мантр} * 24 \text{ слога} : 5 \text{ слогов} = 48 \text{ сек.}$), а, например, 210 *мантр* (21 гимн) составляют соответственно 21 *каля* времени ($210 \text{ мантр} * 24 \text{ слога} : 5 \text{ слогов} = 1008 \text{ сек.}$);
 $1008 \text{ сек.} : 48 \text{ сек.} = 21 \text{ каля}$).

Одна *прана* (4 сек.) – это поворот Земли на 1', одна *каля* – один средний гимн в размере *гаятри* – отмечает поворот на 12'. Пять *пад*, образующие размер *панкти*, равны двум *пранам* ($8 \text{ слогов} * 5 \text{ пад} = 40 \text{ слогов}$; $40 \text{ слогов} : 5 \text{ слогов} = 8 \text{ сек.}$ или 2 *праны*) и соответствуют повороту Земли на 2'.

Повороту Земли на три градуса соответствуют 3600 слогов ($3600 \text{ слогов} : 5 \text{ слогов} = 720 \text{ сек.}$; $720 \text{ сек.} : 60 \text{ сек.} = 12 \text{ минут}$), что равняется 150 *мантрам* в размере *гаятри*, одному чтению пятнадцати средних гимнов.

Не трудно выявить соответствия между разными замерами вращения Земли и всеми прочими ведийскими хронометрическими размерами.

Цикл гимнов к *Агни*

Ведийские *дэвы*, боги или светочи разделяются ведийской традицией на три группы: небесную, промежуточную и земную. *Агни* (Луна), согласно этой схеме, относится к светочам Земли и определяется как самый низший из *дэвов* (лунных фаз или планет). Между *Агни* и *Вишну* (Сатурном), самым высшим, располагаются все остальные. К *Агни* в *Риг-веде* обращено 200 гимнов. В свете хронометрической теории эти гимны могут иметь отношение к суточному вращению Земли. Приблизительный подсчет показывает, что 200 гимнов к *Агни*, светочу Земли, если бы они были написаны только в размере *гаятри*, равнялись бы времени, за которое Земля поворачивается на 40° (при усредненном гимне, равном 10 *мантрам* размера *гаятри*, $200 \text{ гимнов} * 10 \text{ мантр} = 2000 \text{ мантр}$; $2000 \text{ мантр} * 72'' = 144000''$; $144000'' : 60'' : 60' = 40^\circ$). Однако так как встречаются и *мантры* в больших размерах, эти 200 гимнов соответствуют чуть большему периоду, возможно, одной восьмой суточного оборота Земли, что напоминает нам о делении *Риг-веды* на восемь *аштак*, а суток на восемь *страж* (*йама*).

Цикл гимнов к *Индре*

Пять стихов *гаятри* (по 3 *пады* и 24 слога) или 120 слогов, образующие подразделение текста, именуемое *варгой*, равны 24 секундам времени и смещению Солнца на $1''$. 120 стихов *гаятри* (12 средних гимнов по 10 *мантр* или 2880 слогов) равны 576 секундам времени и соответствуют смещению Солнца на $24''$:

$$24'' * 24 \text{ сек.} = 576 \text{ сек.}$$

Солнце проходит $1''$ за 24 сек., а $24''$ – за 576 сек.:

$$24 \text{ сек.} * 24'' = 576 \text{ сек.}$$

Это составляет 144 *праны* по 4 сек., а также соответствует количеству слогов, порождаемых санскритским алфавитом (16 гласных * 36 согласных = 576 слогов), который лежит в основе всей психолингвистической астрохронометрии *тантр* и системы знаков печатного кода (см. посл. гл.). Давайте предположим, что число 576 сек. – это время в секундах, за которое Солнце проходит одну *йоджану* или $24''$ эклиптики. Если количество

секунд времени в году разделить на 576 сек. мы получаем 54000 ($2 * 9 * 30 * 100$).

Любопытно, что на хараппских печатях (см. ниже) встречается число 54.000.000 ($2 * 9 * 30 * 100000$). Если это число умножить на 576 и на 10000, образуется число *Жизнь Брахмы*.

Приблизительный подсчет показывает, что, 250 гимнов к *Индре*, богу полной Луны и Солнца, если бы все они были написаны в размере *триштубх*, содержали бы $250 * 10 * 44 = 110000$ слогов, соответствующих приблизительно шести часам. Эти шесть часов в свою очередь равны времени, за которое Солнце перемещается относительно звезд на $15'$:

$$110000 \text{ слогов} : 120 \text{ слогов} = 916,6''; 916,6'' : 60'' = 15'.$$

Чтение всей *Риг-веды*, как мы помним, соответствует перемещению наблюдателя относительно Солнца на 360° , а Солнца относительно звезд – на 1° . Следовательно, перемещение на $15'$ соответствует $\frac{1}{4}$ суток или повороту земного наблюдателя на 90° .

Путь Солнца разделен на 108 «шагов» (*пад*). На прохождение одной *пады*, состоящей из $3,333...^\circ$ ($200'$ или 500 *йоджан*), Солнце затрачивает 288000 сек. (это число равно количеству слогов в *Яджур-веде*) и составляет $3,333...'$ или $3\frac{1}{3}$ суток. Деление же на солнечные *пады* или шаги идеально вписывается в концепцию *Жизни Брахмы*, которую можно представить и в следующем виде:

$$4.320.000 \text{ (трути в сутках)} * 4.320.000 * 5 * 3,333... \text{ (суток)} = \\ = 311.040.000.000.000 \text{ трути};$$

или в другой записи:

$$4.320.000 \text{ (трути)} * 200.000 \text{ (лет)} * 108 \text{ (пад)} * 3,333... \text{ (суток)} = \\ = 311.040.000.000.000 \text{ трути}.$$

Иначе, *Жизнь Брахмы* представляет собой количество *трути* в 200000 лет по 360 суток. Если 4320000 *трути* равны трем суткам, тогда *Жизнь Брахмы* составит 600000 лет.

В одном знаке солнечного зодиака – 9 *пад*. Прохождение солнцем половины знака, соответствующей полумесяцу, включает 4,5 *пады* («шага» солнца). На это солнце затрачивает 1296000 секунд времени (15 суток). Таково же количество дуговых секунд в круге и количество *трути* в *Трета-юге*, которую можно представить как сумму *Двапара-юги* ($288000 * 3 = 864000$), равной трем количествам слогов *Яджур-веды*, и *Кали-*

юги ($288000 * 1,5 = 432000$). Отсюда, связь всех элементов *махаюги* и четырех *Вед* с движением Солнца по эклиптике устанавливается совершенно непротиворечиво.

Цикл гимнов к Соме

Относительно звезд Луна перемещается приблизительно со скоростью $13,333...^{\circ}$ в сутки ($360^{\circ} : 27 = 13,333...^{\circ}$). Так как в сутках 1440 минут, один градус она проходит за 108 минут (равные 2,25 *мухурты*, одному часу и 48 минутам или 6480 сек.), а одну секунду дуги – за 108 сек. времени. Это, видимо, соответствует чтению девятой *мандалы* (состоящей из 114 гимнов и посвященной Соме, богу сидерической луны).

Приблизительный подсчет показывает, что, приняв средний гимн равным 10 *мантрам*, а средний размер равным *ануштубху* (32 *акшары*), 114 *суктов* этой *мандалы* будут содержать 36480 *акшар* ($114 \text{ суктов} * 10 \text{ мантр} * 32 \text{ акшары} = 36480 \text{ акшар}$), на произношение которых требуется 121,6 мин. ($36480 \text{ акшар} : 8 \text{ акшар} * 1,6 \text{ сек.} = 7296 \text{ сек.}; 7296 \text{ сек.} : 60 = 121,6 \text{ мин.}$). Это незначительно больше необходимой величины и при более тщательном подсчете вполне может статься, что реальное количество *акшар* во всех 114 гимнах, написанных в разных размерах, является именно тем, которое ожидается, – 777600 слогов, соответствующих 108 минутам времени.

Орбита Сурьи

Если мы разделим орбиту *Сурьи*, выраженную в *йоджанах*, на количество *пад*, то обнаружим, что в каждой *паде* содержится $27000 : 108 = 250$ *йоджан* (вспомним, что в *Риг-веде* именно 250 гимнов посвящено *Иindre*, полной Луне, которые в данном случае должны быть отождествлены с *йоджанами-упряжками*). На чтение их всех вместе, как было показано выше, затрачивается шесть часов ($\frac{1}{4}$ суток или поворот Земли на 90°). Не являются ли эти самые гимны к *Иindre* не только средством определения суточного перемещения земного наблюдателя по отношению к полной Луне и Солнцу и средством слежения за годовым перемещением полной Луны и соответственно Солнца по минутам окружности, но также еще и средством измерения времени, затрачиваемого Месяцем на прохождение одной из 108 *пад*? Действительно, если 250 гимнов равны шести часам и

отмечают прохождение одной *пады*, то 108 *пад* Месяц проходит за 648 часов ($6 \text{ часов} * 108 \text{ пад} = 648 \text{ часов}$). Это время соответствует 27 суткам, т. е. сидерическому месяцу ($648 \text{ часов} : 24 \text{ часа} = 27 \text{ суток}$), и 108 циклам гимнов к *Иindre*: $108 * 250 = 27000$ гимнов. Стоит ли напоминать, что 108 – число священное: таково количество основных *упанишад* и основных *тантр*, а также бусинок в больших четках как буддистов, так и индуистов (другими количествами бусинок являются 9, 18, 21, 42, 50, 54 и 81).

Так как в одной *паде* $12000''$ ($200' * 60''$), отсюда следует, что в одной *йоджане* содержится $12000'' : 250 = 48''$ или $0,8'$, которые Солнце проходит за 1152 сек. (19,2 минуты), а Месяц – за 86,4 сек. (это одна тысячная суток, напоминающая о тысяче коней *Суры*)! В сутках – 86400 сек., в обрядовом году, состоящем из 360 суток, – соответственно 86400 сек. * 360 = 31104000 секунд. Это – одна десятиллионная от *Жизни Брахмы*. Если *Жизнь Брахмы* высчитывалась в секундах, она равна 10 миллионам лет, а если – в *трути*, равных двум сотым секунды, то она равна 200 тысячам лет.

Полная Луна или Солнце в обрядовом году проходит 250 *йоджан* или 1 *паду* – за 3,333... суток или 288000 сек. ($31104000 \text{ сек.} : 108 \text{ пад} = 288000 \text{ сек.}$). Это, как помним, является числом слогов *Яджур-веды*, столько же секунд в дуге, которая является базовой у *Брахмагупты* ($4800' * 60'' = 288000''$) и равняется 40° .

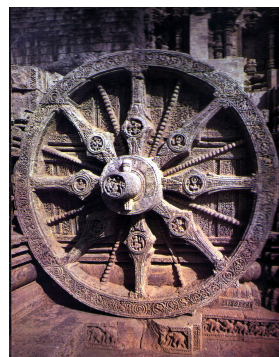
Знаменитые ведийские числа входят постоянно как в хронометрические, так и геометрические ряды, напоминая явление *шлеши* («слияния смыслов», многозначность) в санскритской поэзии. Поэзия чисел! Впечатление таково, что древнеиндийский мудрец обращается с огромными астрономическими числами как бы с улыбкой, везде подразумевая двойной, а то и тройной смысл! Это ощущение усиливается по мере того, как все глубже начинаешь осознавать связь точных астрономических расчетов с фонетикой и метрикой ведийского текста. Не исключено, что и принципы ведийской музыки, вплетенные в величественную теорию древнеиндийского театра, являются математико-астрономическими кодами!

Подытоживая, хочется отметить, что, числа, приводимые *Ману*, *Артха-шастрой*, *Дивья-аваданой* и *пуранами*, которые первоначально могли казаться лишенными всяких реальных оснований гиперболами, все более и более обретают конкретные значения, а связь астрономических *йоджан*, количества слогов в ведийских *санхитах* и единиц времени в подразделениях *Жизни Брахмы* с *падами* эклиптики древнеиндийской астрономии становится под давлением огромного количества дешифрованных «загадок» и «темных мест» настолько очевидной, что противоречия, приписываемые древним книгам современными переводчиками, оборачиваются нелепыми иллюзиями, порожденными тотальным непониманием астрономического подтекста и абсолютно превратным и неправильным истолкованием мифологических понятий.

Каким бы образом мы ни рассуждали, если строго придерживаться внутренней логики, присущей наблюдательной астрономии, мы выходим на одни и те же числовые значения, зафиксированные традицией в мифологемах, количестве слогов и прямых указаниях ведийских текстов.

Представляется очевидным, что древние ученые использовали разные модели хронометрической рецитации, наиболее соответствующие характеру проводимых наблюдений. Мы рассмотрели только те модели, которые кажутся наиболее вероятными; охватить их все и проанализировать в контексте конкретных научных выкладок древних астрономов с привлечением санскритских текстов по математической астрономии – дело будущих специализированных исследований.

Стремление к гармонии различных рядов чисел, согласованность всех вычислений с точными наблюдениями, тщательная проработка психолингвистических, физиологических, этических и эстетических деталей, образность и наглядность, синкретизм и космичность – все это свидетельство длительной традиции наблюдений, выработки терминологии и согласований дыхания, фонетики, метрики, хронометрии и астрономии! На сколько же сотен тысяч лет в прошлое простираются эти разработки? Так и хочется воскликнуть с древнеиндийским мудрецом: «Может быть, об этом знает тот, кто пребывает на высшем небе? А, может быть, и он не знает?!»

**Одно из 12 колес храма Сурьи в
Конараке**

Веданги, «члены Вед», – ключи к тайнам хронокомпьютера

Метрика – это две ноги Вед, склепка обрядов – две руки, наука о движении светил – ее очи, этимология – ее уши, фонетика – нос, а грамматика – рот.

Паниния-шикиша-сутра, 41-42.

Техника сохранения в памяти в неизменной форме обширной ведийской литературы, которая, несомненно, содержит многие концепции с чрезвычайно интересным научным потенциалом (логика, грамматика, медицина, астрономия, математика, поэтика, эстетика, психология, физика единого поля, систематика, синергетика и т. д. и т. п.), как и система интерпретации ее песен с помощью целого ряда как философских, так и точных наук, ясно указывают на огромное практическое значение *Вед*, которое они не утрачивали на протяжении нескольких тысячелетий.

Но вместе с тем, эта изощренность стиля, виртуозность ведийской поэзии, объем научной литературы и глубина научных идей – препятствие для всякого, кто осмелиться на свой страх и риск (надежд на сохранение истинной ведийской традиции практически не осталось) попытаться понять тайный смысл ведийских мифопоэм. Поэтому, пожалуй, единственным важным подспорьем правильного метода интерпретации является строгий анализ ведийских вспомогательных научных трактатов.

Произведения *смирити* состоят из *шастр*, распадающихся на несколько разрядов. «Учебники или науки» (от корня «учить; наставлять») обнимают отрасли специальных теоретических знаний, разделенные на несколько групп: *прагишахъи*, *упаведы*, *веданги*, *даршаны* и *видья*. В основе *шастры* лежит краткий крайне специализированный текст (*сутры* или стихотворные *карики*), на который имеется первичный комментарий (*бхашья*) и, как правило, еще несколько более детальных разъяснений и примечаний. В своем построении учебники следуют, как правило, схеме обрисованной логиками-

найяками: определяется группа объектов исследования, затем каждое понятие группы и рассматриваются различные определения.

Считается, что такие дисциплины, как математика и астрономия (наблюдательная и математическая), медицина и сексология, филология (с такими отделами как ведийская текстология, этимология, фонетика, грамматика, риторика, поэтика), право и политология, социология и философия со всеми ее основными отделами (космология, мифология, натурфилософия, метафизика, эпистемология, логика, диалектика, психология, этика, эстетика, философия языка, теология, эсхатология), систематизируются во 2-1-м тыс. до н. э. на уровне вполне сопоставимом, а порой и превосходящем, современный (как в случае грамматики и ряда других дисциплин).

Веданги – это разряд основной ведийской научной литературы (букв. «органы *Вед*»), сложившийся в ведийский период, хотя и обретший окончательный вид к V–II вв. до н. э. Он включает шесть дисциплин, представленных сборниками *сутр* (кратких правил): обрядоведение (*кальпа*), фонетика (*шикиша*), грамматика (*вьякарана*), этимология (*нирукта*), просодия (*чхандас*) и астрономия (*джйотис*). Их назначение – правильное понимание и исполнение ведийских текстов.

К *ведангам* тесно примыкают *упаведы* («вспомогательные *веды* или науки»), включающие такие дисциплины как *аюр-веда* (медицина), *дханур-веда* (военная наука), *гандхарва-веда* (музыка), *бхарата-натья-шастра* (театральная наука) и *стхапатья-шастра-веда* или *шилпа-шастра* (наука ваяния и зодчества). Все они в разной степени участвовали в программировании ведийского социохронокосмоса.

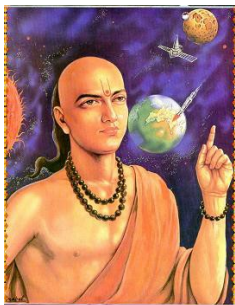
Язык *веданг*, как и остальной ведийской вспомогательной научной литературы, отличается крайней лаконичностью и напоминает сухие инструкции о том, что нужно делать, и не содержит теорем и их доказательств. Более того, само изложение часто закодировано, а ключи к кодам сокрыты глубоко внутри либо самих текстов, либо традиции. Этот стиль присущ и «науке кодирования» (*чхандах-шастре*), и «аналитике языка или грамматике» *Панини*, и «правилам измерений с

помощью бечевы» (*шульва-сутрам*), дающим инструкции по геометрическим расчетам и конструированию кирпичных мемориалов-алтарей сложной конфигурации.

Очевидно, методология ведийской науки и обучения основывалась на умении оперировать признаками класса схожих объектов и, в частности, классифицировать их с тем, чтобы эффективно кодировать любые десятичные числа с помощью двоичной метрики (*Пингала*), порождать любые астрономические термины из корней обыденного языка (*Яска*) и грамматически правильные обыденные по форме высказывания, содержащие строгий математический подтекст (*Панини*), а также создавать любые необходимые астрономам геометрические конструкции из строительных материалов любой конфигурации. Как отмечает **Пьер-Сильвен Фильюзат**, эта методология родилась в тесном взаимодействии лингвистики и математики и была нацелена на творческое применение методов на практике, а не на схоластическое теоретизирование¹¹⁷.

В последнее десятилетие благодаря усилиям целого ряда исследователей эти ведийские дисциплины разряда *веданга* неожиданно предстали совершенно в ином качестве – не как филологические, а как математико-программистские подспорья правильного функционирования ведийских *санхит*.

Джйотиша или наука о светилах

Астрономия и первые календари, по всей видимости, появились в Индии еще в то далекое время, которое условно называют «каменным веком». Звездное небо с древнейших времен, с самого появления человека, но особенно после изобретения к а л е н д а р я (о его существовании уже в палеолите 40 – 15 тыс. лет тому назад говорят археологические находки последних десятилетий), т о ч н о й х р о н о л о г и и (в VII - II тыс. до н. э.) и

¹¹⁷ Pierre-Sylvain Filliozat, «Sanskrit Linguistics and Mathematics in Ancient India». In: *Indian Horizons*, Vol. 44, Number 4, Special Issue: Sanskrit Literature, New Delhi, 1995, p. 39-50.

математической а с т р о н о м и и (I тыс. до н. э.) неодолимо притягивает к себе внимание человека. В пещерах каменного века, обнаруженных в Европе, Сибири и Индии, сохранились рисунки, изображающие фазы луны и перемежающиеся с календарными и математическими знаками, отмечавшими, очевидно, месяцы, годы или сутки. Живописное представление светил в виде животных и людей легло в основание мифологии.

Протоиндийцы разработали лунный, солнечный, лунно-солнечный и планетный календари. У ведийских *ариев* наука астрономии, математики и календаря, входившая в число *веданг*, почиталась как главнейшая и именовалась «глазом *Вед*», объясняющим устройство вселенной, хитросплетения ведийских мифов, метафоры и парадоксы ведантийской философии.

О ее высоком уровне говорят более поздние специальные трактаты (*сиддханты*), относящиеся к древней ведийской астрономии с неизменным почтением и описывающие точные математико-астрономические методы и десятки инструментов. О том же свидетельствуют и средневековые обсерватории в Джайпуре, Дели и др. городах, оснащенные поразительно точными инструментами, сводящими к минимуму возможные ошибки. В VII в. через посредство арабов индийцы познакомили с достижениями своей раннесредневековой математики и астрономии европейцев.

Каждая *веда-санхита* сопровождалась кратким пособием по календарю, именуемым *джйотиша-веданга*. К сожалению, хоть любой ведолог и понимает значение календарной науки, контекстуально-организующая роль *д ж й о т и ш а - ш а с т р ы* (н а у к и о с в е т и л а х) до сих пор не в полной мере и не последовательно применена к ведийской интерпретации, и древние санскритские тексты продолжают трактоваться даже теми, кто пытался исследовать их астрономические смыслы, как конгломерат случайно и в разное время возникших сочинений разной направленности.

Джйотиша содержит весьма важные календарные сведения, которые помогли найти ключ к сложному авторско-посвятительному коду, разгадать тайну «ведийских пророков» и «богов».

Значение Времени

Значимость времени в синхронизации совместных действий людей настолько высока, что не будет преувеличением сказать, что именно время лежит в основе развития жестикуляции, танцев, ритуалов, языков и культуры в целом.¹¹⁸

Несколько Международных астрономических конференций, проведенных в Америке и Европе в последние десятилетия, были сфокусированы на проблемах истории календарей. Проблема времени в истории с энтузиазмом обсуждалась на Международном историческом конгрессе в Мадриде в 1990 г., подчеркнувшем решающую роль счета времени для всех видов человеческой деятельности. Несомненно, эти проблемы представляют и определенный интерес для социологов, как это явствует из Трудов XIII Всемирного конгресса социологов (Билефельд, Германия, 1994 г.). IX Всемирная санскритологическая конференция (Мельбурн, Австралия, 1994) также выявила интерес ученых к данной проблеме. Например, профессор Р. К. Шарма в своей лекции о «*Махабхарате*» подчеркнул календарные аспекты ведийской рецитации, отраженные в «*Шатапатха-брахмане*».

В современных исследованиях календарей описаны тысячи видов древних календарей из Азии, Европы и Америки, датированных 18 – 2 тысячелетием до н. э.. Сравнение Стоунхенджа (построенного в 1700 до н. э.), астрономического комплекса возле Еревана (III тысячелетие до н. э.), календаря с Мальты (7500 до н. э.), дагестанских календарей (8 – 9 тысяч до н. э.), лунного календаря на кости мамонта из Гонцов (Украина, 15 – 10 тысяч до н. э.), солнечного календаря, выгравированного на скульптуре из Ачинска (Сибирь, 18 тысяч до н. э.) позволили археологу **В. Е. Ларичеву**¹¹⁹ переформулировать принципы палеоастрономии, основанной **Норманом Локьером** (1836 – 1920 гг.).

Судьбы изучения Стоунхенджа, пирамид Гизы, гигантских чертежей Наски и рисунков Дагестана с одной стороны, и – с другой стороны – ригведийских гимнов достаточно различны. Однако они пересеклись на пороге этой космической и компьютерной эры! Все эти памятники имеют, несомненно,

¹¹⁸ Моисеева Н. *Время в нас и вне нас*, Л., 1991, с. 19-33.

¹¹⁹ Моисеева, *цит. выше*, с. 12.

общее происхождение, являясь различными приспособлениями для счета времени. Глобальное распространение древних мегалитических обсерваторий, господство лунных наблюдений в них, астрономико-календарные расшифровки Стоунхенджа и пирамид доколумбовой Америки, многочисленные работы последних десятилетий о календарных обычаях и календарных песнях разных народов предопределили и наш метод расшифровки великой ригведийской речитативной астро-энциклопедии.

Можно отметить одно различие: тогда как расшифровка закодированной в архитектурных сооружениях информации наталкивается на целый ряд трудностей, таких как, например, отсутствие ключей и методов достоверной проверки, к нашему счастью, в случае с ведийским календарем исследователь находится в явном преимуществе. Ведийские науки (*шастры*) и философия Времени, сформулированная *Бхартрихари* и другими, помогают рационалистически осмыслить динамическую природу *Вед*.

Б. Г. Тилак, следуя методу исследований, намеченному **Дж. Бентлеем**, **Х. Т. Кольбруком**, **А. Вебером**, **М. Биотом**, **В. Д. Уитни**, **М. Хаугом**, справедливо интерпретировал ведийский годовой ритуал *самтру* как календарный обряд и показал, что древний календарь был сопряжен с ритуалистической системой – *Праджанати* [Отец всех лунных творений или явлений] = *яджна* (календарный обряд) = *самватсара* (год). Веря, что «нет никаких более ранних работ о ведийском календаре кроме маленького трактата о *джйотише* (астрономии)», он был убежден, что «наша информация относительно самого древнего календаря должна, поэтому, собираться или из отдельных ссылок, содержащихся в ведийских работах, или из древних сочинений, принадлежащих к старой ритуалистической литературе Индии». Кажется, что это представление сохраняется до сегодняшнего дня, немало препятствуя построению общей теории ведийского календаря. На сегодня наука располагает только несколькими гипотезами.

Так, согласно одной из наиболее авторитетных европейских гипотез, разработанной **Ф. Б. Й. Кёйпером**, который развивал представления **А. Хиллебрандта**, *арии* ригведийского периода представляли себе время как циклический процесс. Циклы –

годы, а ядро *Веды* – новогодний фестиваль, обряд восхваления вновь организованного космоса или времени.

Вопреки этому, я предлагаю календарную гипотезу ведийской декламации, согласно которой сами *Веды* являются великолепным речитативным вечным календарем, согласованным со всеми планетными периодами, месяцами, сутками, часами и секундами, который способен дать ответ на риторические вопросы, сформулированные К. Плофкер, и на множество других более серьезных.

Почитание Калы и Махакалы

Махакала, Великое Время, – Отец всех существ и явлений Вселенной.

Шанкара

Его – Время – называют режиссером, держащим нити управления Вселенной. Препятствованием и благоприятствованием оно разделяет все.

Бхартрихари «Вакьяпада» («Анализ речи»), раздел «О Времени», 4.

Времени, персонифицированному в образе всесжигающего *Калы* (Солнца Времени) и *Шивы Махакалы* (Великого Времени), как главному космогоническому фактору посвящены два гимна «*Атхарваведы*» (XIX, 53, 54) и многие последующие тексты. Именно время производит циклические сотворения и разрушения вселенной, описанные в *пуранах*, и провозглашено высочайшим божеством как составителями древних хрономифопоэм *итихас*, так и раннесредневековым интерпретатором *веданты Шанкарой* (VIII в.).

То, что Великий Светоч или Бог (*Маха-Дева*) отождествляется с **Великим Временем** (*Маха-Калой*), указывает на превращение времени в высочайшую ценность древнеиндийской цивилизации уже при самом ее зарождении, еще в эпоху *Вед*. А сложность и точность календарных представлений, содержащихся в ведийских сочинениях, является существенным указанием на развитую городскую цивилизацию, что говорит в пользу точки зрения, согласно которой литература *Вед* – это, возможно, толь-

ко часть духовного наследия индской или – шире – ведийской цивилизации.

Однако историко-астрономический анализ этих представлений до сих пор не был осуществлен, так как он наталкивается на целый ряд методологических, источниковедческих и текстологических трудностей.

Специфической особенностью древнеиндийской календарной системы является положение о том, что Время «течет» по синодическим и сидерическим кругам 9 «планет» (*грахов* – «гребцов» или «грабителей», от «*грабх*», «грабить, согребать, грабать»), где «синодический» обозначает возврат светила в прежнее положение по отношению к наблюдателю (от «синодос» греч. – «сход»), а «сидерический» – возврат светила к той же звезде (от лат. «сидус» – «звезда, светило»). Для наблюдателя верхние планеты движутся по петлеобразным орбитам, а нижние – видны только вечером или утром, что создает причудливое кружение, напоминающее пляс, которым управляет Месяц (в индийской мифологии *Шива Ната-раджа* – «Царь пляса светил» – ср. Б. Л. Ван-дер-Варден, с. 168, где указывается на существование подобного представления у греческих и римских авторов, видимо, первоначально считавших «Руководителем танца планет» полную Луну – ведь она видна среди планет – а имплицитно – Солнце).

Ведийские тексты нередко отождествляют *Праджапати*, *Сурью*, *Шиву*, жертвенного коня, само жертвоприношение с сутками, месяцем, годом, отталкиваясь от их изоморфизма (*Brihadaranyaka Up.* 1.1; *Prashna Up.* I, 9-13).

Эта же тенденция обнаруживается также и в персидской религии, как показал Б. Л. Ван-дер-Варден. В зерванизме бог Времени *Зерван* (*Зурван*; ср. санскр. *Дхрува* – «Держава», Полярная звезда, *Шива*, Сатурн) считается творцом всех вещей и отцом двух близнецов – Ормузда (*Ахура Мазды* – ср. санскр. *Асура Махадэва*) и *Ахримана* (олицетворения света и тьмы, вероятно, дня и ночи, светлой и темной половин месяца и года – ср. санскр. *Арьяман*). В период поздней античности зерванизм был распространен на Сицилии, в Сирии среди магов и также во

всей Сасанидской империи¹²⁰. Тот же подход, как мы отмечали, характерен и для таоизма.

Калавада или учение о времени

Главным божеством ведийской литературы является Время или Великое Время, *Маха-Кала*. Поэтому, не удивительно, что главной доктриной *Вед* является *кала-вада* (учение о времени) или учение о *кала-чакре* (колесе, цикле времени). Общее изложение *калавады* (учения о Времени) содержится в «*Манава-дхарма-шастре*», «*Артха-шастре*», «*Махабхарате*», *пуранах*, сочинениях *Бхартрихари*, а точные научные принципы древней хронометрии изложены в древних фонетических и специальных астрономических трактатах, называемых *сиддхантами* («канонами»).

Первоначальное значение *Веды*, по моему мнению, состояло в том, что она представляла в символической форме принципы астрономической части (*сиддханта*) *джйотих-шастры*, то есть **математической астрономии**, и хронологии или *кала-вады*, которая является лейтмотивом циклических ведийских песнопений, а также и непрерывной и гармоничной системы образования.

Время было проанализировано древними индийцами с различных точек зрения. Трактат «*Йогачарабхуми*» *Асанги*, например, цитирует *Варишаганью*, говорящего о различении двух способов постоянства времени: «Следствие присутствует в причине фактически вечно посредством вечного времени и постоянно при посредстве постоянного времени».

Анализируя же сложный график изменения количества стихов песен «*Риг-веды*», имеющий весьма выраженный ритм и правостороннюю скошенность, мы должны были отметить, что размеры песен, выражающиеся в количестве *мантр* (стихов), достаточно определенно маркируют месяцы, недели, сезоны и, вероятно, перемещение солнца или полной луны по *падам* (108 делениям эклиптики).

По моему мнению, текст *Риг-веды* имеет сложно переплетенную «многослойную» и многофункциональную математическую организацию. Каково бы ни было ее

¹²⁰ Б. Л. Ван-дер-Варден, *цит. выше*, с. 145.

назначение, *Веда*, несомненно, явилась важным этапом в развитии способности брахманов управляться с числами до триллионов и содержащими по несколько знаков после десятичной точки, строить таблицы синусов, приводимые в «*Сурья-сиддханте*», на что указал Ж. Феллиозат.

О. Нейгебауэр со ссылкой на Тибо и Дж. Уоррена приводит свидетельства того, что брахманы Тамилнада сохраняли в памяти до XX столетия лунные и солнечные таблицы, содержащие многие тысячи чисел, подобные тем, которые использовались вавилонянами и греками в селевкидский период, и «производили для определения размеров, продолжительности, начала и конца затмений длинные вычисления с числами, доходившими до миллиардов в целой части и до нескольких шестидесятеричных разрядов в дробной части»¹²¹.

При этом, он признает, что индийский метод, хотя и поразительно совпадает с древнеавилонским и древнегреческим, все же отличается дополнительными процедурами.

Через определенное время планеты выстраиваются на одной прямой, постоянно повторяя свои конфигурации.

Кала-чакра или Колесо времени

Традиционная индийская система измерения времени неоднократно с некоторыми изменениями излагается в *Ведах*, *пуранах* и *шастрах*.

Вот как она предстает в *Артха-шастре*, где за начальную единицу принята *трути* (таблица 8).

2 *аяны* (2 «пути») включают *уттара-аяну* – «верхний», «северный», светлый, летний путь – и *дакишина-аяну* – «правый», «южный», темный, зимний путь Солнца. Они определяются наблюдателем, расположенным лицом к востоку как исходному направлению.

Все количества *трути* и количества секунд в различных подпериодах *Жизни Брахмы* встречаются на индских печатях в различной записи, что свидетельствует о древности этой системы хронометрии и является своеобразной отмычкой печатного индского кода (см. гл. о печатном коде).

¹²¹ О. Нейгебауэр, *Точные науки в древности*, М., 1968, с. 164-165.

Бархаспатъя-мана и сегодня используется в Южной Индии, а также в Тибете и Китае. Из таблицы, в которой восстановлены величины основных календарных блоков в *трути*, явствует, что *Жизнь Брахмы* равна десяти тысячам 60-летних периодов Юпитера. Десять лет назад мною было установлено, что данный период, очевидно стартовавший от весьма яркого парада планет, является абсолютно точным согласованием всех девяти планетных периодов, всех лет и основных месяцев с точностью до шестого знака после запятой. Два года назад я выявил, расшифровав цифровой смысл протоиндийских писем, что число «600000» несколько раз встречается на ведийских календарных печатях, выражающих *Жизнь Брахмы* как ключевой сомножитель в виде «шестизубчатых граблей» (см. гл. о печатном коде).

Таблица 8.

Единицы времени по Артха-шастре

	Миги, сутки, месяцы	Миги	Трути	Сек.
1	2 <i>трути</i>	1 <i>лава</i>	2	0,12
2	2 <i>лава</i>	1 <i>нимеша</i> (миг)	4	0,24
3	5 <i>нимеша</i>	1 <i>каитха</i>	20	1,2
4	30 <i>каитха</i>	1 <i>кала</i>	600	36
5	40 <i>кала</i>	1 <i>надика</i>	24000	1440
6	2 <i>надики</i>	1 <i>мухурта</i> (48 мин.)	48000	2880
7	30 <i>мухурт</i>	1 <i>ахо-ратра</i> (день-ночь), сутки, которые включали 6, 8, 10 либо 12 страж (2 суток = 172800 – $\frac{1}{10}$ <i>крита-юги</i>)	1440000	86400
8	(13, 14), 15, (16) суток	<i>ардха-маса</i> (полмесяца)	21600000	1296000
9	(27, 28, 29), 30, (31, 32) суток	<i>маса</i> (месяц)	43200000	2592000
10	(1, 2), 3, (4) месяца	<i>риту</i> (пора года)	129600000	7776000
11	6, (7) месяцев	<i>аяна</i> (полугодие)	259200000	15552000

12	2 аяна (полугодия)	вариша (год = 360 суток)	518400000	31104000 ^{1/10000000} Жизни Брахмы
13	5 лет (по 360 суток)	1 юга	2592000000	155520000
14	12 лет	1 самватсара (оборот Брихаспати, ЮпитеРа)	6220800000	373248000
15	5 самватсар	1 бархаспатья-мана 60-летняя «мера Юпитера»	31104000000	1866240000
	Жизнь Брахмы	600000 лет	311040000000000 0	

Этот период, несомненно, перекликается с периодом, выявленным мною из «войсковой» мифологемы *Махабхараты* (см. гл. о хронометрии *Махабхараты* во 2-й части).

Разновидности месяцев

Основные разновидности месяцев, используемые в ведийских календарных расчетах для предвычисления затмений и парадов планет следующие:

синодический месяц (*чандра-маса*) – это возвращение Месяца к следующему ново- или полнолунию (29,530588 суток) – **29** и **30** с у т о к, а также **32** ($32 * 12 = 384$) и **77** с у т о к ($77 * 5 = 385$);

сидерический или **звездный** (*накшатра*) – возвращение Месяца (при этом он движется с запада на восток) к той же звезде (27,321661 суток) – **27-28** с у т о к;

драконический (*раху-маса*, названный так в честь «змея-затмения», обитающего в узлах лунной орбиты, т.е. местах пересечения путей Солнца и Луны, где происходят затмения) – возвращение Месяца к тому же узлу (27,21222 суток) – **27-28** с у т о к;

аномалистический – возвращение Месяца к перигею (27,5545 суток) – **27-28** с у т о к;

Условные месяцы:

солнечный (*саура-маса*) – **36-37** суток ($5 * 36 + 5 * 37 = 365$) или **73** суток ($73 * 5 = 365$);

обрядовый (*савана* – обряд выжимания, питья и жертвоприношения *Сомы*) – **30** с о л н е ч н ы х с у т о к ($30 * 12 = 360$) – наиболее удобен для календаря на основе

сидерического периода Юпитера, т. к. 12 обрядовых лет только на 12 суток его меньше;

«**месяц**» синодического периода **Юпитера** – **19** суток ($19 * 21 = 399$) и **361** день (19^2): $19 * 228 = 361 * 12 = 4332$;

«**месяцы**» синодического и сидерического периодов **Сатурна** – **18** суток ($18 * 21 = 378$) и одна *аватара* (воплощение *Вишну*) или **1080** суток ($1080 * 10 = 10800$);

«**месяц**» синодического и сидерического периодов **Венеры** – **45** ($45 * 5 = 225$) и **73** ($73 * 8 = 584$);

«**месяц**» синодического и сидерического периодов **Марса** – **19** суток ($19 * 41 = 779$); **60** ($60 * 13 = 780$) и **49** суток ($49 * 14 = 686$).

Одна из универсальных шкал времени разбита на деления от $1/_{34000}$ -ой сек. до 4,32 млрд. лет.

Таблица 9.

Ведийская универсальная шкала времени

<i>1 krati</i>	= $1/_{34000}$ -я сек.
<i>1 truti</i>	= $1/_{300}$ -я сек.
<i>2 truti</i>	= 1 <i>lava</i>
<i>2 lava</i>	= 1 <i>kṣana</i>
<i>30 kṣana</i>	= 1 <i>vipala</i>
<i>60 vipala</i>	= 1 <i>pala</i>
<i>60 pala</i>	= 1 <i>ghaḍi</i> (24 мин.)
<i>2,5 ghaḍi</i>	= 1 <i>hora</i> (1 час)
<i>24 hora</i>	= 1 <i>divas</i> (1 день)
<i>7 divas</i>	= 1 <i>saptāha</i> (1 неделя)
<i>4 saptāha</i>	= 1 <i>ṛtu</i> (1 пора года)
<i>2 māsa</i>	= 1 <i>ṛtu</i> (1 пора года)
<i>6 ṛtu</i>	= 1 <i>varṣa</i> (1 год)
<i>100 varṣa</i>	= 1 <i>śatābda</i> (1 столетие)
<i>10 śatābda</i>	= 1 <i>sahasrābda</i> (1 тысяча лет)
<i>432 sahasrābda</i>	= 1 <i>yuga</i> (<i>kali-yuga</i>)
<i>2 yuga</i>	= 1 <i>dwapara-yuga</i>
<i>3 yuga</i>	= 1 <i>treta-yuga</i>
<i>4 yuga</i>	= 1 <i>krta-yuga</i>

10 yuga = 1 mahā-yuga (4320000 лет)

1000 mahā-yuga = 1 kalpa

1 kalpa = 4,32 млрд. лет.

Согласно *Дэви-Бхагавата-пуране* (9-я скандха), наименьшая единица времени (*альпа-кала*) определена с точностью до десяти триллионных долей секунды и даже соотнесена с обыденным действием. Можно предположить, что постулирование бесконечно малых миггов времени было обусловлено не праздной игрой воображения, а действительно реальной проблемой, в первую очередь, **согласованием периодов планет в целых единицах** при наличии знания их реальных орбит и скоростей.

Но не исключено, что рассматривались и орбиты звезд Галактики и их скорости, включая и мгновенную скорость светил с использованием дифференциального исчисления времени. Для измерения времени в *шастрах* и *пуранах* дается целый ряд других хронометрических моделей, в которых минимальные единицы времени определяются как представлено в таблице 11.

Таблица 10.

Единицы суточного времени
по *Дэви-Бхагавата-пуране*

	Меры времени <i>ДБх пу-раны</i>		Сек.	Мин	Час
1	Прокол листа иглой	Альпа-кала	1,2345679 ⁻⁶ или 0,0000012345679	.	.
2	30 альпа-кала	1 трути	3,7037 ⁻⁵ или 0,000037037		
3	30 трути	1 кала	0,00111...		
4	30 кала	1 каштха	0,0333...		
5	30 каштха	1 нимитта (матра)	1		
6	4 нимитта	1 ганита	4		
7	10 ганита	1 нетувирпу (глубочайший вздох)	40		
8	6 нетувирпу	1 винадика	240	4	
9	6 винадика	1 гхатика	1440	24	0,4
10	60 гхатика	1 ахо-ратра	86400	1440	24

Таблица 11.

Основные хронометрические модели

№	Минимальная еди-	Сутки	Санскритский текст
---	------------------	-------	--------------------

	ница		
	1,2345679 * 10 ⁻⁶ или 0,0000012345679 сек. (3,7037037 * 10 ⁻⁵ или 0,000037037 сек.)	69984000000 <i>альпакала</i> (2332800000 <i>трути</i>)	<i>Дэви-Бхагавата-пурана</i> , 3-я скандха
1	0,0000296 сек. или 2,97 * 10 ⁻⁵ сек.	2923513576 <i>трути</i>	Комм. <i>Прашастапады</i> к <i>Вайшешика-сутре</i> ¹²²
2	1,333 * 10 ⁻² сек.	6480000 <i>таткиан</i>	<i>Шардула-карна-авадана</i>
3	2 * 10 ⁻² сек.	4320000 <i>трути</i>	(= <i>Маха-юга</i>)
4	5,8 * 10 ⁻² сек.	1489655 <i>трути</i>	<i>Шардула-карна-авадана</i>
5	6 * 10 ⁻² сек.	1440000 <i>трути</i>	<i>Артха-шастра</i>
6	0,13888...сек.	622080 <i>трути</i>	(Внутренняя речь)
7	0,145 сек.	595200 <i>нимеш</i>	<i>Шардула-карна-авадана</i>
8	0,176 сек.	491520 <i>нимеш</i>	<i>Шардула-карна-авадана</i>
9	0,177 сек.	486000 <i>нимеш</i>	<i>Манав-дхарма-шастра</i>
10	0,2 сек.	432000 <i>нимеш</i>	<i>Дивья-авадана</i>
11	4 сек.	21600 <i>пран</i>	<i>Сурья-сиддханта</i>

Тексты, как правило, содержат подсчеты длительности суток или года в этих мигах¹²³.

Хронометрическая модель *Сурья-сиддханты* строится на представлении о мгновении *трути*, которое именуется «не имеющим протяженности» или «неощутимым» (*амурта*). Далее постулируется, что

6 *прана* = 1 *винади*

60 *винади* = 1 *надика*

60 *надик* = 1 сутки.

Здесь 1 *прана* равна 4 секундам.

В «*Сурья-сиддханте*» приводится вычисление времени оборота Земли вокруг Солнца до девятого знака после запятой (365,258756484 дня, современные учебники, как правило, довольствуются величиной 365,2596 дня).

Нельзя не отметить некоторых поразительных числовых соответствий как между разными моделями суточной хронометрии, так и между ними и другими ведийскими числами. Так, количество *нимеш*, определяемое для суток в *Дивья-авадане*, точно совпадает с идеальным количеством слогов *Риг-веды*. Это

¹²² Е. И. Гостеева, *цит. выше*, с. 85.

¹²³ *Шардула-карна-авадана*, *цит. выше*, с. 126, прим. 93.

еще раз прямо подтверждает возможность использования *Риг-веды* в качестве суточных часов. Количество *трути* в сутках по *Артха-шастре* ровно в три раза ($1440000 * 3 = 4320000$) меньше *махаяуги Манава-дхарма-шастры*.. При этом последнее число в десять раз больше постулируемого *Дивья-аваданой* и в 20 раз – количества *пран Сурья-сиддханты*.

Эти соотношения указывают на то, что модели суточного времени разных текстов, хотя и кажутся на первый взгляд различными, на самом деле строго соотносятся друг с другом и, вероятно, вырабатывались просто для разных назначений внутри одной и той же хронометрической системы. Например, они могли соотноситься с разными «сутками» или периодами вращения Земли, Солнца, Луны и других планет...

Так, *6480000 таткиан Шардула-карна-аваданы*, как и *4860000 нимеш Манава-дхарма-шастры*, делятся на 18000, выявляя между собой соотношение

$$6480000 : 486000 = (18000 * 360) : (18000 * 27)$$

или $360 : 27 = 13,333....$, которое обозначает ни что иное, как количество градусов в годовом зодиаке, разделенное на 27 *накишатр*, состоящих из 13,333... градусов каждая.

Отсюда может вытекать, что 18000 – это некоторая речитативная мера для измерения суток, например, число стихов *гаятри* в сутках ($24 \text{ слога} * 18000 = 432000 \text{ слогов}$).

Большее число (*6480000*) выражает о б р я д о в ы й г о д из 360 суток («сутки богов»), а меньшее (*4860000*) – 27-дневный сидерический период или «сутки Месяца» в количестве стихов *гаятри*. *Нимеша* в этом случае будет равна: $24 \text{ слога стиха гаятри} : 5 \text{ слогов/сек.} = 4,8 \text{ сек.}$

Брахма – Творец мира

Слово *Брахма* имеет несколько смыслов, ряд которых находит параллели и в русском языке – «Великий, Большой, Полный» (ср. «брюхан»; «*брахма*» образовано от «*бринх*» – «брюхнуть, увеличиваться, расти»); «Речь» (ср. «брехня»: «*брахма*» – от «*бринх*», «ворчать, верещать, бренчать, брюзжать»); *Веда* (священное Слово, Знание – ср. «образование»); «молитва» (ср. «обращение»).

Прилагательные от «*брахма*» входят в имена *Вишну*, *Агни*, *Шивы*, его сына *Картикеи*, *Индры*, *Ману*, *Нарады*, *Камы*, *Анирудхи*, *Маричи* и остальных сыновей *Брахмы*, а также *Сарасвати*, *Рохини*, *Лакими* и других лунных и ночных божеств.

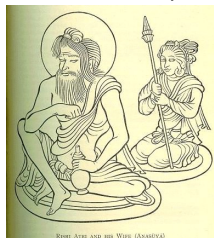
Связь *Брахмы* в качестве *лока-палы* («пастыря стороны неба-свода») с зенитом может быть истолкована как указание на начало года и весеннее равноденствие, когда Луна «ходит очень высоко» (только в «нулевом приближении» она движется, «придерживаясь» эклиптики) или как указание на летний солнцеворот на Северном тропике в Санчи, когда Солнце оказывается в зените. Весной, после пересечения Солнцем точки весеннего равноденствия, эклиптика на вечернем небе располагается над небесным экватором (осенью картина будет противоположной).

Брахма является одним из ликов *Тримурти* («Триглава», индусской троицы), представляя Творца, «образователя» (*Шива* – разрушителя, а *Вишну* – хранителя вселенной). Есть основание связать *Брахму* с солнечным годом, *Вишну* – с обрядовым, а *Шиву* – с лунным.

Солнечная система как семья Брахмы

Описания творения «мира» в санскритских текстах значительно разнятся. Согласно «Законам *Ману*», вселенная вначале была погружена во мрак. Самосущий *Шива* появился как свет, создав «море» света, в котором он поместил свой «золотой зародыш» (*хиранья-гарбху* – «золотое чрево», «зародыш», «огонь», «небожитель» – отождествляемый традицией с 14-м днем темной половины, т. е. новолунием месяца *бхадрапада* (август-сентябрь), когда наблюдается разлив *Ганги*). Золотой зародыш развился в лотосе, выросшем из пупа *Вишну*, образ которого принял *Шива* после создания небесного «моря». «Золотой зародыш» со временем разрушил золотое яйцо, верхняя половина которого стала *Дьяусом* (светом), а нижняя – *Притхиви* («полной» ночью, тьмою). Вслед за этим появившийся *Брахма* создал десять духовнорожденных сыновей, породивших всех небожителей:

1) *Маричи* («Мерцающий») родил *Кашьяпу* («Черепашу» – полный Месяц и, соответственно, **Солнце**), который от тринадцати дочерей *Дакии* «зачал» тринадцать родов лунных явлений («звездные», «лунные», «солнечные» месяцы, месячные затмения, лунные фазы и пр.);

Атри и Анасуйя

2) *Атри*, («Едок») родившийся из глаза *Брахмы*, от *Анасуйи* (Ночи) «зачал» *Сому* (сидерический, «движущийся относительно звезд», **Месяц**), которому достались двадцать семь дочерей *Дакии* (27 *накшатр*) и *Дхарму* («державу» солнечной системы – **Сатурн**), женами которого стали еще десять дочерей *Дакии*

(олицетворение десяти созвездий и десяти трехлеток сидерического периода Сатурна);

3) *Ангирас* («Уголь») появившийся из уст *Брахмы* или из его семени, упавшего в Огонь, дал начало роду *Ангирасов*, среди которых наиболее значимы *Агни*, *Брихаспати* (**Юпитер**), *Индра*, *Сома*, *Рудра*, *Утатхья*, *Самварта* (сидерический «год» **Юпитера**);

4) *Пуластья* породил *ванаров* («обезьян»), вероятно, планеты, *киннаров* («людей» с лошадиными головами), *ракишасов* (полулюдей-полузверей), вероятно, утренние и вечерние зори;

5) *Пулаха* родил *ким-пурушей* («неких мужей», «коней» с человеческой головой), «львов» и «ланей», вероятно, символы сияний вокруг солнца и луны во время затмений;

6) *Крату* («вклад», «жертва», «год», «сила») создал спутников **Сурьи** или **Солнца (планеты)**;

7) *Дакиа* («Дюжий», лунный **Зодиак**), появившийся из большого пальца правой ноги *Брахмы* (жена его, *Вирини*, появилась в виде **Ночи** из пальца левой ноги), явился отцом тысячи сыновей (это обстоятельство роднит *Дакишу* с *Агни*, у которого тысяча очей, кроме того, *Дакиа* – это прозвище *Агни* и *Сомы*) и **шестидесяти дочерей** (*раши* или солнечных знаков и *накшатр* или лунных знаков: 13

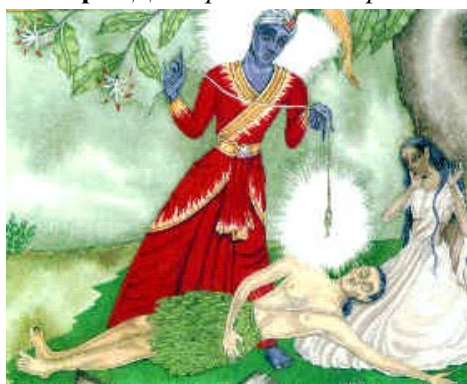
(зодиакальных знаков) было отдано *Кашьяпе* (синодическому **Месяцу** и Солнцу), 27 – *Соме* (сидерическому **Месяцу**), 10 – *Дхарме* (**Сатурну**), 10 – *Ману* (**Сурье, Солнцу**). Последнее указывает на то, что солнечный год делился также на 10 месяцев;

8) *Бхригу* («Блеск») вышел из сердца *Брахмы* и дал жизнь *Шукре* (утренней **Венере**), наставнику детей *Кашьяпы* от *Дити* и *Дану*, и *Чьяване* («Спадающему», чахнущему **Месяцу**, или вечерней **Венере**);

9) *Дхатри* («Деятель, Подаватель», Творец) поддерживает жизнь и здоровье;

10) *Видхатри* (те же значения) – необратимый ход времени, судьба, *Вишвакарман* как олицетворение белого света или **Времени**¹²⁴.

Таким образом, среди сыновей *Брахмы* прямо названы 13-ти и 27-членные месячный и годовой зодиаки, планеты, среди которых пять наиважнейших названы прямо – Солнце, Месяц, Юпитер, Сатурн, Венера. Нетрудно догадаться, что *Пуластья* и *Пулаха*, имеющие сходное потомство в виде человеко-коней и *ракишасов* (демонов), олицетворяют **два узла лунной орбиты** – **Раху и Кету**, в которых происходят затмения, считавшиеся в мифологии и астрологии неблагоприятными демоническими явлениями. Следовательно, осталось отождествить **Меркурий** и **Марс** с *Дхатри* и *Видхатри*.

Савитри

Дальнейшим подтверждением связи *Брахмы* с Солнечной системой и нашей галактикой являются образы его супруги и сына *Приявраты*. Чтобы непрерывно лицезреть пляску детей *Кашьяпы*, *апсар* (небесных плясуней, созвездий) и *гандхарвов* (небесных гусляров,

В. И. Кальянова. Кн. 1, М. - Л., 1950; т. 1, 1976; Кн. 7, М., 1992; пер. и коммент. т. 3, М., 1987; *Мокишадхарма: Основа ос-*

боджастия, пер., введ., примеч. В. И. Смирнова, Ашхабад, 1962, кн. 1, с. 174-182.

фаз Месяца), игры и драки небожителей (прежде всего, войну сыновей *Адити*, олицетворяющих полнолуния, *Дану* и *Дити*, олицетворяющих новолуния и «драконические» узлы лунной орбиты), а также движения Месяца влево и вправо (великие «действия», обряды или «жертвоприношения»), прямые и петлеобразные движения других шести планет и затмения Солнца и Луны, *Брахма*, оставаясь неподвижным на своем сидении (лотосе или белом лебеде), создал себе по лику с четырех сторон и на макушке (пять пор по 73 суток). Его собственные бесчисленные проявления, его творение, звездный мир, предстал пред его взором как женщина бесконечной красоты, вместилище «сотни образов» – *Шатарупа* (Столепая).

Она стала его супругой, более известной под именами *Савитри* («Светлая», олицетворение **солнечно-лунного зодиака из 27 созвездий**, вернувшая своего супруга – Месяц или Солнце – жизнь которого забрал *Дхарма-раджа*, царь подлунной державы Сатурн). Среди других ее имен – Медоволучистая, *Сарасвати* («Соросьеватая», «Озерная», Полноводная), *Гаятри* («Гудящая», Поющая), *Брахмани* («Большая», «Великая», «Велеречивая»), *Дурга* («Далекоидущая», Труднодостижимая), *Вач* («Вещающая», Речь), *Рохини* («Взросшая, Взрослая», отождествляемая обычно с первым из 27 лунных созвездий и именуемая самой любимой супругой Месяца). Через «сто лет» замужества *Шатарупа* родила двух сыновей: *Сваямбхува-Ману* (или *Виравджа*) и *Прияврату*. Один отождествляется с *Сурьей* (Солнцем, полной луной), другой – с с е м ь ю п л а н е т а м и!

Узнав о том, что *Брахма* соблазнил свою дочь (одно из имен *Шатарупы* – *Брахма-путра* (Дочь *Брахмы*), *Шива* отрубил ему одну из голов, что можно трактовать как то, что «лунный год из 12 месяцев» (*Шива*) обуславливает более гармоничное деление солнечного года на четыре поры года, хотя солнечный год более легко и без остатка делится на пять пор года ($73 * 5 = 365$) по 73 дня. Одним из намеков на символичность числа «73» является количество стихов в «*Санкхья-карике*», перечисляющей все онтологические элементы хронокосмоса.

Поводом ссоры с *Шивой* в мифологии послужила гордыня *Брахмы*, возжелавшего стать отцом *Шивы*. *Шива* удовлетворил его желание, родившись из капли крови (утренней зари) со лба *Брахмы*, который царапнул себя ногтем-полумесяцем, смахивая

пот иступленного подвижничества (*тапаса* – «растопки, закалки», «подвижничества»). Царапина вызвала рыдание, поэтому *Шива*, появившийся из кровинки *Брахмы*, упавшей в огонь, именуется *Рудрой* («Рдяным», «Кровавым» или «Рыдающим»). *Брахма* получил прозвище *Питамаха* («Великий Отец», Дед), но *Шива* за это унижение срубил ему пятую голову («*Матсья-пурана*», 183. 84-86).

В «*Падма-пуране*» («*Сришти-канда*», 15) причиной отсечения пятой головы называется ее нестерпимый блеск, угрожавший погубить вселенную, затмевавший все светила, которые и обратились к *Шиве* за помощью. *Шива* родился как сын *Брахмы Рудра* с Месяцем во лбу и срезал своим «ногтем» пятую голову за то, что она, лучась гордыней, выказала желание увидеть *Рудру*, склоненного в земном поклоне и просящего пощады.

Хотя *Брахма* (Солнце) затмил в с ю в с е л е н н у ю и наполнил ее звучанием четырех *Вед* (это указание на эзотерическую связь ведийских *мантр* с Солнцем и астрономией), полученных от *Шивы*, Месяца, он обвиняется в лживости и лицемерии, порожденных гордыней и стремлением к превосходству. За то, что *Брахма* солгал, будто бы он, соревнуясь с *Вишну*, смог достичь на своем «лебеде» верхнего края огненного детородного уда *Шивы*, Великий Светоч (*Маха-дэва*), именуемый также Великим Временем (*Маха-кала*), запретил поклонение *Брахме*. *Брахму* почитают только раз в году на полнолуние в месяце *магха* – январь-февраль, – когда полная луна входит в созвездие *Магха* (звезды *альфа*, *эта*, *гамма*, *зета*, *мю*, *эпсилон* созвездия Льва). 2 тыс. лет до н. э. это означало зимний солнцеворот. Печать лицемерия лежит и на труде, посвященном житейской или мирской мудрости (*локаяте*) и приписываемом *Брахме*.

Все это позволяет связать *Брахму* также со светлой частью месяца, состоящей из пяти пятидневок, а *Шиву* – с пятидневкой новолуния, предваряемой и завершаемой появлением серпа месяца. О пятидневках неоднократно упоминается в *Риг-веде* (кони *Суры-Индры* запряжены по пять в шесть звеньев – III.55.18), в *Махабхарате* (30 рек-ночей, разбитых на две половины по 15 с подразделениями по пять; 30 огней, также объединяемых пятерками, 15 из которых легко отождествляются с ночами светлой половины месяца, а 15 других – с ночами темной

половины, т. к., например, последние являются похитителями «жертвы» света светочей-*дэвов*).

Период жизни Великого Мира

«Жизнь» *Брахмы* (Великого Мира или нашей галактики и его детей-планет), олицетворяющая планетный согласовательный период, описывается в *пуранах* как период между двумя полными схождениями или слияниями семи светил (*Сурий*) в одно и их последующее разделение на семь исходных светил. Этот период предстает внешне как невероятно большая величина:

10 *юг* (связок) по 432000 «лет» составляют одну *маха-югу* (большую связку);

71 *маха-юга* – одну *манавантару* («промежуток» *Ману*);

14 *манавантар* – «день *Брахмы*», столько же длится и «Ночь *Брахмы*», т. е. 28 *манавантар* – 1 «Сутки *Брахмы*»;

360 таких «Сутки» образуют «Год»; а

100 таких «Лет» – «Жизнь *Брахмы*» – 309173760000000 «лет» (порой 14 *манавантар* заменяются 1000 *махаюг*, тогда «Жизнь *Брахмы*» равняется 311040000000000 «годам»).

Как помним, число 432000 встречается в «*Риг-веде*» (таково, согласно традиции, общее количество слогов всех ее 1028 песен), в древневавилонских и древнегреческих астрономических текстах, где оно сопряжено с продолжительностью Великого Года (времени, через которое все планеты сходятся в одной точке, образуя в месте своего схождения Великий Пожар, а в противоположной части вселенной – Великий Потоп)¹²⁵.

Исходя из того, что определение *маха-юги* предваряется в *Манава-дхарма-шастре* подробным описанием мельчайших единиц времени, начиная с долей мгновения, я предположил, что *маха-юга* представляет собой описание суток в долях «мгновения» (*нимеша*). Подобные исчисления содержатся в астрологических текстах *Дивья-авадана*, *Шардула-карна-авадана*, в *пуранах*¹²⁶.

Если допустить, что 1 *кашита* = 15 *нимеша* (как в *Вишну-пуране*, гл. 3, ч.1, тогда как в *Артха-шастре* – 5, в *Шардула-карна-авадана* – 16, у *Ману* – 18), а далее так, как в *Артха-шастре*:

¹²⁵ Б. Л. Ван-дер-Варден, *цит. выше*, с. 125-128.

¹²⁶ «*Шардулакарнавадана*», *цит. выше*, с. 127, примеч. 94-95.

$$2 \text{ (трути)} * 2 \text{ (лава)} * 15 \text{ (нимеша)} * 30 \text{ (каитха)} * 40 \text{ (кала)} * \\ * 2 \text{ (надики)} * 30 \text{ (мухурт)} = 4\,320\,000 \text{ (трути)} = 1 \text{ сутки.}$$

Тогда Жизнь *Брахмы* составит:

$$71 * 14 * 2 * 360 * 100 = 71568000 \text{ (суток).}$$

Это число действительно сопряжено со всеми периодами всех известных планет.

Мы видим несколько возможных способов получения этого числа.

Первый, возможно, заключался в том, что лунный период в 248,5 дней, указанный в «*Пайтамаха-сиддханте*» («Каноне Деда», астрономическом сочинении *Брахмы*, включенном в «*Панча-сиддхантику*» *Вараха-михиры*, астронома VI в.), умножался на 25-летний период Луны, и на 10 периодов Венеры по 1152 года (этот великий период Венеры был известен и вавилонянам как соотношение 720 синодических периодов Венеры = 1151 солнечному году); при этом 7205 синодических периодов Венеры = 11520 солнечным годам¹²⁷.

Второй способ мог быть следующим: древнеиндийские астрономы, разработав десятичную позиционную систему счисления, в основе которой лежит взаимодействие арифметической и геометрической прогрессии, применили ее для вычисления периодов планет и их согласования.

Из множителей, составляющих число дней Жизни *Брахмы*, можно создать огромное количество чисел, которые будут являться его делителями, ибо оно представляет собой: $8! * (5 * 355)$, т. е. 8 факториал раз число дней в пяти лунно-звездных годах или в другой записи:

$$1775 \text{ дней} * 2 * 3 * 4 * 5 * 6 * 7 * 8 = 71568000 \text{ (дней).}$$

Третья возможность: Жизнь *Брахмы* – это произведение 248,5 (дней наименьшего лунного периода), 45 (что давало согласование с драконическими месяцами) и 6400 лет большого периода Венеры (= 4003 синодических оборота)¹²⁸.

Вычисления обнаружили кратность числа 71568000 суток синодическим и сидерическим оборотам всех основных блуждающих светил (включая даже Уран и Нептун!) порой с точностью до миллионных долей суток!!!

¹²⁷ Б. Л. Ван-дер-Варден, *цит. выше*, 1991, с. 122-123.

¹²⁸ Б. Л. Ван-дер-Варден, *цит. выше*, с. 122-123.

Если же приравнять *махаюгу* трем суткам, тогда *Жизнь Брахмы* будет равна 587840 тропических лет, а все периоды планет впишутся в *Жизнь Брахмы* с абсолютной точностью.

Первый вариант *Жизни Брахмы* приблизительно в 119 раз, а второй вариант – в 357 раз (число характерное для индского алфавита – см. главу о печатном коде) больше величины 601730, приводимой в «Библии» («Числа», гл. 26.51), в которой я также вижу достаточно точный Великий Год.

Библейский год был также рассчитан в сутках для всех месяцев и планетных периодов (он содержит 6840 сидерических периодов Меркурия, 2677 – Венеры, 876 – Марса, 139 – Юпитера, 56 – Сатурна, 1698 лунных лет, 1736 драконических; а синодические планетные периоды, синодический месяц и солнечный год лучше вписываются в этот цикл в качестве полупериодов.

Таблица 15.

Жизнь Брахмы			
Периоды	Кол-во оборотов	Величина оборота в сутках	Современная величина
С О Л Н Ц Е			
аномал. год	195937	365,26	365,2596296
звездн. год	195939	365,25653	365,25636
тропич. год	195947	365,24162	365,2421988
дракон. год	206474	346,61991	346,6200310
М Е С Я Ц			
звездн. мес.	2619460	27,321661	27,321661
синод. мес.	2423521	29,530587	29,5305882
аномал.мес.	2597325	27,554503	27,5545
дракон.мес.	2629995	27,21219	27,21222
М Е Р К У Р И Й			
зв.период	813559	87,969034	87,969
син.период	617605	115,879890	115,880
В Е Н Е Р А			
зв.период	318390	224,78092	224,781
син.период	122565	583,91873	583,92

М А Р С			
зв.период	104178	686,97805	686,98
син.период	91761	779,93918	779,94
Ю П И Т Е Р			
зв.период	16521	4331,9411	4331,9404
син.период	179422	398,88085	398,88
С А Т У Р Н			
зв.период	6651	10760,487	10760,452
син.период	89288	378,09052	378,09
У Р А Н			
зв. период	2332	30689,535	30688,839
син.период	193605	369,6598	369,66
Н Е П Т У Н			
зв.период	1189	60191,757	60194,248
син.период	194754	367,47897	367,48

Большой период *Жизни Брахмы* в мгновениях, как вы уже видели выше (Таблица 8), основан на 60-летнем периоде Юпитера и является главным ключом к печатному коду протоиндийской ведийской цивилизации.

Жизнь Брахмы в свете разных хронометрических моделей

Ранее нами было установлено, что астрономически большое число лет существования «видимой Вселенной», называемое ***Жизнь Брахмы***, рассчитано в мгновениях и представляет собой великий согласовательный период различных солнечных лет, лунных месяцев, синодических и сидерических периодов основных планет.¹²⁹ Отметим, что наиболее гармоничные результаты в этой связи дают первая, третья, пятая и шестая модели.

Если буквально интерпретировать данные *Дэви-Бхагавата-пураны*, тогда 69984000000 *альпа-кала* в сутках означают, что время высчитывалось с точностью до десяти триллионных долей секунды, а в *Большой Жизни Брахмы* – всего 12 солнечных лет и два месяца

¹²⁹ Кшемендра, *цит. выше*, с. 288-292.

(4444,444... суток), что только на три месяца больше сидерического периода Юпитера. Вы не раз увидите подтверждения того, что *Жизнь Брахмы* имела прямое отношение к циклам и подциклам Юпитера, очевидно, не случайно представляющего в мифах наставником *дэвов*. Любопытно, одно из количеств *мантр Атхарва-веды* весьма близко к этому числу и равно 4432 ($12 * 365,25 + 49$). Когда же за исходную величину мы берем 2332800000 *трути* в сутках, тогда бльшая *Жизнь Брахмы* соответствует ровно 365 годам.

285 лет Жизни Брахмы

Ранее, в книге о *Кшемендре*, я использовал число *Жизнь Брахмы* в качестве своеобразного пробирного камня ведийской герменевтики, перепробовав все хронометрические модели, и получив замечательные результаты для согласования периодов всех планет при *махаюге* (4320000 *трути*) равной одним или трем суткам. Затем *Жизнь Брахмы* была успешно использована в качестве ключа к дешифровке ведийских *мантр* в троичном коде и, наконец, к дешифровке математического смысла ведийского или хараппского шрифта, о чем будет рассказано в третьей части.

Теперь в свете данных комментария *Прашастанады* к *Вайшешика-сутре* можно сказать с уверенностью, что *Жизнь Брахмы* могла представлять и гораздо меньший период, а именно **285 тропических лет, вымеренных в лунных сутках *титхи***, которые вычислялись с точностью до миллиардных долей секунды! Это – три знаменитые ведийские 95-летия, о которых речь пойдет подробнее в главе о *дэватах* и месяце-посвятительном коде. Лунные сутки равны $\frac{1}{30}$ синодического месяца и меньше солнечных приблизительно в 1,0158958, 1,015914 или 1,0159 раза (разность этих чисел обусловлена тем приближением, с каким мы берем синодический месяц, и округлением итога). Наименьшая единица времени в ведийской философии

вайиешике, согласно **Б. Силу**, определяется как $1/_{33750} = 0,00002963$ сек..¹³⁰

При величине наименьшего мига времени равной 0,000029614 сек. и коэффициенте 1,015914 меньшая *Жизнь Брахмы* (см. таблицу ниже) составляет ровно 285 лет по 366 суток.

Если предположить, что наименьшая единица времени могла быть равной 0,0000295521 сек. или 0,00002955348 сек., то мы имеем точно 285 тропических или точно 285 аномалистических лет.

Разделив меньшую *Жизнь Брахмы* (см. таблицу ниже) на 285 лет, 86400 сек. в сутках, 1,0158958 и умножив на 0,0000295521 сек., мы получаем продолжительность тропического года:

$$309173760000000 : 285 : 86400 : 1,0159 * 0,0000295521 = \\ = 365,2426.$$

Если наименьшая единица времени, скажем, была равна 0,00002955348 сек., а коэффициент лунных суток – 1,0159, то мы получаем точное значение аномалистического года: 365,259645.

Это только на 0,000015 суток или на 1,3 сек. больше современной величины, что означает появление ошибки в одни сутки через 66666,666... лет! Как отмечает **Свамиканну Пиллай**, древние индийцы отдавали предпочтение именно аномалистическому году, который важен для определения новолуния и восхода солнца. Величина его в *Сурья-сиддханте* определена как 365,258756484, что только на 0,001 суток меньше современной величины и дает ошибку в несколько дней через 4-5 тысяч лет.¹³¹

Цикл Семи Риши

Так как 6480000 *трути* могут быть интерпретированы как год, 2332800000 *трути* *Дэви-Бхагавата-пураны* могут представлять 360 л е т (2332800000 *трути* : 6480000 *трути* =

¹³⁰ Е. И. Гостеева, *цит. выше*, 1963, с. 85.

¹³¹ Swamikannu Pillai, *Indian Chronology (Solar, Lunar and Planetary) B.C. 1 to A.D. 2000*, New Delhi – Madras, 1989, p. (2).

360). Именно так, как 360 обычных лет, описывается «небесный год» в согласовательном периоде Семи *Риши*.

Этот период во всех *пуранах* слово в слово определяется как цикл из 2700 обычных лет или 7,5 «небесных лет» по 360 обычных лет (30 обычных лет соответствуют «небесному месяцу» или сидерическому периоду Сатурна). Семь *Риши* или Большая медведица, считается, стоит при этом в каждой из 27 *накшатр* по сто обычных лет.

Число 69984000000 *альпакала* соответственно может выражать в 30 раз больший период – 10800 лет (**четыре периода Семи *Риши* или 360 «небесных месяцев», соответствующих округленным сидерическим периодам Сатурна**). Как вы увидите ниже в главе о хронометрии *Махабхараты*, подробно описанное там количество войск означает также приблизительно 10800 лет.

Подводя итог этому экскурсу в ведийский мир бесконечно малых и бесконечно больших чисел, следует отметить, что ведийская астрофизическая система измерения пространства и времени подчинялась одним и тем же принципам, что и математическая система кодирования больших чисел.

Ведийские числа-мантры выступают как универсальные единицы измерения пространства и времени по единому алгоритму от бесконечно малого до бесконечно великого!

Идеальная шкала пространственных и временных измерений, несомненно, предполагает представление о Едином Поле (значения) и Едином Ряде (измерения). Существование такого представления в ведийской литературе, подробно разработанного в *санхье*, *веданте* и *шайва-сиддханте*, вовсе не является вымыслом проповедников индуизма¹³², но признается и такими физиками-теоретиками как Э. Шредингер, А. Эйнштейн, Дж. А. Уиллер и др.

Лунные часы

¹³² Mahesh Yogi, «Maharishi's Vedic Mathematics». In: S. K. Kapoor, *Op. Cit.*, pp. 259-313.

Анализируя концепцию *Жизнь Брахмы*, я исходил из убеждения, что в ее основе лежит движение Луны. Посудите сами, Луна за час проходит $0,51^\circ$. Отсюда следует, что 1° она пройдет за 117,64705 мин. Нетрудно заметить, что измерение в часах дает дробные градусы, а измерение в градусах – дробные минуты, и то и другое – не очень удачные меры для измерения движения Луны. Вместе с тем, учитывая, что путь Луны рассчитывается каждый месяц (в отличие от Солнца, которое смещается на 1° – на два своих угловых диаметра – лишь через 72 года), такие меры исчисления делают процедуру утяжеленной и громоздкой.

В древнеиндийской системе, как она реконструирована мною на основе указаний *Манава-дхарма-шастры* и других древнеиндийских текстов, вводятся понятия сотой секунды градуса (*нара-варша*, «человеческая единица» – абсолютно неверно интерпретируемая в индологической литературе как «человеческий год»), тысячной градуса (*дэва-варша*, «звездная единица» – ошибочно интерпретируемая как «божественный год»), двух сотых секунды времени (*трути*) и понятие *мухурты* (лунного часа) как единиц измерения пути и времени Луны. Так как в 1 градусе содержится 60 минут, а в минуте – 60 секунд, то количество секунд в градусе будет равно 3600, а количество *нара-варша* будет в сто раз большим, т. е. 360000 единиц.

Ману описывает количество мгновений в сутках, устанавливает соотношения между *дэва-варшами* и *нара-варшами* и выводит понятие *Жизнь Брахмы* именно на основе лунной астрономии.

Из таблицы видно, что часы вписываются в движение Луны по десятым градуса как дробные величины, тогда как *мухурты* – абсолютно гармонично.

Таблица 12.

Единицы измерения пути Луны

Путь Луны			Время				
Гра- дусы, мин., сек. ° ' ''	<i>дэва- варша</i> 0,001°	<i>нара- варш а</i> 0,01 ''	<i>тру ти</i> 0,02 сек.	Ми- нуты	Мухур- ты	Часы	Сутки
4,32 ''			432				
0,8 ' или 48 ''			4800	1,6			

1,6' или 96''		9600	3,2			
3,2' или 192''		19200	6,4			
0,1°	100	36000	12	0,25	0,2	
0,2°	200	72000	24	0,5	0,4	
0,4°	400	144000	48	1	0,8	
0,8°	800	288000	96	2	1,6	
1,2°	1200	432000	144	3	2,4	
2,4°	2400	864000	288	6	4,8	
3,6°	3600	1296000	432	9	7,2	
4,8°	4800	1728000	576	12	9,6	
12°	12000	4320000	1440	30	24	1
360°	360000	1296*105	43200	900	720	30
4320°		15552*105	518400	10800	8640	360
129600°		46656*106	15552000	324000	259200	10800
Первая модель Жизни Брахмы			3091737600000000		198800 лет по 360 дн.	
Вторая модель Жизни Брахмы			3110400000000000		200000 лет по 360 дн.	

Древние индийцы использовали и деление суток на 24 часа (таково количество основных *накшатр*, что было подмечено А. Парполой, таково же количество и полумесяцев в году). При делении текста *Риг-веды* на «восьмушки» и суток на 8 страж (*йама*), а также небесной сферы на 8 долин «по три перегона» (РВ I.35.8) предполагается деление годового и суточного циклов на 24 части. Однако для описания движения Луны наиболее хорошо подходят именно 30 *мухурт*, чем и объясняется их широкое распространение в Индии, отдающей предпочтение лунному или солнечно-лунному календарю.

Так как в сутках 30 *мухурт*, количество *трути* в сутках будет:

$$144000 * 30 = 4320000 \text{ трути.}$$

Отсюда вытекает, что за одну *трути* времени (0,02 сек.) синодическая Луна проходит 1 *нара-варша* пути (0,01 сек. дуги), соответственно за 4320000 *трути* (1 сутки) – 4320000 *нара-варша*, 12000 *дэва-варша* или 12° (т. е. 1/30 синодического месяца).

Трути и *нара-варша* идеально согласованы друг с другом и представляют собой универсальные единицы для описания пространства и времени в лунной астрономии.

В первой *Жизни Брахмы*, которая определяется как 309173760000000 *нара-варша* (сотых сек.), будет 198800 обрядовых лет по 360 суток (71568000 суток). Это соответствует одной тысячной оборота галактики и является идеальным согласовательным периодом для всех известных планетных периодов, как было мною показано ранее.¹³³

Вторая модель *Жизни Брахмы* (311040000000000 *нара-варша* или сотых сек.) включает ровно 200000 обрядовых лет по 360 суток. Эти числа пригодятся нам в связи с дешифровкой протоиндийских печатей (см. последнюю главу).

Важность циклического периода *Жизни Брахмы* для планетных согласований и лунной астрономии очевидна, но, что не менее замечательно, она неожиданно обнаруживается, когда обращаешься и к современной астрофизике, которая постепенно отказывается от представления о Большом Взрыве, Начале Времени и Начале Вселенной, утверждая новое видение бесконечной в пространстве и времени вселенной, которая постоянно обновляется через промежутки в несколько триллионов лет, тем самым возвращаясь к древнеиндийской теории циклической *Жизни Брахмы*.

Веды и махаюги

Взгляните на предыдущую таблицу повнимательнее и обратите внимание на следующие особенности: 48 мин. – это 1 *мухурта*, 144000 – это количество слогов *Сама-веды*, 288000 – *Яджур-веды* (а также количество секунд, за которые Солнце проходит один из 108 «шагов», на которые разделена окружность эклиптики), 432000 – *Риг-веды*, а также «единиц *нара*» в *Кали-юге*, 864000 – количество *нара* в *Двапара-юге* или секунд в десяти сутках, 1296000 – количество «единиц *нара*» в *Трета-юге* (а также и количество дуговых секунд в окружности), 1728000 – количество *нара* в *Крита-юге*, 4320000 – количество *нара-варша* в *Маха-юге*, а 129600000 – это 100 *Трета-юг*.

¹³³ Кшемендра, *цит. выше*, с. 291-292.

Если принять слог в среднем равным секунде времени (*Дэви-Бхагавата* содержит весьма похожее определение, с той лишь разницей, что такова *матра*, обычно не средний, а краткий слог) и сложить количество слогов в трех *веда-санхитах* и количество мигов в четырех *югах*, то сумма составит **5184000 сек. (1440 часов или 60 суток)**, которые соответствуют прохождению Солнцем **18 пад** или двух знаков Зодиака (одна из шести пор года).

Таблица 13.

**Соотношение слогов в санхитах и мигов в югах
с секундами, сутками и падами Солнца**

		слоги-сек.	часы	сутки	пады	знаки Зодиака
<i>Веды</i>	<i>Сама</i>	144000	40	1,666	½	1/18
	<i>Яджур</i>	288000	80	3,333	1	1/9
	<i>Риг</i>	432000	120	5	1,5	1/6
<i>Юги</i>	<i>Кали</i>	432000	120	5	1,5	1/6
	<i>Двапара</i>	864000	240	10	3	1/3
	<i>Трета</i>	1296000	360	15	4,5	½
	<i>Крита</i>	1728000	480	20	6	2/3
Итого :		5184000	1440	60	18	2

В обрядовом году содержится 86400 сек. * 360 суток = 31104000 сек. (одна десятиллионная Жизни *Брахмы*). Одну из 108 пад Зодиака Солнце проходит за 31104000 : 108 = 288000 сек. Стало быть, 18 пад содержат 288000 сек. * 18 = 5184000 сек., а двухмесячная пора года состоит из 31104000 : 6 = 5184000 сек.

Сама-веда и *Яджур-веда* вместе взятые по количеству слогов, как и *Кали-юга* по количеству мигов, равны *Риг-веде*. *Юги* возрастают, увеличиваясь в два раза. Поэтому, чередование *Риг-веды* и двух других *Вед* позволяет получать любую *югу*.

Если слог и миг были бы равны 0,5 сек., то Солнце за общий период проходило бы 9 пад или один знак Зодиака!

Таблица 14.

**Соотношение слогов в санхитах и мигов в югах
с часами и сутками**

		слоги	часы	сутки
--	--	-------	------	-------

<i>Вед</i> <i>ы</i>	<i>Сама</i>	144000	24	1
	<i>Яджур</i>	288000	48	2
	<i>Риг</i>	432000	72	3
<i>Юги</i> <i>а</i>	<i>Кали</i>	432000	72	3
	<i>Двапар</i>	864000	14	6
	<i>Трета</i>	129600 0	21 6	9
	<i>Крита</i>	172800 0	28 8	12
	Итого:	5184000	864	36

При естественном темпе исполнения ($1\frac{2}{3}$ слога в сек.) *Риг-веда* может быть исполнена за трое суток, три *Веды* и четыре *юги* – за 36 (включая и *Атхарва-веду* – за 37,3 суток). Десять месяцев из 36-37 суток образуют пять пор по 73 суток (как помните, таково количество стихов в основополагающем тексте *санкхьи*) в рамках десятимесячного года.

И в том и в другом случае выявляется бесспорная связь фонетической организации и исполнения *Вед* с суточной и месячной хронометрией.

Дифференциальное исчисление времени

Ф. И. Щербатской в статье «Научные достижения древней Индии» отмечает, что к простым арифметическим действиям древние индийцы относили возведение и извлечение квадратных и кубических корней, а из высших – им были знакомы суммирование арифметических рядов, геометрические прогрессии, иррациональный квадратный корень, разрешение определенных и неопределенных уравнений первой степени, вплоть до разрешения неопределенных уравнений второй степени, в чем они являются непосредственными предшественниками Ж. Лагранжа.

Далее, он обращает внимание на то, что все ответвления средневековой санскритской науки, такие как атомистическая теория (в которой действуют инфраатомные силы, сопоставимые с математическими точками), психология, теория

познания, метафизика, астрономия и математика, подошли с разных сторон к понятию бесконечной, неопределенной и предельной величины и выразили ее с помощью понятия «пустоты», «неба» или «нуля». С этого начинается у них высшая математика. «В связи с этим, – заключает Щербатской, – не представляется удивительным, что индийская астрономия была знакома с принципами дифференциального исчисления. <...> Метод, употреблявшийся индийцами в XII в. для определения долготы планет, представляет весьма сильную аналогию, если не тождественен с той формулой, которая употребляется в современной математической астрономии»¹³⁴.

Щербатской также отмечает, что в санскритской астрономии имелись специальные термины для обозначения скорости в течение неопределенно малого времени, проводилось различие между конечным временем и бесконечно малым, между средней и точной скоростью планеты. Астрономы использовали специальный термин для особо малой единицы времени, определенной еще в «*Вайшешика-сутре*» и равной приблизительно $\frac{1}{34000}$ сек.. Но вместе с тем, они говорят и о единицах, которые могут быть неопределенно меньше. (см. ниже об универсальных шкалах времени).

Щербатской указал на то, что *Бхаскара* (XI в.) вычислял «моментальное движение» планеты, принимая скорость за величину постоянную, а время – за переменную. Это «моментальное движение» является дифференциалом планетарной долготы, откуда явствует, – делает вывод Щербатской, – «что как самое понятие мгновенного движения, так и метод его определения были известны *Бхаскаре*, и он, следовательно, может быть признан предшественником И. Ньютона в открытии дифференциального исчисления».

Вьякарана или аналитика ведийской речи

*Таким образом, овладение словом
(шабда) есть постижение сверхсущно-
сти и первоестества (парама-атмана).*

¹³⁴ Ф. И. Щербатской, «Научные достижения древней Индии», в кн.: *Труды русских филологов-индологов*, М., 1962, с. 266-270.

Знатор его законов приобщается к бессмертию брахмы, великой вселенской души.

Бхартрихари, «Вакья-падия», 1.132.

«Восьмикнижие» (*Аштадхьяи*) или «Аналитика ведийской речи» (*вьякарана*) в восьми книгах *Панини* (обычно произвольно относимого к VII в. до н. э., т. е. к послеведийскому периоду), несомненно, предшествовала созданию *Вед*. Она состоит из кратких алгебраических формул, кодифицирующих фонетику и грамматику ведийского санскрита, и нередко именуется *веда-ведой*, «наукой науки или *Веды*», ибо без нее ни создание *Вед*, ни понимание прямого и, тем более, скрытого текста *Вед* не возможно.

Кодификация санскритской грамматики, завершившая длительный филолого-аналитический период, произошла к середине первого тысячелетия до н. э. в работе комментаторов *Панини Катьяяны* и *Патанджали*. Как отмечает В. К. Шохин, индийские филологи-экзегеты продемонстрировали научный потенциал, вполне сопоставимый с достижениями структурной лингвистики и перекрывший проблемное поле многих дисциплин европейского научного знания не одной эпохи.

По убеждению *Бхартрихари*, выдающегося представителя философии санскритской грамматики, жившего, вероятно, в седьмом веке, *Веды* не сотворены, неуничтожимы, присущи самой субстанции или первопричине мироздания, являются проявлением и способом достижения *Брахмана*, отождествления себя с единым духовным началом космоса. Различные научные предметы, источники знания и утонченного воспитания, являются основными и второстепенными подразделениями единой *Веды* как «творца всех миров». Кроме того, *Бхартрихари* настаивает на том, как подчеркивал не раз мой наставник И. Д. Серебряков (1917 – 1998 гг.)¹³⁵, что первой ступенью постижения *Вед* является не слепая вера, а строгая санскритская грамматика, которая им провозглашается основой всех наук и царским путем, ведущим к освобождению от незнания (*Вакьяпадая*, Часть первая, 1 – 17)¹³⁶.

¹³⁵ См. список его работ в заметке «Мой учитель» на веб-странице <http://kshemendra.bravepages.com>.

Выше высказанное положение о том, что аналитика санскрита *Панини* предшествовала созданию *Вед*, неожиданно подтверждается ее схожестью с современными языками программирования.

Т. Р. Н. Рао, обсудив и сравнив структуру санскрита как языка программирования с современными машинными языками в статье «Форма *Панини*-Бекуса в синтаксисе формальных языков», пришел к убеждению, что санскритский грамматист *Панини* изобрел систему обозначений для описания правил грамматики, которая является поразительно схожей с правилами, разработанными Бекусом для описания грамматик и определения синтаксиса языков программирования. Этот автор привел серьезную аргументацию в пользу переименования формы *Бекуса-Наура* в форму *Панини-Бекуса*.

Ананд В. Раман в статье «Вычислительная наука в Древней Индии» раскрыл сходство древнего санскритского метода *катанаяди* с современным методом хеширования, применяемым в программировании.

В мифе о *Панини*, получившем ядро своей алгебраической аналитики языка в виде фонетического алфавита санскрита от *Шивы*, указывается на его родство с автором *Чхандах-шастры*, что, как вы увидите из последующего изложения, является дополнительным аргументом в пользу мнения о его прямой причастности к программированию.

Чхандах-шастра – наука метрики и кодирования

Наука ведийских размеров и двоичных кодов, изложенная в древней «*Чхандах-шастре*» *Пингалы* и в ряде средневековых сочинений (*Кишмендры*, *Хемачандры* и мн. др.), излагает правила использования поэтических размеров в ведийской рецитации.

Двоичный код, также как и треугольник Паскаля, были обнаружены в труде *Пингалы* **Б. Нутенем** из Калифорнийского университета и некоторыми другими исследователями, но они

¹³⁶ *Bhartṛhari, Vākyapadīya*, Critical Text of Cantos I and II with English Translation, Summary of Ideas and Notes by K. Raghavan Pillai. In: *Studies in the Vākyapadīya*, Vol. I, Delhi, 1971.

были идентифицированы ими как процедуры, разработанные для классификации, описания и анализа размеров¹³⁷.

Однако когда мы с супругой самостоятельно открыли его для себя, нам сразу же стало ясно в свете наших предыдущих разработок, что целью этих алгоритмов не было педантичное перечисление миллиардов силлабических размеров и определение их порядковых номеров (что просто абсурдно), но, фактически, они представляли собой алгебраический двоичный код, разработанный посредством ведийского санскрита, совершенного языка программирования древности, для кодирования любых десятичных чисел.

Один из алгоритмов, именуемый *п р а с т а р а*, объясняет, как порядковые числа могут быть преобразованы в двоично-силлабические коды, и как может быть логически построена таблица всех изменений данного размера или матрица двоичных чисел для определенного количества байтов.

Б. Нутен ошибочно полагал, что система двоичных чисел *Пингалы* начинается с порядкового числа «один» (а не нуля), а числовое значение может быть получено путем вычитания единицы от порядкового значения. Хотя он чрезвычайно близок к истине, я категорически не согласен с акцентом на первостепенной важности порядковых чисел. У *Пингалы*, как вы увидите в главе о двоичном коде, четко определяются два ряда чисел: *к о л и ч е с т в е н н ы е* и *п о р я д к о в ы е*. Один ряд перечисляет все метрические модификации, другой дает точное десятичное значение определенной модификации согласно точному ведийскому алгоритму или правилу *адхва-йоги*, сформулированному *Пингалой*, которое устанавливает строгое соответствие между двоичными и десятичными числами. Б. Нутен, Субхаш Как и другие не поняли должным образом это правило, поскольку они полагали, что эти силлабические двоичные числа использовались исключительно для перечисления и классификации размеров.

В свете всех этих открытий уже одно то, что *Пингалой* был использован двоичный код, по меньшей мере, две тысячи лет

¹³⁷ Navjyoti Singh, "Linguistics and Oral Tradition in the Period between the Decline of Harappan Culture and the Rise of Magadhan Culture". In: D. Chattopadhyaya, *Op. Cit.*, pp. 406-453; *Computing Science in Ancient India* Edited by T. R. N. Rao and Subhash Kak, Published by Center for Advanced Computer Studies, University of Southwestern Louisiana, 1998.

назад, не просто интригующий и загадочный факт. Мы не беремся обсуждать то, являются ли *Веды* неким посланием из космоса или это – просто великий взлет мысли великой древней цивилизации, но совершенно очевидно, что ясное понимание возможностей использования кода *Пингалы* дает ключ к иному прочтению всей древней ведийской священной литературы и позволяет понять то значение, которое принадлежит ему не только в области санскритской литературы и просодии, но также в сфере программирования и математики.

На этом фоне нельзя не отметить еще один из перекосов в русской индологии. Несмотря на значительные успехи русской санскритологии за последние полтора столетия, в ней нет ни исследований, ни переводов многих важнейших трудов санскритской учености, включая такие основополагающие труды, как грамматика *Панини* и метрика *Пингалы*. **В. Г. Эрман** в «Очерке истории ведийской литературы» (М., 1980) вовсе не упоминает о *Пингале*! **Т. Я. Елизаренкова** снабдила свой перевод *Риг-веды* краткой заметкой о ригведийских размерах и посвятила главу ригведийской метрике и фонетике в книге «Язык и стиль ведийских *риши*»¹³⁸, однако, рассмотрела размеры не системно, а фрагментарно и, скорее, в русле европейских подходов, нежели санскритской традиции¹³⁹. *Пингала* также вообще оказался не упомянутым!

У ряда авторов есть спорадические и скупые упоминания о существовании труда *Пингалы* без какого-либо его внутреннего анализа. Так, **В. К. Шохин** лишь отметил компактность организации научного трактата *Пингалы* с научно-методологической точки зрения, зрелость выписывания аксиоматических оснований на уровне и пропозиций, и терминов от «непроверяемых» метапринципов к их логическим следствиям¹⁴⁰. Но совершенно неверно определил содержание последней и важнейшей главы как описание редких размеров (см. главу о двоичном коде, содержащую перевод этой главы). Другие авторы порой упоминают *Пингалу* или его классификацию, но только в перечислении ведийских дисциплин.

¹³⁸ Т. Я. Елизаренкова, *Язык и стиль ведийских риши*, М., 1993, с. 108-153.

¹³⁹ Т. Я. Елизаренкова, «Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры», в кн.: *Ригведа: Мандалы I-IV*, М., 1999, сс.531-537.

¹⁴⁰ В. К. Шохин, *Брахманистская философия*, М., 1994, с. 146.

Зарубежные исследователи еще с конца XIX в. отмечали, что метрическая система *Пингалы* имеет математический характер, ибо она описывает массивы размеров через степени двойки, а вклад *Пингалы* в области применения двоичной системы является феноменальным. В. С. Апте в очерке санскритской просодии, помещенном в приложении к его «Учебному санскритско-английскому словарю», подчеркнул, что стихотворные размеры классифицированы согласно количеству слогов и порядку распределения долгих и кратких слогов в стопе. Он указал, например, на то, что количество возможных комбинаций в размере, состоящем из шести слогов, ввиду того, что каждый слог может быть долгим или кратким, определяется по формуле: $2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2 = 2^6 = 64$.

В случае размера, состоящего из 26 слогов, количество возможных комбинаций будет 2^{26} или 87108864! Если же учесть то, что стопы в строфе могут быть не только одинаковыми, но и разными, то количество комбинаций становится просто бесконечным. Он также обратил внимание на то, что *Пингала*, последняя глава средневекового санскритского трактата «*Вритти-ратнакара*» («Море стихотворных размеров») как и математический труд «*Лилавати*» дают правила вычисления комбинаций и определения их порядкового номера.

Тем не менее, Апте не усмотрел в этом свидетельства принадлежности метрики к математике. Он просто констатировал, что то огромное количество размеров, которое употреблено в санскритской литературе, – просто капля в море возможных комбинаций.¹⁴¹

Наше открытие строгого соответствия между метрическими выражениями и десятичными числами говорит именно о математической природе ведийской метрики и обуславливает задачу анализа математического содержания общей совокупности *мантр* в русле учения *Пингалы* о двоичном коде.

Сахитья-шастра или литературоведение

¹⁴¹ V. S. Apte, «Sanskrit Prosody», in *Sanskrit-English Student's Dictionary*, Delhi, 1976 (1st ed. 1890), pp. 648-649.

Литературоведение, поэтика и эстетика – одна из наиболее разработанных *шастр*, охватывающая вопросы теории и определения поэзии, философии языка и герменевтики, классификации героев, эстетических переживаний (*раса-шастра*), достоинств и недостатков поэзии, поэтических фигур (*аланкара-шастра*), учения о подтексте (*дхвани-шастра*), теории стилей (*рити-шастра*), учения об образности (*вакрукти-шастра*), учения о гармонии (*аучитья-шастра*) и драматургии (*натья-шастра*).

Ее значение для ведийской философии определяется тем, что *брахман*, светоносное поле космоса, в *упанишадах* определяется как *раса* (бел. «ураз», «заразительность» или эстетическое впечатление).

Учение о подтексте

Любопытно, что число разновидностей *дхвани* («звона» или поэтического подтекста), согласно тексту *Дхванья-алока Ананда-вардханы*, равно 10455, что только на 13 больше редакции *Риг-веды*, состоящей из 10442 *мантр*. Возможно, теоретически выведенное количество *дхвани* сознательно приведено в соответствие с количеством *мантр* *Риг-веды*, для того чтобы таким образом указать на особый скрытый смысл *каждой мантры!* Уже после того, как выяснилось, что, действительно, каждая *мантра* имела свой неповторимый букет математико-астрономических смыслов, зашифрованных в нескольких кодах одновременно и приложимых в нескольких контекстах к разным планетным периодам, стало ясно, что значение этого и других подобных «литературных» принципов лежит не столько в экзотическом литературоведении, сколько в программировании хронокосмоса.

Учение об аучитье или гармонии

Главной отличительной особенностью ведийской синкретической духовной традиции – этики, эстетики, литературы и науки – является принцип, наилучшим образом сформулированный *Кишмендрой* (XI в.) как **всесторонняя связность, внутренняя сочетаемость, художественная сопряженность изложения, уместность любых образов, форм и ситуаций, именуемая на санскрите аучитьей.**

Аучитья для *Кишемандры* – это и обычность, привычность, т. е. естественность и жизненная достоверность, и соответствие красоты частей произведения красоте целого, соразмерность дарования писателя замыслу и цели сочинения, и верная соотнесенность всех художественных, логических, композиционных средств, их уместность, своевременность и оправданность.

Кроме того, *аучитья* в понимании *Кишемандры* предполагает не только художественную и грамматическую уместность, точность и правильность, но и стремление верно, глубоко, всесторонне, во всех противоречиях и многообразии отобразить жизнь с тем, чтобы, опираясь на многовековой жизненный опыт народа (*лока-ачара-париджнана* – познание народных обычаев), можно было наставлениями, поучениями и примерами предостеречь будущие поколения от ошибок предков.

Шикша или фонетика как фоно-хронометрия

Как тигрица, неся в зубах тигренка, не роняет его и не кусает, так и ведийские звуки должны произноситься без потерь и искажений.

Паниния-шикша-сутра, 25.

Высокий уровень ведийской фонетики засвидетельствован и специальными трактатами, и самими ведийскими *мантрами*, сохранившимися в слитном (*санхита*) и в фонетическом варианте (*пада-патха*).

Древнеиндийское учение о звуках речи, их классификации, местообразовании, правилах звукосочетаний и декламации обеспечили сохранение ведийских текстов в неизменном виде на протяжении тысячелетий. Для меня это явилось важнейшим доказательством существования в *Ведах* скрытого смысла и подтолкнуло к проведению данного исследования.

Наука фонетики определяется в учебниках произношения как математически обоснованное учение о звуке, интонации, долготе, ударении, паузе и соединении звуков. Помимо этого, в ней дается строгая научная классификация звуков по месту образования, высоте тона, связи с музыкальными нотами и

характеру модификаций, а также определение темпа ведийской хронодекламации.

В ведийских размерах именно количество слогов и их долгота являются определяющими. Количество слогов строго установлено для всех *веда-санхит*. Так, *Риг-веда*, согласно традиции, содержит 432000, *Яджур-веда* – 288000 ($\frac{2}{3}$ *Риг-веды*) и *Сама-веда* – 144000 ($\frac{1}{3}$ *Риг-веды*) явных и «скрытых» слогов. Скрытые слоги содержатся в дифтонгах, долгих гласных на стыке сложных слов, в некоторых согласных, таких как «*в*» и «*й*» и т. п.. Часть слогов, вероятно, заключается в прозаических колофонах и/или дополнительных гимнах.

Правильное деление на слоги слитного текста *санхиты*, разумеется, было бы не возможно без развитой традиции фонетических исследований. Именно такая традиция представлена беспрецедентно точной ведийской фонетикой (*шикиша*), также имеющей статус *веданги* (жизненно важной части *Вед*).

В ней строго определяется 64 звука санскрита (21 гласная, 25 согласных, 8 полугласных, шипящих и придыхательных, 4 *ямы*, *анусвара*, *висарга*, *к*, *п* и *плута л*) и дается их научная классификация по 8-ми и 3-м местам образования звука. Последние три связываются с тремя ведийскими размерами и тремя ежедневными обрядами. Все звуки разбиваются на пять групп в зависимости от высоты тона (высокий, низкий и переменный, а также девяти модификаций), связи высоты с определенными музыкальными нотами, долготы (краткий, долгий и удлинённый или *плута* – три «меры») и усилия (первичного и последующего).

Сутра выделяет три темпа ведийской декламации: медленный, средний и быстрый, и предписывает читать благозвучно, ясно, выговаривая все слова, выдержанно и с соблюдением правильной тонировки и временной долготы.

В чтении не допустимы страх, неуверенность, жалобность звучания, подсматривание в написанный текст, распев или монотонность, неправильное местообразование звука, резкость, скороговорка или спешка, неправильное разделение слов или пропуск слогов и слов, неуместная назализация, качание головой, тихое или невнятное бубнение или чрезмерная

громкость, несоблюдение должной палатализации и непонимание смысла произносимого.

Утром чтение должно исходить из груди, как рык тигра, в полдень – из горла, как голос *чакраваки*, вечером – из головы, как крик павлина или кукушки. Долгота звуков определяется по природным эталонам: одна мера долготы – звук птицы *чаши* (голубой сойки), две – крик вороны, три – крик павлина, полмеры – звук мангуста.

Веда, высшее знание, блещет в чтении того, кто получил образование у достойного учителя, читает выразительно, следует правильному тексту и обладает мастерством. *Мантра* же, произнесенная с неправильным ударением или другим фонетическим изъяном, **не несет смысла или несет противоположный и уничтожает чтеца и устроителя обряда** как своеобразная «речевая молния». Если в ней опущена гласная – она укорачивает жизнь, если нарушен тон – она несет болезнь, а если искажен слог – он бьет в голову как молния.

Если человек читает *Веду* без соответствующей жестикуляции руками, без нужных тонов, не соблюдая местообразования звуков, *Веды* сжигают его, и он перерождается в низшее животное.

Настолько экстраординарные правила исполнения, несомненно, являлись условиями не просто какого-то экзотического благозвучия, и вряд ли последнее могло стать причиной беспрецедентных кар за изменение слога, тона, тембра и т. п.. Скорее всего, правила обеспечивали функционирование определенных цифровых кодов, таких как двоичный, троичный, хронометрический (которые будут рассмотрены в соответствующих главах), а, возможно, и каких-то других механизмов аналогового или цифрового кодирования.

О древности и тонкой разработанности ведийской фонетики, грамматики, текстологии и метрики свидетельствует особый класс хронолингвистических пояснений редакций *Вед*, исследующий приложение фонетики, метрики и правил рецитации к каждой *веда-санхите* и ее отдельным изводам, именуемый *пратишахьями* («поредакционными пояснениями»).

Нирукта или астромифоэтимология

Соприкасаясь с мантрами, никто не смеет претендовать на понимание их значения, если только он не является риши или духовным гением... Когда риши исчезли, мужи обратились к небесным светочам дэвам с вопросом: «Кто теперь будет нашим мудрым наставником риши?» – Дэвы дали им разум в качестве руководителя. Вот почему человек, который говорит разумно, в согласии со значением слов, становится таким же полезным, как изречение риши... Это (ведийское) знание представляет собой вид откровения и просветления разума. Его основной целью должно быть полное духовное озарение (Яска, Нирукта, XIII, 12.13).

Ведийская этимология кодифицирована Яской в «Нирукте», древнейшем труде по ведийской семиотике и этимологии, объяснявшем принцип символического истолкования ведийских корней и флексий, смысл трудных ведийских имен, мифологических понятий, научных терминов, слов, выражений и отдельных стихов. В этом труде обосновывается необходимость составления сплошного комментария ко всем Ведам и словаря важных ведийских понятий. Развернувшись как свод трудных ведийских слов и выражений, *Нирукта* перерастает в астрорелигиоведение, последовательно толкующее ведийских богов как метафоры и аллегории небесных явлений, что сближает ее с античным эвгемеризмом, византийским богословием и европейской мифологической школой XIX в.

Астромифологического метода интерпретации *Вед* придерживался сам Яска, символический автор *Нирукты*, а далее эта традиция находит свое дальнейшее развитие в разветвленной санскритской лексикографии, представленной несколькими сотнями больших и малых словарей (синонимов, омонимов, аналогий, толковых, энциклопедических, специализированных по отраслям знания).

Наша интегральная хронометрическая ведийская герменевтика и логический подход к осмыслению скрытого содержания *Вед* являются прямым продолжением

этимологических изысканий, восходящих к космическому символизму *пурваджников* (древних астрономов) и *найруктов* (этимологов), а также к философским, математическим и календарно-астрономическим идеям других *веданг*.

Я разделяю убеждение **К. Кедрова**, согласно которому, сегодня путь к будущей глобальной цивилизации пролег не только через дальнейшее совершенствование электронных средств информации, компьютеризацию, синергетику, новую социологию культуры, экологическую этику и глобальное образование, но и не в меньшей степени через кропотливую дешифровку астрономического и культурологического метакода древней индоевропейской цивилизации, ее уникального мифолого-метафорического языка и реконструкцию ее духовной матрицы.

Как пишет К. Кедров, «труды культурологов XX века открыли космогоничность всякой древней мифологии...»; «звездная кристаллическая решетка, или, правильнее сказать, матрица, отпечатана в глубине древнейших сюжетов...»; «композиция звездного неба, его пространственно-временной строй, чередование планет, звезд и созвездий, конечно, оказали весьма ошутимое влияние на весь художественный строй древнего фольклора, а через фольклор на всю мировую литературу»¹⁴².

Трудность правильного прочтения религиозно-философских (психологических) и мифолого-астрономических метафор заключается в том, что эта «матрица», хотя и имела в философском отношении глобально-космический характер, имела для своих современников строго конкретный астрономико-математический смысл. Для ее успешной дешифровки необходимо привлечение палеоастрономических, астрономико-археологических, мифологических, астрономико-фольклорных и астрономико-литературоведческих штудий, опирающихся на историко-культурную, историко-философскую и историко-лингвистическую компаративистику.

Другими словами, необходимо органичное слияние истории астрономии и естествознания в целом с историей языка, литературы и философии. Это – первое и главное условие верного вхождения в родительский «дом» древней цивилизации, из которо-

¹⁴² К. А. Кедров, *Поэтический космос*, М., 1989, сс. 43, 44, 47.

го мы временно бежали, захватив только самое необходимое. Теперь становится все более ясно, что построить подлинно цивилизованное глобальное содружество народов с тем «утлым» (как это ни скорбно осознавать) наследством, которое мы вынесли из прошлого, разрушившегося в суровых катаклизмах синергетичного мировоззрения, можно только в декларациях – но не на деле!

Совершенно ясно, что вся классическая санскритская литература строится вокруг ведийской астрально-календарной мифологии. Даже произведения, не относящиеся к разряду «священных», т. е. астрономико-психологических «мифопоэм», как, например, лирические поэмы *Калидасы* и сатирические и дидактические поэмы *Кшемендры*, до такой степени насыщены образами из мифологии, что содержание любовной лирики, социальных высказываний и характер иронии останется совершенно непонятен читателю, если он недостаточно знаком с богатейшей санскритской мифологией. Многозначность подтекста санскритских классических поэм – не модернизация, а живая сущность санскрита!

Постижение духа древней цивилизации вне ясного понимания этой особенности ее языка и мышления – не просто невозможно, но еще чревато и одной опасностью – а именно – разрушением нашего удивительно тонкого духовного наследия, нашей подлинной истории, наших культурных «корней», что, несомненно, лишает нас возможности адекватного прочтения памятников древней литературы, а жизнь – правильной человеческой перспективы.

Очень осторожно я обращался к сопоставлениям индийского астролитературоведческого материала со славянской астротропическо-фольклористической традицией. Хотя нет сомнений в родстве этих двух близких ответвлений индоевропейской культуры, тем не менее, общность часто перекрывается множеством культурологических отличий и разностью уровней их научного и художественного осмысления. Устойчивость фольклорных ситуаций, якобы опирающаяся на «устойчивость подвижного рисунка звездного неба, где каждый год перед глазами разных народов проигрываются одни и те же события» (Кедров, с. 39), разумеется, обманчива. Древняя наблюдательная астрономия и концептуально, и функционально достаточно сложна, имеет несколько

модификаций (ведийская, шумерская, египетская, китайская, арабская, еврейская, греческая, римская, индейско-американская, славянская, германская, тюркская и т. д.) и отлична от современной. На уровне же древнего календарного метаязыка имеется множество соответствий между достаточно отдалившимися друг от друга традициями. Уже после того, как индские знаки были мною непротиворечиво идентифицированы как лингво-математико-календарные символы, для меня вдруг стала очевидной их полная тождественность древнеславянским календарным знакам (см. гл. об индском геометрическом письме).

Кальпа или календарное хронопрограммирование

Обычно *кальпу* («склепку» обрядов) связывают только с обрядоведением и считают ее более поздним отпочкованием, в первую очередь, *Яджур-веды* и *брахман*. В этой связи не лишним будет напоминать, что *брахманы* – это интегральная часть *Вед*, среди которых *Риг-веда* является самым крупным собранием *мантр*, а три другие *Веды* всецело от нее зависят, по большей части, состоя из тех же самых *мантр Риг-веды*. Учитывая в целом враждебный характер западной индологии, преднамеренно стремящейся запутать хронологию создания *Вед*, нельзя всерьез принимать утверждение о том, что *кальпа-сутры* были созданы тысячелетия спустя разработки *веда-санхит*. На самом деле, как и остальные *веданги*, они логически *предшествует* созданию *веда-санхит*, формулируя принципы их астромифологического упорядочивания в соответствии с календарно-хронометрическим исполнением и астрономическим наблюдением.

Кальпа представлена *брахманами* четырех *Вед* и специальными трактатами, в которых в разной степени отразились как логика, аналитика и систематика, так и практика и теория ритуаловедов, этиков и социологов. Она опиралась на традиционную эпистемологию, теорию *праман* (источников правильного познания) и предполагала не только систему частных правил рецитации *Вед*, методику и анализ структуры сопутствующих обрядов, но и объяснение (*приб-*

хашиа) метаправил их применения, классификацию обрядов, правил поведения и хронокосмических законов организации идеальной семьи, общества и государства.

Более того, эта сложная дисциплина представляет собой отнюдь не руководство по устройству жертвоприношений, как ее обычно характеризуют, а подлинную науку программирования, содержащую правила составления вычислительных программ для расчета движения светил. Помимо инструкций о порядке календарных обрядов и песнопений она содержит также геометрические правила, формулы и примеры создания обсерваторий в виде астрономически ориентированных площадок для ночных наблюдений за Луной и планетами, а также кирпичных годовых хрономемориалов (календарных счетных машин из кирпичей), ныне именуемых «алтарями в честь бога Агни».

Кальпа-сутры распадаются на *шраута-сутры* (правила, относящихся к торжественным ведийским обрядам и общественным праздникам), *шульва-сутры* (правила измерения и построения календарных алтарей, содержащие начала геометрии), *грихья-сутры* (учебники «домашних» календарных обрядов) и *дхарма-сутры* (кодексы этики и права по устройству общества и семьи в соответствии с законами хронокосмоса и календаря, являвшиеся «конституциями» идеальных ведийских мини-государств или академий-обсерваторий, так и именовавшихся *парishiадами* – «заседаниями», «академиями»).

В социологическом плане, действительно, эти учебники были своеобразными конституциями, охватившими вопросы астрономии, политологии, социологии, права, этики, религии, педагогики (а иногда и правила этикета, косметики и пр.) идеального общества и глобального государства. В приложении же к исполнению ведийских хронопоэм и организации ведийских обрядов они представляются мне компьютерными программами, позволяющими строго следить за ходом светил и временем их обращения с помощью рецитации текстов, сооружения геометрически выверенных календарных мемориалов-алтарей и других процедур.

Наставления *кальпа-сутр* оберегали ту или иную традицию астрономических наблюдений и соответствующую редакцию

Веды. Сообщества же астрономов располагались в университетских городках, наиболее интенсивно сосредоточенных на территории Индостана, но также и за его пределами в других странах и частях Старого и Нового света.

Дхарма-шастра (наука о «державе» или державном веро-нраво-правоучении) рассматривается как важнейшая из этико-правовых дисциплин, освещающих четыре стороны человеческой жизни (*чатур-варга*); другими являются *артха-шастра* (политология или философия и наука управления государством, опирающаяся на политэкономиию и право, науки о сельском и лесном хозяйстве, химию и металлургию, градостроительство и военную науку, ветеринарию и природоохранное законодательство и т. д. и т. п.), *кама-шастра* (философия удовлетворения желания, систематизирующая правила оптимальных отношений между полами) и *моक्षा-шастра*, наука «освобождения» или «спасения» души от невежества, представленная философскими «воззрениями» (*даршанами*).

Первоисточники ведийского этикета

Ведийское учение об обществе и человеке подробно излагается в «*смирити*» («памяти», «п а м я т к а х») – обширном собрании *дхарма-шастр*. Но вопросы нравственности, веры и права искусно вплетены также в ткань научных и мифологических сочинений и занимают видное, если не ведущее, место в творчестве санскритских певцов, пророков, учителей, святых и мудрецов. Множество более или менее пространных рассуждений – а порой и целые сочинения этого рода – включено в ведийские и тантрические произведения, буддийские, вишнуитские и джайнские *агамы*.

Дхарма-шастры (стихотворные нравоучительные произведения в отличие от прозаических *дхарма-сутр*), исчисляемые многими десятками, подробно объясняют значение четырех человеческих потребностей. *Дхармашастры*, составлявшиеся на протяжении I тыс. до н. э. и I тыс. н. э., отражают, по-видимому, очень древнюю традицию. Имена некоторых условных составителей указывают на ведийские, т. е. праиндоевропейские, может быть, и еще более древние времена афра-

зийского и индоевропейского языкового единства. В свете мифологии предположение известного индолога **В. Джоунза** о тождественности имен **Ману**, сына *Брахмы*-творца, и сына Юпитера **Миноса**, которые оба считались первыми законодателями, один – в Индии, другой – в Греции, не представляется невероятным. То же может быть сказано относительно другой пары имен **Гаутама** – **Адам**. Если Адам – первый человек, изгнанный из рая, то Гаутама – законодатель второго из индийских веков, именуемого *трета-югой* (следующего за *сатья-югой*, Веком света и счастья, соотносимого с Весной, Золотым веком греков и раем Библии).

Как бы то ни было, традиция приписывает глубочайшую древность, скорее даже вечность, этим мудрецам и их сочинениям. Их слава вызвала, в свою очередь, огромное количество подражаний, песенных обработок на санскрите и новоиндийских языках, породила грандиозную традицию создания популярных учебников поведения и государственного права, излагающих суть «*смирिति*» в сжатой форме.

Среди наиболее известных произведений этого рода – сочинения, приписываемые ведийским божествам, олицетворениям фаз Месяца и планет, таким как **Ману**, **Атри**, **Вишну**, **Яджнавалкья**, **Дакша**, **Ангирас**, **Яма**, **Вьяса**, **Парашара**, **Харита**, **Апастамба**, **Самварта**, **Катьяяна**, **Шанкха**, **Ликхита**, **Шататапа**, **Васиштаха**, **Брихаспати** (Юпитер), **Ушанас-Шукрачарья** (Венера), **Гаутама** (возможно, Марс). При этом первые девять имен идентифицируются совершенно определенно как лунные божества, а *Брихаспати* и *Ушанас* как Юпитер и Венера, которые являются наставниками *дэвов* и *дайтьев* (олицетворений фаз Месяца светлой и темной половин лунных синодических месяцев).

Кроме того, уже опубликованы значительные тексты **Капи**, **Вишвамित्रы** (лунных ипостасей), **Маркандей**, **Лаунгакши**, **Баудхаяны** (т. е. «Сына Меркурия»), **Лагхвашвалаяны**, **Бадхулы**, **Шандили**, **Канвы** и **Бхарадваджи** (Марс).

П. В. Кане в «Истории дхармашастры» называет еще несколько десятков имен, анализ которых не оставляет ни малейшего сомнения в их мифолого-астрономико-календарном происхождении: **Агастья** (южный ход Солнца), **Атрея** (отпрыск Атри, Месяц), **Бабхру**, **Вайджавая**, **Вайкханаса**, **Вайшванара**

(*Агни*), **Вамадева**, **Варахи** (супруга Вишну-вепря), **Вишвешвара** (Владыка вселенной, Месяц), **Вьягхрапада**, **Гавея**, **Галава**, **Гарга**, **Джабала**, **Джамадагни** (отец *Вишну-Парашиурамы*), **Индрадатта** (отпрыск *Индры*), **Ишана** (*Шива*), **Каваса**, **Канада**, **Капинджала**, **Каршнаджина**, **Крату**, **Лалла**, **Ломаша** («Волосатое» Солнце), **Маричи** (Яркое Солнце), **Нарада**, **Пайтхинаси**, **Прахлада**, **Пулаха** (сын Брахмы, узел лунной орбиты), **Ритупарна**, **Ришьяшринга**, **Санаткумара** (сын Брахмы), **Санкхьяяна**, **Саптарши** (семь планет), **Сатьяврата** (Зодиак), **Сканда** (Месяц, родившийся у созвездия *Критики*), **Сома** (Месяц), **Суманту**, **Упакашьяпа** (помощник Кашьяпы Солнца), **Хираньякеши**, **Чандра** (Месяц), **Чхагалья**, **Чьявана** (Спадающий Месяц), **Шакала**, **Шакатаяна**, **Шантану** (Шива, муж Ганги, реки зодиака), **Шанмукха** («Шестилик», сын Шивы), **Шатьяпана**, **Шаунака**, **Шунахпучча**, и др.). Значительная часть этих имен легко идентифицируется как персонификации лунных и астральных явлений. Ясно, что и все прочие имена или прозвища ведийских пророков и «богов» в этом ряду обозначают олицетворения солнечно-лунных, звездных и планетных явлений.

Таким образом, сам собою напрашивается вывод о том, что нравственные установки в древней системе образования и просвещения, программированные в русле астрономико-календарной мифологии, выражались и освящались через законы вечно-го календаря, в то время как эти последние одухотворялись человеческими чувствами и «обожествлялись».

Хотя какая-то часть сочинений еще не найдена, учение *дхармашастр* о нравственности представляется достаточно ясным и определенным. Сочинения разнятся частностями и примерами, в главном же они настолько близки, что порой не только отдельные стихи и положения, но и целые главы переходят из одного в другое. Эта особенность, как известно, присуща и сотне «*евангелиев*» – «*возвещений о благе*» (греч.), из которых церковью признаны лучшими (каноническими) тоже только четыре.

Принципы ведийского этикета

Этика *Вед* является жизнеутверждающей и, несмотря на небесный характер всех мифических персонажей, восхваляет ценности земной жизни в понятиях людей эпохи гораздо более

древней и великой, растянувшейся на многие десятки тысяч лет накопления астрономических и других научных наблюдений, разработки языка, его понятий и стилистики, нежели время предполагаемой окончательной редакции ведийского комплекса (не позже конца II тыс. до н. э.), которую, однако, часто путают со временем создания самих памятников.

Важнейшей ценностью санскритской культуры ведийских времен, как, впрочем, и всей индоевропейской, несомненно, была небесная слава («*шравах*» – Елизаренкова, 1993, с. 4), обретаемая знакомством с небесным «Словом» («*шрути*») или «*Ведами*» («сведениями», «науками»), охватывавшими практически все отрасли знания (в первую очередь, астрономию, грамматику, философию со всеми ее основными специальными дисциплинами, медицину, строительное дело, инженерии, эстетику и т. д. и т. п.) и предполагавшими широчайшую ученость (разумеется, включая так называемые естественные науки), эстетическую утонченность и нравственную гармонию. Идеалом земного существования человека, как он, например, сформулирован *Кшемендрой* в «Сотке чарующих начал добронравия», являлось приобретение славы и доброй памяти потомков; бессмертие понималось как жизнь в человеческой памяти. Этот же идеал достижения славы и чести своими делами и подвигами был присущ и гомеровской героике.

Боги ведийского пантеона сохраняются в более позднем индуизме, но постепенно забывается их астрономическое и иное научно-символическое значение, и они превращаются в простые объекты поклонения, в таинственных абстрактных духов тех символов, которые обозначались их именами: *Индра*, символ полнолуния, становится царем «светочей»-*дэвов* и часто трактуется как бог грозы и изобилия; *Агни*, растущий или спадающий Месяц, становится всего лишь богом огня; *Сома*, сидерический Месяц, – богом священного опьяняющего напитка (который некоторые из современных «мудрецов» – как это все-таки низменно и упрощенно – отождествляют с настойкой мухомора).

Стараясь всесторонне осветить жизнь человека со всеми ее **личными** (животными, биологическими), **общественными** (семейными, государственными, военными, производствен-

ными) и духовными (нравственными) потребностями, древнеиндийские законодатели сосредоточивают свои усилия на трех соподчиненных предметах:

ачара – личная ответственность, долг, поведение и этикет, проповедь добронравного поведения;

вьявахара – общественные и правовые установления, описание суда над преступниками и

праяичитта – покаяние, искупление вины, наказание и покаяние грешников.

Описание добронравного поведения – это образец, на который следует равняться молодежи, нравственный идеал; **описание преступлений и наказаний** – это не регламент судопроизводства, как иногда полагают (Самозванцев, 1991), а просто предостережение, правовое образование; а **описание покаяний, раскаяния в «преступлениях мысли и чувства»** – указание пути, как предотвращать преступления, действенная профилактика преступлений. Без этой нравственно-духовной стороны работа над собой, самосовершенствование остаются незавершенными.

Древние мудрецы прекрасно понимали, что отрыв права от обычаев (этикета), с одной стороны, и от «религиозного» покаяния, очищения совести (этики) – с другой – напрочь лишает «дерево» права как корней, так и цветов. В таком качестве оно не может давать здоровых полноценных плодов.

Убийство, грабеж, прелюбодеяние, пьянство, обжорство, ложь – это не только нарушение добропорядочного поведения и обычаев, это и прямые проявления страстей: гнева, жадности, похоти, жажды, голода, смущения ума или неведения.

Насаждаемые в юности правила гигиены, добронравия и правопорядка, как и правила благочестия и покаяния, всю жизнь направляли человека, твердо их усвоившего, на путь достижения телесного, умственного и духовного совершенства.

Вопросы хронокосмической *дхармы* являются одними из центральных в «*ширути*», особенно в *Упанишадах*, но наиболее подробно они излагаются в *итихасах* (например, «*Мокшадхарма*», «*Основы освобождения*», *Махабхараты*), в священных книгах (*агамах*) шиваитов, вишнуитов, буддистов и джайнов, в *пуранах*, в учебниках *мимансы*, которая сосредоточена преиму-

ственно на анализе этого понятия, в *нити-шастрах*, в *дхарма-сутрах* и *дхарма-шастрах*.

Наибольшую известность приобрела «*Манава-дхарма-шастра*» («Законы *Ману* или Солнца») в силу своей древности, полноты нравоучения и авторитета символического автора (это «*смрити*» было создано, согласно традиции, для *Крита-юги* – века света и истины, – в то время как «*смрити*» *Гаутамы* предназначено для *Трета-юги*, «*смрити*» *Шанкхи* – для *Двапара-юги*, а «*смрити*» *Парашиары* – для *Кали-юги*, которую связывают обычно с нашей эпохой).

Отличие «*смрити*» *Парашиары* состоит в том, что оно провозглашает единственным достойным человека занятием в век *Кали* земледелие, обязательное для всех сословий, в том числе и для *брахманов*. На самом деле, *Кали-юга* сопряжена с зимой (в Индии похожей на наше лето), а также с периодом новолуния, когда три ночи на небе отсутствует месяц, ночное небо кажется черным, как вспаханный чернозем, а звезды напоминают бесчисленных пахарей, движущихся с востока на запад по своим бороздам.

«*Парашиара-смрити*» оказало значительное влияние на общественную мысль средневековой Индии, когда страна подверглась массированному мусульманскому вторжению и как бы погрузилась во мрак века *Кали*. *Кишемendra* неоднократно цитирует «*Парашиара-смрити*» в своем учебнике морали, называемом «*Нити-кальпа-тару*» («Пожелай-древо добронравия»).

Под общественным долгом *Кишемendra*, несомненно, имеет в виду то, что составляет основу взглядов *Парашиары*, – разведение садов, земледелие и скотоводство, помощь другим плодами своего труда, а также защиту родины с оружием в руках.

Благодаря «*Реке царей*» *Калханы* известно, что кашмирские брахманы, принадлежащие к самой высокой ветви *сарасвата*, повсеместно занимались земледелием и широко привлекались для службы в войске. Это свидетельствует в пользу точки зрения, отстаиваемой и современными мыслителями, такими как Вивекананда, Ауробиндо, Махатма Ганди, согласно которой четыре *йоги* (*бхакти* или любовь и почитание, *карма* или труд и обряд, *джнана* или познание и *раджа-йога* или психотренинг и самодисциплина) не противоречат, а дополняют

друг друга и должны быть гармонично интегрированы в жизни каждого человека.

Еще одним достоинством древнеиндийской мудрости является историко-социальный подход к нравоведению, базирующийся на выделении **четырёх сторон жизни** (*дхарма* или державная, общественная мораль, *кама* или романтическая и семейная мораль, *артха* или хозяйственная мораль и *моक्षा* или религиозная этика спасения души – в чем чувствуется связь с очками игральной кости, неделями, временами года и сторонами суток); **четырёх родов людей** (*брахман*, великодушный, сангвиник; *кшатрий*, властный, холерик; *вайшья*, предприимчивый, трудолюбивый, флегматик и *шудра*, печальный, меланхолик); **четырёх возрастов** (юный, средний, пожилой и старческий) и **четырёх путей сосредоточения** (*бхакти-йога* – соединение с «божеством» своей собственной души через его «почитание» и «ублажение»; *карма-йога* – через исполнение обрядов; *джнана-йога* – через познание и *раджа-йога* – через самообладание).

Помимо этого законодатели соотнесли свои учения с **четырьмя югами** («упряжками», «веками», т. е. порами года, фазами луны или связками лет Метонова цикла): *крита-юга* – «складная», совершенная, искусно составленная «упряжка» или «четверка» (также именуемая *сатья-югой* – веком света, истины и сути); *трета* – «тройка» (соответствует трем очкам игральной кости и корове на трех ногах); *двапара* – «двойка или пара» (два очка, две ноги); *кали* – «осколок» (одно очко, одна нога).

Распределение нравоведений по *югам* в порядке убывания света и добродетели указывает на осознание неоднозначности и контекстуальной обусловленности нравственных предписаний, их подчиненности обстоятельствам и естественному течению времени.

Этот подход в какой-то мере отражен и у **Гесиода** в «Трудах и днях», VIII-VII века до н. э.; и в общих, месячных и праздничных «**Минеех**», богослужебных, христианских книгах, в которых суточные песнопения в честь богородицы и святых разделены помесечно, что и означает греч. «*минейя*»; и в «Великих Четьях-минеех» **Макария**, XVI век, представляющих собой помесечно распределенный свод житий православных святых (олицетворений дней); как и позже в основополагающих нраво-

учительных трудах **Л. Н. Толстого**, – «Календарь с пословицами на 1887 г.», «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903 г.), «Круг чтения» (1906-1908 гг.), «На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях» (1909 – 1910 гг.) – в которых мысли разных веков и народов о добре, истине, жизни разнесены по дням месяца, неделям или двенадцати месяцам.

Календарные обряды и мемориалы

Ведийский календарный обряд, включающий применение ведийских *мантр* и строительство разборного памятника, строго определенной и геометрически идеальной формы из тщательно вымеренных и обожженных кирпичей, если и можно назвать «жертвоприношением», то только «жертвоприношением знанию и мудрецам», как он и называется в самих *дхарма-сутрах*. Вообще следует иметь в виду, что высокоинтеллектуальная традиция ведийских «жертвоприношений», включающих еще четыре основные разновидности («прием гостя-Месяца», «кормление животных-созвездий» путем разбрасывания пищи вокруг дома-вселенной, «память о предках-месяцах» и «наблюдение за божествами-светилами»), является ничем иным как иносказанием. На поверку, это – символ определенных астрономических процедур наблюдения и вычисления. Попытка отождествить ведийский обряд астрономического наблюдения, исполненный поэзии и пропитанный высшей математикой, с варварскими жертвоприношениями – это свидетельство косности и колониалистской ограниченности ранней индологии, унаследованных, к сожалению, и современным востоковедением в целом.

Как важная часть в *шраута-сутры* входят *шувьва-сутры*, описывающие технологию изготовления и применения особого кирпича строго определенных размеров, очертаний, площади и объема для воздвижения счетных разборных мемориалов или баз данных, говоря современным языком, именовавшихся *веди* («сведенья», памятник, мемориал), что совершенно неверно первыми индологами переведено как «алтарь», «жертвенник».

В *Шувьва-сутре*, являющейся дополнением к *Шраута-сутре Бaudхаяны*, наряду с математическими инструкциями для строительства ведийских алтарей есть одна из замечательных теорем

математики (обычно приписываемая Пифагору), сначала изложенная для специального случая квадрата (форма, в которой она была обнаружена), затем для общего случая прямоугольника: «Диагональ прямоугольника дает совокупную площадь, которую длина и ширина дают по отдельности». Этот и другие примеры продвинутой математики, представленной *Бaudхаяной*, как показал американский математик **А. Сайденберг**, являются источником подобных математических методов и «открытий» в Греции и Вавилонии, некоторые из которых были датированы 1700 г. до н. э..

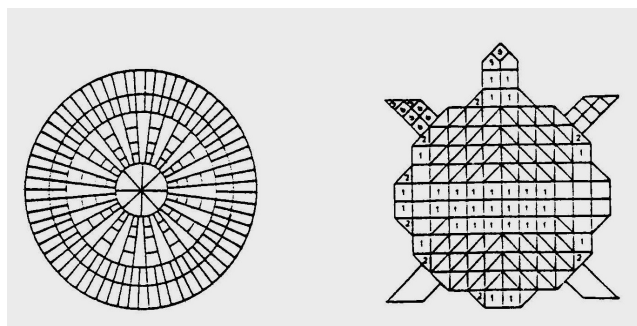
Первым индологом, обратившим внимание на тексты *шulьва-сутр*, был **А. С. Бёnell** (1840-1882), который просто не мог ничего знать о еще не открытой индской цивилизации и поэтому не мог рассматривать их в правильной хронологической перспективе. Затем эти тексты были тщательно изучены **А. Бёккeм**, **Г. Тибo**, **Б. Б. Датой** и др., которые вскрыли значительный материал, имеющий отношение к геометрии, однако, осмыслить его значение для астрономии они тоже не могли, так как тогда никто и не догадывался о существовании тайных ведийских календарных вычислений. Попытка **Д. Чаттопадхьяи** переосмыслить огромный научный материал этих текстов в контексте индской цивилизации, сделанная в конце прошлого века, также не увенчалась успехом, ибо покоилась в основном на той же методологической базе антиведизма. Как простодушно признается сам **Д. Чаттопадхьяя**, его целью было не стремление доказать, что жрецы вообще не способны разработать геометрию, а желание убедить читателей, что именно ведийские жрецы на это не были способны.

Он понял, что в основе геометрии *шulьва-сутр* лежит труд многих поколений, что они используют детально разработанную точную геометрическую терминологию для описания кирпичей самой разнообразной формы наряду со стандартизированной технологией их изготовления, однако, будучи пленником своего неприятия *Вед*, он не то, чтобы не дотянулся до истинного математико-астрономического назначения этой технологии, но даже, напротив, еще более закоснел в своих предрассудочных

установках, сформировавшихся под воздействием трудов западноевропейских этнографов XIX в., нередко пропитанных откровенным шовинизмом, и марксистов-механицистов XX в.. Разумеется, эти предвзятые суждения должны были быть «обоснованы» цитатами и научными ссылками на современные западные и индийские авторитеты натуралистической школы. Эта часть книги безукоризненна.

Вместе с тем, календарная проблематика этих текстов самоочевидна: площади кирпичей были абсолютно точно соотнесены с наиболее важными ведийскими размерами и хронологическими постоянными, такими как количество дней, часов или минут в году и т. п..

Кроме того, «*Тайттирийя-санхита*» *Яджур-веды* дает полный список идентификаций *дэвов* с членами тела, слогами, *мантрами*, частями года, кирпичами ритуального алтаря, направлениями сторон света, порами года, поэтическими размерами и т. д. Все это не оставляет ни малейшего сомнения в том, что ведийские кирпичные алтари имели календарно-астрономическое назначение. К сожалению, ученые, в течение долгого времени, будучи не в состоянии расшифровать эти загадки, объявляли их религиозно-магическими суевериями или художественно-литературными метафорами.

Ведийские мемориалы: а) в виде колеса; б) в виде черепахи

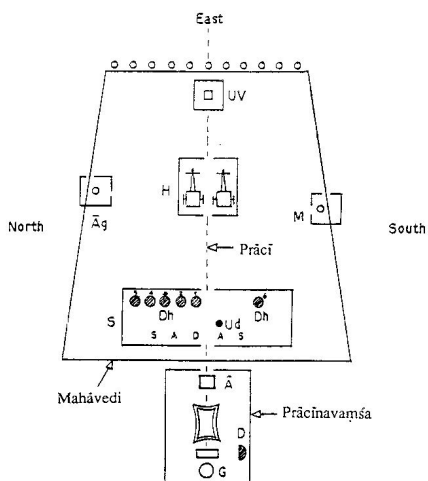
Кирпичи, из которых составлялись годовые алтари, измерялись специальной нитью с узелками. Кстати, этот метод календарного исчисления, а также и письма, широко использовался древними кечуа, китайцами, персами, славянами

до периода Средневековья, финнами (до конца XIX столетия), полинезийцами и неграми Восточной Африки (до сегодняшнего дня).

Само собой напрашивается предположение, что наидревнейшие хронологи использовали сначала комки глины для подсчета дней. Позже эти комки глины превратились в кирпичи в процессе длительного периода совершенствования мемориалов, «годовых памятников» или алтарей, называемых *читти* и *агни*. Использование огня в этих *агни*, что явствует из их названий, во время ежегодных праздников, привело последовательно к открытию технологии изготовления обожженного кирпича, геометрии *шульва-сутры*, основанной на использовании измерительной нити, и хараппской астрономически ориентированной архитектуры. Никак не наоборот! Тут я категорически расхожусь с теми учеными, которые полагают, что создатели ведийского календаря заимствовали свои знания у создателей хараппских городов. Хараппские города построены из обожженного кирпича по уже сложившимся астрономическим представлениям! Те, кто могли изготавливать по совершенной технологии кирпич с точностью до десятых долей миллиметра и могли складывать без скрепляющего раствора разборные алтари высотой с пятиэтажный дом, несомненно, могли строить и целые города, используя гипсоцемент и прочее, что как мы знаем было в их распоряжении. Создателями протоиндийских городов не могли быть никакие другие архитекторы-астрономы (история их просто не знает), как создатели *Вед* и разборных календарных кирпичных алтарей! Никто в этот период не применял в таких масштабах обожженный кирпич и никто не располагал такой высокой технологией его изготовления!

Календарно-астрономическая обсерватория

Но давайте хоть ненадолго освободимся из плена натуралистических теорий, видящих в наших древних предках

Обсерватория

A – Ахавания («призываемый огонь»);
G – Гархпатъя («домашний огонь»); **D** –
 Дакшина-агни («южный огонь»); **UV** –
 Уттара-веди («северный алтарь»); **Dh** –
 очаги Дхишнья, включающие Агнидхру,
 Марджалию и Хавирдхану.

хорошо укрепленном месте, строго сориентирована по сторонам света. Уже это одно дает нам право назвать ее «обсерваторией». Присмотревшись повнимательнее, замечаем, что она напоминает собрание нескольких объектов, как бы вписанных в круг, которые расположены симметрично относительно друг друга в форме креста, и очевидно символически изображает небо, лунный месяц, пору года, год или цикл лет.

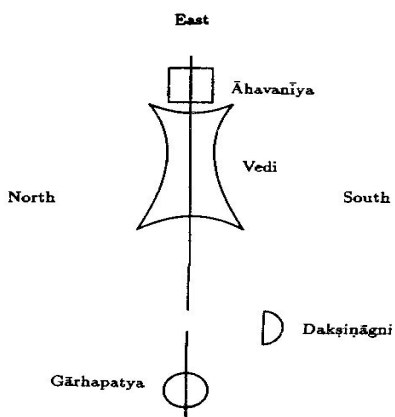
Обратите внимание на некоторые важные особенности ее оформления: число **261**, представляющее собой количество окаймляющих камней вокруг квадрата ахавании – «призываемого огня» (восточного) жертвенника западной части ведийской ритуальной площадки, дополненное **21** камнем –

дикарей и ограниченных суеверных людей, и взглянем на ведийские сооружения без предубеждения, стремясь найти им не абстрактно-философское и псевдо-историческое, а хоть сколько-нибудь логическое объяснение. К счастью, благодаря усилиям С. Кака, мы располагаем возможностью взглянуть на дело совершенно с иной стороны – астрономической.

Площадка, где происходило ведийское «действие», как и сами ведийские Академгородки, в которых она находилась на самом возвышенном и

вокруг круглой *гархпатхи* – «домашнего огня» (западного) жертвенника той же площадки, и 78 камнями – вокруг очагов (*дхишья*) и группы «заседателей» (*садас*) в западной части *махаведи* («великого жертвенника»), дает в итоге 360 (очевидно градусов окружности или обрядовый год).¹⁴³

При этом 261 камень, скорее всего, символизирует девять месяцев по 29 суток, что равно трем порам года. Если же сложить 78 и 261, образуется ведийское число 339,

Западный участок астрономической площадки

рассмотренное С. Каком в другой связи и означающее, по его мнению, количество солнечных дисков, вмещающихся на эклиптике за полусутки в день равноденствия. Число 339 обнаружено мною и при анализе *мантр*, соотнесенных с подразделениями лунного зодиака, именуемыми *накшатрами* («ночными переходами или стоянками»).

Кажется, число 339 присутствует и в количестве блоков пирамиды Хеопса (2300000), так как это количество кратно периоду оборота узлов лунной орбиты и среднему числу солнечных дисков на половине небосвода: $2300000 : 6795 = 338,5$. На значение числа 23 указывают 23 статуи фараона в нижнем храме пирамиды Хефрена в Гизе. Вообще, связь с лунарной астрономией просматривается достаточно отчетливо в планировке всех важных египетских построек. Так, над погребальной камерой гробницы в Сакаре располагалось 27 комнат. Праздник «*опет*», во время которого перевозили бога Амона из Карнака в Луксор, также продолжался 27 дней. Страбон, рассказывая о величественном подземно-наземном дворце, построенном на

¹⁴³ Subhash Kak, *Op.*, *Cit.*, pp. 75-76.

берегу Меридова озера рядом с пирамидой в Гаваре Аменемхетом III и состоявшем из 3000 помещений, заметил, что число внутренних дворов равнялось 27, как и количество *номов* (провинций) Египта. Число 27, несомненно, указывает на 27 лунных стоянок (инд. *накишатр*), а, следовательно, на Зодиак или 27-дневный лунный месяц (например, драконический, – 14 таких месяцев составляют синодический период Сатурна, на который легко делится цикл узлов лунной орбиты). Эти параллели можно было бы долго продолжать, но вернемся к ведийскому алтарю.

Добавив к 261 дню еще 99 дней (99 – число *Вритры*, предположительно, зимней луны и супротивника *Индры*, летней луны, – образуемое сложением $78 + 21$), мы получаем «обрядовый год», состоящий из **360** дней; а если вместо 99 добавить **100** дней (число *Индры*), образуется «год Юпитера» ($361 \text{ день} = 19 * 19, \frac{1}{12} \text{ сидерического периода Юпитера}$, равного 4332 суткам или $19 * 228$).

Все эти числа находятся в согласовании друг с другом, а к тому же и с астрономическими ведийскими представлениями, и с ведийской мифологией. Они лежат прямо на поверхности, и остается только посетовать на превратности познания, когда видишь, что не только противники *Вед*, но и их сторонники не замечают их как бы в упор. Может быть, иногда кто-то из исследователей обращает на них внимание, но разрозненные факты никак не выстраиваются в одну теорию без особо интенсивных усилий погружения в пучины прошлого, экзотических приемов вычислений и кодирования информации. Так и лежат эти жемчужины познания древних на дне пучины нашего невежества, самоуверенности и гордыни.

Вполне возможно, здесь содержится не только информация о годе, но и о четырехлетнем солнечном цикле, который состоит из четырех лет по 360 суток и вставки 21 день:

$$4 * 360 + 21 = 4 * 365,25 = 1461.$$

Четыре года могли, например, обозначаться *агнидхрой*, *уттараведи*, *марджалией* и *хавирдханой*.

Этот 4-летний цикл реконструирован мною математически из **мантр** четырех **Вед** и отдельно из **мантр Сама-веды** (как будет показано ниже), поэтому его присутствие здесь в геометрии ведийской календарной обсерватории вполне закономерно.

С другой стороны, обнаруженный год из 360 суток мог дополняться три раза (что, возможно, также символизируется *агнидхрой*, *уттараведи* и *марджалией*, расположенными по кругу) пятью очагами *дхишнья* (стоящими отдельной группой), образуя три года по 365 суток и один раз (обозначенный «хижиной-храмом» *хавирдханой*, стоящей особняком в центре) – т. е. шестью сутками (обозначенными группой из 5 + 1 очаг *дхишнья*). Например, когда священный огонь как символ текущего года последовательно возжигался в *агнидхре*, *уттараведи* и *марджалие*, тогда в конце года последовательно день за днем возжигалось пять очагов. Или же три года подряд горели пять очагов, а на четвертый – возжигался шестой очаг, знаменуя високосный год.

Становится, между прочим, понятно, почему эти «обсерватории» в индских городах располагались в цитаделях на возвышенном месте, открытом к небу, и за прочными стенами. Забота о календаре в древнем обществе была прерогативой государственной власти, и обсерватории тщательно охранялись. Злоумышленникам или просто нерадивым людям, находись эта обсерватория в незащищенном месте, ничего не составляло бы нарушить расположение очагов, а это означало бы возможный бесславный конец или, по крайней мере, путаницу в многолетних и многосотлетних, календарных наблюдениях, чего, разумеется, допускать было нельзя ни при каких обстоятельствах.

Редакции Вед и 4-летний календарный цикл

Всю совокупность древнеиндийских поселений индского типа можно рассмотреть как комплекс ведийских обсерваторий.

И их небольшие размеры, и их астрономическая ориентация, и наличие во многих из них площадок с очагами, и ровная застройка, указывающая на равный статус обитателей (в *Ведах* постоянно подчеркивается, что ведийские певцы-астрономы единоклюны и равны), и то, что они наиболее плотно были расположены в засушливом регионе, где большую часть года небо безоблачно, и даже само их количество (одна-две тысячи, – все указывает на них как месторасположения ведийских астрономических академий (*шакха*), которых, согласно традиции, было **1130** (не хватает трех до одной шестой цикла узлов лунной орбиты). По определению древнего грамматиста *Патанджали*, у *Риг-веды* была **21** редакция, у *Яджур-веды* – **100**, у *Сама-веды* – **1000** и у *Атхарва-веды* – **9**. Общая сумма редакций 1130 близка количеству гимнов *Риг-веды*, на 4 меньше трех периодов Сатурна по 378 суток, а шесть таких частей только на 18 меньше периода лунных узлов ($1130 * 6 + 18 = 6798$).

Кстати, не могло ли это число лежать в основе количества исполнений *санхит*, которое давало 1461 сутки четырехлетия?

В следующих рассуждениях обнаруживается определенная связь количества отраслей ведийского исполнения с этим весьма важным календарным солнечным согласовательным циклом.

1) Так, если исполнение *Сама-веды* могло служить маркером одних суток (это будет обосновано ниже в главе о хронометрии), а *Риг-веда* и *Атхарва-веда*, по объему бльшие, чем *Сама-веда*, исполнялись каждая по двое суток, тогда как исполнение *Яджур-веды*, сопровождавшееся сложными обрядами, могло быть привязано к четырем суткам, то мы получаем ровно 1460 суток. В последний – 1461-й – день цикла, можно предположить, исполнялись все *Веды* вместе, отмечая важнейший календарный праздник.

2) Если исполнение *PB* = 3 суткам, а *AB* = 1,3 суток, в этом случае мы получаем $1000 + 200 + 63 + 11,7 = 1274,7$ суток. Это на полгода (186,3 суток) меньше солнечного четырехлетия из 1461 суток.

3) Цикл из 1461 суток можно представить и как три года по 367 плюс 360. Три года составляют 1101 сутки, а в *Ригведе* нередко упоминается числа 1000 и 101. Эти же числа присутствуют и в конструкции ведийского календарного мемориала (о котором ниже).

4) Далее, рассуждая более строго, мы вновь получаем тот же период. Как вы узнаете позже, исполнение *Сама-веды*, действительно, может быть равно одним суткам, а исполнение *Яджур-веды* – 2 суткам. Отсюда следует, что эти две *Веды* во всех своих 1100 «редакциях» покрывают период 1200 суток. Такой период присутствует как один из множителей *Жизни Брахмы*, он также легко и многократно читается на индских печатях. Это, собственно, три года и одна треть или 360 шагов Солнца по $3\frac{1}{3}$ суток. До 4-летнего периода не хватает ровно 261 суток. Но ведь таково количество камней вокруг квадрата *ахавани* в главной части астрономической ведийской площадки! Видимо, мы на верном пути. Если от 261 отнять 9 чтений *Атхарва-веды*, остается 252 суток, которые можно объяснить как четыре поры года, состоящие из двух месяцев по 31,5 суток или 63 суток каждая. 21 исполнение *Риг-веды* по трое суток как раз и дает 63 суток!

Но ведь чтение *Риг-веды*, как и само ее количество *мантр* или шифровок-цифр действительно были сопряжены с тремя сутками!!! (См. гл. о хронометрии *Риг-веды*).

При этом месяц из 31,5 суток мог использоваться при расчете драконического года, так как 11 таких месяцев (вспомните 11 кружочков вверх *махаведи*, «великого мемориала») составляют период, за который Солнце возвращается к тому же узлу лунной орбиты.

Отсюда следует, что, исполнив в правильном темпе по разу три *Веды* и четыре раза цикл *Риг-веды* (т. е. по 21 разу каждый год, как бы напоминая о вставке 21 день), мы получаем четыре солнечных года, состоящие из следующего сочетания чтений четырех *веда-санхит*:

$$3 * (250 + 25 + 21 + 3) + (250 + 25 + 21) = 1193.$$

В сутках эта формула имеет вид:

$$3 * (250 + 50 + 63 + 3) + (250 + 50 + 63) = 3 * 366 + 363 = 1461.$$

Год из 366 суток описан в *Веданга-джейотише*, принадлежащей *Риг-веде*, и присутствует в месяцесловном коде (см. соответствующую главу).

Нельзя исключать и того, что *агнидхра*, *уттараведи* и *марджалия* могли означать и три месяца по 33 суток, а вместе пору года из 99 суток (как и в случае $78 + 21 = 99$). 33 суток, будучи умножены на 11 месяцев (кружочки вверх площадки),

дает год из 363 суток, необходимый в вышеприведенной формуле. Три таких года, дополненные годом из 360 суток и вставкой из $11 + 1 = 12$ суток (372 суток), образуют опять четыре солнечных года по 365,25 суток!

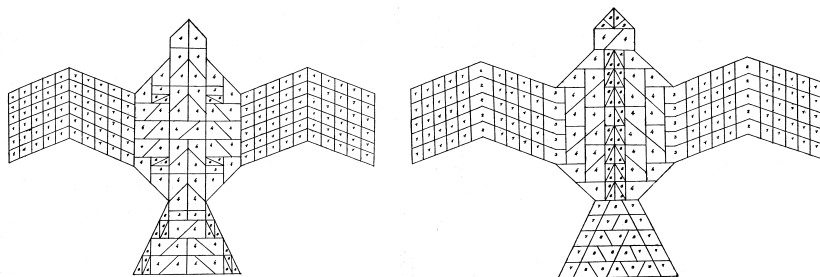
Таким образом, астрокалендарная символика ведийских обсерваторий логично согласуется с количеством этих обсерваторий и количеством ведийских академий (*шакха*), подтверждая принадлежность создателей *Вед* «индской цивилизации». Ведийские школы исполнения и ведийская астрономическая площадка «заговорили» совместно, описывая одно и то же календарное явление весьма гармонично, почти в одних и тех же математических «выражениях»! Нет резона далее продолжать именовать эту цивилизацию «индской». Это – ведийская цивилизация!

Календарный мемориал

То, что площадка и особенно так называемые «алтари» имели отношение к календарным циклам, мне сразу же стало ясно после прочтения книги Д. Чаттопадхьяи, в которой он подробно описал геометрические особенности кирпичей и самих алтарей, хотя он в ней ни единым словом не обмолвился о возможности такой интерпретации. Позже я еще сильнее укрепился в этом мнении, изучив доводы и примеры С. Кака.

Шатанатха-брахмана (10.2.3.18) говорит, что *Праджапати* («Отец всех существ» или «Владыка всего сущего», Время) сначала был создан семичастным, а затем стал расти, пока его тело не достигло 101 части. И эти части оказались равны семи частям.

С. Как указывает на то, что *Бaudхаяна-шulьва-сутра* (5.6) содержит даже математическое объяснение, которое показывает, как алтарь достигает размера x , увеличиваясь на единицу m , изменяющуюся от 1 до 94, согласно уравнению: $x^2 = 1 + (2m/15)$. При $m = 94$ памятник достигает площади 101,5 кв. пурушей.

Вакра-накша-шьена чити

Базовый мемориал в виде сокола с искривленными крыльями (ну, не правда ли, он поразительно похож на космический корабль?!)

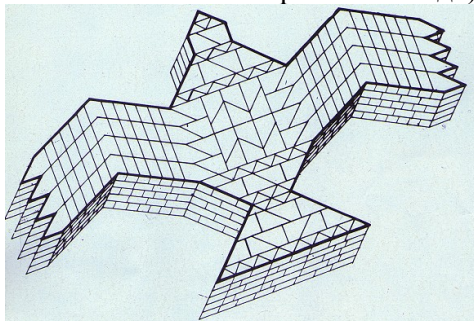
Правда, С. Как, на мой взгляд, необоснованно, попытался увидеть здесь 95 лет, приравняв 7,5 кв. *пурушей* базисного мемориала одному году, а затем 94 кв. *пуруш* – 94 годам. 95 лет, равные пяти Метоновым 19-летиям, вряд ли могут быть обоснованы ссылкой С. Кака на концепцию *Праджапати*, Отца существ, описанную выше. Ведь то, что *Праджапати* «родился» семичастным и, возросши до 101 части, остался равен исходным семи частям, может говорить только о его сопряженности с девятнадцатилетним циклом, содержащим именно семь вставных месяцев. За 95 лет таких месяцев соответственно было бы 35, что не находит обоснования в конструкции соколообразного «календарного памятника».

Существование 95-летнего цикла в ведийской традиции, однако, подтверждается упоминанием 2850-летнего цикла в «*Ромака-сиддханте*». Этот большой период предстает «месяцем» по отношению к 95-летию, приравненному к одним божественным «суткам»: $95 * 30 = 2850$.

Субхаш Как делает далее еще одно неправомерное допущение, уподобляя базисный алтарь символу 5-летней *юги*, так как он, мол, состоит из пяти слоев, что приводит его к постулированию вместо 95-летия периода в пять раз большего: $5 * 95 = 475$.

В данном случае он опять произвольно приравнивает один слой кирпичей одному *пуруше*, что, разумеется, является никак не оправданным логически и контекстуально. Такой период из 475 лет, тем не менее, вполне возможен теоретически, представляя собой $\frac{1}{6}$ от периода 2850 лет. Достоинно внимания

то, что, как будто, количество суток именно в таком периоде из 475 лет представлено в двоичном коде, вычитанном по стопам, в 52 *мантрах* 164-го гимна первой *мандалы* (см. главу о двоичном коде, а о гимне 164 см. также гл. «Троичный код»).

Базовый мемориал в виде сокола создавался из 1000 кирпичей, имевших разнообразные геометрические формы, строго вымеренные размеры, площади и объемы. Они располагались в пять слоев по 200 штук без раствора согласно особым правилам, предусматривавшим перекрытие стыков верхними кирпичами для прочности. Общая площадь базового модуля равнялась 7,5 квадратным *пурушам* (*пуруша* = человек с руками вверх = около 2 м), что составляло в древних мерах 7,5 * 14400 кв. *ангула* = 108000 кв. *ангула* (кв. «пальцев»). Один слой (200 кирпичей) равен 1,5 кв. *пуруши*, 1 кв. *пуруша* равен 133,333... средних кирпичей. Затем 94 раз добавлялась площадь 1 кв. *пуруша* (всего 12533,333... кирпичей), пока не достигали площади 101,5 кв. *пуруши* (13533,333... кирпичей), 67,5 слоев и высоты 432 *ангула* или 13,5 *джану*, «колен», (7 м и 68,1 см).

Следует отметить «подозрительное» соответствие многих алтарных чисел календарно-астрономическим величинам, описанным в *шастрах*: 133,333... соответствует десяти *накишатрам* в градусах, 432 *ангула* намекает на тысячную часть *Кали-юги*, соседство чисел 1000 и 101 – на 1101 день или три года по 367 суток, упоминавшиеся выше в связи с количеством ведийских «отраслей»-академий.

Площади кирпичей содержат характерные множители четырех *веда-санхит* и четырех *маха-юг*, формирующих *Жизнь Брахмы*, такие как 144 (*Сама-веда* – 144000 слогов), 288 (*Яджур-веда* – 288000 слогов), 432 (*Риг-веда* – 432000 слогов; *Кали-юга* –

432000 «лет»), 864 (*Дванара-юга* – 864000 «лет») и т. д.. Кроме того, некоторые важные площади в мемориале также отражают эти же самые числа.

Например, один кв. *пуруша* равен $120 * 120 = 14400$ кв. *ангула*.

Эти числа должны, несомненно, иметь отношение к хронометрии. Я заметил несколько возможностей связать кв. *пуруша* с сутками. Первая заключается в том, что, если принять 1 кв. *ангула* за обозначение некоторой единицы времени, равной 30 сек., то обнаруживается неплохая связь кв. *пуруши* с пятью сутками, а всего мемориала – с двумя важными годами:

$$14400 * 30 \text{ сек.} = 432000 \text{ сек.} = 5 \text{ суток};$$

$$108000 * 30 \text{ сек.} = 3240000 \text{ сек.} = 37,5 \text{ суток.}$$

Один слой тогда кодирует 7,5 суток: $37,5 : 5 = 7,5$ суток.

А весь мемориал в целом выражает число $7,5 * 94 + 37,5 = 742,5$ суток. Его можно объяснить как сумму солнечного года и года Сатурна ($364,5 + 378$), служащего для целей согласования календаря с истинным годом через 18 лет:

$$17 * 364,5 + 378 = 6574,5 = 18 * 365,25.$$

18 лет (правда, лунных) появляются чуть ниже из анализа количества кирпичей. Эти же 18 лет также необходимы в экселигмосе, который обнаружен мною в количестве *мантр* четырех *Вед* (см. ниже) и на индских печатях. Более того, они присутствуют в первой *мандале Риг-веды*, будучи выраженными через месяце-посвятительный код как десять лет *Агни* и *Индры* и восемь лет *Венеры* (см. главы о месяцесловном и печатном кодах).

Вторая возможность декодирования покоится на совпадении чисел 14400 кв. *пурушей* и 14400 *каштра* (=1 *мухурта* или 48 мин.) в *Дивья-авадане*, которая примечательна тем, что постулирует в сутках 432000 мгновений (*нимеша*) – столько, сколько слогов в *Риг-веде*.

Приняв один кв. *пуруша* равным одной *мухурте*, обнаруживаем, что мемориал кодирует 101,5 *мухурты* или 4872 мин. (приблизительно 3,38333... суток). Этот период, очевидно, соответствует новолунию, времени невидимости лунного диска во время его соединения с Солнцем, а также – что, пожалуй, еще более знаменательно – близок одному из 108 «шагов» Солнца. Умножив этот «шаг» на 108, получаем солнечный год из 365,4

суток. Запомним эту величину, так как мы с ней столкнемся вновь чуть ниже в совершенно ином рассуждении.

Три таких года, дополненные годом из 365 суток, составляют четыре года по 365,3 суток, что вполне приемлемо в большинстве календарных расчетов.

Календарный мемориал и четырехлетие

Сами названия кирпичей, данные в «*Тайттирийя-санхите*», являются отражением метрической науки и календарной мифологии¹⁴⁴.

Кирпичи разной геометрической формы имеют красноречивые астрономические названия: «кирпичи *Адити* или Солнца», «кирпичи *накшатр*», «кирпичи неба» (возможно, символы градусов окружности), «кирпичи пор года», «кирпичи *брихати*» и др. ведийских стихотворных размеров (связанные с секундами окружности и секундами времени в соответствии с нашей наиболее обоснованной гипотезой, которая будет изложена в последующих главах о двоичном и троичном кодах).

В разборном кирпичном мемориале имело значение не только количество кирпичей тех или иных очертаний, но и их площадь. Дополнительными свидетельствами являются площади некоторых кирпичей, явно указывающие на календарные величины: кирпич *сапада* имеет площадь **720 кв. ангула** ($360 * 2$), кирпич *убхаи* – **180 кв. ангула** ($1/2$ от 360) и т. д.. Ряд кирпичей – это не может сразу же не бросаться в глаза – отражает наиболее примечательные сомножители ведийских печатей (см. последнюю главу): $6 * 6 = 36$, $12 * 12 = 144$, $18 * 18 = 324$, $24 * 24 = 576$, $20 * 10 = 200$, $20 * 20 = 400$, $30 * 30 = 900$, $24 * 12 = 288$, и т. п. Со всеми этими числами мы встретимся в главах, посвященных ведийским *мантрам* и ведийским печатным знакам.

Так как из предыдущего изложения уже стал ясен календарно-символический характер площадей и количеств кирпичей в ведийских мемориалах, не будет лишним просчитать еще несколько возможных вариантов.

Если рассмотреть общее количество кирпичей в качестве маркеров суток, тогда 13533,333... означает ровно 39

¹⁴⁴ См. подробнее D. Chattopadhyaya, *Op. Cit.*, с.184-201.

драконических лет по 347 суток или 37 солнечных лет приблизительно по 366 суток. Это – неплохое согласование, пока, однако, не имеющее других подтверждений.

Ну, а если кирпич – символ $0,1^0$, тогда 1 кв. *пуруша* означает $13,333^0$ ($1353,3333...^0 : 101,5$ кв. *пуруша*), которые, очевидно, представляют собой одну из 27 *накшатр*. $7,5$ *пуруш* = 100^0 (как помним, ведийская обсерватория содержит намеки в виде групп камней на число 99 и 100). Следовательно, 101,5 *пуруша* равен трем циклам по 365^0 плюс 258^0 . Последнему числу не хватило ровно 108^0 до года 366, чтобы завершить солнечное четырехлетие. Священное число *упанишад* в *Ведах* именно 108. Такова же площадь первых пяти слоев или 1000 кирпичей, вымеренная в квадратных *ангулах* («пальцах»): $108 * 1000$. Нельзя ли и тут последовать выше приведенному правилу и не сложить количество кирпичей с их площадью, чтобы получить четырехлетний солнечный период?!

Рассуждая дальше, замечаем, что «соколиный мемориал», имеющий площадь 101,5 кв. *пуруша*, содержит 13,5333... базисных алтарей по 108000 кв. *ангула*. Следовательно, площадь всего мемориала будет $13,533.. * 108 * 1000 = 1461,6 * 1000$ кв. *ангула*. Отвлечшись от сомножителя 1000 (который указывает на расчет в *кашитах*, приблизительно, минутах), нельзя не заметить, что число «1461,6», принятое за количество суток, соответствует четырем годам по 365,4 суток (этот год, как помните, мы получили выше совершенно иным путем) или $365 + 365,3 * 2 + 366$.

Полученный период только на 0,6 суток превышает ожидаемое значение, что может быть объяснено усредненностью и округленностью наших исходных величин. Например, мы не знаем, какой была площадь последнего слоя из в два раза более тонких кирпичей. Возможно, этот особый слой содержал поправку, дававшую 4 года по 365,25 суток. Но даже и то значение, которое мы получили, не настолько плохо, чтобы не увидеть заключенной в нем календарной гармонии. Более того, это еще одно очень весомое подтверждение нашей основной ведийской модели интерпретации: **четыре *Веды*, как вы увидите в соответствующих главах, помимо всего прочего, фиксировали своими *мантрами* именно этот самый 4-летний период!**

Календарные кирпичи и планетные циклы

Сумма всех кирпичей (13533,333) может быть интерпретирована и как десятая часть от произведения $339 * 399 = 135261$, обозначающего количество дисков Солнца на дневном небе за синодический период Юпитера (*Брихаспати*, Великого Отца, Отца Вселенной), которого можно сопоставить с *Праджапати* (Отцом существ).

Период Юпитера появляется и в следующей формуле, которая, на мой взгляд, является наиболее правдоподобной. Сопоставив сумму кирпичей с периодом узлов лунной орбиты, 18 лунными годами, а также с Метоновым 19-летним циклом и допустив, что 360 кирпичей обозначают градусы, имеем следующий период: $360 + 6795 + 18 * 354,36 = 13533,48$ суток.

6795 суток – это цикл узлов лунной орбиты по *Арьябхате*. Он включает 17 синодических периодов Юпитера ($17 * 399 + 12 = 6783 + 12 = 6795$). Любопытно отметить, что «17» именуется числом *Праджапати*, который тем самым опять напоминает Юпитера.

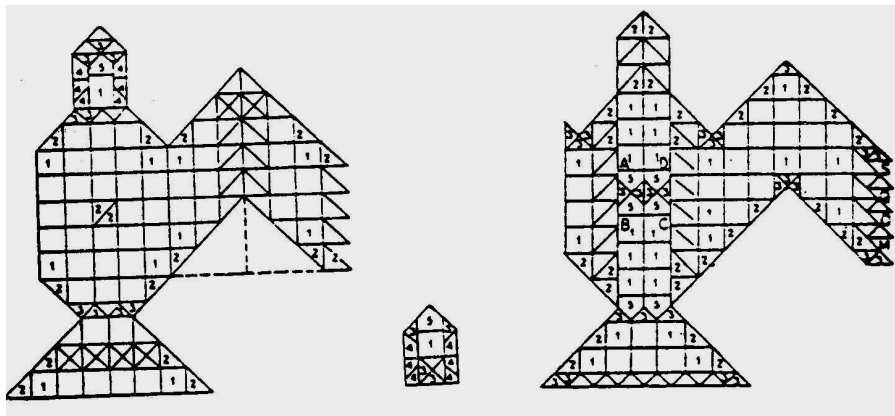
$$18 * 354,36 = 6378,48 \text{ суток.}$$

Это – 18 лунных лет.

Крылья сокола в первом слое составлялись из 120 кирпичей $(30 + 30) + (30 + 30)$ и, очевидно, символизировали четыре месяца по 30 суток, тем более что во втором слое им соответствовали четыре звена из синодических месяцев по $(30 + 29) + (29 + 30)$, т. е. $4 * 29,5 = 118$. Эти числа являются основными и в месяце-посвятительном коде (см. ниже). Кирпичи первых трех слоев помечались тремя чертами, символизируя «три (участка) неба», что ведет к представлению о годе из 360 суток или о 360° ($120 * 3 = 360$). Четвертый и пятый слои помечались множественными черточками.

Можно отметить и то, что если к общему количеству кирпичей прибавить 56 (количество *накшатр* и *упанакшатр* в лунном зодиаке, которые проходят два узла за цикл), образуется два цикла по 6795 суток. К сожалению, хотя такая формула выглядит очень гармоничной, ее обоснование может показаться несколько искусственным... но не невозможным. Как помним, ряд кирпичей носит название *накшатр*. Стоит предположить, что они как бы повторялись два раза при подсчете кирпичей,

отображающих движение двух узлов лунной орбиты, и тогда и эта схема наполняется смыслом.

Сокол (вид без северного крыла)

а) Расположение кирпичей в первом слое б) в голове в) во втором слое

А вот, что касается сопряжения цикла узлов и цикла драконических солнечных лет, полученных выше, в одном «календарном памятнике», то в свете ведийской традиции оно представляется вполне оправданным. **Посвящения дэвам или лунным суткам в первой мандале Риг-веды, а также и система индских знаков как раз содержат по 19 солнечных лет и по 20 драконических.**

Миф об *Индре*-соколе, охотившемся за *Агни*-голубем, кажется, указывает на совмещение двух разных циклов. *Шиби* – царь-мудрец (*Риг-веда*, X. 179.1) – предположительно, олицетворение последнего месяца некоего цикла или затмеваемого Месяца – славился своей щедростью. Чтобы испытать его щедрость, голубь-*Агни* (Месяц) попросил у него защиты от сокола-*Индры* (полного Месяца или Солнца). Царь предложил отвесить кусок мяса от собственного тела, равный весу голубя... Чтобы уравновесить весы, *Шиби* отрезал кусок за куском от своего тела, пока не принес в жертву всего себя целиком. *Агни* и *Индра* предстали перед ним в своем настоящем виде и щедро одарили его за великодушие (*Махабхарата*, книга Лесная, 130. 19-20).

Отняв от общей суммы кирпичей соколиного мемориала Метонов цикл из 19 тропических лет, имеем в остатке 19 драко-

нических лет по 347 суток:

$$365,2422 * 19 = 6939,6018;$$
$$13533,333 - 6939,6018 = 6593,33... \approx 19 * 347.$$

Это – замечательный результат, выявляющий связь ведийских алтарей с ведийской хронометрией и... индским календарным письмом. В последующих главах вы увидите, что связь эта является фундаментальной и подтверждается множеством других текстологических и эпиграфических свидетельств.

Программирование с помощью мысленных кирпичей

И *Шанкара*, и *Рамануджа*, великие средневековые индийские интерпретаторы ведийской философии, сочли необходимым указать на то, что называлось *маномайя-читти* или *манас-читти* («образные мемориалы»). *Шанкара* упомянул тридцать шесть тысяч их разновидностей, что кратно числу *Жизнь Брахмы* и большому периоду в 360000 лет, известному древним грекам.

В случае *чхандас-читти* («стихотворного алтаря») *агничит* («строитель алтаря огня») чертит на земле *агни* (алтарь) предписанной формы, а затем проходит весь предписанный процесс строительства, воображая, будто бы он помещает каждый вымеренный фигурный кирпич в надлежащее место с соответствующей *мантрой*. Мантры, действительно, произносятся, но кирпичи, на самом деле, не укладываются¹⁴⁵. Так складывается *Веда* – математико-геометрическая поэма, моделирующая хронокосмос!

Эта традиция мысленного возведения календарного мемориала вплотную подводит нас к осмыслению *Вед* как календарных хронометрических программ. В свою очередь осуществление подобного научного замысла предполагало весьма развитую философию астрономии и математики, математическую логику и особую психофизиологию длительных астрономических наблюдений.

¹⁴⁵ В. В. Datta, цит. по Chattopadhyaya, *Op. Cit.*, pp. 174-175.

Даршаны – подсистемы ведийского мировоззрения

Понятие «философия» в *санскрите* выражается несколькими синонимами: *пара-видья* (высшее знание, метафизика), *брахма-видья* (знание великого первоначала, вселенной или космоса), *джнана* (знание), *анвикшики* (исследование), *даршана* (воззрение), *мата* (теория), *самая* (учение). Такие названия, как *анвикшики* и *даршана*, несомненно, отличаются большей научностью и точностью, чем европейское название «философия» («любовь к мудрости»).

Анвикшики («обследование, рассмотрение») означает рефлексию по поводу данных чувственного опыта или авторитетного свидетельства, т. е. это – логический анализ. В раннюю эпоху (до I в. до н. э.) термин применялся к различным направлениям мысли (*локаяте*, *санкхье*, *йоге*), позже стал синонимом школы *ньяи*.

Даршана («воззрение») представляет собой общетеоретическое обобщение проблемы.

Ведийская глобальная философия

Несмотря на очевидные успехи в области изучения духовного наследия народов Индии на санскрите и новоиндийских языках, значительная часть источников по истории этики, эстетики, социологии, психологии, логике, диалектике и другим направлениям философии остается по-прежнему изученной лишь поверхностно и требует введения в научный оборот или нового прочтения.

Джон Вудрофф

В поле зрения индологов сначала попали течения буддистской логики и философии. Индусские научные теории и специфические учения вроде тантризма, этика, психология и прочие направления древней и

средневековой философии начали систематически исследоваться в Европе и Америке только после приобретения Индией независимости.

Так, глубокое изучение *тантры* началось в начале XX в. **Джоном Вудроффом** в условиях господства христианских идеологических установок и предубеждений против любых «языческих» верований, что вынудило его принять псевдоним **Артур Авалон**, не помешало ему, однако, увидеть в тантризме очень развитое учение о космической энергии и сознании.

В советской индологии, хотя и свободной от засилья церковной идеологии, главный интерес был сосредоточен на политической и экономической истории, трактовавшихся нередко до самого последнего времени в жесткой линейной перспективе механистического материализма. Помнится, как индолог К. З. Ашрафян показала мне какую-то работу по экономике Индии, написанную в период сталинизма и начинавшуюся словами: «Как сказал товарищ Сталин, «Индия – великая страна». Этика, не говоря уж о *йоге*, *веданте*, *мимансе*, *тантре* и т. д., в атмосфере диктатуры материализма подвергалась остракизму. Но и ныне содержание этики, если о ней вообще можно говорить, в странах СНГ, наследовавших идеологические и методологические установки предшествовавшего периода, сводится, как мы отмечали выше, к публицистике и этикету, большей частью, служебному и авторитарному.

Впрочем, эта черта присуща и западноевропейской общественной мысли. Всеобщая воинская повинность, тоталитаризм, диктатура, жесткая конкуренция, произвол начальства, бесправие женщин, религиозная нетерпимость – все это в странах западной Европы выражено более ярко, чем в России, в Советском Союзе, а теперь в СНГ. Рецидивы бездуховности, опустошенности, отчуждения, «разорванного» (шизофренического) сознания дают о себе знать повсеместно в мире и чреваты самыми опасными последствиями для всей культуры и цивилизации.

При этом обращение к средневековой духовности, которым грешат, а иногда и просто злоупотребляют европейские и русские политические лидеры всех мастей, без понимания ее древних корней везде оборачивается выхолащиванием этих

духовных традиций, карикатурной набожностью и профанацией науки. Преодоление этого духовного кризиса, общего для Востока и Запада, будет невозможным без осмысления самой глубокой и самой древней духовной традиции, заключенной в *Ведах* и лежащей в основе всех религий и философских систем.

Ведийские науки и образование

Как уже отмечалось выше, наиболее древними из санскритских книг считаются четыре *веды* или *науки* – *Атхарва-*, *Риг-*, *Сама-* и *Яджур-веда* – с примыкающими натурфилософскими и психофизиологическими комментариями («брахманами», толкующими астрономический и обрядовый смысл, и «упанишадами», изъясняющими сокровенный духовный смысл ведийских мантр («с т р а ж е й м н е н и я»), т. е. песенных изречений, направляющих мысли к высшей гармонии – под высшей гармонией мы понимаем «гармонию неба» или гармоничное движение планет, кодируемое ведийскими лунно-календарными обрядовыми речениями.

Для составителей правовых учебников (*дхарма-шастры*) *веда* (наука) изначально едина. Это – *Шабда-Брахма* – Н е б е с н о е С л о в о или *Брахма* (т. е. Солнце-творец), явленный в С л о в е или *Веде*. *Веда* – **безличностна** (*анаурушея*), ибо является **творением многих поколений мудрецов**. Она **вечна и неразрушима**. Предание утверждает, что небесные мудрецы (*риши* – «подвижники», очевидно, олицетворения небесных светил и лет) восприняли в небе благодаря ясновиденью и сосредоточенности (*йог-шакти*) **волны неслышимого звука**, облекли его в С л о в о (*Шрути* – «Слово», «*Веда*») и распространили во благо мира.

Яска, символический автор «*Нирукты*», уверен, что в случае обрыва в передаче текстов *Веды* знание будет восстановлено людьми, наделенными проницательностью.

На наш взгляд, из всего этого можно сделать только один имеющий смысл вывод, что знания, кодифицированные в ведийских текстах, были получены путем научного наблюдения, осуществленного Академией Наук ведийской державы на протяжении многих тысяч лет.

В современном виде необозримое собрание ведийских сочинений, охвативших практически все важнейшие направления человеческой мысли, является одним из самых величественных и совершенных в «хронокосмическом» жанре. В самой ведийской «небесной драме» действуют сонмы восходящих, заходящих и кульминирующих светил, возвышенно беседующих и восславляющих друг друга, вступающих в «соединения» и «противостояния», «сочетающихся браком» и «сражающихся»...

Веда с пояснениями – это, собственно, не одно, а несколько тысяч произведений по разным отраслям знания, распадающихся на 18 главных и 64 второстепенных предмета, которые, однако, связаны единой философской концепцией и сверхзадачей.

Среди основных ведийских наук находятся звездочтение или астрономия и календарь (*джйотиша* – первая и главная из *веданг*, называемая «оком *Вед*»), «обрядоведение или хронопрограммирование» (*кальпа*), «аналитика языка» или грамматика (*вьякарана*), словообразование и хронотерминология (*нирукта*) и стихокодирование (*чхандас*). Эти науки предназначались для составления, правильного чтения, применения и понимания *Вед*. К ним тесно примыкает литература философских сутр шести «воззрений» (*даршан*): *мимансы*, *веданты*, *ньяи*, *вайшешики*, *санкхьи* и *йоги*.

Важными частями ведийского образования являлись также (врачебная) «наука о жизни» (*аюр-веда*), наука пляса и лицедейства (*натья-шастра*), (певческая) «наука *гандхарвов*» (*гандхарва-веда*), наука ваяния и зодчества (*стхапатья-шастра-веда*), военная наука (*дханур-веда*), наука о хозяйстве (*артха-шастра*), наука любви (*кама-шастра*), учение о «державе» (*дхарма-шастра*), учение об освобождении [души] (*мокша-шастра*). Эти науки изучались в нерасторжимой связи с четырьмя «ведами», откуда их общее название «*упа-веда*» («подведы»). Они представляли собой **высшую ступень ведийского риторического и натурфилософского образования**, оснащенную специальными учебниками и каноническими текстами.

Начальное образование осуществлялось матерями дома с опорой на *итихасы* и *пураны*, которые представляли собой подлинные энциклопедии, охватывавшие все основные отрасли знания. Весь материал в *пуранах* подавался в стихах и был нанизан на хрономифологический сюжет по принципу обрамленной по-

вести. Соблюдались принципы «от простого к сложному», аудио-визуальной наглядности, эвристичности, максимальной суггестивности, повторяемости главного и другие приемы облегчения запоминания.

Среднее образование концентрировалось вокруг 64 практических наук, искусств и ремесел. Концепция **64 искусств** отражает представление о совершенном месяце из 32-х суток и 64 *каля* («осколков», т. е. частичек или фаз Месяца), которым соответствуют 64 *йогини* или *дэви*, подобно тому, как шестнадцати «осколкам» Месяца соответствуют 16 «матерей» («*матрика*»). В древности, это были следующие искусства (условно разделенные мною на группы):

- 1) наука поведения;
- 2) воспитание детей;
- 3) чтение книг;
- 4) этимология (разъяснение трудных слов);
- 5) знание стихосложения и словаря, сочинение стихов в уме, остроумие и красноречие (умение завершить оборвавшийся стих), состязание в стихотворстве (*буриме*), знание науки восхвалений, знание загадок;
- 6) развитие памяти, умение точно воспроизвести сказанное;
- 7) пение, игра на гуслях, пляска, лицедейство, общение на пальцах, живопись, игра на *джал-таранге* (сосудах с водой);
- 8) знание иностранных языков;
- 9) знание местных языков;
- 10) врачевание травами;
- 11) внешнее перевоплощение, косметика, мази, втирание мазей, мытье волос, украшение волос цветами, умение наносить налобный знак (*тилак*), окраска зубов, окраска тела, приготовление духов, обрызгивание розовой водой;
- 12) знание нарядов и украшений, окраска платья, хранение одежды;
- 13) знание драгоценных камней и их цветов, подбор драгоценностей, знание сережек;
- 14) украшение дома, устройство постели;
- 15) цветоводство;
- 16) обмолот риса;
- 17) приготовление пищи, приготовление овощей, печенье пирожных, приготовление напитков;

- 18) плетение, плетение венков, прядение;
- 19) шитье, вышивка;
- 20) плотничество, резьба, зодчество;
- 21) знание руд и веществ;
- 22) наука побеждать;
- 23) ворожба по приметам, составление астрологических чер-
тежей, изменение последствий деяния;
- 24) устройство зрелищ, состязаний баранов и петухов, состязаний волов в вытаскивании кожного ведра воды, обучение го-
ворению попугаев и скворцов;
- 25) особенности азартных игр, игра в кости;
- 26) обман, ловкость рук, мошенничество.

Известно, что эта система ведийского или «гимнософистского» (т. е. йоговского, т. к. йогов в Греции именовали «гимнософистами», «нагими мудрецами») образования послужила образцом для древнеиранского и древнегрече-
ского музыкально-гимнастического энциклопедического обра-
зования, также включавшего обучение гармоничному набору различных дисциплин физической (видам спорта) и умственной культуры (*музам*), т. е. наукам, ремеслам и искусствам. Греческое энциклопедическое (*enkyklios paideia* – букв. «круговой обход») образование, включавшее грамматику, риторику (диалектику), арифметику, геометрию, астрономию и теорию музыки, завершалось освоением агрономии, врачевания, военного искусства и философии (Платон). Эта стройная система в свою очередь стала моделью как для византийского и русского, так и римского и западноевропейского образования, т. е. сохранила свое значение в основных чертах до нашего времени¹⁴⁶. В этом смысле мы все придерживаемся ведийских подходов и являемся наследниками ведийской цивилизации, хотя и не осознаем этого.

Миманса или ведийская герменевтика и программирование

«*Миманса*» – «осмысление», герменевтика – название первого отдела (иначе – «*пурва-миманса*») ведийской философии, анализирующего понятие «*дхармы*» («державы», небесного

¹⁴⁶ *Словарь античности*, М., 1992, с. 388-389.

правопорядка) применительно к ведийским астрокалендарным обрядам (иначе «*карма-миманса*», «осмысление обрядов» и «*дхарма-миманса*», «осмысление державы»). Основополагающими сочинениями являются «*Миманса-сутра*» *Джаймини* с «*Бхашией*» (первичным комментарием) *Шабары* (ок. III в. до н. э.), «*Шлокаварттика*» *Кумарилы Бхатты* и «*Брихати*» *Прабхакары* (IV–VIII вв.).

Эта дисциплина традиционно считается учением о ритуальном исполнении *Вед*, особенностях их языка и смысле и употреблении изречений. Однако, философские устремления *мимансы* безграничны. Это – первая ведийская философия, объясняющая главную тайну ведийской сокровенной науки, методы познания и вопросы эпистемологии, философской семантики и текстологии ведийских *санхит* и *брахман*. Также рассматриваются вопросы теории смысла ведийских изречений, вечности звука, сопряженного с ним смысла и классифицируются предписания относительно календарного обряда, содержащиеся в первой части ведийского канона.

Теория смысла ведийских изречений, вечности звука и сопряженного с ним смысла в дальнейшем (в комментариях *Шабары*, *Кумарилы* и *Прабхакары* – IV - VIII вв.) перерастает в стройную теорию познания, в которой наиболее примечательными особенностями являются:

- ✓ учение о «незримой» (*адришита*) силе (которая хранит память обо всех действиях, движениях, звуках, мыслях и чувствах);
- ✓ о самоочевидности истины или внутренней достоверности как прямого, так и опосредствованного правильного познания (соблюдающего все необходимые условия, такие, как здоровье, освещенность, логичность, авторитетность и т. д.);
- ✓ о вечности, несотворенности, непогрешимости и хужоженственном совершенстве *Вед*;
- ✓ о ведийских обрядах как достоверном способе постижения устройства неба;
- ✓ об именах ведийских божеств как символах движения светил;

- ✓ об обрядах как воспроизведении небесной механики (благодаря чему жрецы вкушают «небесное блаженство») и – главное –
- ✓ о подлинности мира.

Это учение оказало заметное влияние на всю индийскую философию, прежде всего, на *веданту*, которую называют «*уттара-мимансой*», «вторым осмыслением» или высшей (лучшей, последующей и заключительной) философией. Тем не менее, до самого последнего времени *миманса* рассматривалась только как пособие по ритуальному применению *Вед*, и казалось, ничего другого за исключением религиозной философии и рассуждений о ритуальном использовании *мантр* она в себе и не могла заключать. Но вдруг произошло событие, которое в корне изменило всю ситуацию. Вышла книга «*Веды и компьютеры*» **Р. В. С. С. Авадханулу**¹⁴⁷, которая содержит изложение некоторых основных принципов философии *мимансы*, имеющих отношение... к **современной вычислительной науке**, в которой утверждается, что некоторые из них сопоставимы с принципами современной информатики и программирования.

Чтобы подтвердить вышеприведенное заявление, автор рассматривает компьютерный язык **ФОРТРАН** в контексте значения выражения, заданного с помощью назначенной переменной и инструкции по управлению передачей; в контексте формы отдельного слова, практического запрета, физической и логической последовательности с должным анализом понятий. Далее он выявляет подпрограммы в *Ведах*, классифицирует инструкции, анализирует способы передачи данных и такие понятия как шаг задания в компьютерах, очередь (стек), *paurvaparya (vitati)* в *мимансе*, система режима разделения времени, обработка времени в компьютерах и принцип *avilamba* (незадержка) в *мимансе*, пароль в свете учения *мимансы* о «правиле доступа» (*adhikara-vidhi*) и др..

Профессор **П. Б. Шарма**, вице-канцлер и основатель Технологического университета им. Раджива Гандхи (Бхопал), руководитель делейского инженерного колледжа и декан

¹⁴⁷ Avadhanulu R.V.S.S., Shri Veda Bharathi, *Vedas and Computers*, Hyderabad, 2001.

Технологического университета (Дели), так охарактеризовал эту работу: «Я нахожу публикацию «*Веды и компьютеры*», предлагающую включить глубокую мудрость ведийской вычислительной науки в будущие алгоритмы высокопроизводительного вычисления, очень своевременной в контексте нашего стремления значительно усовершенствовать современные вычислительные возможности. Значение ведийской вычислительной науки, действительно, заключается в возможности улучшить и ускорить логистический алгоритм. Поэтому, что касается применимости и уместности работы Авадханулу в современной вычислительной науке, она является новаторской и весьма оригинальной».

Хотя эта книга нам пока не доступна, и из этой аннотации видно, что сокровенная ведийская дисциплина, каковой является *миманса*, не без оснований сопоставляется с логистикой современного программирования. Обнаружение же в ней принципов программирования, в свою очередь, свидетельствует о сопряженности с программированием и самих *Вед*.

Кумарила Бхатта (VII в.)

Кумарила – виднейший философ *мимансы* и основатель одной из двух ее подшкол. Автор пространного комментария в 3 частях на «*Миманса-сутру*» и первичный комментарий *Шабары*. *Кумарила* в первой части своего труда («*Шлока-варттика*») в полемике с буддийской логикой и диалектикой (*мадхьямикой*) обосновывает гносеологию *мимансы*, помимо четырех *праман* (средств правильного познания) *ньяи* признает еще невосприятие и подразумевание, утверждает анонимность (отсутствие автора) и непогрешимость *Вед* и принцип, согласно которому ошибочное знание – не заблуждение, а неполное знание.

Прахакара (VII–VIII вв.)

Прахакара – ученик *Кумарилы*, комментатор «*Шабара-бхашьи*», основатель второго направления *мимансы*. По *Прахакаре*, в ведийском высказывании важен вторичный смысл, а не

выводимый из прямых значений слов. Ведийские боги интерпретируются как символы (календарных) обрядов.

Веданта или космическая этика

*Если от полноты отнять полноту,
останется полнота.*

Иша-упанишада.

Веданта (букв. «венец, завершение *Вед* или наук», «всеведение»), именуемая также *уттара-мимансой* («вторым, лучшим, высшим осмыслением»), представляет собой последующую и заключительную философию, «глубинную этику», решающую вопросы сущности жизни, назначения человека, природы земного страдания и «небесного» блаженства, добра и зла, должного и недолжного, путей достижения чувства покоя и счастья, свободы от неведения, страданий и страха смерти.

Она занимается обобщением основных положений завершающей части ведийского канона – *упанишад*, которые исходно и являются *ведантами*.

В свете новых представлений о «первом осмыслении *Вед*» или *мимансе* учение *веданты* приобретает иной оттенок, и ее основное значение мне видится в том, что она призывает к самоотождествлению ученого-астронома с *брахманом*, душой и творцом подлунного мира, «духом» Солнца или полной Луны, видимо, для того, чтобы астроном мог, опираясь на силу своего расширенного сознания и художественного воображения, поставить себя в центр солнечной системы и теоретически осмыслить закономерности движения всех планет в контексте вечности вращения вселенной.

Ведийский афоризм, вынесенный в эпиграф этой главы, как заметил **В. П. Патхак**, равен по смыслу математическому выражению: **если от бесконечности отнять бесконечность, останется бесконечность.**

Художник, музыкант, поэт, ткач, горшечник, а тем более уж, астроном, понимающий ход небесных светил и способный объяснить такие явления как затмения и пр. в древнеиндийском сознании предстает как Творец Вселенной.

Веданта, призывающая астронома отождествить себя с Творцом и выработать в себе «космическое сознание», несо-

менно, является важной частью подготовки математика-астронома, которую можно уподобить «форматированию» памяти ученого, оперирующего сверхбольшими числами и понятием бесконечности пространства и времени, занятого бесконечным непрерывным наблюдением за светилами и дифференциальным вычислением скоростей планет.

Веда-Вьяса

«Диаметр круга, Обоснователь, Разделитель *Вед*», олицетворение Месяца в период новолуния, прозванный *Кришна Двайпаяна* (Черный островитянин) – символический редактор *Вед* и автор *Махабхараты* (соответственно и «*Бхагавад-гиты*»), 18-ти *пуран* и «*Веданта-сутры*», т. е. основных текстов *веданты*. Символическая роль его имени заключается в том, что оно подчеркивает связь ведийской традиции с наблюдательной математической астрономией.

«Брахма-сутра»

Основополагающий текст «*Брахма-сутра*» (также «*Веданта-сутра*», «*Шарирака-сутра*», «*Уттара-миманса*») **Бадараяны** (согласно относительной хронологии V– II вв. до н. э.) содержит в 555 формулах схематичное изложение важнейших философских положений *упанишад* и *араньяк*, непонятное без пояснений и дающее некоторую свободу истолкования.

Первая глава называется *Саманвая* («Обобщение») и представляет собой свод высказываний *упанишад* о *брахмане*; 2-я – *Авироддха* («Непротиворечивость»), опровергает возражения, основывающиеся на авторитете *смрити*, но противоречащие *шрути*; 3-я – *Садхана* («Достижение»), объясняет сущность науки о *браhme* (*брахма-видья*), сущность *брахмана* и путь его «постижения», закон *кармы* или всеобщей взаимозависимости деяний и причинности, состояния сознания, природу *праны*, сосредоточения сознания, значение ступеней жизни, природу освобождения сознания от неведения и достижения состояния невинного дитя; 4-я – *Пхала* («Плод») описывает процедуру и методику медитации (предполагающую, в частности, использование циклической мифолого-астрономической символики), результат познания как освобождение от пут *кармы*, ступени достижения понимания своего тождества с динамически вращающейся вселенной, обретение своей истинной сущности и сверхъестественных способностей.

Упанишады

«Изучение Упанишад было утехой моей жизни и будет утешением мне и в смерти. Каждая фраза Упанишад проникнута благородным священным духом искренности. Во всем мире нет ученого труда столь благородного и возвышающего, как Упанишады. Они плоды высшей мудрости. Рано или поздно им суждено стать верой нашего народа»

А. Шопенгауэр

В упанишадах или веданте («венце, завершающей части Вед») происходит первое обобщение ведийской или брахманской философии.

Слово «упанишада» означает «сокровенное учение» (букв. «посад», бел. «пасяджэнне», заседание). Сохранилось свыше 200 текстов, среди которых наиболее авторитетными считаются 108.

Содержание их не ограничивается ритуальными, мифологическими и космогоническими темами, а обряды используются лишь в качестве метафор человеческого бытия и календарных явлений. Они анализируют вопросы теории познания, онтологии, психофизиологии, этики (т. е. глубинных устойчивых убеждений, верований, идеалов) и эстетики (природы художественного восприятия, эстетических переживаний и сопереживания).

Главным является учение о единстве или тождестве атмана и брахмана (парама-атмана), т. е. человека и мира. Атман означает «естество», собственное «существо» (ср. греч. физика), т. е. человеческое одухотворенное тело. В прошлом и сегодня это важное понятие часто пытаются свести к «сокровенной сущности человека», «душе». Однако, как настаивали локайтики, человек – это живое, одухотворенное тело (в Европе то же отстаивал Спиноза и некоторые христианские богословы). Характерно, что в веданте живой человек именуется шарирака (воплощенное, телесное существо), а душа – сукима-шарирой (тонким телом). В этой связи парама-атман следует понимать как «сверхъестественное» (самое или перво-естественное) начало

(ср. греч. *метафизика*). *Брахман* означает «великое» начало мироздания, порождающее все живое в процессе своего разворачивающегося во времени увеличения, разрастания.

Душа именуется *праной*, дающей жизнь и движение как природе, так и *атману*, или *пурушей*, всепроникающим излучением Солнца, одушевляющим живые существа и иногда отождествляемым с *праной* (жизненной энергией).

В «*Шветашватаре*» упоминается космогоническая теория, согласно которой мир возник в силу своего естественного своеобразия, «собственной природы» (*свабхава*), в чем усматривают зарождение концепции «естественного закона».

В *упанишадах* отразились учения, легшие в основу *веданты*, *йоги* и других *даршан*.

Идеи *упанишад* нашли отражение в средние века у ранних христианских богословов, в учениях иранских суфиев, а с XIX в. – в западной философии (у А. Шопенгауэра, Р. У. Эмерсона, Л. Толстого, А. Швейцера, А. Эйнштейна, Э. Шредингера, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского и мн. др.).

Среди *шастр*, основанных на *упанишадах*, важнейшими являются шесть *даршан* (*миманса* и *веданта*, *ньяя* и *вайшешика*, *санкхья* и *йога*), представляющие собой специальные философские дисциплины *веданты*, теоретическое оформление которых произошло, вероятно, еще в протоиндийский период, а окончательная кодификация основополагающих текстов – не позже начала новой эры. Они разрабатывают вопросы теории познания, логики, физики и метафизики, психологии, текстологии *Вед* и этики.

Позже, в первом тыс. н. э., сформировалась *даршана* грамматистов, в средние века произошла дифференциация *веданты* *Бадараяны*, породившая множество школ различной ориентации.

Школы веданты

Наиболее древними являются **брахманские течения**, в которых субстанция мира выступает в безличном образе великого первоначала (*брахмы*): *адвайта* (недвойственность, недуализм) *Шанкары* (VIII в.), *бхеда-абхеда* (различаемое неразличие) *Бхаскары* (IX в.) и *Ядава Пракаши* (X в.).

Количество школ *веданты* чрезвычайно возросло в условиях средневековой раздробленности страны. Под воздействием ислама в *веданте* усилились теистические мотивы, роль первоначала стали играть воинственные *Вишну*, *Шива* и их воплощения. Хотя все школы претендуют на систематизацию *упанишад* и правильное осмысление «*Брахма-сутры*» *Бадараяны* и «*Бхагавад-гиты*», они признают авторитет некоторых других священных писаний: вишнуиты – «*Панчаратра-агам*», писаний тамильских *альваров*, «*Бхагаваты*» и других вишнуитских *пуран*, а шиваиты – писаний *наянмаров*, *натхов*, шиваитских *агам* и *пуран*.

К **вишнуитским течениям** принадлежат *вишишта-адвайта* (особая или ограниченная различием недвойственность) *Ямуначарьи* (XI в.) и *Рамануджи* (1017–1127), которую развивали далее *Джнанешвар*, *Рамананда*, *Кабир* и *Нанак* (основатель сикхизма); *двайта* (двойственность) *Мадхвы* (1197–1273); *свабхавика* *двайта-адвайта* или *бхеда-абхеда* (естественная двойственная недвойственность или неразличие в различии) *Нимбарки* (XI в.) и *Виджняна-Бхикшу*; *вишуддха-адвайта* (чистая недвойственность) *Вишнусвамина* и *Валлабхи* (XV в.); бенгальская *ачинтья-бхеда-абхеда* (невообразимое неразличие в различии) *Чайтаньи* и *Баладевы*.

Шиваитские направления представлены (*вишишта*) *шива-адвайтой* *Шрикантхи* (XI–XII вв.) и близкими ей школами тамильской *шайва-сиддханты* *Тирумулара*, *Мейкандара*, *Арульнанди* и *Умапати* (отстаивавшей *садришью*, схожесть бога и душ) и каннадской вирашиваитской *бхеда-абхедой* или *шакти-вишишта-адвайтой* *Шрипати* и *Басавы*; гуджаратской *пашупата-двайтой* *Накулиши*; а также кашмирской *парама-адвайтой* (высшей недвойственностью), представленной учениями *спанда* (колебание), *крама* (пошаговое познание), *шивара-пратъябхиджня* (переопознание *Ишвары*), *агама* (агамическая), *трика* (тройка категорий), разработанными *Васугуптой* (IX в.), *Каллатой*, *Соманандой*, *Утпаладевой*, *Абхинавагуптой* (X в.) и *Киемендрой-Киемараджей* (XI в.).

Названия школ отражают решение вопроса о связи человеческой души и *брахмана*. В *адвайте* отрицается множественность душ как ошибочное представление, следствие неведения, *авидьи*, а единое, вечное, исполненное света, жизни и чувства

блаженства духовное начало является истинной сущностью всего сущего. *Вишишта-адвайта* мыслит *брахмана* и человеческую душу едиными в сущности, но самостоятельными в проявлении. В *двайте* они представляются двумя отдельными вечными сущностями. Естественная *бхеда-абхеда* считает, что существует три вечных сущности: *брахман*, *чит* (души) и *ачит* (неодушевленные явления: предметы, полевые состояния материи и время). Они отличны по форме, но *чит* и *ачит* не имеют независимого существования вне *брахмана*. *Вишуддха-адвайта* выделяет в *брахмане* несколько уровней: высший, божественный, неразрушимый (*акшара*), на основе которого существуют душа и мир, время, действие и своеобразие (*свабхава*). Высшее начало пронизывает все сущее и является его опорой.

Парама-адвайта, иногда именуемая реалистическим идеализмом, обосновывает идею синтеза *двайты*, *вишишта-адвайты* и *адвайты*. Мир – продукт духа, но не человеческого, а универсального, поэтому он реален. Человеческая душа по существу такова же, как и всеобщий дух, однако в силу трех ограничений не ведает этого. Устранение этого неведения возможно путем самоото-
высшим духом.

Басава

ведает этого.
неведения
йоги, т. е.
жествления с

Итихасы и пураны

Это – великие ведийские мифо-поэмы, в которых астральные и лунарные мифы служат связующим обрамлением для изложения всей совокупности ведийских научных, философских и художественных дисциплин, что делает их подлинными энциклопедиями индуизма (древнегреческая модель энциклопедического образования, а вслед за ней – латинская и европейская, были заимствованы именно из этой пуранической системы образования).

В *пуранах* подробно изложены календарно-космогонические мифы, в рамках которых действуют ведийские персонажи, описан ритуал, даны перечни храмов и мест паломничества, а также астрономические, филологические, философские, этические, правовые, общественные и другие знания в связи с календарным временем, возрастом человека и его сословием. Эти произведения создавались на протяжении продолжительного времени брахманскими академиями, но приписываются двум божественным авторам.

Бхагавадгита

«Бхагавадгита» – самая прекрасная, возможно единственная подлинно философская песнь, существующая на каком-либо известном языке».

В. Тилльбольт

Популярная философская песнь *Махабхараты*, в которой излагаются обязанности, прежде всего, *кшатрия*-воина и учение о трех способах (*йогах*) или путях (*маргах*) отождествления себя с высшим духовным началом: *карма-йога*, т. е. союз посредством бескорыстных деяний и отречения от их плодов; *джняна-йога* – осознание тождества путем познания *веданты*; *бхакти-йога* – союз, достигаемый

посредством любви и почитания. Эти три йогии возвешаются *Арджуна Кришиной* накануне великого календарно-астрономического сражения. Хронометрическое значение *Бхагавадгиты* будет рассмотрено в главе о хронометрическом коде.

Вальмики

Первый *кави* (сочинитель, поэт), олицетворение полной луны и, соответственно, солнца, является символическим автором *Рамаяны* (состоящей из 24 тыс. строф), различные редакции которой вместе взятые составляют около 1000000 строф и в десять раз превосходят по объему *Махабхарату*. Хронометрическое применение текста описано в главе о хронометрическом коде.

«Йога-Васиштха»

Это – грандиозный ведантийский философско-поэтический эпос, состоящий из 24 тыс. строф, построенный как дополнение к «Вальмики-Рамаяне» и содержащий развернутое описание ученичества *Рамы* у *Вишвамитры* и изложение *веданты*.

Тантры

Тантры – «стяжки», «связки учебников» – книги, пальмовые или берестяные страницы которых стягивались продетыми в боковые и срединные отверстия нитями (*танту*). В узком значении *тантра* – это не всякая книга, а священное писание, «тайноведение», шиваитская, вишнуитская, шактистская и буддийская научно-религиозно-философская литература, окончательно сложившаяся в I тыс. н. э. Всего известно около 200 *тантр*.¹⁴⁸

Согласно преданию, основоположник тантризма *Шива Шрикантха* передал учение *тантры* *Дурвасе*, а *Дурваса* – трем мудрецам, *Трьямбаке*, *Амардаке* и *Шринатхе*, которые основали соответственно три философские школы:

1. монизма или недвойственности (*адвайта*),
2. дуализма, двойственности (*двайта*) и
3. дуалистического монизма (*двайта-адвайта*).

¹⁴⁸ *Hindī sāhitya kosh*, (Энциклопедия литературы хинди), *Kāshi*, 1961 (Hindi), с. 775.

В русле этих трех течений и возникли *тантры* (64 *адвайтических*, 10 *двайтических*, 18 *двайта-адвайтических* и др.).

Тантры породили в свою очередь огромную комментаторскую литературу, которую можно классифицировать по главным направлениям шиваитской философии:

шайва-сиддханта (в Тамилнаде),

вира-шиваизм (в Карнатаке),

паиу-пата (в Гуджарате),

и кашмирские направления:

трика:

агама-шастра,

пратьябхиджна,

спанда-шастра;

крама и

шакта.

Кашмирский шиваизм *трики* опирается на *тантры* первого разряда, в котором выделяются «*Сваччханда*», «*Бхайрава*», «*Унматта-бхайрава*», «*Нетра*», «*Махоччхуима-бхайрава*», «*Рудра*» и представлен оригинальными произведениями **Утпаладевы** («*Пратья-абхиджна-сутра*», «*Пратья-абхиджна-вритти*» и «*Пратья-абхиджна-вивритти*»), **Абхинавагупты** («*Пратья-абхиджна-вимаришани*» и «*Пратья-абхиджна-вивритти-вимаришани*», «*Тантра-алока*» и «*Тантра-сара*»), **Сомананды** («*Шивадришти*» – 850 г.), **Васугупты** («*Шива-сутра*»), **Каллаты** («*Спанда-карика*»).

Тамильская *шайва-сиддханта* отдает предпочтение двум другим разрядам *тантр*, особо выделяя значение «*Камика-агамы*», «*Супрабхеды*», «*Пурнакарана-агамы*», «*Аджита-агамы*», входящих в состав 10 дуалистических *тантр*, а также «*Парамешвары*», «*Сиддхи*», «*Сваямбхувы*», «*Рауравы*», «*Кираны*», «*Ватулы*», «*Матанги*», «*Мригендры*» и «*Пушкары*».

Двайта-адвайтические «*Рудра-тантры*», особенно, «*Малини-виджая-тантра*», «*Нишваса*», «*Сиддха*», «*Сваямбхува*», являются общими для кашмирского и тамильского шиваизма.

Учения *пайупатов*, *капаликов*, *каламукхов* и *шайвов* развивались в русле дуалистических *тантр*. Тантрики-дуалисты наибольшее внимание уделяли внешнему обряду, буквально следуя «правилу пяти «м», объединявшему пять слов, начинающихся с «м»: «манса» («мясо»), «маччхли» («рыба»), «мудра» (зд. «зер-

но»), «*мадья*» («медовуха») и «*майтхуна*» («объятие») – которые в монистической интерпретации означают символическое описание самоотождествления с *Шивой*.

Что касается содержания *тантр*, следует отметить разнообразие затронутых в них предметов – от учений о познании, обществе и человеке до зодчества, музыки, медицины, астрономии – что делает их энциклопедиями, схожими в этом отношении с *пуранами* и *итихасами*. Приверженцы тантризма утверждают, что *тантры* составляют и фундамент, и венец, и сердцевину индийской философии. Как правило, каждая *мантра* имеет четыре части, освещающие:

- ❖ «поведение» («*чарья*») – общественный праздничный этикет,
- ❖ (домашние) «обряды» («*крия*»),
- ❖ «познание» («*джнана*») и
- ❖ «самообладание» («*йога*»).

В психофизиологии тантризма исключительное значение придается согласованию «слова» и «дела» с лунарно-календарными явлениями: каждому движению тела и духа предпосылается строго определенное заклинание (*мантра*), обращенное к определенному лунному божеству или Ночи (количество коих достигает якобы 70 млн.), «самовозложению рук» (своеобразному бесконтактному самомассажу), *мудрам* (обрядовым положениям рук, пальцев, языка и др. частей тела), символизирующим состояние духа того или иного божества, *асанам* («осанкам» или положениям тела), *пранаямам* (задержкам дыхания вплоть до его прекращения), *янтрам* (астрочертежам или, возможно, гороскопам), *чакрам* и *мандалам* (кругам и сферам), почитанию главы (*гуру*) общины, обряду посвящения в суть учения (*дикше*), способам духовного и телесного очищения и странствований по святым местам (*тиртхам* и *питхам*), освященным шиваитской и шактистской астромифологией.

Шактизм, в котором на первый план выдвигается богиня-мать (*Шакти*, супруга *Шивы* или *Вишну*, являющаяся олицетворением ночного неба и динамического аспекта космического духа), провозглашаемая владычицей мира, следует монизму, как и кашмирская *трика*. «Супруг» *Шакти*,

олицетворяющий сущее в покое, мыслится в шактизме просто как ее пассивное, статическое состояние.

Шактистские *агамы* состоят из 5 *Субхаджа-Агам*, 64 *Канта-Агам* и 8 *Мишра-Агам*.

Абхинавагупта

Известный шиваитский философ-энциклопедист, литературовед, поэт и музыкант, творец «*Тантра-алоки*» («**Света тантр**»), многотомной энциклопедии *тантризма*, а также основополагающих трудов по философии кашмирского монистического шиваизма «*трики*», театру, эстетике и поэтике. Предание гласит, что у него было свыше тысячи учеников, в конце жизни учителя они вместе скрылись в гималайской пещере, за исключением главного ученика – *Кшемендры-Кшемараджи*.

Кшемендра-Кшемараджа

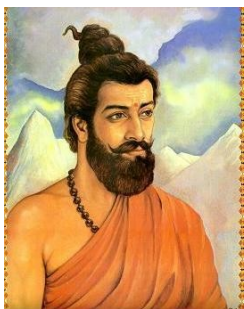
Кшемендра-Кшемараджа переработал всю ведийскую мифологию, создал сокращенные изложения *итихас*, многих других *шастр* и прокомментировал важнейшие сочинения кашмирского шиваизма.

Гармония ведийской этики

Анализ индийской этики, проделанный мною в связи с исследованием и переводом дидактических произведений *Кшемендры*, приводит к выводу, что очевидными достоинствами этой мудрости являются ее **универсальность или глобальность** (забота о благе всех живых существ и всеобщей гармонии, стремление преодолеть временные и пространственные барьеры, религиозные и философские различия); **всесторонность или энциклопедичность** (охват всех видов деятельности); **здоровомыслие** (опора на разум); «**любопытность**» (любовь к знанию, открытость к познанию жизни); «**синергетичность**» (развитие изнутри, по законам самоорганизации, гармонии, естественного соответствия частного целому, микрокосма – макрокосму, слов языка – самим понятиям); «**экологичность**» (включение в пределы этики не только отношения человека к богу и к другому человеку, но и отношения к животным и «бездушной» природе, к стихиям вещества); **внутренняя логичность** (опора не на божест-

венное провидение или случайность, а на такие естественные принципы, как **возрастной или психологический** подходы); **гуманизм** (определение человека как высшего существа во вселенной); **глубокая духовность** (вера в достижение полного совершенства, в возможность такого достижения) и **поэтичность** (нерасторжимая связь с эстетикой, девятью эстетическими переживаниями, в первую очередь, чувством удивления).

Знакомство европейских ученых и мыслителей с индийской философией и этикой вызвало бурю восторгов и энтузиазма. И. В. Гете и В. Гумбольдт, Т. Карлейль и А. Шопенгауэр, Р. Эмерсон и Г. Торо, Л. Толстой и А. Швейцер, Э. Шредингер и А. Эйнштейн признали огромное воздействие индийского мышления на западную культуру и на себя лично.

Санкхья - психо-физиология мироздания

Санкхья («счет», «анализ») – онтология, основанная на психофизиологической концепции единства духовного и физического начал в человеке, единства мира и человека, космоса и микрокосма.

Санкхья перечисляет и классифицирует основные элементы психофизического континуума, представляя собой теоретический фундамент *йоги*, вишнуитских и шиваитских *тантр*, *шастр* и *сиддхант*.

Ее онтология зиждется на теории предсуществования следствия в причине (*сам-карья-вада*). *Пракрити* («раскрытие», «природа», способность модифицироваться в другие начала, «предуказ», первопричина мира объектов) представляет собой динамически непрерывно изменяющуюся субстанцию мироздания, творящую мир из себя самой. Натяжение трех разноцветных *гун* («гужей») сменяется, как сменяют друг друга день, ночь и заря.

Элементы макрокосмоса являются объективацией элементов микрокосма: пять агрегатных состояний вещества (*маха-бхуты*) и их пять тонких эманаций (*танматры*) строго соответствуют

пяти орудиям восприятия и пяти телесным орудиям действия (*индриям*).

В эпистемологии признаются три источника правильного познания: восприятие, вывод и авторитетное слово. Сравнение, предположение и отсутствие не являются самостоятельными.

Основатель системы – мифический символический автор *Капила* (воплощение *Вишну* или *Агни*). Однако текст «*Санкхья-правачана-сутру*», приписываемый ему, относят к XIV в.

«Санкхья-карика»

«*Санкхья в стихах*», важнейший текст классической *санкхьи* (III в. н. э.), приписываемый *Ишвара-Кришне*, считается конспектом не дошедшего труда «*Шапти-мантра*» («Стяжка шестидесяти положений») и состоит из 73 стихов размером *арья*. Числа «60» и «73» указывают на полноту охвата предмета, так как первое обозначает количество дней и ночей в месяце, а второе – число пятидневок в солнечном году. Авторы важнейших комментариев – *Гаудапата* (VI в.), *Вачаспати* (IX в.), *Виджнянабхишу* (XVI-XVII вв.) и *Анирудха*. Ряд названий произведений древних авторов *Панчашикхи*, *Варшаганы* известен из медицинских трактатов, «*Махабхараты*» и др.. Труд *Виджнянабхишу* (XVI в.) сближает *санкхью* с *ведантой*.

Онтология согласно трике

Наиболее полно учение *санкхьи* раскрывается в монистическом направлении кашмирского шиваизма *трики*, именуемом *пара-адвайтой* или «высшей недвойственностью» и являющемся высшим выражением *санкхья-веданты*, к которому принадлежали такие гении как *Абхинавагупта* и *Кшемендра*. В этой системе господствует строгая диалектическая логика, рационализм и реализм в решении основных вопросов философии. Так, например, высшая вещественная и орудийная причина бытия – *Шива*, *Махешвара* – наделяется в этом учении не только способностью проявления, самовыражения, манифестации или «показа» (*пракаша*), что характерно и для чистого духа или сознания идеалистических воззрений, но и пятью изначальными качествами: чувством, вдохновением, волей, знанием и действием, обладающими способностью вещественного, предметного выражения и действительной свободой материального развития.

Шакти («сила» или «способность» миростановления *Шивы*) находится в постоянном движении или колебании (*спанда*), исполнена творческого порыва (*вимарша*) и свободы (*сватантры*). Вместе с тем она нерасторжимо связана с *Шивой*, как возлюбленная супруга.

Абхинавагупта определяет термином «пракаша» (используемым в значении «светоносная основа всех источников света», таких как солнце и т. п.), *Махешвару*, «Великого Господа» – творца, сохранителя, разрушителя, омрачителя и озарителя вселенной.

Кшемendra также знаком с этим представлением (это видно, например, из его философских сочинений, и из сокращенного пересказа «*Брихат-катхи*» *Гунадхьи*, где им нарисован величественный образ *Шивы* как космического музыканта, и из последней главы «Попрания гордыни»). Но вместе с тем, опираясь на положение *Абхинавагупты*, что опыт важнее для теоретических изысканий, чем разум, а разум – чем священное писание, *Кшемendra* отождествляет разум с самой божественной сущностью.

Самовыражение или саморазвитие вышеназванных пяти составных частей «чистого уровня сознания», символически называемых *Шивой*, *Шакти*, *Садашивой*, *Ишварой* и *Садвидьей*, согласно философии *трики*, происходит путем постепенного самоограничения с помощью пяти **канчук** («кольчуг», «кожухов»):

«раскалывание» (*каля*) – «калева», «осколок») ограничивает всемогущество (*сарва-кармритва*);

«виденье» или «ведение» (*видья*) – всезнание (*сарва-джнатва*);

«раж» или «влечение» (*рага*) – полноту (*пурнатва*);

«сгорание» или «время» (*каля*) – вечность (*нитьятва*);

«долг» или «самообуздание» (*нияти*) – свободу (*сва-тантра*) или вездесущность (*вьяпакатва*).

Личность (*пуруша*) или «живой» (*джива*) дух подчиняется «мере» (*майя*) вследствие «сокращения» (*санкоча*) проявляющегося («показывающегося» – *пракаша*) вселенского духа (*читты*).

Читте изначально присуще колебание (*спанда*), первоначально проявляющееся в «самоощущении» (*ахам-вимарша*) и ощу-

щении предметов. Оба эти ощущения находятся в основе миростановления и миропроявления.

Живая душа постоянно открыта к с о к р о в е н н о м у (*аварана* – «увернутому») уровню чистого, высшего сознания и бытия, хотя и скована пятью ограничениями, из которых первое, *каля*, путем «расщепления» духовного первоначала и последующего соединения ч а с т и ц (*кала*) обуславливает возникновение тел (*шарирам*).

Таблица 1.

Пятичленное строение мироздания *санкхьи*

	средства	ощущения	орудия	«великие стихии» или «великие агрегатные состояния» (<i>маха--бхута</i>)
1	зрение	звук	язык (речь)	магнитное поле (<i>акаша</i>)
2	слух	прикоснове-	руки	воздух или газ (<i>ваю</i>)
3	обоняние	вид	половой	огонь или плазма (<i>теджас</i>)
4	вкус	вкусовое	кишечник	вода или жидкость (<i>апас</i>)
5	осязание	запах	ноги	земля или твердь (<i>бхуми</i>)

«Первозданное» (*прадхана*) состояние, иначе называемое *пракрити* («первоуложение» или «предуклад»), уже предполагает сочетание или «сплетение» трех «гужей»-свойств (*гуна*):

уравновешенности («*самтвы*» – «света-святости»),
возбуждения («*раджаса*» – «рдяности-резвости») и
торможения («*тамаса*» – «тьмы-томности»).

Эти свойства привязывают душу к телесному существованию, последовательно наделяя ее

«бдением» или разумом («*буддхи*»),
«самодеятельностью» или волей («*ахам-карой*») и
«вниманием» или умом («*маной*»).

Ахам-кара («самодеятельность» природы, воля жизни) ведет к созданию пяти взаимосвязных рядов категорий, каждый из которых

включает средство восприятия, ощущение, орудие действия и «великую стихию» или одно из основных состояний вещества (агрегатных состояний материи).

Как явствует из этого краткого описания, в самом основании мироздания шиваиты допускали существование способности отражения или чувствительности (*читта*), но, разумеется, не сознания человека – оно не могло проявляться на глубинном уровне в силу того, что личностно-предметное или субъектно-объектное разграничение существует там только как возможность.

Следует подчеркнуть суперсиметрию пяти агрегатных состояний материи, пяти тонких состояний, пяти органов чувств и пяти органов действия, которая объясняет представление о тождестве микро- и макрокосма.

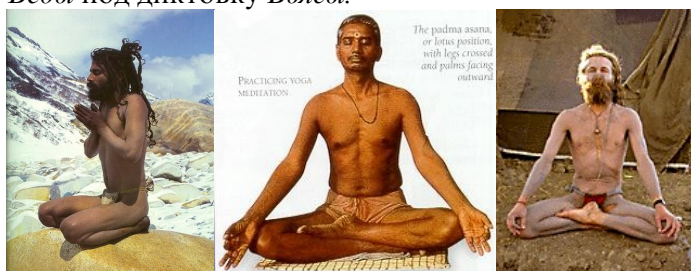
Монистическому шиваизму присуще настаивание на таком понимании свободы духа, при котором не допустимо сведение его ни к одной из тридцати шести частей мироздания; только признание (*пратья-абхиджня*) всех 36 *таттв* в их нерасторжимом единстве как различных уровней целого ведет к полноте свободы и блаженства, действительному познанию духа и мира (*Шивы* и *Шакти*).

Йога - психология и парапсихология

Йога («союз», «синтез», «сосредоточение» «слог, сложение» – от корня «*юдж*», соединять) – интеграция духовных, психических и физических сил, имеющая целью подчинение контролю всех пяти уровней сознания (правильное и ложное познание, сон-подсознание, воображение и память). Истинная *крийя* или *раджа-йога* представляет собой аскетическую этику, гигиену, физиотерапию, физкультуру, гимнастику, психологию и парапсихологию. *Йога* тесно связана с медициной *аюрведы*, календарной астрономией *джйотиши* и военной тренировкой *дханурведы*.

Йога – это психология самосовершенствования ума и чувств, развитие тела и всех его способностей до такой степени, когда человек превращается в совершенный инструмент наблюдения, познания, непрерывной ведийской рецитации и вычисления,

чем-то подобный нашей современнице Шакунтала Дэви, вошедшей в историю как человек способный в сложных вычислениях опередить компьютер. Менее чем за минуту она перемножала два числа, состоящие из 13 знаков, получая септиллионы, числа с 24 знаками, или извлекала квадратный корень из числа, в котором было 23 знака. По ее собственному образному выражению, она это делала благодаря своей дружбе с богом *Ганешей*, олицетворением ведийской мудрости, который записал *Веды* под диктовку *Вьясы*.

Методы самопознания и самоограничения *йоги* ведут к расширению сознания и включению в него всех явлений мироздания и Вселенной, в первую очередь, Солнечной системы, к представлению в собственном воображении Солнца, Луны и прочих светил в качестве частей собственного тела и последующего самоотождествления с предметом наблюдения, т. е. Вселенной. Это – не только способ выработки глобального экологического сознания ответственности за все сущее, но и важнейший метод постижения законов движения светил, о чем прямо говорится в *Йога-сутре Патанджали*, классическом и наидревнейшем тексте этой традиции.

Йога уделяет первостепенное внимание этике самопознания, дыханию, контролю возбуждения (бодрствования) и торможения (сна), управлению всеми состояниями психики и телесной физиологии, с тем чтобы исключить малейшие нарушения в астрономическом наблюдении или хронометрической рецитации *Вед*, которая провозглашается в ней важнейшим долгом (*свадхья* – «повторение своего ведийского текста»). Подробнее об этом принципе *йоги* будет рассказано в главе о *Бхагавадгите*.

Аскетическая этика *йоги*, первоначально предназначенная для отрекшихся от мира подвижников, вступивших в старческий

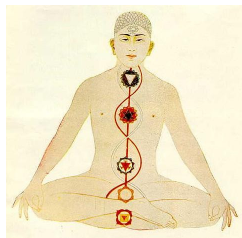
возраст, требует отказа от общественной жизни и всех принципов мирского поведения, предписывая преодоление страха смерти, ненасилие (как в джайнизме и буддизме), абсолютную правдивость, неворовство, нестяжательство, целомудрие, удовлетворенность, чистоту, почитание небесного светоча или Месяца как высшего царя вселенной, умерщвление плоти и повторение *Вед*. Эти принципы являются основой трех *йог* (*джнана*, *карма* и *бхакти*), сформулированных в «*Бхагавадгите*».

Предписание чистоты, контроля над телом, всеми мускулами, дыханием и внутренними органами, требование правильной осанки и устойчивости тела оформились в *хатха-йогу*, занимающуюся аскетической гигиеной, физической и дыхательной гимнастикой.

Последние ступени *йоги*, именуемые *раджа-йогой* (царской *йогой*), нацелены на отвлечение внимания, воображения и всех прочих проявлений сознания от внешних предметов и сосредоточение его на себе самом, что и обеспечивает приобщение адепта к вечности и смерть по желанию.

«Йога-сутра» Патанджали (ок. VII тыс. до н. э. — III в. н. э.)

Основополагающий текст «восьмичленной *йоги*» приписывается **Пата-анджали**, автору «Большого комментария» к грамматике *Панини*. Его имя, «Привет сложенными ногами», означает змея, как и в случае автора *чхандах-шастры*. Змей — символ сосредоточенности, «змеиной» психической энергии *кундалини*, а также и змеевидной орбиты луны, которая в теле йогина вьется вокруг спинного хребта (эклиптики) между семью чакрами-планетами.

**Пата-
анджали**

Текст состоит из 195 *сутр* и 4-х глав: *самадхи-пада* (глава о сосредоточении); *садхана-пада* (глава о достижении); *вибхути-пада* (глава о

сверхъестественных способностях); *кайвалья-пада* (глава о конечном исходе). Важнейшими комментариями являются «*Йога-бхашья*» **Вьясы** (V в.) и «*Раджасамартанда*» **Бходжараджи**.

В «*Йога-сутре*» Патанджали *йога* определяется как особая наука о прекращении работы всех видов сознания во всех видах общественной и личной психофизиологической деятельности и достижения высшего психофизического покоя, необходимого для длительного сосредоточения на избранном предмете. Обычно эта *йога* описывается как «восьмиступенчатая», хотя, на самом деле, она состоит из пятнадцати принципов, сгруппированных по пять вокруг трех видов контроля: *яма* (этический «уем» или ограничения общения с миром), *нияма* (гигиенические ограничения психофизиологии) и *самъяма* (полное самообладание, покой и умиротворение).

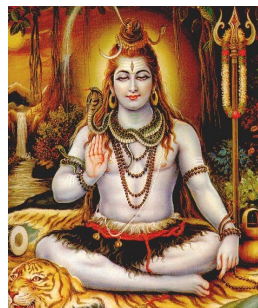
Шиваитская йога

Несовершенство в шиваизме мыслится в качестве своеобразной нечистоты (*мала* – букв. «пыль», грязь, нечистота), под которой понимается утрата полноты духовного видения и правильного самоотождествления. *Мала* бывает трех видов:

анава-мала – чувство духовной ограниченности или несовершенства,

майийя-мала – чувство телесной ограниченности и разобщенности и

карма-мала – чувство ограниченности умственного и физического действия.

В «*Нити-кальпа-тару*» («Пожелай-древо поведения»), своеобразном средневековом «зерцале», предназначенном для воспитания принца, *Кшемендра* настаивает на первостепенной важности для будущего правителя достижения «*амала-праджны*», «чистой мудрости», с помощью философии *адвайта-веданты* (в формирование которой значительный вклад внесли и шиваитски ориентированные мыслители, такие как *Шанкара*, *Шрикантха*, *Шрипати*, *Ядавапракаша* и др.). «*Мала*» соот-

ветствует ведантистскому понятию «авидьи» («неведенья», незнания чистого духа – *брахмана*).

Как в ведантистском учении для устранения *авидьи* используются различные средства *йоги*, так и в тантрическом шиваизме используются различные «подходы» или «средства» («упая»):

шакта (*джнана*, *бхава*, *мантра*) *упая* или *йога*, соответствующая ведантистской *джнана-йоге*;

анава-упая, включающая *хатха*-, *раджа*-, *кундалини*- и *бхакти-йоги* и соответствующая в ведантистской традиции *крिया*- или *раджа-йоге* *Патанджали*, и

шамбхава-йога или *нираламба-йога*, которая не имеет соответствия в *веданте* и фактически является «*анупая*», т. е. «отсутствием средства».

Этот последний уровень духовного совершенства предполагает состояние, при котором нужда в средствах отпадает и устанавливается духовная гармония – «сочувствие» или «сопереживание» между *Шивой* и *Шакти* («*Шива-Шакти-сама-расья*»).

Сопереживание является высшей категорией и в древнеиндийской эстетике, на тысячелетия предвосхищая разработку этого понятия в системе Станиславского.

Ньяя – теория познания, логика и диалектика

Ньяя («вывод») означает логическое рассуждение, закон, силлогистику, логику. Исторически *ньяя* представлена двумя школами: ведийской *ньяей* и средневековой *навья-ньяей* (новой логикой).

Ньяя интересуется, прежде всего, эпистемологией, логикой и диалектикой (диспутом). Она признает четыре способа познания (*прамана*, букв. «промер»): восприятие, вывод, сравнение и словесное свидетельство (авторитета и откровения). Первичная цель *ньяи* – устранение ложного знания, которое понимается как принятие одного объекта за другой.

«Ньяя-сутра»

Исходный текст древней школы «*Ньяя-сутра*» принадлежит *Акианаде Готаме* (VII

тыс. до н. э. – II в. н. э.), важнейшие комментарии к нему составлены *Пакишласвамином Ватсьяной* (400 г. н. э.) и *Уд-дьютакаррой* (VII в. н. э.). Вместе с последующими комментариями общий объем достигает нескольких тысяч страниц.

Текст состоит из 528 *сутр*, пяти разделов, каждый из которых делится на две части, а далее на тематические главы. Сначала дается подробное перечисление терминов, их определение, затем идет критическое исследование. Основные термины, составляющие понятийное ядро *ньяи*, следующие: инструменты познания; подлежащее познанию; сомнение; цель; очевидное; основоположение; составная часть аргументации; косвенный аргумент; диспут для выяснения истины; словопре- ния ради победы; возражение без выдвижения контртезисов; ошибочные логические основания; словесные увертки; некорректные возражения по сходству; условия поражения в диспуте.

Навья-ньяя (Новая логика)

«Новая *ньяя*» была основана в XIII в. великим логиком *Гангешей*, автором «*Таттва-чинтамани*» («Понятийного пожелай-камня») и представленная вереницей выдающихся философов: *Пакиадхарой* (XV в.), *Рагхунатхой Широмани* (XV–XVI вв.), *Матхуранатхой* (XVII в.) и др.. Философам этой школы принадлежит огромное число работ по логике, проблемам семантики, эпистемологии, физике и грамматике.

В основе онтологии лежит реализм. Эта логика не рассматривает высказывания, а оперирует «смыслами». В некоторых отношениях она решительно превосходит аристотелевскую логику; ей знакомы понятия конъюнкции, дизъюнкции и их отрицание, следствие о классах из закона Де Моргана, а своей концепцией числа она на несколько столетий предвосхитила математическую логику.¹⁴⁹

Новая *ньяя* не использует символов, обходясь грамматическими средствами санскрита и получая немыслимое множество логических высказываний, что отражает общую

¹⁴⁹ Инголлс Д. Г. Х. *Введение в индийскую логику навья-ньяя*, М., 1974.

тенденцию санскритской учености – лаконичность и экономию языковых средств при максимальной насыщенности смысла.

Вайшешика - физика и метафизика

Вайшешика (анализ «особенностей», *вишеша*) близко связана с *ньяей*. «*Вайшешика-сутра*» имеет меньшее значение сравнительно с самостоятельным трудом *Прашастапады* (IV–V вв.) «*Падартха-дхарма-санграха*» («Анализом характеристик категорий»).

Задача *вайшешики* – формулирование реалистической онтологии, в которой, в частности детально разработана атомистическая теория материи. Видами сущего в ней являются субстанции, их качества, движения, общее, особенное и внутренняя присущность.

Средствами истинного познания признаются восприятие, вывод (опирающийся на последовательную теорию силлогизма и анализ признаков верного умозаключения), память и интуиция.

Неверное познание проявляется как сомнение, ошибка, недоумение и сновидение.

«Вайшешика-сутра»

Вайшешика-сутра – основной текст философии *вайшешики*, приписываемый мудрецу *Канаде*. Создан, по-видимому, в первые века до н. э.. Сохранился лишь один прямой комментарий. Текст делится на 10 разделов, в которых рассматриваются: категориальное членение всего сущего, понятие общего и особенного; теория субстанций – агрегатных состояний вещества, пространства и времени; духовные субстанции; описание тела и орудий познания и действия (*индрий*); движение и действия; добродетель, долг, обязанности; качества (материальные, познавательные) и их присущность; определенное и неопределенное восприятие; классификация актов познания.

Настика – неведийские системы

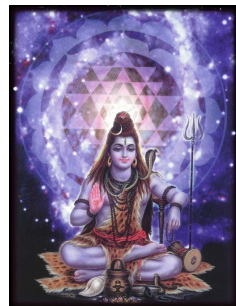

Наряду с шестью ведийскими существовали и неведийские направления, именовавшиеся «нигилистическими» (*настика* – не признающие авторитета *Вед*): *локаята* (разработанная одной из сект шиваитов-тантриков, поклонников *капалы* или черепа, и, видимо, специализировавшаяся на искусстве спора, диспута), буддизм и джайнизм.

Грандиозные комплексы буддизма (на *пали* и *санскрите*), джайнизма (на *апабхрамше* и *санскрите*), шиваитского, вишнуистского и шактистского тантризма формировались в тот же период, когда происходило становление брахманских *даршан*.

В лунарной модели философии эти неведийские направления были связаны с новолунием, периодом смерти Месяца, господством мрака, засильем *млеччхов*, «сумеречных» сил, сторонников тьмы, противников *ариев* («просвещенных»). Эти направления в отличие от светлой жизнеутверждающей философии *Вед* отмечены приверженностью мистицизму, аскетизму, иногда смешанному с крайним пессимизмом. Например, *капалики-тантрики* мазали себя пеплом, пили вино из черепа и отрицали все общественные ценности и идеалы; в буддизме самой главной причиной страданий провозглашено желание жить и любить (важнейшая сторона жизни согласно ведийской *кама-шастре*); Будда демонстрирует сотни раз в *Джатаках* решимость отречься от себя и от жизни; а у самых правоверных джайнов идеалом является добровольный уход из жизни под предлогом непричинения вреда другим живым существам.

Однако все эти крайние взгляды не противоречат ведизму в главном: они придерживаются той же культурной стихии и этики (например, *ахимсы*, ненасилия и непричинения вреда живым существам, что и *йога*, хотя доводят ее до абсурда), следуют тому же лунному календарю (возможно, реформированному) и той же эпистемологии, логике и диалектике, которую пытаются приспособить к своим целям, модифицировать или улучшить.

Локаятики определяются в труде джайна *Харибхадра Сури* «Обзор шести мировоззрений» как *йогины-капалики* или *тантрики*, т. е. почитатели *Шивы-Бхайравы* и *Кали* в образах разрушителей вселенной, и, таким образом, их отрицание ведийских обрядов, богов и насмешки над жрецами не носят абсолютно деструктивного характера, как иногда полагают те, кто считает их материалистами. Чаще они предстают искушенными полемистами, стремившимися, видимо, к разоблачению предрассудков и суеверий, порождавшихся буквальным прочтением ведийских метафор. Локаятики упоминаются *Баной* в поэме «*Хариша-чарита*» в составе учащихся и учителей разных других направлений в школе *Дивакарамитры*. Часто подчеркивается, что из четырех сторон жизни они обращали внимание только на любовь (*каму*), при этом «*Кама-сутра*» *Ватсьяны* дает описание взглядов локаятиков, что позволяет связать их с последователями *кама-шастры*.

Будда в *пуранах* объявлен воплощением *Вишну*.

Махавира, основоположник джайнизма, и его все предтечи носят имена воплощений *Вишну*.

Гармоничная циклическая основа различных философских взглядов была заложена в древности, и вся последующая деятельность философов сводилась к углублению отдельных положений. Поэтому религиозно-философские системы индуизма преемственно связаны с древними истоками мысли, изложенными в ведийских *сутрах*, и согласованы друг с другом в рамках астрономико-мифологической поэтики.

На протяжении тысячи лет до VIII в. н. э. (в Кашмире до XIV в., а на юге Индии и на о. Шри Ланка и позже) буддийская и джайнская философии мирно спорили со школами брахманизма. Результатом этой полемики иногда считают *адвайта-веданту Шанкары*, вобравшую многие философские достижения буддистов-*мадхьямиков* школы *Нагарджуны*. Развитие философских систем происходило в диспутах, где могли обсуждаться все, в том числе и крайние точки зрения.

В эпоху *Гуптов* (IV–VI вв.) индуизм превратился в мощное религиозное течение, которое имело чрезвычайно широкую культурную и этническую базу. После вытеснения буддизма из Индии и Средней Азии в Тибет и на восток вторгшимися гуннами, пратихарами, гурджарами и другими тюркскими завоевателями полемика брахманизма с буддизмом сворачивается, и центр споров перемещается в область отношений брахманских школ между собой и внутрь самих школ, происходит дальнейшая дифференциация классических *даршан*.

С приходом в Северную Индию в XI в. ислама появляются теистические школы *веданты* – до тех пор теизм был лишь слегка намечен в *ньяе*. Разрушение буддийских городов-университетов, энциклопедической системы санскритского образования вызывают серьезный упадок индийской астрономии, логики, математики и философии в XVI – XVIII вв.

Однако, несмотря на удары, нанесенные индуизму мусульманским нашествием, он выстоял, одержал внушительную победу не только над исламом, но и над христианством и в недавние годы даже утвердился на какое-то время в качестве государственной религии.

От «часов для счета» к компьютеру

Я полностью убежден в том, что человечество ныне с таким упоением осваивает программирование не потому, что это – совершенно новая область знания, а потому, что это – вновь обретенная часть его культурного наследия, его души, некогда утраченная и теперь спонтанно восстанавливаемая.

К этой мысли ранее пришел Дж. Хокинс, астрономически исследовавший назначение Стоунхенджа, сооруженного на юге Великобритании около 2 тыс. лет до н. э. С помощью электронно-вычислительной машины он обнаружил, что арки, созданные из каменных блоков, весящих десятки тонн, представляли собой прицелы на

точки восхода или захода Солнца и Луны в дни солнцеворотов, а все сооружение являлось ничем иным как календарно-вычислительной машиной для предсказания затмений с точностью до года, месяца, дня и, возможно, часа. Стоунхендж, как и его подобие Каллениш на острове Льюис (север Шотландии) и сотни других подобных мегалитических сооружений, скорее всего, по его убеждению, были связаны с 56-летним циклом затмений, состоящим из двух 19-летних Метоновых циклов и одного 18-летнего периода. Иначе это – три цикла узлов, обнаруживаемые и в структуре ведийских *мантр* (о чем см. гл. о мантро-зодиакальном коде). Однако эти периоды сейчас просматриваются только во внутренней организации самих этих каменных обсерваторий, а знания, которые лежали в основе их сложной инженерной конструкции, безвозвратно утеряны. Удивительным в этих сооружениях является не только их грандиозность и календарно-астрономическая точность, но и само расположение.

Как пишет сам Дж. Хокинс: «Оба эти сооружения расположены близ критических широт. Каллениш находится на широте, где Луна иногда как бы катится по южной части горизонта, едва ли не касаясь его. Стоунхендж находится на широте, где Солнце и Луна в своих крайних положениях на горизонте восходят и заходят в направлениях, расположенных под прямым углом друг к другу. С точки зрения астрономических наблюдений, Стоунхендж нельзя было строить севернее Оксфорда или южнее Борнemunта. Только в пределах этого узкого пояса широт четыре

«опорных» камня образуют прямоугольник. Вне этой зоны форма прямоугольника была бы заметно искажена. Возможно, эти широты были выбраны сознательно, так как строители знали, что в более северных или южных широтах углы между «опорными» камнями будут иными. Если Стоунхендж и Каллениш – действительно родственные сооружения, то их строители, возможно, располагали знаниями основных фактов, которые впоследствии легли в основу точной навигации и привели к открытию шарообразности Земли. Но если они и располагали столь ценными знаниями, то передавали их из поколения в поколение в устной форме: сами камни об этом ничего не говорят»¹⁵⁰.

Дж. Хокинс выражает сожаление по поводу господства нелепых представлений об отсталости людей этого периода, но подчеркивает, что в Великобритании друидская устная традиция, которая, вероятно, могла бы пролить свет на секреты научных знаний строителей мегалитов, давно умерла.

Хотя и в Индии живая преемственность сокровенного знания также оказалась существенно нарушена, тем не менее, была сохранена преемственность в передаче основных текстов, которые, по моему убеждению, как раз и восполняют это утраченное звено в объяснении возникновения загадочных астрономических сооружений древности. В последующих главах вы найдете реконструкцию ведийской суточной хронометрии, математической астрономии, согласовательных периодов и календарной палеографии, дающих многочисленные подтверждения того, что строители древнейших обсерваторий вроде *мандалы* Стоунхенджа были представителями просвещенной индийской цивилизации, располагавшей всей совокупностью наук для изучения мира и человека, а также универсальной этикой, позволявшей считать всю вселенную своим единым духовным пристанищем, а род человеческий – одной семьей.

Контекст, в котором в этой книге рассматриваются ведийские тексты и методы составления ведийского кодированного текста-таблицы, а также обнаруженные нами в ведийских сборниках гимнов различные методы кодирования

¹⁵⁰ Дж. Хокинс, *цит. выше*, с. 242.

цифровой информации, заставляет рассмотреть проблему истории математики, программирования и создания компьютера в более широкой философской и исторической перспективе. Но сначала – несколько определений.

Цифровой и аналоговый компьютеры

Известно, что компьютеры могут быть цифровыми или аналоговыми. Цифровой построен на обработке процессов, которые манипулируют числами, например, двоичными (0 и 1). Аналоговый имеет отношение к цифровым величинам, имеющим непрерывный диапазон. Аналоговыми числами являются как 0 и 1, так и 1,5 или число вроде «приблизительно 3,14». В виде примера можно взять настольную лампу. Если у нее есть простой выключатель вкл./ выкл., то она представляет собой цифровое устройство. Если выключатель заменить плавным регулятором светимости, тогда лампа становится аналоговым устройством, поскольку количество света может изменяться непрерывно от нуля до максимума.

Обычно считается, что аналоговые компьютерные системы были первым освоенным типом. При этом западные энциклопедии и справочники навязывают мысль, что эра компьютерных разработок началась в Европе в 1623 г. с аналоговой машины немецкого ученого **Вильгельма Шикарда**, использовавшей 11 полных и 6 неполных цепных колес, которая могла складывать и, с помощью логарифмических таблиц, умножать и делить.

Хотя, разумеется, ясно, что этому изобретению предшествовала не одна тысяча лет развития таких дисциплин как математика, физика и механика, с вполне вероятным присутствием элементов программирования, формальной логики и структурной лингвистики. В этой связи нельзя не вспомнить разработки устройств для счета времени, осуществлявшиеся еще с древних времен в Греции и в средневековой Европе, а также проекты различных логических устройств, как, например, «логической машины» **Раймунда Луллия** (ок. 1235 – ок. 1315).

Французский философ, математик и физик **Блез Паскаль** изобрел машину в 1642 г. для сложения и вычитания, автоматически переносившую цифры из столбца в столбец.

Популярным аналоговым компьютером, использовавшимся на протяжении 20-го столетия, была **логарифмическая линейка**. Вычисления на ней выполнялись с помощью узкой деревянной полосы, скользящей в середине линейки. Поскольку скольжение здесь является непрерывным и отсутствует механизм для фиксации значений, логарифмическая линейка является аналоговым устройством. Новый интерес к аналоговым компьютерам пробудился в связи с изучением нервных сетей, которые реагируют на непрерывные электрические сигналы. Современные компьютеры, тем не менее, в своем большинстве – это цифровые машины.

Первые компьютеры современного типа появились в тридцатые-сороковые годы в процессе работы по совершенствованию и автоматизации сложных вычислений. В 1932 г. был создан механический аналоговый дифференциальный анализатор **Ванневаром Бушем** (США), затем в США и Германии – электромеханический компьютер, использовавший двоичный код, впервые описанный в Европе **Г. В. Лейбницем** (1646–1716).

Первый электронный цифровой компьютер, работавший на двоичном коде и математической логике, был создан американским физиком ирландско-болгарского происхождения **Джоном Винсентом Атанасовым** (1903-1995) в 1937-1942 гг. Его идеи были похищены и положены в основу электронно-цифрового интегратора и компьютера (ENIAC – Electronic Numerical Integrator and Computer), который до 1971 г. считался первым электронным компьютером, пока в процессе судебной тяжбы между двумя компаниями по совершенно иному вопросу случайно не выяснился приоритет Атанасова.

Устройство Атанасова в 1000 раз было точнее механического аналогового дифференциального анализатора Буша. И эта точность могла быть легко увеличена до любого количества знаков, в то время как в аналоговом компьютере

чтобы, например, увеличить в 10 раз точность измерений на линейке, нужно в соответствующее количество раз увеличить саму линейку.

Но широко электронный цифровой компьютер стал применяться в информатике только во второй половине прошлого века с пятидесятых годов, когда появились в разных странах ЭВМ, оперировавшие 20-разрядными, потом 39- и 45-разрядными числами. В 1961 г. были произведены первые интегральные схемы, а затем в 1971 г. фирмой «Интел» создан первый микропроцессор – программируемое логическое устройство, работающее на основе технологии больших интегральных схем, который использовал первоначально 4-8-разрядные коды, потом, начиная с третьего поколения МП 80 286, – 16-разрядные, начиная с середины 90-х, когда появились процессоры «пентиум», – 32-разрядные, а с начала 21-го века – и 64-разрядные.

Язык программирования в информатике

Язык программирования – это любой искусственный язык, который может быть использован, чтобы определять последовательность инструкций (команд), которые могут быть обработаны и выполнены компьютером. Определить язык программирования может быть мудреным делом, но, в общем, подразумевается, что перевод (*трансляция*) с исходного кода, выраженного языком программирования в машинный код, с которым компьютеру нужно работать, должен быть автоматизирован посредством другой программы, именуемой *компилятором*; таким образом, английский и другие естественные языки первоначально были исключены.

Существует множество типов языков программирования, разработанных за последние годы. Первоначально программисты должны были записывать инструкции (команды) на машинном языке. Этот кодированный язык, который может быть понят и выполняться непосредственно компьютером без преобразования или перевода (*трансляции*), состоит из двоичных цифр, представляющих коды операций и адреса

памяти. Поскольку он состоит из последовательностей 1 и 0, машинный язык труден для использования.

Язык Ассемблер был разработан для большего удобства. Он позволил выражать инструкции (команды) с помощью алфавитных символов (напр., AD для англ. «add» «добавить» и SUB для «subtract», вычитать). Хотя сборочный язык со своим мнемоническим кодом легче использовать, чем машинный язык, несомненно, **было желательно разработать языки программирования, более схожие с человеческими.** Первым так называемым высокоуровневым языком явился FORTRAN (акроним для Formula Translation, «перевод формул»), разработанный в 1956. FORTRAN хорошо подходил ученым и математикам, поскольку он был подобен математическим записям. Затем в 1960 г. появился более практичный язык КОБОЛ (Common Business-Oriented, «ориентированный на обычную деятельность»). КОБОЛ применяет слова и синтаксис, имеющие сходство с обычным английским языком. Позже, стали создаваться другие языки, даже еще более легкие для изучения и использования. Такой язык как BASIC (Beginner's All-Purpose Symbolic Instruction Code, Символический инструктивный многофункциональный код для начинающих), например, может быть легко освоен неспециалистом и может широко использоваться в школах, на предприятиях и дома для программирования на настольном компьютере. «C» – высокоуровневый язык, который может функционировать как сборочный язык. На нем написано значительное количество коммерческого программного обеспечения. Другим таким разносторонним широко используемым языком является Pascal (названный в честь французского ученого-философа Блеза Паскаля).

Позже некоторые структуры английского начали использоваться и пониматься некоторыми языками четвертого поколения. Высокоуровневые языки программирования обладают теми или иными исключительными особенностями, которые делают каждый из них пригодным для специфического приложения. Языки четвертого поколения (4GLs) ближе к человеческому языку, чем высокоуровневые языки (или языки третьего поколения). Они используются чаще всего для работы и управления базами данных или как языки запроса; например,

ФОКУС, SQL (Structured Query Language, «Структурный язык запроса») и dBASE. Объектно-ориентированные языки программирования, как например, C++ и Smalltalk («Салонный разговор»), составляют программы из готовых структур данных или вычислительных инструкций (команд), называемых «объектами». Новые программы могут быть составлены путем перебирания и манипулирования объектами. Нынче существуют языки, неплохо понимающие инструкции по-английски.

Криптография

Криптография первоначально разрабатывалась с давних времен как средство сокрытия письменных посланий от посторонних глаз. Сегодня ее принципы применяются к шифрованию факсимильных и телевизионных спутниковых сигналов и для защиты передачи данных между компьютерами.

Преобразование понятного сообщения (открытого текста) в закодированное сообщение (шифр или зашифрованный текст) обычно требует использование алгоритма (установленной процедуры) и ключа. Алгоритм может быть общеизвестным, но некоторая или вся ключевая информация должна сохраняться в секрете от всех, кроме передатчика послания и законного получателя.

Много разнообразных систем шифрования были разработаны в течение веков. Но в общем им всем присуще две основных математических операции, перестановка и подстановка или комбинация обоих. Перестановка перестраивает элементы открытого текста, не изменяя самих элементов. Подстановка включает замену элементов открытого текста, как, например, букв или пар букв другими символами, не изменяя последовательность, в которой они расположены. В более сложных системах как перестановки, так и подстановки идут каскадами. Очень сложным и широко используемым вариантом такой криптосистемы является Шифровальный Стандарт Данных (DES), который был разработан в середине 1970-х в Соединенных Штатах. Это – блочный шифр, в котором чередуются 16 кругов подстановки и перестановки. Он шифрует 64-битные блоки закодированного двоичным кодом открытого текста под управлением 56-битового ключа. Криптосистемы

могут быть симметричными или несимметричными. В симметричной системе шифрование и расшифровка выполняются с помощью того же самого ключа, в несимметричной системе используются два различных ключа.

Учитывая неудачи нескольких поколений «дешифровщиков» *Вед*, а также священный характер календарно-хронометрических знаний, пришлось предположить присутствие в ведийских текстах криптографии, особого символического языка и программирования.

Санскрит как искусственный язык программирования

Санскрит – «складный, закрытый, сокровенный», «искусно сделанный», «совершенный» – классический, священный и литературный язык индусов Индии, принадлежит к индоарийской группе индоиранских языков индоевропейской семьи языков. Это – наиболее яркий представитель подсемейства *сатем* (наряду с ним в него входят албанский, армянский, литовский, иранские и славянские языки, обнаруживающие наибольшее сходство в грамматическом строе, словарном составе и произношении. Их дополняют языки подсемейства *кентум*, включающие греческий, латинский, романскую, германскую и кельтскую группы). Семейства названы по характерным отличиям в произношении слова «сто».

Санскрит – это язык ведийского календарно-астрономического обрядового песнопения (отчасти язык джайнского и буддийского этико-астро-хронометрических канон), «язык светочей или светил» (*дэва-бхаши*), иными словами, научно разработанный на основе индоевропейского праязыка (10 – 8 тыс. лет тому назад) поэтический и научный язык, ставший в последующие тысячелетия основным орудием ошеломительной по объему ведийской и брахманской литературы.

С начала Христианской эры санскрит поддерживался как литературный язык священников, ученых и образованных каст Индии, и он сохраняет это положение до сих пор. Часто понятие «усовершенствованный» связывают с правилами индийского грамматиста *Панини* (приблизительно 400 до н. э.). Среди грамматик, созданных до 19-го столетия, его работа считается

наиболее научной и используется как основание для современных санскритских грамматик. До сегодняшнего дня ни один из языков мира не имеет грамматики, построенной так четко, как грамматика Панини, написанная в лаконичной алгебраической форме.

Классический санскрит имеет определенные отличия от самой старой формы индийской речи, сохраненной в ведийских священных писаниях, *брахманах* и *упанишадах*. Ведийский, хотя и основан на народных идиомах и считается гораздо более древним, чем классический санскрит, однако, подобно санскриту, является также искусственным, «высоким языком», передававшимся из поколения в поколение священниками-певцами. Ведийский санскрит (процветавший, по европейским заниженным данным, приблизительно с 1500 до н. э. до 200 г. до н. э., или скорее несколько тысячелетий до этого времени) и классический санскрит (начавший свое существование с грамматики *Панини*) являются литературными формами древней индоарийской речи, которая существовала во многих нелитературных народных диалектах. Некоторые из этих древних говоров развились в *пракриты* или среднеиндоарийские языки (наиболее известным из которых является *пали*). В некотором смысле, *пракриты* (процветавшие приблизительно с 3-го столетия до н. э. — до 12-го столетия) связаны с санскритом настолько, как языки романской группы связаны с латинским или славянские языки со старославянским.

Ведийский отличается от классического санскрита так же, как греческий Гомера отличается от классического греческого. В грамматических формах ведийский был более богатым и менее упорядоченным, чем санскрит, который утратил многое из ранней грамматики; у существительных, например, были утрачены некоторые окончания падежей для двойственного и множественного чисел. Было потеряно ведийское сослагательное наклонение, а количество ведийских инфинитивов было уменьшено приблизительно с дюжины до одного единственного. К средневековью санскрит также утратил ведийскую систему произношения или тонального акцента, которая была все еще в полной силе во времена *Панини*. Несмотря на эти потери, санскрит остается сложным языком с богатой флексией, чередованием гласных и

контекстуально-зависимым изменением звуков. Он имеет три рода (мужской, женский, и средний) и три числа (единственное, двойственное и множественное). Санскрит, в целом, лучше, чем любой другой индоевропейский язык, кроме, возможно, древнегреческого и старославянского, сохранил лингвистические особенности предполагаемой индоевропейской речи.

О широком распространении его в раннесредневековой Индии говорит замечание кашмирского поэта *Билханы* о том, что *санскрит* в Кашмире понимают даже женщины. В последние годы правительство Индии осуществляло целый ряд мер по возрождению значения санскрита в науке и образовании. Статус *санскрита* в современной Индии неизменно повышается. Если десять лет назад его называли родным только 200000 человек, то теперь – уже около 2 млн. На *санскрите* издают журналы, играют пьесы, снимают фильмы (некоторые из них удостоены высоких призов), ежедневно вещают новости, пишут поэмы (например, с 1947 по 1997 г. появилось свыше полусотни эпических поэм, среди которых есть и немало произведений на современную тематику – поэмы, посвященные Л. Н. Толстому, М. Л. Кингу, Дж. Кеннеди, В. И. Ленину, описанию XX столетия, пути Индии к независимости, глобальным проблемам, звездным войнам, болевым точкам планеты, таким как Намибия, Кашмир, Пенджаб, Шри Ланка и др.). На *санскрит* переводятся классики мировой литературы и общественной мысли (В. Шекспир, Л. Н. Толстой, М. К. Ганди...).

Ученые, лингвисты, программисты, индологи и, особенно, санскритологи в один голос утверждают, что санскрит обладает особенностями и преимуществами, которые отсутствуют во всех других обывденных языках. Более того, специалисты НАСА, занятые проблемой обучения компьютера пониманию обывденного языка, приходят к выводу, что самым точным и фонетически, и грамматически, а, следовательно, и самым лаконичным оказывается санскрит. Английский не точен не только фонетически, но и грамматически. Одно и то же по форме слово может быть и существительным в роли подлежащего, определения, обращения или дополнения, и глаголом в роли сказуемого. Это означает, что, вводя в компьютер такое слово, **нужно использовать дополнительные слова-кван-**

торы, указывающие на часть речи и на синтаксические связи, а в санскрите (и вообще родственных ему синтетических языках, разумеется, и русском) точность и лаконичность присутствуют изначально и органично. Многие ученые склонны считать санскрит древнейшим из языков планеты, при этом сохранившим свою исходную чистоту и правильность благодаря своей уникальной кодификации в серии специальных лингвистических ведийских дисциплин. Фонетика и грамматика санскрита и сегодня остаются образцовыми, по мнению многих лингвистов. Словарь санскрита огромен, продуктивен в смысле неологизмов, необходимых науке, и обладает необыкновенным богатством синонимов, смыслов и оттенков.

При этом все слова санскрита выводятся из его собственных корней, что указывает на санскрит как на язык-предок по отношению ко всей индоевропейской семье, в которой эта особенность достаточно разрушена.

Ныне научно описанное рукописное наследие на санскрите насчитывает более миллиона научных, философских и художественных сочинений (столько же, предположительно, еще не отражено в каталогах рукописей). Век назад это было больше всей остальной мировой литературы вместе взятой! Санскритская литература, начиная с ведийских времен, охватывает все дисциплины философского, научного, лингвистического и прикладного циклов, опирающиеся каждая в отдельности на строго научную терминологию, аналитику и систематику, охватываемые метатеорией и общей методологией. Так что выражение санскритской хроно-мифо-энциклопедии *Махабхараты* о том, что она отразила все явления мироздания, обретает вполне реальный смысл. Однако многие древние знания не всегда легко обнаруживаются: часто они скрыты за плотной пеленой туманных выражений, экстравагантной терминологии, сложных метафор, мифологем, перестановок частей ведийского текста или подстановок цифр вместо слогов или наоборот.

Веды как мнемонический аналого-цифровой хроно-компьютер

Анализ самих *Вед*, древней и современной интерпретаторской литературы подводил настоятельно к выводу о том, что *Риг-веда* как наиболее авторитетный текст этой древнейшей научной традиции, несмотря на свою лапидарность, энигматичность и пестроту мифологических персонажей, должна содержать некоторый астрономический и в то же время практически значимый, в первую очередь, календарно-обрядовый план.

Постепенно становилось все более ясно, что расшифровка символики ведийских богов и хронометрических принципов ритуальной декламации станет возможна только в ведийском контексте таких мифоастрономических представлений как «Лад» (*Рита*) и «Бессмертие» (*амрита*), символизировавших ежегодные и ежемесячные циклические планетные перемещения.

Веды представляются мне самой величественной и таинственной небесной (астрономической) драмой с сотнями божественных персонажей, которые, несомненно, как это уже выше отмечалось, являются воплощениями светил и единиц времени, взаимодействующих в постоянном циклическом движении, – восходящих, входящих в противостояния, кульминирующих, заходящих за горизонт, вступающих в соединения, затмевающихся другими планетами, и, непременно, разговаривающих друг с другом или поющих.

Воздействие этой священной драмы на зрителей в значительной степени зависит от успеха, с которым поддерживается иллюзия вечности времени и его непрерывного циклического течения, представленного в качестве божественного и как бы действительно происходящего состязания. Это неперенное условие и любого сценического произведения¹⁵¹. В случае *Вед* даже малейшая прерывность времени – как уже отмечалось в связи с *мимансой* и как будет показано далее в главах о хронометрии – разрушает эту

¹⁵¹ Mahajani G. S. Search for universal principles of literary criticism. In: *Principles of Literary Criticism in Sanskrit*. Ed. by Dr. R. C. Dwivedi, Delhi, 1969. Pp. 1-4., p. 3.

иллюзию. А это уже – свидетельство сопряженности *Вед* с высшей наукой высокоточных вычислений. Тому есть множество свидетельств как в самой вспомогательной ведийской научной литературе, являющейся неотъемлемой частью функционирования и интерпретации *Вед*, так и в самих *Ведах*.

Сейчас, когда истинное назначение двоичного кода *Пингалы* стало понятным (см. главу о двоичном коде), совершенно в другом свете предстают даже такие на первый взгляд романтически звучащие предположения, как мысль, сформулированная **К. П. Раджаппаном**, о том, что ведийская математика в сочетании с грамматической теорией *Панини* (VII в. до н. э.), напоминающей теорию «семантических сетей, устраняющих синтаксис», ведантийской гносеологией *Шанкары* (VIII в.), символической или формальной логикой *навья-ньяи*, на несколько веков опередившей Европу в разработке математической логики, действительно, создала методологическую базу для изобретения компьютера.

Как свидетельствует текст «*Дхвант-прамака-янтра*», в средние века в Индии разрабатывалась теория электричества, и изучались способы его производства и хранения. В Европе эти исследования развернулись лишь в XIX в.. Например, К. Маркс в середине того века еще ничего не слышал ни о Фарадее, ни о Максвелле и их электромагнитной теории. Само понятие электрона утвердилось в европейской науке только в конце XIX в.. Электронному компьютеру, к сожалению, не суждено было появиться несколько веков назад в Индии в силу мусульманского вторжения и разрушения многих устоев и укладов санскритской цивилизации...

Однако то, что электронный компьютер не появился в Индии еще в средние века, нисколько не умаляет заслуг древнеиндийских ученых в разработке «мозгового компьютера» и в соподчиненных областях создания искусственного языка программирования, теории множеств, комбинаторики, быстрого счета, двоичного, троичного и десятичного кодирования, шифрования, формальной логики, фонетики и грамматики искусственного языка, а также техники рецитации ведийского математико-лингвистического хронотекста и психотехники *йоги-веданты*, которые в совокупности представляли

собой технологию умственных высокоточных и наисложнейших математико-астрономических вычислений как в аналоговом режиме рецитации, так и в чисто цифровом, опосредствованном использованием мифологемного, буквенно-цифрового, словесно-цифрового, двоичного и троичного кодов по соответствующим программам, представленным «священными текстами» и ритуалистическими, метрическими, грамматическими, фонетическими, этимологическими и астрономическими *сутрами*.

Традиционные подходы к *Ведам* и, вообще, к санскритской литературе, этике, науке, образованию и цивилизации должны быть радикально переосмыслены и модифицированы в свете интегрального подхода к изучению ведийских вспомогательных дисциплин. Этот пересмотр не может не затронуть и все другие культурные традиции древнего мира, тем самым, опровергая общепринятые историко-культурные и общесторические схемы как натуралистического и нигилистического, так и мистического толка. Кроме того, эти выводы могут оказаться полезными в длительном споре относительно принятия универсального вечного календаря, разработке кодов программирования и мультимедийных календарных программ.

Ведийский гипертекст и мифо-хроно-поэтика

Как из зажженного огня, обложенного влажным топливом, вылетают различные струи дыма, точно так же, мой дорогой, Риг-веда, Яджур-веда, Сама-веда, Атхарвангираса, итихасы, пураны, видьи (науки), упанишады, шлоки (стихи), сутры (законы), व्याкхьяны (изложения), анувьякхьяны (послесловия) исходят наружу с дыханием этого Великого Бытия.

Брихад-араньяка-упанишада, 11.4.10.

Веду следует дополнить итихасами и пуранами; Веда боится малого знания – избавь меня от него!

Саяна, «Предисловие к Риг-веде»;

Махабхарата, 1.1.267.

Вся ведийская и пураническая литература, как уже упоминалось, «обоснована» («вьяса») или согласована символическим автором *Вьясой* с делением зодиака на градусы, а также и с планетными периодами. Сначала он разделил единую *Веду* на четыре сборника, посвященных определенным планетам.

Яджнавалкья

Атхарва-веда (состоящая из 20 книг, 5038 или 5226 мантр), созданная *Ангирасом* (Месяцем) и *Атхарваном* (возможно, Меркурием), именуемым «жрецом» *Агни* (Месяца или Солнца), исполняемая жрецом *брахманом*, посвящена *Шашиджге* («Отпрыску Зайца» или Месяца, **Меркурию**).

Риг-веда (состоящая из 10 мандал, 10552 мантр, 432000 слогов), составленная *Агни-Брихаспати* или *Ганapati*, именуемым также *Индрой* и *Шивой*, т. е. Месяцем или Юпитером, и исполняемая жрецом *хотри*, посвящена *Агни-Индре-Соме* (Месяцу) и *Брихаспати*, **Юпитеру**.

Яджур-веда (состоящая из 1976 мантр и 288000 слогов, что составляет $\frac{2}{3}$ от количества слогов *Риг-веды*), порожденная *Сурьей* (Солнцем, отцом Сатурна), *Ваю*, *Антарикшей* и *Ямой*, затем изложенная *Яджнавалкьей Ваджасанеей* (воплощением *Вишну*, т. е. Сатурна), исполняется жрецом *адхварью* и посвящена *Бхригу*, **Венере**.

Сама-веда (состоящая из 1875 мантр) – также творение *Сурьи* (Полного Месяца или Солнца), исполняется жрецом *удгатри* и посвящена *Бхауме*, **Марсу**.

Из анализа авторства *Вед* и посвящений явствует, что четыре сборника связаны со всеми семью основными планетами. Символические авторы и адресаты посвящений сопрягаются в соответствии с мифологическими родословиями богов: Месяц (отец Меркурия) совершает посвящение Меркурию, *Сурья* (отец Сатурна) передает знание *Вишну* (сидерическому Сатурну) и т. п.. Кроме того, *Веды* привязываются к определенным сторонам

света. Так, *Махабхарата* подчеркивает, что *Яджур-веда* была сообщена *Сурьей Яджнавалкье* в Восточной стороне (т. е. во время полнолуния). Но она также связана с *Ямой* и, очевидно, имеет отношение к Южной стороне, где *Сурья* (полная луна) утрачивает свою силу (третья четверть). Другие *Веды* также соотносятся традицией с разными сторонами света. Эти устанавливаемые самими ведийскими текстами соответствия дают некоторое основание связать четыре *Веды* с новолунием, первой четвертью, полнолунием и последней четвертью синодического месяца, а также с четырьмя порами года.

Видимо, не случайно *Яджур-веда*, связанная с Южной стороной и спадающим Месяцем, и *Атхарва-веда*, связанная с новолунием, смертью Месяца, и звездной ночью, содержат полный список лунных созвездий. Не случайно и то, что «*Атхарва-веда*» посвящается Меркурию. Как известно, эта планета находится ближе всех к солнцу и долгое время в соединении с ним, а новолуние как раз и представляет собой время соединения Месяца с Солнцем. Можно отметить также и то, что *Атхарва-веда* иногда исключается из списка *Вед*, будучи наиболее «темной», а иногда провозглашается главной и первой, потому что она соотнесена со звездной безлунной Ночью.

Любопытно, что вторым названием *Атхарва-веды* является *Брахма-веда* (так называлась одна из девяти редакций, *шакха*, «*Атхарва-веды*», ныне утерянная), т. е. *веда* главного жреца, *брахмана*, главная или первая *веда*, предназначенная для двух «жрецов» *Атхарвана* («Зарева», «Взрыва», воплощения *Бхригу*, «Блеска», Венеры) и *Ангираса* (Месяца) и исполнявшаяся при создании *Брахмой* изначальных «вод», т. е. небес. («*Набхаса*» означает «небеса», небесный свет, а также «воду»). Недаром ее единственная «*грихья-сутра*» (предписания для «домашних» обрядов) приписывается *Каушике*, т. е. *Вишвамित्रе*, который связан с новолунием и растущим Месяцем. При этом гимны «*атхарваны*» считаются добрыми заклинаниями, предназначенными для врачевания *дэвов*, в первую очередь, *Агни*, служителем которого считается «жрец» *Атхарван*. А гимны «*ангирасы*» – злыми, причиняющими вред или привораживающими женщин... Все гимны «*Атхарва-веды*» предназначаются для «домашних обрядов», видимо, потому что

новолуние называется «домом» *Агни* или Месяца. Гимны других *Вед* предназначаются для исполнения в торжественных обрядах. Согласно традиции, отраженной в *Атхарва-веде*, *Риг-*, *Яджур-* и *Сама-веда* развились из *Брахма-веды*.

Понятным становится и то, что *Сама-веда* и *Яджур-веда* очень тесно связаны с *Риг-ведой*, ибо все они вместе сопряжены с тремя четвертями светлой части синодического месяца. *Сама-веда* представляет собой своеобразную квинтэссенцию *Риг-веды*, как бы кульминацию некоего праздника света, например, светлой половины месяца. В *Яджур-веде* же примерно четверть всего текста (481 *мантра*) является общей с *Риг-ведой*.

Атхарва-веда же отличается от *Риг-веды* более всех других, хотя, однако, также содержит некоторое количество общих с *Риг-ведой* гимнов (некоторые песни ее первых 19 книг и почти все песни последней, 20-й книги).

Планеты Юпитер и Венера, которым посвящены *Риг-веда* и *Яджур-веда* соответственно, являются самыми яркими из малых планет, если исключить солнце и луну. Юпитер представляется наставником *дэвов*, светочей, отождествляемых с растущими фазами Месяца, а Венера именуется наставником *асуров*, противников *дэвов*, отождествляемых, скорее всего, со спадающими фазами. Не случайно, что *Яджур-веда* связана с Южной стороной. Как Юпитер, так и Венера важны для вычислений циклов лет, измеренных в синодических месяцах. Как 12-летний, так и 60-летний периоды Юпитера точнее, чем 8-летний период Венеры, откуда, очевидно, и проистекает большая святость Юпитера. *Риг-веда*, «наполненная» светом растущего Месяца и согласованная с периодами Юпитера (*Брихаспати*, *Брахмы*), окружена также большой святостью. А *Яджур-веда*, ассоциируемая с Южной стороной и темной половиной месяца, состоит наполовину из прозаических заклинаний, перемежающихся в Черной *Яджур-веде* (название само по себе красноречиво) с пояснениями для жрецов, представляется наиболее прозаичной и несколько скучноватой.

Сама-веда, связанная с полнолунием, – наиболее блистательна и вся переложена на музыку.

Все священные тексты организованы вокруг календарных чисел. Помимо ригведийских *мандал*, стопроцентно привязанных к месяцам и годам, можно указать на 108

упанишад и 108 *тантр*, которые «сгруппированы» вокруг положений 9 *грахов* или планет в 12 знаках зодиака или привязаны к 108 *падам* («шагам») эклиптики.

Число 18, лежащее в основе членения таких сочинений, как *Махабхарата*, *пураны*, *Рудра-тантры* и др., может иметь отношение к 18-летнему или трехлетнему кругу затмений (36 месяцев = 18 *риту*, времен года по два месяца).

Число 64 (число *Бхайрава-тантр*, а также количество искусств и ремесел) указывает на связь с месяцем и 64-мя фазами Луны.

Число 20 (количество глав *Атхарва-веды*) напоминает о возможности деления года на 20 месяцев по 18 дней (это вполне было возможно в ведийском календаре и определенно использовалось американскими индейцами майя).

Взаимосвязь ведийских текстов очевидна. Традиционный ведийский метод воззрения на этот комплекс литературы подчеркивает логическое единство всех текстов. Однако, метод, сложившийся в современной индологии, покоится на представлении, что этот обширный массив литературы был создан независимыми школами и сектами в течение очень длительного исторического времени, что серьезно препятствует тому, чтобы уловить присущий ему внутренний замысел.

Установив с математической точностью когерентность частей *Риг-веды* (см. гл. о мантро-зодиакальном коде) и учитывая «календарные» классификации других ведийских, пуранических и тантрических текстов, не трудно сделать вывод о том, что они все строятся вокруг той же астрономической схемы, образуя соотнесенные друг с другом суточные, месячные годовые или многолетние циклы.

В поисках наиболее удачной метафоры, объясняющей внутреннюю природу ведийской литературы, я обратился к современному понятию *гипертекста*.

Как известно, в современную эпоху предпосылки создания этой концепции восходят к 1945 г., когда **Ванневар Буш** написал о своем видении *мемекса* (memex), компьютера размером с небольшой стол, который мог бы обеспечить пользователям доступ к растущей библиотеке научной литературы. Мемекс должен был сочетать в себе микрофильм и механические устройства, предназначенные для связывания огромного

количества информации. Это видение вдохновило исследователей в области гипермедиа.

Основателем учения о гипертексте явился **Тед Нельсон**, который предложил этот термин в 60-ых годах. Идея Нельсона заключалась в том, чтобы пользователи компьютеров могли бы рассматривать текст и изображения, связанные тематически, нелинейным способом. Он настаивал на том, что интерфейсы компьютеров должны быть подчинены познавательным потребностям людей и должны предоставить пользователям управление принятием решений. Как он выражался, «мое испытанное старое определение гипертекста следующее: это – нелинейный текст, в котором пользователю можно перемещаться свободно...»¹⁵².

Как в области гипермедиа и гипертекста основными вехами являются мемекс, система редактирования гипертекста (система автоматизированного рабочего места, разработанная Тедом Нельсоном), NLS/Augment (первая, но чрезвычайно сложная гипертекстовая система, разработанная Дуком Энкельбартом в 60-ых годах, проект Ксанаду (проект гипертекста Нельсона), так и в области ведийской хрономифологии, разработанной много тысячелетий назад, есть свои вехи, такие как

- ✓ техника запоминания внушительных по объему священных писаний наизусть;
- ✓ анонимная коллективная редакционная работа академий высоко обученных брахманов, полностью понимающих и чтящих традиции своей школы (*гопра*), своей специальности или «отрасли» (*шакха*) и своего направления (*сампрадая*);
- ✓ академии и ассамблеи (*паришад*), где выверялись процедуры рецитации и интерпретации *Вед*;
- ✓ строго разработанный в литературе *кальпа-сутр* ведийский обряд (*яджна, саттра* и пр.), позволявший опереть ведийскую рецитацию не только на вербальную и образную память, но также и на моторную память, закрепленную с помощью ритуальных действий;
- ✓ система мифолого-астрономической иконографии;

¹⁵² HyperAge, 1988.

- ✓ техника изготовления математико-астрономических алтарей и их расчета с помощью геометрии *шувласутр*;
- ✓ система органически взаимосвязанных экзегетических наук
- ✓ включающих:
 1. точную троичную фонологию;
 2. алгебраическую синтетическую грамматику;
 3. алгебраическую двоичную метрику;
 4. символический язык (*пратик-бхаша*) и поэтику скрытого смысла (*аланкара, вакрокти, раса, дхвани*) и абсолютной гармонии (*аучитья*);
 5. лексикографию и космоэтимологию;
 6. астрономический ритуал и
 7. математическую астрономию; а также
 8. ритуальную музыку;
 9. ритуальное театральное действо и
 10. мифопоззию литературы *кавий* и *махакавий*;
 11. *циклическую пураническую мифологию календарного хронокосмоса* (состоявшую из описаний сотворения, разрушения и повторного сотворения лунного и «солнечного» родов светил) и даже
 12. *энциклопедическую этику*, основанную на принципах, сообразующихся с возрастом, темпераментом, профессиональным занятием адепта, и помогающую ему легко и глубоко овладеть совокупностью текстов различной тематики и научиться их использовать в рамках строго очерченной традиции и ритуала.

Энигматические синкретические тексты *санхит* объяснены в логически связанных с ними экзегетических текстах: *брахманах* и *упанишадах* (первые могут рассматриваться как своего рода астрономико-литургические комментарии, а вторые – как, преимущественно, психофизиологические); *ведангах* и *упаведах*, *сутрах* и *шастрах*, *итихасах* и *пуранах*, *агамах* и *тантрах*.

Пураны, *итихасы* и *кавыи* (поэмы) представляют собой хрономифологические тексты, объясняющие мифы, лишь упомянутые в *Ведах*.

Сутры, давая краткий свод «кусков» логически упорядоченной научной информации, имеют связи с *шастрами* (этико-правовыми трактатами), *даршанами* (специальными философскими дисциплинами, такими как эпистемология, онтология, физика, психология, логика, текстология, этика) и *бхашьями* (комментариями) различных уровней. Их целью является более адекватное и все более детальное разъяснение различных терминов и концепций, упоминающихся в *санхитах*.

Изучающий *Веды* (еще в раннем детстве) получает первоначально короткую *мантру*, полную загадок. Размышляя над различными аспектами афоризма, он постепенно втягивается в изучение целого ряда экзегетических дисциплин. Каждое слово, будь это мифологический персонаж или технический термин, имеет набор все более сложных определений. Информация подается в строго измеренных кусках: *мантрах*, *кариках*, *шлоках*, *падах* и т. д..

Автор, обученный специальной авторской системе, называемой *кави-шикши* («обучение мудреца-поэта»), может использовать текст любого санскритского или другого источника, чтобы создать новый санскритский гипертекстовый документ, т. е. документ тысячами ссылок сопряженный с предшествующей традицией и намекающий на смежные пласты знания.

Ведийское знание хорошо организовано вокруг *веда-санхит* в соответствии с процедурами *самаса* (*слитное чтение*) и *вьяса* (*раздельное, составное*), классифицировано и связано со вспомогательными информационными блоками. Тексты часто даются в кратком изложении и дополняются индексами, оглавлениями (*анукрамани*) и перекрестными ссылками.

Концепция *биджи* («зерна» или минимального кусочка информации) подталкивала авторов разумно планировать количество и виды связей в ведийских документах.

Хороший указатель обеспечивал читателей путеводителем по ведийскому документу, а система символического авторства, классификации текстов и посвящения их различным божествам организовывала тексты в группы и разряды. Это само по себе уже выделяет санскритские тексты из массива всей остальной мировой литературы. Но не следует забывать и то, что, как правило, эти тексты существовали в устной традиции, которая и

объясняет наличие такого подробно разработанного «технического» аппарата запоминания. Действительно, и сейчас есть люди, запоминаящие до 25 томов по 500 страниц (например, весь буддийский канон).

Подобно тому, как в современном гипертекстовом документе изображения, графический интерфейс с различными символами позволяют запускать и управлять показом информации, так точно в ведийском документе целый ряд загадок, каламбуров, религиозно-астрономических метафор, упоминающих определенные реалии или имена богов в связи с загадочными эпизодами или подвигами, отсылает «читателя» за пояснениями к другим текстам.

При обычном линейном чтении использование ссылок иногда представляет собой достаточно громоздкий процесс. Сталкиваясь с непонятным словом, мы обращаемся в конец книги или к другой книге, скажем, к энциклопедии. Но в системе образования, основанной на заучивании на память множества текстов и указателей к ним, процесс уточнения того или иного понятия или прояснения того или иного места с помощью другого текста осуществляется еще быстрее, чем в компьютере. Компьютер в этой связи никогда не сможет стать надежнее и быстрее человеческой памяти, соответствующим образом тренированной. Он может быть лишь подспорьем. Хотя, в известном отношении, а именно, как глобальная справочная система необязательной для запоминания информации, компьютер имеет неоспоримое преимущество. Ввиду легкости установления перекрестных ссылок, любой человек может пользоваться ресурсами сети, превращающейся в центральное хранилище информации фактически любой тематики, связывающей документы, которые могут физически запасаться в разных местах по всему миру.

В отличие от Всемирной Паутины, в которой нет «вершины», и на которую можно смотреть из-под разных углов зрения, ведийские тексты строго стратифицированы и дифференцированы по смыслу и тематике. Они также распределены между разными ведийскими школами, очевидно, функционально, и требуют, тем самым, глобального согласования, которое теперь становится возможным благодаря компьютеру.

Все это дает основание говорить о ведийской хроно-мифопоэтике как о своеобразной календарной гипертекстовой модели, намного тысячелетий предвосхитившей современное учение о гипертексте. Ведийские тексты, рассматриваемые обычно в качестве филологических сочинений, могут представлять в действительности, совсем не фигурально, своего рода хронометрическое программное обеспечение, разработанное для человеческого мозга как био-процессора, осуществляющее непрерывное синхронное слежение за астрономическими явлениями. При этом человеческий био-компьютер использует прямой электрический ток, что обеспечивает более гибкое и надежное функционирование человеческой памяти.

Отсюда – важность анализа человеческого мозга как био-процессора и его контроля с помощью методики, называемой *свадхья* (заучивания на память и повторения про себя) ведийских хроно-поэтических текстов. На это же указывают и современные попытки проектировать компьютеры с взаимозаменяемыми ячейками, напоминающими нейроны, и квантовые процессоры.

Известно, что знатоки *Вед* часто очень одарены в вычислениях и обладают экстраординарной памятью и другими превосходными способностями. Тексты йоги дают подробные перечисления таких способностей. Не лишено любопытства то обстоятельство, что они включают в свои списки также и длительные наблюдения, способность правильного астрономического предсказания и астрономическую интуицию (см. «*Йога-сутра*»; «*Виджняна-бхайрава*» и др.).

Наши постулаты следующие:

- ❖ истинное измерение ведийского хронокосмоса раскрывается в цифровой хроно-мифопоэтике;
- ❖ взаимозависимые ведийские тексты ждут современных гипертекстовых мультимедийных компьютерных программ для наиболее правильного представления (намеком может служить сайт **Джона Р. Гарднера** из Университета штата Айовы – <http://www.vedavid.org>);
- ❖ ведийские боги – символы времени, изобретенные как визуальные иконки или умственные манки для целей

обряда устной хронометрии (например, «*Риг-веда*» VIII. 29.1-2 говорит, что *Вишунах*, т. е. день равноденствия, сидит в центре среди *дэвов*, откуда становится совершенно ясно, что *дэвы* – это персонификации лунных дней или фаз);

- ❖ лунные боги (*Чандра, Агни, Индра, Сома, Савитар, Рудра* и другие) формируют ядро вычислений времени в хроно-мифологической поэтике;
- ❖ другие планетные боги формируют пространственное окружение, делающее эту хронопоэтику более точной и выразительной;
- ❖ ночное небо (особенно зимой) с Лунным Зодиаком, составленным из 27-28 *накшатр* и 27-28 *упанакшатр*, играет ведущую роль мощнейшего «сервера» во вселенской информационной сети с Небом как грандиозным «дисплеем» и Человеком как «интерфейсом»;
- ❖ наиболее адекватным представлением ведийского космоса была бы современная мультимедийная астрономическая лаборатория, в которой вместо геометрических символов планет и созвездий были бы использованы иконографические изображения индийских богов, динамично меняющиеся в соответствии с движением планет и связанные гипертекстом с мифологическими эпизодами, представленными мультипликацией, озвученными *брахманами*, исполняющими гимны в правильном ритме, и насыщенными графикой, изображающей роскошный ночной ритуал и все красоты и «чудеса» подлунного мира.

Установление стратификации этих текстов, осмысление их значения и анализ содержания должны подчиняться реконструированной астрономико-хронометрической согласовательной схемы. Иначе это достояние человечества, окончательно погибнет, так и не будучи осмыслено. Этой схемой может быть та, которую мы наметили в данной работе.

В свете наших математико-статистических, математико-вероятностных и компьютерно-комбинаторных вычислений, обнаруживших чрезвычайную точность совпадений сотен

ведийских чисел и их комбинаций с астрономическими календарными постоянными, стало ясно, что прежние оценки и интерпретации ведийской литературы, опиравшиеся, главным образом, на исторические и филологические методы, значительно устарели и должны быть коренным образом пересмотрены.

В свете изложенной теории необходимо принципиально иное представление ведийского материала, выявляющее его когерентное строение, динамичное функционирование во времени, логическую интеграцию с календарем и со всей остальной санскритской литературой.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ИНДОЛОГИЯ И ВЕДОЛОГИЯ.....	28
Западная индология	28
<i>Британский колониализм</i>	
<i>в Индии.....</i>	<i>36</i>
<i>Неугодные «дальние</i>	
<i>родственники».....</i>	<i>45</i>
<i>Крестоносцы-индологи.....</i>	<i>47</i>
<i>Христианские санскритологи и ведологи.....</i>	<i>54</i>
Возрождение Индии.....	68
.....	70
<i>Свами Вивекананда.....</i>	<i>71</i>
<i>Даянанда Сарасвати</i>	
<i>(1824–1883).....</i>	<i>73</i>
<i>Махатма Ганди.....</i>	<i>73</i>
<i>Ауробиндо Гхош.....</i>	<i>74</i>
<i>Н. С. Раджарам.....</i>	<i>74</i>
<i>Современные глашатаи индуизма.....</i>	<i>76</i>
<i>Возрождение интереса к</i>	
<i>древней ведологии.....</i>	<i>77</i>
Русская индология.....	79
<i>Лев Толстой</i>	<i>81</i>
<i>Елена П. Блаватская.....</i>	<i>85</i>
<i>Русские и советские санскритологи.....</i>	<i>86</i>
<i>Узкие места советской</i>	
<i>санскритологии.....</i>	<i>91</i>
Зарождение санскритологии в Беларуси.....	95
<i>Мое духовное паломничество</i>	
<i>в древнюю Индию.....</i>	<i>96</i>
ВЕДИЙСКАЯ ДЕРЖАВА	
В ДРЕВНОСТИ.....	106
Место создания Риг-веды.....	106
Ареал распространения	
ведийской культуры.....	127

<u>ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ИСТОЛКОВАНИЯ ВЕД.....</u>	<u>144</u>
<u>Яджника или ритуалистическое</u> <u>истолкование.....</u>	<u>144</u>
<u>Айтихасика или</u> <u>мифолого-историческое</u> <u>истолкование.....</u>	<u>145</u>
<u>Адхйатмика или</u> <u>философское истолкование.....</u>	<u>147</u>
<u>Джаутиша пурваджника</u> <u>(астрономическое древнеобрядовое)</u> <u>календарное истолкование.....</u>	<u>153</u>
<u>НОВАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ВЕД.....</u>	<u>160</u>
<u>Ведийский символизм и коды.....</u>	<u>165</u>
<u>Ведийская точная наука.....</u>	<u>171</u>
<u>Характер ведийской</u> <u>математики.....</u>	<u>181</u>
<u>Ведийская модель измерения</u> <u>пространства и времени.....</u>	<u>188</u>
<u>Веданги, «члены Ведь», –</u> <u>ключи к тайнам хронокомпьютера.....</u>	<u>211</u>
<u>Джйотиша или наука</u> <u>о светилах.....</u>	<u>213</u>
<u>Вьякарана или аналитика</u> <u>ведийской речи.....</u>	<u>244</u>
<u>Чхандах-шастра – наука</u> <u>метрики и кодирования.....</u>	<u>246</u>
<u>Шикша или фонетика</u> <u>как фоно-хронометрия.....</u>	<u>251</u>
<u>Нирукта или астромифозтимология.....</u>	<u>254</u>
<u>Кальпа или календарное</u> <u>хронопрограммирование.....</u>	<u>257</u>
<u>Даршаны – подсистемы</u> <u>ведийского мировоззрения.....</u>	<u>285</u>
<u>Ведийская глобальная</u> <u>философия.....</u>	<u>285</u>
<u>Ведийские науки и образование.....</u>	<u>287</u>
<u>Миманса или ведийская</u> <u>герменевтика и программирование.....</u>	<u>290</u>
<u>Веданта или космическая этика.....</u>	<u>294</u>

<u>Санхья –</u>	
<u>психо-физиология мироздания.....</u>	<u>306</u>
<u>Йога – психология</u>	
<u>и парапсихология.....</u>	<u>310</u>
<u>Ньяя – теория познания.</u>	
<u>логика и диалектика.....</u>	<u>314</u>
<u>Вайшешика – физика</u>	
<u>и метафизика.....</u>	<u>316</u>
<u>Настика – неведийские системы.....</u>	<u>317</u>
<u>От «часов для счёта» к КОМПЬЮТЕРУ.....</u>	<u>319</u>
<u>Цифровой и аналоговый</u>	
<u>компьютеры.....</u>	<u>322</u>
<u>Язык программирования</u>	
<u>в информатике</u>	<u>324</u>
<u>Криптография.....</u>	<u>326</u>
<u>Санскрит как искусственный</u>	
<u>язык программирования.....</u>	<u>327</u>
<u>ВЕДЫ КАК МНЕМОНИЧЕСКИЙ АНАЛОГО-ЦИФРОВОЙ ХРОНО-КОМПЬЮТЕР.....</u>	<u>331</u>
<u>Ведийский гипертекст</u>	
<u>и мифо-хроно-поэтика.....</u>	<u>333</u>

Научное издание

**Михайлов Михаил Иванович и
Михайлова Наталья Степановна**

Ключ к Ведам:

Часть первая.

Интегральная герменевтика.

Минск – Вильнюс – Санкт-Петербург, 2004. – 328 с.

Издание подготовлено М. И. Михайловым

Печатается в авторской редакции

ISBN 5-94716-064-1 (том 1)

ISBN 9955-437-09-X

Подписано к печати 26.03.04.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman Cyr,
Times_CSX+.

Усл. печ. л. 14,7.

Тираж 300 экз.

Заказы и отклики на книгу присылайте по
e-mail: mi hail@mogilev.by

О других наших проектах читайте на веб-странице:
<http://kshemendra.bravepages.com>

Публичная установа «Беларускі Інфармацыйны Центр».

Издательство ООО «Невский Простор»

194100 г. Санкт-Петербург, пр. М. Тореза, 6.

Лицензия ИД № 05720 от 30 августа 2001 г.